

**ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТА СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Выпуск 15

**Под редакцией Козлова В.В., Карпова А.В.,
Мазилова В.А., Петренко В.Ф.**

Москва, Ярославль, 2022

ББК 88.4 + 53.57
УДК 159.99

Методология современной психологии. Вып. 15 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2022 – 356 с.

Сборник статей, посвящённый 85-летию Антонио Менегетти, представляет обзор теоретических работ по методологии психологии.

Сборник адресован психологам, студентам, аспирантам, преподавателям факультетов психологии вузов, специалистам в области психологической работы с населением.

ISSN 1234-1234

© Козлов В.В. 2022

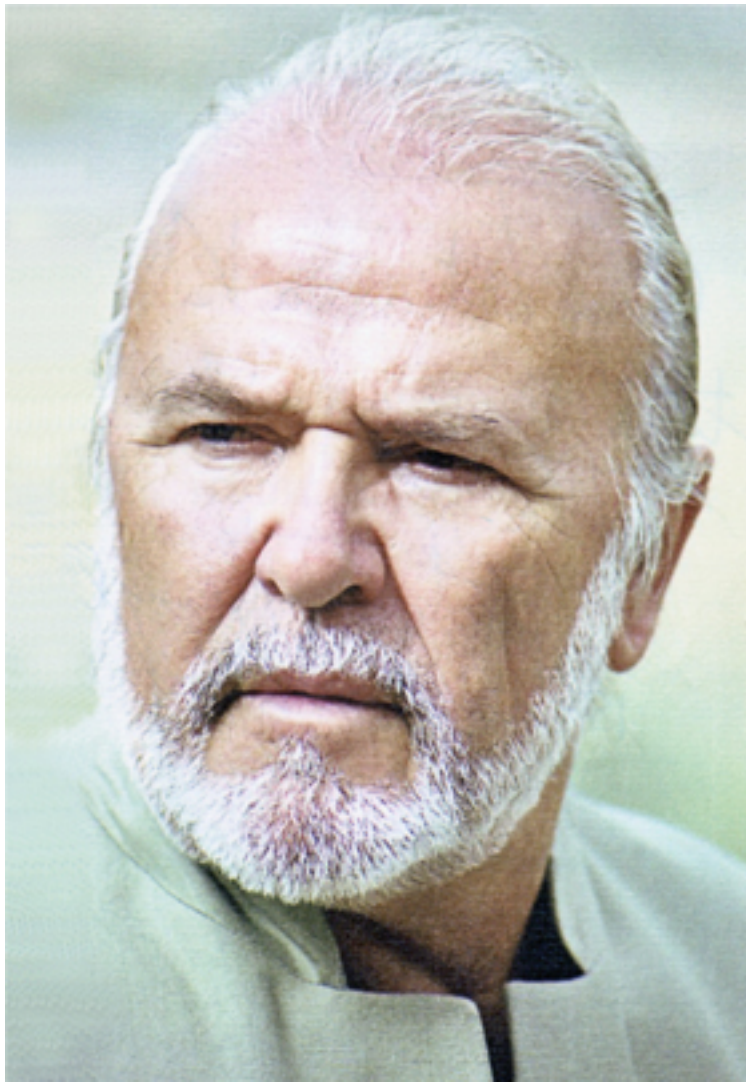
Оглавление

Козлов В.В., Токарев Я.В.....	6
К 85-ЛЕТИЮ АНТОНИО МЕНЕГЕТТИ - РЕАЛИЗОВАННОГО МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ	6
Абу-Талеб Д.В.....	22
РОЛЬ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА.....	22
В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	22
Азизова А.Ш.	34
ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕСУРСНОСТИ МЫШЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛА И ВЫБОРА ТИПА РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ.....	34
Берберян А.С.....	50
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	50
Богданова В.Л.	58
ЯЗЫКИ СОЗНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ	58
РАЗВИТИЯ ПРЕАДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА.....	58
Власов Н.А.	77
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТЕРАПИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА	77
Иванов Р.С.	84
ПРОФАЙЛИНГ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ.....	84
Карпов А. А.....	98
К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ ОБОБЩАЮЩЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ (ПВК).....	98
Карпов А.В.	113
МЕТОДОЛОГИЯ МЕТАСИСТЕМНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА.....	113
Кашапов М.М., Ушакова Н.Е.....	126
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТНО - ОРИЕНТИРОВАННЫХ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ЯРОСЛАВСКОГО УЧИЛИЩА ОЛИМПИЙСКОГО РЕЗЕРВА ПО ХОККЕЮ	126
Кашапов А.С., Кукушкина Т.А., Пенькова Г.А.	135
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАТФОРМ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ.....	135
Кашапов М.М.....	157
РЕСУРСНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТА.....	157
Клейберг Ю. А.....	170

ЭДОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ.....	170
Козлов В.В.....	176
СОЗНАНИЕ: ИНТЕГРАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	176
Корнеенков С.С.....	189
МЕДИТАТИВНАЯ САМОДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ И ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ.....	189
Корнеенков С.С., Симоненко Ю.С.....	203
БОЕВОЕ ИСКУССТВО: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ,.....	203
ВИДЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	203
Коровина В.В.	212
СОЦИАЛЬНАЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	212
Мазилов В.А.	224
СУДЬБА НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ В XXI СТОЛЕТИИ: ВРЕМЯ И БРЕМЯ ВЫБОРА	224
Нагдян Р.М.....	238
ПОРОЖДЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО -	238
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ	238
Рожкин А.В.	245
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ В ПРЕДПЕНСИОННОМ ВОЗРАСТЕ. МЕСТО ИНТЕГРАТИВНОЙ АРТТЕРАПИИ.....	245
Санина М.В.	260
ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА СКЛОННОСТЬ К ИНВОЛЮЦИИ МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ, СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ СТРУКТУР ЛИЧНОСТИ И СКЛОННОСТИ К БРОДЯЖНИЧЕСТВУ	260
Силанов О.А.....	267
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОНТОПСИХОЛОГИИ.....	267
Симонов П.А.....	295
ОТ ПОСТМОДЕРНА К МЕТАМОДЕРНУ: КРИЗИС КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ПОИСКА НОВЫХ СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ	295
Слепко Ю.Н.....	305
УРОВНЕВЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	305
Степанов О.Г., Куличков В.И., Панова Н.В.....	310
IX КРУГ ЖИЗНИ. АБЬЮЗ. «ТРУДНО ОСТАВАТЬСЯ ХОРОШИМ». РОЛЬ ПРОЦЕССОВ КАСАНИЯ И ПРИСОЕДИНЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКИХ И ПАТОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В ЛИЧНОСТНОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ.....	310
Степанчук Н. Н.	320

ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА «ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ»:	320
ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РАБОТЕ С ПЕРСОНАЛОМ	320
Фаерман М.И.	327
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА В УСЛОВИЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ.	327
РЕФЛЕКСИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПСИХОЛОГА	327
Шингаев С.М.	332
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА	332
Якимчук Д. Ю.	339
ЭЛЕГАНТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – MYSTERIUM TRIMENDUM.....	339
Янсон Д.В.	343
ПРАКТИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОХУТА И КЕРНБЕРГА: ФЕНОМЕН НАРЦИССИЗМА	343
К юбилею Анатолия Афанасьевича Калюжного	354
Список авторов	357

Козлов В.В., Токарев Я.В
К 85-ЛЕТИЮ АНТОНИО МЕНЕГЕТТИ -
РЕАЛИЗОВАННОГО МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

В этом году исполнилось 85 лет со дня рождения Антонио Менегетти.

Итальянский философ и художник, основатель онтопсихологической школы и современного художественного направления ОнтоАрт, родился 9 марта 1936 года в Абруццо, Италия. В возрасте 11 лет его отдают учиться в Римско-Католическую Церковь, где Менегетти получает монашеское и священническое образование. Этот период жизни Менегетти вспоминает с особым трепетом и теплотой. Позже он отметит, что именно опыт священнослужителя воспитал в нем все самое лучшее и оказался незаменимым для его дальнейших научных изысканий.

Будучи подростком и участь в семинарии (с 12 до 30 лет), он проводит много времени в зданиях, где стены, потолки и малейшие детали представляют собой великое искусство, оставленное человечеству такими личностями как Микеланджело, Джотто, Рафаэль, Чимабуэ и многими другими. Это заставляет его проявить интерес к искусству, что побуждает в свободное от учебы время бывать в старинных ремесленных мастерских.

Становясь старше, он начинает служить приходским священником, исповедовать. Он содержит больную мать с восемью несовершеннолетними

братьями и сестрами, но вместе с тем постоянно задается экзистенциальными вопросами, ищет свой путь.

Этот путь в дальнейшем приведет его к знакомству с В. Франклом, Ж. Лаканом, К. Роджерсом, Р. Мэем, но пока темнота сегодняшней реальности вызывает в нем беспокойство.

Среди всех этих экзистенциальных переживаний, непонимания собственного предназначения, Менегетти настойчиво продолжает оттачивать свои глубочайшие познания в различных областях - от физики и математики до философии и теологии. Ему еще предстоит защитить свой докторат по теологии при Папском Латеранском Университете в Риме; два при Папском Университете Святого Фомы Аквинского в Риме - по философии и по социальным наукам; диплом о высшем образовании по философии в Миланском католическом университете Сакра Куоре, а также диплом библиотекаря в Ватикане, который откроет ему доступ к старейшим трудам, для ознакомления с которыми придется выучить латынь, древнегреческий и арамейский.

В 1954 году в свет выходит посмертное издание докладов Эдмунда Гуссерля, прочитанных им в Вене в 1935-36 гг. Этот материал глубоко затронул Менегетти. Гуссерль говорил о коренном обновлении философии, о необходимости свершения эпохи. Гуссерль не выступал против науки, более того, в зарождавшейся психологии он видел эпистемическую науку, способную заново обосновать и привести к аутентичности само понятие научности.

В 60-е годы Антонио Менегетти вступает на стезю пасторского служения, где в полном объеме соприкасается с экзистенциальными проблемами человека. Тогда он еще не называл это так, но, по сути, это становится ежедневной, самой что ни на есть психотерапией. Он страдает, так как не может понять, как помочь человеку излечить его душевные раны, ведь «если Господь сотворил человека, Он не мог ошибиться». Эти и многие другие мысли толкают его на более глубокие поиски решения этой проблемы, ведь на повестке дня стоит беспокойство и по поводу собственной жизни.

Так вспоминал Менегетти: «...Онтопсихология так же спасла и меня. Я уже был серьезным экспертом в области теологии и философии; я был тем, кто знал священные тексты, жил внутри Святой Матери Церкви и знал все возможные формулировки души и бытия, существовавшие в мире, но они не давали мне ответа. Я верил, но не знал».

Бессознательное, открытое университетским коллегой и другом Гуссерля Зигмундом Фрейдом, стало основополагающей отправной точкой в психологии. Однако следовало идти дальше Фрейда, Адлера, Юнга, чьи исследования излишне фокусировались на болезни. Новое направление в психологических исследованиях, заданное экзистенциализмом, предлагало новое прочтение отношений терапевт-клиент (который перестал быть пациентом) и утверждало, что именно в бессознательном таятся лучшие качества человеческого существа. А значит, человек может найти дорогу к подлинной самореализации в существовании.

Католическая церковь также не осталась в стороне от всеобщего кризиса (который захлестнул ее в полной мере, отразившись на духовном призвании) и начала внутренний поиск характера связи с гражданским миром - это было время II Ватиканского собора (1962-1965 гг.). Собор задал мощный стимул: открытость Церкви позволяла лучшим интеллектуальным силам превзойти старые схемы в поисках открытой встречи с миром. Среди главных действующих лиц такие выдающиеся теологи, как Карл Ранер.

Антонио Менегетти активно действует в этом направлении: полученные им в лоне Церкви опыт и образование дают возможность смотреть на душу в более широком духовном смысле в отличие от других исследователей с исключительно академическим медицинским образованием. Несмотря на это, Менегетти чувствует необходимость интегрировать свои и без того обширные знания с практическим опытом и мирским образованием. Полный решимости расширить свое видение, он распределяет время между служением и обучением, которое оплачивает самостоятельно. Антонио Менегетти изучает и сопоставляет различные теоретические подходы и позиции современной психологии и психиатрии. Ему интересно знать, как они отвечают на проблемы, затронутые Гуссерлем, экзистенциалистами и такими психиатрами, как Карл Ясперс и Людвиг Бинсвангер, чьи исследования граничили с философией. Наибольшее впечатление на Менегетти произвел терапевтический и философский подход Виктора Франкла: в ходе личной встречи с основателем логотерапии в Вене он углубляет аспекты, связанные с языком бессознательного и личной ответственностью клиента.

Он также посещает английский Тависток, знакомится с Лаканом, восхищается ими, изучает все школы, существовавшие на тот период в психологии; посещает места, где жили и работали Фрейд, Адлер, знакомится с их учениками. В 1968 учится в институте Юнга в Швейцарии, но в результате все эти познания так и не дают точного, простого, практического инструмента как излечить.

В своих первых философских очерках Антонио Менегетти интуитивно улавливает, что проблема связана не с человеком как таковым, а в какой-то степени с аспектом рациональности и ее применения. Действительно, в какую бы форму не облеклась идеологическая позиция – в форму моды, философского учения или политического мировоззрения, – она не должна восприниматься в качестве абсолюта.

К моменту окончания работы II Ватиканского собора А. Менегетти завершает обучение, и его приглашает преподавать одна из структур, реформированная именно благодаря соборной работе – Папский Университет Св. Фомы Аквинского в Риме. Менегетти обладает уже достаточным опытом и авторитетом внутри Церкви и преподает курсы «Основы пасторской психологии», «Клиентцентрированная терапия Роджерса» и «Онтопсихология человека». Однако тогда это была еще не клиническая онтопсихология, а скорее интуитивная, философская онтопсихология.

Термин онтопсихология был предложен на Парижской конференции в 1956 году американским психологом Энтони Сутичем, как название для перспективной области психологии, объединяющей идеи гуманистической психологии и экзистенциализма.

Как поясняет позже Менегетти: «Когда я начал заниматься клинической практикой, я назвал это онтопсихологией. Очевидным было то, что необходимо рассматривать человека целостно с бытием. И только потом я узнал, что другие тоже говорили о необходимости онтопсихологии в психологии».

В начале 70-х Менегетти с уважением и любовью оставляет Католическую Церковь, чтобы вести собственную независимую исследовательскую работу в полной автономии от институтов и академий для доказательства валидности теорий, которым он обучал. В 1970 году он начинает вести собственную экспериментальную психотерапевтическую деятельность, в результате которой 15 ноября 72 года официально был открыт первый Центр онтопсихологической терапии в Риме.

В 1973 году Антонио Менегетти также оставляет и преподавательскую деятельность в Римском Католическом Университете и организует первый конгресс по онтопсихологии. Им уже были собраны многочисленные материалы лекций по онтопсихологии, которые он читал в университете Св.Фомы Аквинского. В них были изложены философские взгляды на человека и его бытие в мире. Все последующие годы Менегетти будет проверять каждый свой тезис с помощью соответствующих методик и клинических практик, представляя результаты работы как в публикациях, так и на различных конференциях и конгрессах вплоть до 1991 года.

Как отмечает Антонио Менегетти: «Онтопсихология появляется на основе успеха в клинической сфере, а не из теорий». «Я брал самые отчаянные случаи. Ко мне приходили тогда, когда уже нельзя было ничего поделать».

В свободное время для восстановления собственных сил от изматывающих консультаций, где зачастую он работает с пациентами с самыми тяжелыми психическими расстройствами, которым не в силах помочь в государственных лечебных учреждениях (в том числе наркомания и шизофрения), Менегетти старается уделять много времени рисованию и музыке. Он изучает и копирует произведения художников Мурильо, Рафаэля, Микеланджело, Чимабуэ, группы Маккьяйоли, Коро, Ван Гога и школы Дзен. В музыке занимается григорианским хоралом и полифониями Л. Перози, Л. Рефиче, П.Д. Стелла, П.Б. Рицци.

В 1975 году Менегетти женится на Лоретте Лоренцини. В результате этого брака у них рождаются две дочери Сильвия и Аврора, которым впоследствии он посвятит книгу «Мудрец и искусство жизни».

Семидесятые годы вообще становятся достаточно насыщенными для Менегетти. В 1978 году ему 42 года, он учреждает неправительственную организацию - Международную ассоциацию онтопсихологии (МАО), которая в конце 90-х гг. получит специальный консультативный статус при

Экономическом и Социальном Совете ООН. Основывает первый экобиологический проект в мире – Лидзори, являвшийся в то время лишь останками романской архитектуры XII века местечка под названием Borgo San Benedetto.

Лидзори становится еще одной отдушиной в восстановлении собственных сил после тяжелой психотерапевтической деятельности. Это приводит Менегетти к пониманию о необходимости существования такого концепта как экобиологический центр и контакта с природой. Он погружается в глубокое изучение античной архитектуры. Именно здесь он начнет оттачивать такой инструмент как онтопсихологический резиденс аутентификации. Здесь впервые будут исполнены музыкальные произведения в стиле ОнтоАрт, здесь произойдет множество удивительных открытий. Здесь же Менегетти впервые предполагает возможность появления нового художественного направления ОнтоАрт и совместно с другими художниками данной школы организует первую выставку в Перудже в 1981 году. Все картины оказываются распроданными до начала выставки.

Лидзори - это эпоха онтопсихологической школы. Оно становится тем первым местом, где начинают собираться друзья, коллеги, их семьи, объединенные интересом к онтопсихологии, еще не предполагающие, что через несколько лет их и это место будут обвинять в организации секты и преступного сообщества.

80-е года ознаменовались двумя противоречивыми событиями; с одной стороны в 1980 году Президиум Совета министров Италии вручает Менегетти Премию за заслуги в области культуры, а с другой начинаются первые необоснованные нападки в адрес основателя онтопсихологической школы его недоброжелателями, упрекающими его в фальсификации ученых степеней. Однако Менегетти выигрывает иск против римского судьи Каппелли за «превышение должностных полномочий» в необоснованности обвинений, демонстрируя подлинность научных степеней. Но после этого Менегетти вновь привлекают к суду по обвинению в «организации преступного сообщества». Это тяжелое время станет большим жизненным опытом, который позволит понять ему многие вещи и ляжет в основу логики многих монографий Менегетти. Продержав около месяца в заключении, Менегетти выпускают, снимая какие-либо обвинения из-за отсутствия малейших доказательств, и он вновь выигрывает суд против второго судьи за опять-таки «превышение должностных полномочий».

В этот период Менегетти подводит черту под клинической практикой, так как к этому времени уже сформулировал основные принципы и идеи онтопсихологии и покидает Рим на долгие годы. Он отправляется в Лидзори, где продолжает совместно с друзьями восстанавливать на собственные средства развалины XII века и организует важный проект Школы-колледжа в Лидзори. В этой школе учились дети людей, которые работали в Лидзори.

В середине 80-х Менегетти проявляет интерес к миру моды и организует марку «Moda Antonio», а по истечении некоторого времени в 1986 году Менегетти из рук Маэстро Бриони получает премию Maître tailleur от

Федерации портных Италии. В этом же году Президент Международной академии современного искусства Фраческо де Бенедетта награждает его званием Почетного члена Академического совета академии современного искусства.

В 1987 Менегетти проводит вторую выставку своих художественных работ в Риме в Зале Протомотека Капитолия, и они вновь оказываются распроданными еще до открытия самой выставки. В этом же году, а затем и в 1989 Менегетти вновь удостоиваются Премий от Президиума Совета министров Италии. Он завершает проект Школы-колледжа, который продолжается уже в другом, новом месте под Римом в районе Скандрилии.

В дальнейшем развитие онтопсихологической школы и переход к другим задачам (от педагогики к вопросам социологии и лидерства) привело к логическому завершению данного проекта, опыт и разработки которого остаются методологической основой для реализации подобных проектов в сфере педагогики. По результатам этого эксперимента были написаны книги, публикации, проведены исследования и конгрессы.

Несмотря ни на что все это время Менегетти неустанно продолжает ежегодно проводить различные международные конгрессы по онтопсихологии, куда приглашаются ведущие ученые, такие как Ролло Мэй, Фрэнк Баррон, Жан Годэн и многие др., он продолжает издавать монографии по онтопсихологии, его приглашают с выступлениями на различные крупные конгрессы, а в 1988 году его впервые приглашают в Бразилию в федеральный университет города Санта-Мария.

Датой основания городка Реканто Маэстро принято считать 9 марта 1988 года. Именно в этот день и прошла та знаменательная лекция, после которой Менегетти вместе со своим другом и учеником еще из Университета Св.Фомы Аквинского Алесио Видором находят эту брошенную землю, которая спустя всего 20 лет превратится в географическую точку штата Риу-Гранди-ду-Сул и просто в райский уголок на планете Земля.

1989 год полон ярких и важных событий. В Национальном научно-техническом музее им. Леонардо да Винчи в Милане проходит третья выставка работ ОнтоАрт. Далее в Амстердаме происходит знакомство с Борисом Федоровичем Ломовым (первый декан психологического факультета ЛГУ, ныне СПбГУ). В дальнейшем именно Ломов выступит инициатором визитов Менегетти в СССР.

Менегетти уже был знаком с русскими учеными и восхищался их удивительным умом так непохожим на западный. В 1987 году он организует в Лидзори встречу США-Европа-СССР на тему креативности, где за одним столом выступает Ф. Баррон и А.М. Матюшкин (председатель Общества психологов СССР, директор НИИ ОПП АПН СССР, академик РАО). Баррон же в то время, как отмечает К. Роджерс, считался ведущим специалистом в области креативности в США и в мире.

Это была не последняя встреча Менегетти с Алексеем Михайловичем и Барроном. «Матюшкин превосходил всех остальных по уровню своего ума и культурной подготовки. Баррон не был знаком с великой гуманистической

психологией. Матюшкин же обладал прекрасным знанием трудов как Ананьева, так и Роджерса».

В то время как в Лидзори, благодаря Менегетти, американец и русский говорили о креативности, за пределами Лидзори Соединенные Штаты и СССР вели «холодную войну».

В следующем году Матюшкин и Баррон вновь посещают Лидзори организуя совместно с Менегетти I Летний Университет по онтопсихологии, а затем в августе Матюшкин выступает с докладом на XII Международном Конгрессе по онтопсихологии в Риме. Советский ученый заявляет: «Онтопсихологии удалось выстроить конструктивные отношения между психологами, врачами, психотерапевтами, архитекторами, педагогами, писателями и представителями других творческих профессий».

Но полноценный диалог с русской душой начался лишь после падения Берлинской стены в 1989 году. Менегетти впервые приглашают в СССР, в Москву, где он вновь встречается с Матюшкиным, а также многими другими деятелями советской науки. Затем Менегетти посещает Ленинград, где знакомится с еще одной ключевой фигурой в становлении онтопсихологии – Альбертом Александровичем Крыловым (декан психологического факультета ЛГУ). Менегетти читает лекции для аудитории из 700 специалистов. Именно профессор Крылов в 1998 году будет выступать с инициативой создания кафедры «Онтопсихологии» в стенах СПбГУ.

Было и множество других встреч и выступлений.

Россия и знакомство с русскими учеными подарит множество удивительных воспоминаний и самых незабываемых мгновений в его жизни. Она побудит его написать монографию «Образ и бессознательное». Он еще не раз вернется в СССР, а после и в голодную и растерзанную Россию 90-х.

Начиная с 90-х годов, Антонио Менегетти избирает стратегию изменений, как способ бытия не только своего личного, но и всего окружающего его контекста. Возможно, он интуитивно почувствовал, что мир, пребывавший в оцепенении на протяжении пятидесяти лет «холодной войны», теперь готов к большим преобразованиям.

Мир вступает в 90-е годы и сталкивается с реальностью глобализации. Мощный технологический прогресс усиливает ситуацию. В новом мире, где господствуют технологии, Менегетти вновь стремится пробудить внимание к фигуре Человека, личности в условиях постоянных преобразований. В 90-е годы онтопсихология превращается в международную науку.

1990 год начинается с приятного события. Во Дворце Валентини во время презентации новых монографий по онтопсихологии Сенат Италии вновь вручает Менегетти премию за вклад в культуру и науку с признанием «важности – для всего общества, а не только для науки в узком смысле слова, – того факта, что есть люди, которые со всей смелостью и рациональностью каждый день открывают новые пространства разума, исследуя человека».

В марте Ассоциация онтопсихологии организует встречу «Восток и Запад: возможно ли научное единство?», в которой принимают участие два

представителя японского научного сообщества: Кеичи Мицushima (президент Японской ассоциации гуманистической психологии при университете Бункио) и Нориюки Уеда (президент Японского института восточной культуры при Токийском университете).

В этом же году Менегетти принимает первую делегацию из Китайской народной республики, вручает Ролло Мэю почетный диплом онтопсихолога и члена Международной ассоциации онтопсихологии, а 6 июня по официальной просьбе А. А. Крылова и по согласованию с ректором Университета и мэром Ленинграда, едет в Ленинград, чтобы прочесть серию лекций о теоретических основах онтопсихологии.

Можно сказать, что с начала 90-х Менегетти заканчивает период онтопсихологии как части психологии и переносит ориентиры онтопсихологии на философию и социологию. Он понимает важность человеческих ресурсов в изменяющемся мире глобализации высокого технологического прогресса и начинает более активную работу в этом направлении. Он все еще продолжает выступать в различных научных кругах, демонстрируя эффективность онтопсихологического метода, активно путешествует по миру, но особую страсть испытывает к России. Он проводит ряд выставок в Италии и Бразилии, знакомится с Оскаром Нимейером, затем совместно с другими итальянскими учеными выступает с докладом на Психологическом факультете Римского Университета La Sapienza.

В 1992 году Менегетти получает Благодарность от философского факультета Папского Университета Св. Фомы Аквинского, а в 1993 вновь приезжает в Петербург и читает лекции по онтопсихологии в СПбГУ, на которых призывает «не рассматривать онтопсихологию как один из многих подходов к анализу человеческой патологии, но видеть в ней возможность глобального пересмотра критических способностей человеческого познания, представляющего собой необходимое средство, но никак не цель того процесса, который направлен на творческое развитие глубинного смысла, который, в любом случае, несет в себе каждый человек».

1994 год приносит еще одну награду от социальных институтов. В день своего рождения в зале Парламентских Групп в Риме Менегетти вручают почетную докторскую степень «Гонорис-Кауза» по физике от Нью-Йоркского университета Олбани за открытие семантического поля.

В 1995 году Менегетти организует уже 10-ую выставку художественных работ ОнтоАрт в здании Палаццо Дукале – визитной карточке Венеции. Позже уже в Бразилии пройдет XIV Международный Конгресс по онтопсихологии, на котором Менегетти впервые начнет обсуждать темы, связанные с бизнесом, постоянно подчеркивая, что понимается под словом «предприниматель»: «Онтопсихология подходит людям, которые занимают ответственные позиции в обществе, то есть руководителям, которые, предугадывая развитие событий, должны находить решения, функциональные для всех».

В этом году также начнутся плотные контакты Менегетти с китайским научным сообществом. В мае в Пекинском университете он проводит

пятидневный семинар по теме «Введение в онтопсихологию» для известных представителей научного сообщества Китая, а в октябре группой российских любителей ОнтоАрт организуется выставка в Галерее союза художников в Санкт-Петербурге. Затем в конце года он принимает участие в Конгрессе по кардиологии и психосоматике в Бразилии, начиная с которого вновь активизирует работу в Бразилии. В марте 1996 года он знакомится с президентом Бразилии Энрики Кардозу и в этом же месяце едет в Россию, чтобы основать Славянскую Ассоциацию Онтопсихологии.

В апреле А. Менегетти снова прибывает в Пекин с целью посещения крупнейшей клиники города – Пекинской больницы Тонгрена, где читает лекцию.

Затем 1997 год – это Первый Всемирный конгресс по онтопсихологии в Москве, собравший порядка 600 представителей науки, по итогам которого выходит монография «Этический критерий человека».

В мае 1998 в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге проходит международный семинар по ОнтоАрт под названием «Жизненный порядок как эстетическая функция» и ряд других конференций в России и Бразилии по темам психосоматики и лидерства.

Тысячелетие завершается под знаком «Женщины». В марте во Флорианополисе свыше пятисот женщин (предпринимателей, профессионалов, психологов, врачей, ученых, журналистов, политиков и т.д.) из разных стран мира собираются на международный семинар «Женщина-лидер». В мае состоялось подписание соглашения между Международной Ассоциацией Онтопсихологии и Санкт-Петербургским государственным университетом, со стороны которого выступили проректор по международным связям профессор А. Ефимов и декан факультета психологии профессор А. А. Крылов; в результате соглашения на факультете психологии были открыты направление по онтопсихологии и программа профессиональной переподготовки по онтопсихологии. В июне Международной Ассоциации присваивается специальный консультативный статус при Экономическом и социальном совете ООН.

На рубеже нового тысячелетия в Рио-де-Жанейро Менегетти проводит Международный Конгресс «Женщина третьего тысячелетия». По следам этого конгресса выходит одноименная монография, и Менегетти вновь спешит и задает новые темы для дискуссий.

В 2000-м году Менегетти оказывается вынужденным подать на развод с Лоренцини.

Несмотря на различные события он продолжает говорить миру об онтопсихологии все более расширяя сферу ее приложения. Так в 2000 году Менегетти выступает в ЮНЕСКО с темой «Роль лидера и человеческих ресурсов в информационную эру», а затем в 2001 в ООН с конференцией «Интеллектуальные лидеры за стабильно развитие человечества». Параллельно в 2000 проходит выставка ОнтоАрт в Русском Музее, а в 2001 году в Европе, Бразилии и России учреждаются независимые Консалтинговые компании ФОИЛ, призванные заниматься анализом

психологических аспектов в сфере бизнеса. В 2000-м году Менегетти удостоивается Золотой медали за заслуги перед искусством, а 3 сентября 2001 года становится еще одним знаменательным днем для онтопсихологического направления и непосредственно для самого Антонио Менегетти.

В Риме на Капитолийском холме в Зале Протомотека Капитолия при личном участии ректора СПбГУ Людмилы Алексеевны Вербицкой и декана Психологического факультета профессора А. А. Крылова проходит торжественная церемония вручения первых дипломов по онтопсихологии государственного образца.

«...мне посчастливилось застать при жизни то, что научное сообщество смогло понять глубину мысли онтопсихологии до моей смерти» – отметил в своей речи на выступлении профессор Менегетти.

Помимо организации достаточно крупного конгресса в Милане «Онтопсихология и меметика» в 2002 году, Менегетти основывает первый экобиологический проект на территории Российской Федерации – «Берния», под Санкт-Петербургом.

В 2003 году Менегетти приглашают на заседание рабочей группы Департамента экономических и социальных вопросов ООН (UNDESA) - мероприятие, организованное ООН совместно с правительством Турции. На встрече речь пойдет об «Управлении реализацией решений WSSD в странах с развивающейся экономикой». Профессор Менегетти выступает с докладом «Предпринимательская психология как фактор естественного социально-экономического развития новых развивающихся стран».

В 2004 году происходит сразу несколько крупных и значимых событий – это появление магистерской программы по онтопсихологии и официальное открытие кафедры онтопсихологии в СПбГУ, которое состоялось 27 мая. Вспоминая торжественную речь ректора СПбГУ, Людмилы Алексеевны Вербицкой : «Именно в этот день, в который мы празднуем день рождения города Санкт-Петербурга происходит это событие, которое важно не только для СПбГУ, и не только для всех российских институтов высшего образования, сколько для всей образовательной системы мира. Открытие кафедры онтопсихологии знаменует рождение новой научной школы. Для меня важнее всего то, что во главе онтопсихологической школы стоит необыкновенный человек. «Профессор Менегетти- кто он?» На этот вопрос трудно ответить, потому что Антонио Менегетти- это великий художник, исключительный композитор, выдающийся философ и человек, обладающий глубокой компетентностью во всем, что касается современной политики и экономики. Я уверена, что значение онтопсихологии огромно, потому что, изучая человека в разные моменты его жизни, эта наука дает возможность прикоснуться к самым потаенным глубинам человеческого существа- другими словами, к тому, что можно назвать человеческой душой. В России считается, что именно душа- самое главное в человеке.»

Организация Международного конгресса «Business-Intuition 2004» в Риге при поддержке Еврокомиссии и ведущих Европейских ВУЗов и основание еще двух экобиологических проектов «Ниотан» и «Лидзари». Стоит заметить, что

финансирование последнего происходило с привлечением средств из бюджета ЕвроСоюза, а проект был одобрен ООН и Еврокомиссией.

В 2005 году Менегетти выступает на Всемирном конгрессе по психотерапии в Буэнос-Айресе, а также удостоивается Архитектурной Премии на Всемирном Конгрессе по архитектуре в Стамбуле.

Менегетти вновь обращается к проблемам излишнего ассистенциализма и потребительства в обществе на специальной конференции в ЮНЕСКО в Париже в 2006 и 2007 гг, после чего с этой же проблематикой он выступает в Пекинском Университете. Это огромные проблемы в области педагогики всех стран, которые сегодня лишают возможности получения будущих ответственных лидеров. В 2007 году ООН также признает значимой деятельность Международной ассоциации онтопсихологии по реализации проекта Реканто Маэстро.

Все эти годы продолжает действовать Летний Университет по онтопсихологии, который с определенного момента берет на себя роль тех Международных конгрессов по онтопсихологии, которые проводились с 1973 года. В 2007 году Менегетти учреждает одноименные фонды научных исследований в Швейцарии, России и Бразилии, а в 2011 году от имени фонда вручает премии за исследования в области психологии, физики, экономики и медицины.

В 2008-м Менегетти выступает на XXIX Международном конгрессе по психологии, а затем на V Всемирном конгрессе по психотерапии, вновь демонстрируя научному сообществу новизну и простоту метода онтопсихологии.

В 2010 Правительство Бразилии высоко оценивает вклад Менегетти в развитие страны, награждая его званием Почетного гражданина Бразилии, а также позволяет в 2010 году открыть частный университет "Факультет управления и администрирования им. Антонио Менегетти" в городке, который был основан им же и его другом в 1988 году – Реканто Маэстро. Факультет призван дать качественные знания в области экономики, социологии, философии и других классических дисциплинах. На факультете читают лекции преподаватели ведущих ВУЗов Бразилии и мира, в том числе и Санкт-Петербургского государственного университета, а практикой бизнеса и политики делятся лучшие предприниматели и политики Бразилии.

На торжественном открытии факультета Антонио Менегетти в Бразилии выступила от имени Международной ассоциации онтопсихологии и FOIL-Италия г-жа Памела Бернабей, которая поздравила всех тех, кто сделал возможным создание факультета: «На мой взгляд, этот проект является примером частной инициативы, которая открывает новые пути и для государственных учреждений. Я очень горжусь этим проектом, потому что посредством него FOIL демонстрирует конкретный интерес к проблемам образования и профессий и самым активным образом при помощи собственных ресурсов стремится внести максимально качественный вклад в разработку и структуризацию стратегии развития, направленной на повышение конкурентоспособности будущих молодых лидеров.»

Затем ее речь продолжила г-жа Дмитриева Виктория Александровна, заведующая кафедрой онтопсихологии Санкт-Петербургского государственного университета и президент Славянской ассоциации онтопсихологии: «Я нахожусь здесь в качестве представителя тысяч россиян: психологов, предпринимателей, ученых различных направлений, состоящих в Славянской ассоциации онтопсихологии, которая осуществляет свою деятельность на территории Российской Федерации на протяжении более 10 лет. Они очень горды тем, что открывается факультет, воплощающий собой путь, который, без сомнения, будет способствовать развитию нового типа образования высочайшего уровня. Факультет - это лишь инструмент, посредством которого будет продолжаться развитие гуманистической культуры этой восхитительной науки - онтопсихологии. Этот проект будет идти вперед, не ведая границ между странами и нациями, и нести кислород всем, кто умеет дышать.»

В 2011 году во время проведения 24-ого Летнего университета по онтопсихологии в Ассизи Президиум Сената Италии удостоивает Менегетти Медали за исключительный вклад в науку. В этом же году 24 апреля, Менегетти торжественно открывает еще одну персональную художественную галерею в самом сердце Умбрии, у подножья средневекового городка Треви. А в конце года с персональной выставкой Менегетти приглашает Национальная галерея Умбрии.

Некоторые специалисты не разделяют научного мировоззрения профессора Антонио Менегетти, некоторые же, напротив, встречаясь с трудами по онтопсихологии, находят ее тем недостающим элементом в своих исследованиях. Но как бы то ни было, Антонио Менегетти - это состоявшийся ученый, философ, теолог, психолог, художник, модельер, композитор, предприниматель, располагающий галереями и бутиками в разных странах, музыкант, дающий концерты в таких залах как Петергоф и Аудиториум Рима; архитектор, строящий и реставрирующий города по всему миру.

Антонио Менегетти является автором и основателем уникальных действующих эковиологических центров, с помощью которых он показывает миру агрегацию интеллектуальной, духовной и материальной составляющей личности предпринимателя-лидера, совместно с которыми и рождаются интеллектуальные проекты:

1.Международный научно-гуманистический центр «Берния» - первый эковиологический проект на территории России. Основан в 2002 году под Санкт-Петербургом. Благодаря архитектуре, скульптуре и картинам, написанным здесь и представленным в галерее ОнтоАрт, «Берния» стала центром культуры и искусства, возрождающего креативность человека-лидера.

2.Международный центр бизнеса, менеджмента и психологии «Ниотан» расположен в самом центре Уральского региона, в экологически чистом Сысертском районе. Основан в 2004 году. Центр занимается развитием педагогической, психологической науки и образования.

3.«Витолга» – современный образовательный и культурный центр, находится на пересечении путей, соединяющих страны Западной и Восточной Европы, на берегу Днепра. Здесь проводятся международные конференции, саммиты и семинары, тренинги по философии, современной психологии, международные модули МВА.

4.«Лидзори» – это первый экобиологический проект, художественный и научный центр, основанный в 1978 г. Расположен в Италии, на склоне горы в Умбрии, между Фолиньо и Сполето. В «Лидзори» проходят выставки от живописи до фотографии, а также международные встречи, в том числе и на уровне ООН.

5.«Реканто Маэстро»- это международный центр искусства и гуманистической культуры в Бразилии, штат Рио Гранде до Сул, основан в 1988 году. Этот небольшой город вырос среди субтропических лесов, и объединяет факультет Антонио Менегетти, гостиницы, дома и офисы, рестораны и жилой кондоминимум.

6.«Лидзари» – международный центр культуры и образования. Расположен неподалеку от Елгавы, в 60 км от Риги, столицы Латвии. Основан в 2002 году. Здесь находится уникальное архитектурно-художественное произведение - Пирамида из стекла, которая представляет собой лекционный зал.

7.«FOIL Марудо» — экобиологический центр, расположенный на севере Италии, в 40 км от Милана, где находится штаб-квартира итальянского представительства международной группы образовательных и консалтинговых компаний FOIL. Основан в 2001 году. Сегодня пространства FOIL-Марудо используются для проведения деловых встреч, конференций, конгрессов, семинаров, тренингов, а также культурных мероприятий — концертов, спектаклей и общественных мероприятий.

8.«Диостан». В западных предгорьях Южного Урала находится уникальная территория. Основан в 2007 году. Это место, куда приезжают люди для “умного” отдыха, где чередуется обучение, стратегические сессии, конференции и прочие деловые мероприятия с занятием спортом, общением с природой, обсуждениями актуальных тем, прекрасной кухней и наслаждением искусством.

Именно в Диостане проводится 23-ий Международный Конгресс «Психология XXI столетия (Новиковские чтения)», посвященный 85-летию Антонио Менегетти, который будет проходить с 6 по 8 мая 2022 года.

Это дань глубокого уважения Великому Мастеру психологии, который создал не только свое направление онтопсихологии, но и школу учеников, в которой не только представители науки, но и выдающиеся организаторы образовательной системы, музыканты, архитекторы, художники, поэты и представители большого бизнеса.

Антонио Менегетти из тех людей, которые реализовали свой потенциал и на этой волне создали себя сами и оставили бессмертный след в истории. И куда бы ни направлял Антонио Менегетти свой творческий ресурс – во всем он был оригинален, самобытен и его психологические и философские тексты,

музыка, картины, стихи, образовательные системы и архитектурные формы напоены его мощной личностью.

Список трудов Антонио Менегетти на русском языке:

1. Nova Fronda Virescit. Введение в онтопсихологию для молодежи. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007, 2008, 2009.
2. Nova Fronda Virescit. Основы онтопсихологической психотерапии: инструменты и области применения. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007, 2008, 2009.
3. Введение в онтопсихологию. – Пермь: Хортон Лимитед, 1993; М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004, 2006, 2007; БФ «Онтопсихология», 2008, 2009.
4. Женский ум в проекте жизни. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007, 2009, 2010.
5. Женщина третьего тысячелетия. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001, 2004, 2005, 2007; БФ «Онтопсихология», 2008, 2010.
6. Женщина: секс, власть, благодать. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005, 2007; БФ «Онтопсихология», 2009.
7. 6 Женщин и непорочное зачатие. – М.: БФ «Онтопсихология», 2011.
8. Живая кухня. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001; БФ «Онтопсихология», 2008.
9. Ин-се искусства и творчество. – Екатеринбург: Славянская ассоциация онтопсихологии, 1997.
10. Ин-се человека. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005, 2007; БФ «Онтопсихология», 2009.
11. Интеллект и личность. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007.
12. Искусство, сновидение, общество. – М.: БФ «Онтопсихология», 2010.
13. Кино, театр, бессознательное. В 2-х т. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001, 2004.
14. Клиническая онтопсихология. – М.: Славянская ассоциация онтопсихологии, 1997; БФ «Онтопсихология», 2009.
15. Кризис современной демократии. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007.
16. Личность предпринимателя. – М.: ООО «ФОИЛ», 2005, 2006, 2007, 2008.
17. Материалы конгресса «Бизнес-интуиция 2004». – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2006; БФ «Онтопсихология», 2007.
18. Мир образов. Краткое пособие по интерпретации образов и сновидений. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 1997, 2004, 2005; БФ «Онтопсихология», 2008; НФ «Антонио Менегетти», 2013.
19. Молодежь и онтическая этика. – М.: БФ «Онтопсихология», 2011.
20. Молодежь и этика жизни. – М.: НФ «Антонио Менегетти», 2013.
21. Монитор отклонения в человеческой психике. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004, 2007; БФ «Онтопсихология», 2009.
22. Мудрец и искусство жизни. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2001, 2005; БФ «Онтопсихология», 2008, 2009, 2010.
23. Мужской стиль. – М.: БФ «Онтопсихология», 2009.
24. Музыка как порядок жизни. – М.: БФ «Онтопсихология», 2009.

25. Образ и бессознательное. Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2000, 2004, 2007; БФ «Онтопсихология», 2009.
26. Онтический геном. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005; БФ «Онтопсихология», 2009.
27. Онтическое видение. – М.: НФ «Антонио Менегетти», 2013.
28. ОнтоАрт. Ин-се искусства. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004, БФ «Онтопсихология», 2010
29. Онтологическое познание и сознание. – М.: БФ «Онтопсихология», 2008.
30. Онтологическая рациональность. – М.: НФ «Антонио Менегетти», 2013.
31. Онтопсихологическая педагогика. – Пермь: Хортон Лимитед, 1993; М.: ННБФ «Онтопсихология», 2006, 2007; БФ «Онтопсихология», 2008, 2009, 2010.
32. Онтопсихологическая синемалогия. – М.: БФ «Онтопсихология», 2008; НФ «Антонио Менегетти», 2014.
33. Онтопсихологическая философия. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007.
34. Онтопсихология и меметика. – Roma: Psicologica Editrice, 2004.
35. Онтопсихология, политика, экономика. – Киев: Славянская ассоциация онтопсихологии, 1999.
36. Онтопсихология: практика и метафизика психотерапии. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003, 2004, 2006; БФ «Онтопсихология», 2009.
37. Организационная психология. – М.: ООО «ФОИЛ», 2005, 2006, 2007, 2008.
38. Основы философии. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007.
39. От гуманизма исторического к гуманизму вечному. – М.: БФ «Онтопсихология», 2011.
40. От сознания к бытию. – М.: БФ «Онтопсихология», 2010.
41. Практика лидерства. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007, 2008, 2009.
42. Практикум лидера. – М.: БФ «Онтопсихология», 2010.
43. Проект «Человек». – М.: ННБФ «Онтопсихология», 1998, 2005; БФ «Онтопсихология», 2007, 2009, 2010.
44. Психология лидера. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 1996, 1999, 2001, 2004; БФ «Онтопсихология 2007, 2008, 2010.
45. Психология менеджмента. – М.: ООО «ФОИЛ», 2005, 2006, 2007, 2008.
46. Психология предпринимательской деятельности. – М.: БФ «Онтопсихология», 2011.
47. Психосоматика. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005; БФ «Онтопсихология», 2007, 2009.
48. Психотея. – М.: БФ «Онтопсихология», 2009.
49. Пять уроков по онтопсихологии. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 1997, 2005.
50. Рождение «Я». – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005; БФ «Онтопсихология», 2008.
51. Семантическое поле. – М.: БФ «Онтопсихология», 2009, НФ «Антонио Менегетти», 2013.

52. Система и личность. – М.: «Серебряные нити», 1996; М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003, 2006, 2007; БФ «Онтопсихология», 2008.
53. Тезаурус. Словарь онтопсихологических терминов. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005, 2007; БФ «Онтопсихология», 2008, НФ «Антонио Менегетти», 2013
54. Учебник по мелодистике. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004.
55. Учебник по онтопсихологии. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005, 2006, 2007; БФ «Онтопсихология», 2009, 2010.
56. Физический мир и онтология. – М.: БФ «Онтопсихология», 2011.
57. Экономика и политика. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2005, 2006.
58. Этический критерий человека. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2006; БФ «Онтопсихология», 2008.

Абу-Талeб Д.В.

**РОЛЬ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА
В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Аннотация. Неопределенность в различных областях современной реальности имеет общее основание - психологическое. Автор рассматривает понятие неопределенности через призму доктрин школ интегративной психологии и интегрального образования. Роль интегрального образования для человека в ситуации неопределенности заключается в том, чтобы формировать в нем толерантность к неопределенности как личностное качество и индивидуальную компетенцию, а также - в том, чтобы сообщать образовательной системе непрерывность, способствовать формированию сообществ, способных эффективно функционировать в непредсказуемых условиях.

Ключевые слова: интегральное образование, неопределенность, толерантность к неопределенности, тревожность, коучинг, коучинговый подход.

Annotation. Uncertainty in various areas of modern reality has a common basis - psychological. The author examines the concept of uncertainty through the prism of the doctrines of the schools of integrative psychology and integral education. The role of integral education for a person in a situation of uncertainty is to form in him a tolerance for uncertainty as a personal quality and individual competence, and also to inform the educational system of continuity, to contribute to the formation of communities that can function effectively in unpredictable conditions.

Key words: integral education, uncertainty, uncertainty tolerance, anxiety, coaching, coaching approach.

Актуальность состояния неопределенности в современном мире очевидна исследователям из разных областей: экономики, социологии, политологии, культурологии и т.д. Мы полагаем, что неопределенность в различных областях современной реальности имеет общее основание - психологическое: иными словами, неопределенность, проявленная в объективной реальности, воспринимается субъектом и социальными группами, оказывая существенное влияние на индивидуальную и социальную психологические сферы. В частности, поэтому неопределенность рассматривается в русле различных психологических школ как особый психологический феномен. На сегодняшний день изучены понятие неопределенности, представления о ней, и а также отдельные подходы к изучению неопределенности и различия в них. Предпосылками изучения данного феномена является, собственно, характер мира и жизни человека в нем на протяжении XX-XXI веков, как в постоянно меняющейся динамичной макро- и микроструктуре и системе, где макроструктурой выступает мир в целом, общество и отдельные сообщества, а микросистемой выступает сам человек и аксиосфера его личности [6].

Понятие неопределенности, в общем ее понимании, трактуется как категория, которая отражает отсутствие любой (материальной или идеальной) упорядоченности. [...] Максимальной она становится в кризисные периоды развития общества и культуры, в критических, непредсказуемых, чрезвычайных ситуациях [23].

По мнению западных исследователей, неопределенность — это естественное состояние, пронизывающее организационную жизнь и общение, а ситуация неопределенности – это ситуация отсутствия вариантов решения и поведенческих альтернатив [29].

В статье «Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы» О.Н. Первушина пишет о неизбежности соприкосновения в жизни человека с данной феноменологией, рассматривая взаимодействие человека с неопределенностью, как одной из центральных фигур жизни индивида. Автор сравнивает феномен неопределенности с «выходом за

пределы обыденности» [14]. Проведя анализ этого феномена, Первушина разводит понятийность между выбором в ситуации, когда имеется несколько альтернатив, и самой неопределенностью, ввиду того (как полагает автор), что выбор поведенческой стратегии в ситуации предполагает анализ, взвешивание и сравнение уже имеющихся альтернатив, для образования которых человек связывает существующий опыт и знания в общую канву с последующим анализом и поиском решений, в то время как столкнувшись с неопределенностью, человек оказывается в ином состоянии, так как в данном случае он сталкивается с чем-то новым, неожиданным и неизвестным. Вариативность в данном случае отсутствует ввиду того, что она просто не сформирована в понятийном аппарате, и, следовательно, варианты необходимо прежде изобрести и породить, чтобы в дальнейшем их можно было анализировать и выбирать.

Неопределенность проявлена во всей полноте на всех уровнях своего проявления, например в метрологии, где неопределенности измерений могут быть проявлены, как «сомнения в истинности полученного результата», или в секторе экономики, где специалисты при расчете рисков через методологический подход «теории принятия решений» в ситуации неопределенности не могут дать точный расчет условий риска и вероятности последующих событий, влияющих на конечный результат; классическим примером из области квантовой физики является принцип неопределенностей Гейзенберга и т.п.

Неопределенность как таковая присуща природным явлениям и биологическим формам, но, наряду с этим, для человека она приобретает свою специфику и особенности, а также продуцирует способы реагирования и взаимодействия с ней. Рене Декарт рассматривал неопределенность как специфику бытия самого человека. Лев Толстой высказывался о ней, как о способе психологической защиты человеком перед собственным страхом совершения ошибок и проявления безответственности. Зигмунд Фрейд полагал, что неспособность переносить неопределенность и есть собственно невроз.

Рассматривая феноменологию неопределенности через призму представлений Декарта (неопределенность как специфика бытия человека), отметим, что ситуативность, в которой оказывается человек, пребывая в состоянии неопределенности, приобретает парадоксальный характер: с одной стороны, сама неопределенность не дает поводов для ограничений прав и свободы выбора, включая креативный и творческий подходы, а с другой - лишает индивида стабильности в виду отсутствия необходимых критериев для ориентира, вплоть до полного мировоззренческого и ценностного релятивизма. При последнем мы можем наблюдать как личностно-ориентированную картину реформирования ценностей, сформированных ранее в аксиосфере личности (собственный пережитый опыт, общечеловеческие ценности, избирательно воспринятые каждым индивидом, как морально-устойчивые принципы, архетипичные ценности), так и

социально-ассоциированную картину: переформатирование общечеловеческих ценностей отдельного ареала этосной системы.

Сама по себе аксиосфера как система сложна для изучения ввиду своей динамично меняющейся структуры. Но, даже если учитывать эту специфику, мы все же имеем дело с системой, обладающей своей базой и основой, ценностно-смысловым универсумом, набранного и сформированного в ходе развития личности индивида [3];[2]. В ситуации неопределенности указанная динамика (динамика ценностей и смыслов) усиливается, создавая для индивида психологически неустойчивую картину мира, при которой он вынужденно выходит из зоны собственного комфорта. Происходящий ценностный распад при отсутствии ориентиров может человеку как “причинить добро” (став стимулом для принятия необходимых решений и внесения необходимых изменений в собственную жизнь), так и негативно сказаться на его психоэмоциональном и физиологическом состоянии. При данном развитии событий мы сталкиваемся с такими понятиями, как замирание, прокрастинация, фобийность, футурошок, лабильность, невротизм, повышенная тревожность и т.д..

Со стороны физиологии нейробиологи выяснили в ходе своих исследований, что “неопределенность активизирует тревожные контуры мозга и миндалевидное тело; клинически тревожный человек необычайно чувствителен к неопределенности” [20]. Также, по их мнению, «непереносимость неопределенности — основная почва для повышенной тревожности», страдающие генерализованным тревожным расстройством «крайне нетерпимы к неопределенности, — утверждает Мишель Дюга, психолог Университета штата Пенсильвания, используя в своей практике при работе с тревожными клиентами метафору “аллергия на неопределенность” [...] чтобы пациентам легче было представить свои взаимоотношения с неопределенностью” [20].

В монографии профессора В.В.Козлова «Психология пандемии» приведены данные исследования эмоциональных реакций населения в период «мирового пандемического кризиса». На протяжении 10 месяцев были произведены три среза (замера) при помощи опроса населения разных возрастных групп, с последующим подробным анализом влияния СМИ на возникновение негативного кластера эмоциональных состояний, вызванных эмоциональными переживаниями следующего содержания: страх, раздражение, злость, тревога, интерес, удивление, гнев, досада, грусть, беспокойство, недоверие, усталость, неуверенность, растерянность, спокойствие, безразличие, недоумение, уныние, паника, опасение [8].

Характер эмоциональных переживаний респондентов в негативном кластере на май 2020 года показал, что среди населения на первом месте преобладают страх и раздражительность (12,50%), второе место заняла тревога (10,00%), далее злость (9,00%), затем интерес (7,00%) и удивление (5,50%). При заборе данных на сентябрь 2020 г., тревога заняла четвертую позицию (8,70%), раздражение (16,52%) и страх (13,48%) разместились в первых строках, а интерес и удивление были вытеснены гневом (6,09%) и

усталостью (5,22%). К февралю 2021 года страх снова взял первенство (15,06%), за ним следовало раздражение (12,05%), злость (10,84%), а усталость и тревога разделили четвертую позицию, набрав 6,63%. [8, с.20-21]. Как комментирует сам автор исследования относительно негативного кластера, «в совокупности он описывает состояние личностного кризиса, как фрустрацию интегративных способностей человека, когда личность не может инструментировать разрешение кризиса...». Здесь же автор предполагает, что пандемия вызвала социальную тревожность, и усилила такие отрицательные эмоции, как усталость, уныние, недоверие, безвольность, в связи с дискомфортом и, в какой-то мере, - мучениями и страданиями, что и дало развитие реакций эмоционального негативизма.

К вышеизложенному можем добавить следующее: для человека, находящегося в ситуации неопределенности, вынужденного принятия неизбежности, с завышенным уровнем тревожности, превышающим разумные пределы, возможна утрата навыков асертивности, способности к саморефлексии, интроэкции и интроспекции.

Мы также полагаем, что сама неопределенность находится в зависимых условиях с таким феноменом как доверие. «Доверие — это своего рода установка на позитивные действия Другого. Оно подразумевает ожидание в том, что кто-то поступит или не поступит в конкретных ситуациях определенным образом. Такой тип межличностных взаимоотношений изначально формируется и далее существует как позитивный, поскольку характеризуется открытостью, уверенностью в порядочности и доброжелательности Другого» [25, с. 10].

Повышение уровня тревожности в обществе, находящемся в ситуации неопределенности, приводит его (общество) к разобщенности и атомарности и, как следствие, - снижению уровня доверия среди населения.

Проведя социологическое исследование в изучении феномена доверия, Н.А. Романович [17], подводя итог о состоянии тревожности вследствие утраты «обобщенного доверия» (термин Шюца) [27], приходит к выводу, что такое состояние вовсе не способствует закреплению в общественном сознании ценностей и формированию социальных ориентиров. Напротив, раскачиваются и становятся неустойчивыми те ценности, которые издревле считались традиционными. Все, казалось бы, устоявшиеся взгляды и отношения подвергаются сомнению и ревизии. Растерянность людей отражается в их ответах на вопрос: Согласны ли Вы с суждением: “при нынешнем беспорядке и неопределенности трудно понять, во что верить?” (Согласен - 60%; не согласен - 31%; затрудняюсь ответить - 9%).”

Социолог Энтони Гидденс отмечал полноту угроз условий человеческого существования, как таковую, а также необходимость сформированного базового доверия людей к Другим, как условия нормальной повседневной жизни. Это связано с тем, что базовое доверие к Другому защищает личность от бесконечных переживаний и беспокойства. Гидденс считал доверие важнейшим компонентом жизни человека, основой его онтологической безопасности, а именно: "субъективное ощущение людьми

надежности течения повседневной жизни, доверие, обусловленное жизнью в определенном природном и социальном мире, что формирует базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности, предсказуемость хода событий" [4]. В сравнении Гидденса, доверие - это своеобразное "погружение в веру", где нет места игнорированию и информационному дефициту.

Антагонист доверия - недоверие - является качественно иным состоянием в партнерском взаимодействии, связанным с несоответствием ожидаемых и реальных знаний друг о друге, что придает им особый характер. Петр Штомпка в своей работе "Доверие - основа общества" пишет об этом состоянии следующее: "в понятие "недоверие" входит зеркальное отражение доверия... Оно связывается с негативными ожиданиями действий других (с враждебными предвидениями, вредными, никчемными, оскорбляющими меня действиями) и предполагает, что я настроен обороняться против них (путем уклонения от действия, отказа их начинать, отстранения, принятия оборонительных шагов от тех, кому я не верю)" [26, с. 83].

В рамках психологических школ, вышесказанное Штомпкой можно сравнить с проблемой сохранения равенности и нейтралитета в партнерских взаимоотношениях (в расширенном понимании) о которую "споткнулся" еще З.Фрейд, в своих исследованиях "феномен двойника" [24] более 100 лет назад. Он предлагал разработку предельно объективного метода работы с другими людьми, при котором психоаналитик не привносил бы ничего личного и субъективного в психоаналитический процесс. Уже тогда появилась метафора зеркала, которую должен был занимать психоаналитик, давая возможность "подумать об себя" путем создания фиксации на "стадии зеркала" (по Лакану) [9]; [10].

Таким образом, перед нами проявлена следующая картина: какая-либо возникшая ситуация неопределенности (субъективного либо объективного характера, социально-значимая) приводит человека (сообщество, общество в целом) в состояние тревожности, вызывая непригодные и дискомфортные условия в его (их) жизни, вследствие чего снижается уровень доверия (интроэктивно, интроспективно), возможные проявления реакций соматических и психофизиологических уровней (психосоматика), что собственно усиливает саму феноменологию неопределенности, добавляя к ней еще и состояние растерянности, вследствие чего мы получаем замкнутую систему, наделенную характером невротизации. Учитывая, что жизнь современного человека буквально невозможна без ситуаций неопределенности, существует необходимость развивать, с последующим внедрением в образовательные системы и программы, такое самостоятельное и научное направление, как психорегуляция состояния, а также такое личностное качество, как толерантность к неопределенности [11].

Ведущие умы отечественной психологии, такие как А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский и др., писали о том, что роль самой психики и является собственно инструментарием для уменьшения неопределенности. Леонтьев

раскрывал это через гипотезу о возникновении чувствительности, а по Выготскому, это происходит через процесс развития психики человека, которой характерна интериоризация отношений управления и средств-знаков. В. М. Аллахвердов (под руководством которого был проведен проект “Когнитивная деятельность по преодолению ситуации неопределенности” [7] считает, что сознание уменьшает неопределенность, сохраняя свою функциональность и подвижность только в неопределенных ситуациях, а в обыденном определенном состоянии оно попросту отключено, т.к. механизм таков, что оно (сознание) призвано объяснять случайный выбор неслучайными причинами, это означает, что сознание аргументирует случайный выбор, делая его более обоснованным и структурированным.

Последнее высказывание в какой-то степени получило свое подтверждение в исследованиях ученых Мауро Манасси и Дэвида Уитни об "Иллюзии зрительной стабильности из-за активной перцептивной серийной зависимости", что дает им возможность утверждать, что "наш мозг удерживает нас на 15 секунд "в прошлом", чтобы помочь нам увидеть стабильный мир". Таким образом, он автоматически “сглаживает” полученный им визуальный контент с течением времени: с целью и задачей избежать анализа каждого отдельного визуального "кадра", мы воспринимаем что-то усредненное, что видели за последние 15 секунд. Сближая объекты полученных визуальных данных до состояния схожести друг с другом, мозг фактически «обманывает» нас, создавая тем самым стабильную среду. Из чего можно заключить следующее: жизнь "в прошлом" объясняет, почему мы не замечаем тонких изменений, происходящих с течением времени; "иными словами, мозг подобен машине времени, которая отправляет нас назад во времени. Это похоже на приложение, которое каждые 15 секунд объединяет наши визуальные данные в одно впечатление, чтобы мы могли справиться с повседневной жизнью... Если бы наш мозг всегда обновлялся в режиме реального времени, мир казался бы хаотичным местом с постоянными колебаниями света, тени и движения. Нам все время казалось, что мы галлюцинируем." [12].

Возвращаясь к проблеме необходимости для человека самостоятельной психорегуляции в условиях неопределенности и формирования качества толерантности к неопределенности, мы склонны рассматривать психологические подходы, разработанные в области интегративной психологии, трансперсональной методологии, практик и психотехник. Среди конкретных методов указанных подходов и направлений, мы опираемся на коучинговый подход в целом, а также такие его отдельные методы, как “нейрографика”, “БоГобан”, модель “мультиролевая личность”, модель “пирамиды развития сознания” и др. [16]; [18];[19];[2];[3].

Мы полагаем, что способность эффективно функционировать в состоянии неопределенности является одним из качеств, необходимых человеку в условиях современного мира. Ключевым фактором подобной способности является, по мнению психологов, толерантность к неопределенности как научный конструкт, имеющий множество трактовок. “

Акцентируется внимание на ряде подходов, сложившихся при его изучении: толерантность к неопределенности как черта личности, толерантность к неопределенности как ситуационно-специфичная установка, толерантность к неопределенности как метакогнитивный процесс и навык” [11].

Думается, что воспитание и развитие толерантности к неопределенности - и как черты личности, и как ситуационно-специфичной установки, а также - как метакогнитивного процесса и навыка - одна из задач современного образования, прогрессивная ветвь которого представлена интегральным образованием.

В отечественной и западной образовательной системе уже существуют школы, институты с опорой на развитие интегральности в человеке. Сама система образовывания получила название - интегральное образование, главной задачей которого является воспитание и развитие у людей (общества в целом) навыков самомотивации, целеполагания, а также способности идти к поставленной цели, - быть ориентированными на внутренний локус контроля, собственные желания и цели, т.к. в постиндустриальном и информационном мире созданы такие условия, в которых ориентация на внешний локус контроля и внешнее оценивание является архаичной формой образовательных систем индустриального мира, в котором ранее ценилось и поддерживалось качество исполнителя, в то время как в условиях динамичного, изменчивого современного мира выше ценится способность человека выступать главным актором и автором собственной жизни.

Развитие лидерских качеств, необходимых сегодня человеку, важно, прежде всего, для понимания самими человеком, как стать лидером собственной жизни. Данная установка на самоориентацию поможет раскрыть в личности ее собственные компетенции, способность к целеполаганию и последующим целенаправленным действиям, которые в современном мире позволяют адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Важно также отметить, что осуществление подобной установки не представляется возможным, если в периоде взросления и становления личности человека (начальные и средние классы образования) не будет сделано упора на важную отправную точку, такую, как формирование эмоционально-волевой сферы ученика, посредством которого и будет сформирована ориентация на внутренний локус контроля [2].

Интегральное образование как таковое на сегодняшний день, в большей мере, является теоретико-методологическим конструктом, отдельные элементы которого воплощены в жизнь в различных образовательных учреждениях, в том числе - в школах, университетах, институтах дополнительного образования таких, как например, вальдорфские сады и школы; учреждения, в которых воплощены идеи монтессори-педагогике; школы самоопределения; современные сады, средние школы и университеты зарубежья - например, Финляндии и т.д., и относится к числу прогрессивных образовательных подходов. Само по себе интегральное образование является вектором развития образовательного процесса и пространства.

Тема интегрального образования и интегрального образовательного пространства подробно рассмотрена и осмыслена зарубежными учеными и педагогами (Том Мюррей [30], М.Р.Бланко [28]), и работами российских представителей научного практического (педагогического) сообщества (А.В.Непомнящий [13], В.И.Писаренко [15], А.Таль [21], Д.В.Абу-Талеб [2]).

Интегральные образовательные пространства, под которыми мы подразумеваем *коммуникативно-когнитивные пространства* [1], и рассматриваем, в частности, как систему внутренних и внешних пространств (топосов) человека, связанных с системой его социальных коммуникаций, а прежде всего — с его образованием и развитием, - помогают формировать у учащихся толерантность к неопределенности как индивидуальное когнитивное качество, как характеристику перцептивного аппарата личности, как качество эмоциональной сферы личности, а также - как качество межличностного и социального взаимодействия и поведения [11].

Рассматривая интегральное образовательное пространство как когнитивно-коммуникативное пространство (где когнитивный элемент является первичным), а также как коммуникативно-когнитивное пространство (где первичным выступает коммуникативный элемент), видим значимыми оба измерения толерантности к неопределенности - и как индивидуального когнитивного качества, и как качество межличностного и социального взаимодействия.

Современный человек наделен индивидуальным когнитивным пространством (индивидуальным когнитивно-коммуникативным пространством), состоящим из набора коллективных когнитивных пространств тех социумов, в которые он входит, и когнитивной базы того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является [5, с.63]. Сам термин «когнитивное пространство» не ограничивается только сектором межличностного взаимодействия, его сопричастие касается и личностно-ориентированной коммуникации, в которой принимают участие более двух человек.

Мы также рассматриваем когнитивное пространство в следующем трактовании: "пространство кросс-личностной коммуникации", "коммуникативное пространство полилога", особенность которых - в сформированных отдельных ментальных кластерах (таких как ментальные топосы, "ментальные пространства") опора на которые субъектом коммуникации дает осмысление как речевого, так образного контекста ("общие места коммуникации": термины, мемы, символика и т.д.). В этом смысле, вероятно, корректнее говорить о коммуникативно-когнитивных пространствах, формированию которых будет способствовать привлечение коучингового (личностно-ориентированный) подхода как с учащимися, так и с преподавателями в области интегрального образования [22].

Говоря об образовании, мы подразумеваем здесь не только общеобразовательный и академический подходы образовательной системы (школа, университет, повышение и переквалификация), мы предлагаем рассматривать эту систему гораздо шире, как способ непрерывного

повышения образованности на протяжении всей жизни, касающийся различных жизненно-важных сфер, влияющих на качество самой жизни (система воспитания и обучения личности, совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, функций, опыта деятельности и компетенций). Отметим, что сам характер современной жизни - неопределенность будущего, формирующая необходимость образования в течение всей жизни, - приводит нас к выводу о том, что интегральное образование, непрерывное как на протяжении жизни личности, так и на уровне взаимодействия различных образовательных и научных областей, а также в сфере взаимодействия различных образовательных и научных сообществ, - *является ответом на вызовы неопределенности современного мира.*

Выше мы писали о том, что коучинг (во множестве его конкретных методов) может быть эффективным в ситуации неопределенности. Коучинговый подход в интегральном образовании заключается не только в применении конкретных коучинговых методов, но и в формировании пространств интегрального образования как сфер коучингового взаимодействия, где учащемуся предоставляется возможность “подумать об другом” (как преподавателя, так и соученика); а преподаватель ориентирован на равностное, партнерское взаимодействие с учащимися, где значимым методом образования является не передача готового знания, а майевтика (как способ “рождения собственного знания” учащегося).

Кроме того, профессиональные сферы в современном мире мы также склонны рассматривать как сферы интегрального образования (коль скоро они предполагают обязательный элемент повышения квалификации в соответствии с растущими требованиями). Говоря об образовании, мы подразумеваем здесь не только общеобразовательный и академический сектор (школа, университет, повышение квалификации и переквалификация); мы предлагаем рассматривать этот аспект гораздо шире, как способ непрерывного повышения образованности на протяжении всей жизни, касающийся различных жизненно-важных сфер, влияющих на качество самой жизни, включая культурологический и морально-нравственный аспекты.

Таким образом, роль интегрального образования для человека в ситуации неопределенности заключается как в том, чтобы формировать в нем толерантность к неопределенности как личностное качество и индивидуальную компетенцию, так и в том, чтобы сообщать образовательной системе непрерывность в соответствии с требованиями к образованию “в течение всей жизни”, а также - в том, чтобы способствовать формированию сообществ (образовательных, профессиональных, социальных в широком смысле), качеством которых является адаптивность к неопределенности как способность удерживать в фокусе внимания значимые элементы аксиосферы (ценности, цели, социальные нормы) и свойство эффективного функционирования в непредсказуемых условиях.

Литература

1. Абу-Талеб Д.В. Коммуникативно-когнитивные пространства в эпоху метамодерна // Вестник интегративной психологии // Журнал для психологов. Вып. 21. /Под ред. В.В.Козлова. – Ярославль: МАПН, 2020. – С. 29-34
2. Абу-Талеб, Д. В. Коучинг как парадигма интегрального образования: коммуникативный аспект: Дис. на соискание ученой степени канд.псих.наук. г.Ярославль, - 2021г. Специальность: 19.00.01. – 294 с.
3. Богданова В.Л. Особенности взаимосвязи «акме» и субъективного благополучия личности: Дис. на соискание ученой степени к.пс.наук. г.Ярославль, 2021г.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации.— 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
5. Егорова М. А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концептосфера», «картина мира» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». – 2012. - № 3.
6. Каган, М. С. Философская теория ценности // Избранные труды в VII томах. Том II. — СПб. : ИД «Петрополис», 2006. — С. 327—500.
7. “Когнитивная деятельность по преодолению ситуации неопределенности” Российский фонд фундаментальных исследований: науч. рук-ль Аллахвердов В.М. - 2005 - [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_265938
8. Козлов В.В. Психология пандемии. – Ярославль: МАПН, РПФ «Титул», 2021, - 114с.
9. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 398–405.]
10. Лакан, Ж., «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос.: Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я (с. 7–15). М.: Логос. 1999.
11. Леонов Илья Николаевич Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. №4. – С.43-52
12. Манасси М., Дэвид У.// Достижения науки // Т.8, выпуск 2, 2022, [электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.abk2480>
13. Непомнящий А. В. Интегральное образование. научное изд. - М.: Изд-во ЮФУ, 2016. – 98с.
14. Первушина О.Н. / Человек и неопределенность: на подступах к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2007. Т.1. Вып.1. С. 11–19.
15. Писаренко В.И Система инновационного гуманитарного образования в техническом вузе: дис. ... док. пед. наук. – Сочи, 2007. – 572с.

16. Пискарев П.М. Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. ... Д-ра психол.наук. — Яр., 2019 — 469с.
17. Романович, Н. А. Доверие как культурный феномен в ситуации неопределенности / Н. А. Романович // Символ науки: международный научный журнал. – 2015. – № 8. – С. 299-305.
18. Сорокина, Е. Н. Нейрографика как метод профилактики и коррекции эмоционального выгорания матери / Е. Н. Сорокина // Становление психологии и педагогики как междисциплинарных наук : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 15 января 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Аэтерна", 2021. – С. 136-140.
19. Сорокина, Е. Н. Преимущества нейрографического коучинга в профилактике и коррекции эмоционального состояния женщины матери / Е. Н. Сорокина // Мир образования - образование в мире. – 2021. – № 1(81). – С. 134-145.
20. Стоссел Скотт, "Век тревожности. Страхи, надежды, тревоги и поиски душевного покоя...", – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 464с.
21. Таль А. «Интегральное образование как новая педагогическая методика» // Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://22century.club/197>. (дата обращения: 28.03.2022)
22. Тургенева О.Ю., Абу-Талеб Д.В. Коучинг как форма сопровождения образовательного процесса // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса : сборник трудов I Международной научно-практической конференции, 10-11 декабря 2021 г., г. Евпатория / Ред. кол.: Н. Н. Колосова, А. В. Хитрова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2022. – С. 465-472
23. Фабер, В. О. Проблема неопределенности в структуре философского знания (Онтологический, гносеологический, антропологический аспекты): дис. ... канд. филос. наук / В.О. Фабер. - Саратов, 2004; Зинченко, В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. - 2007. - № 6. - С. 3 - 20.
24. Фрейд З., Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский.— М.: Просвещение» 1990.— 448 с.
25. Чупров В.И., В.В.Михеева. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине? - М. : Норма, 2015. - 160 с.,
26. Штомпка Петр. Доверие - основа общества; [пер. с пол. Н. В. Морозовой] - Москва : Логос, 2012. - 445 с.С.83
27. Щюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994.
28. Blanco M.R. La equidad y la inclusión social: uno de los desafíos de la educación y la escuela hoy // Revista Electrónica Iberoamericana sobre Calidad. Eficacia y Cambio en Educación. – 2006. – №.4. – Pp.1-15

29. Clampitt P. G., Williams M. L. Managing, organizational uncertainty: Conceptualization and measurement. Paper presented at the international, communication, association conference. San Diego, CA, 2000.
30. Murray T. What is the Integral in Integral Education? From Progressive Pedagogy to Integral Pedagogy. Integral Review. – 2009. - №5. - Pp. 96-134

Азизова А.Ш.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕСУРСНОСТИ МЫШЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛА И ВЫБОРА ТИПА РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ

Аннотация В статье приведен обзор подходов к понятию ресурсность, представлено описание феномена ресурсности профессионального мышления как интегральной характеристики, играющей ключевую роль и определяющей успешность субъекта в реализации внешних и внутренних ресурсов для решения актуальных жизненных задач. Освещаются вопросы исследования преобладающих типов поведения индивида в конфликте. Приводятся результаты эмпирического исследования по установлению взаимосвязей между ресурсностью мышления и типом реагирования на конфликт представителей двух групп профессий социономического типа - учителей и специалистов по социальной работе.

Ключевые слова: ресурсный подход, ресурсы, ресурсность профессионального мышления, тип реагирования на конфликт, эмоциональное выгорание.

Annotation. The article provides an overview of approaches to the concept of resourcefulness, describes the phenomenon of resourcefulness of professional thinking as an integral characteristic that plays a key role and determines the success of the subject in the implementation of external and internal resources for solving urgent life tasks. The issues of the study of the prevailing types of behavior of an individual in conflict are highlighted. The results of an empirical study on the establishment of relationships between the resourcefulness of thinking and the type of reaction to the conflict of representatives of two groups of professions of a socioeconomic type - teachers and social work specialists are presented.

Keywords: resource approach, resources, resourcefulness of professional thinking, type of response to conflict, emotional burnout.

Введение

Большую популярность в современной психологии обретает ресурсный подход, зародившийся несколько десятилетий назад и активно развивающийся как в отечественной психологии, так и за рубежом. Причиной тому быстро меняющийся мир, в котором новые возможности и

ограничения рождаются стремительно и требуют от личности способности гибко подстраиваться под новые условия. В профессиональных сферах так же происходят кардинальные трансформации, которые сравнимы по масштабам изменений разве что с промышленной революцией. Цифровизация, искусственный интеллект, интернет-платформы для работы и учебы, удаленная занятость – все эти понятия еще пять лет назад были атрибутами далекого будущего. Сегодня - это уже наша реальность, в которой мы живем и к которой должны не просто адаптироваться, а быть максимально эффективными. Период пандемии COVID-19 и связанные с ней ограничения, разрушение сложившегося ритма и способа жизни, ломка привычных способов поведения, изменения в формах общения людей, трансформация профессиональной среды – всё это вызовы, с которыми столкнулись люди в последние два года. По мнению Н.В. Гришиной, вызовы современного мира, современной реальности это уже не просто вызовы к нашей способности выбирать какие-то оптимальные стратегии поведения, справляться с трудностями – это вызовы к нашему существованию. Сегодняшние вызовы к человеку – это экзистенциальные вызовы [Гришина, 2019]. И эти вызовы требуют от личности ресурсов, необходимых для их успешного преодоления и адаптации.

Понятие ресурсы имеет различные трактования. В переводе с французского - *ressource* означает буквально «вспомогательное (техническое, энергетическое, информационное) средство».

Нужно отметить тот факт, что в психологии сегодня не существует однозначного определения понятия «ресурсы». Среди научных школ и ученых существуют разные трактовки и классификации «ресурсов», а также разные концепции процесса развития, актуализации и истощения ресурсов.

Так С. Хобфолл, автор теории сохранения ресурсов, подчеркивает наличие в них внешних и внутренних переменных. Внутренние (личностные интраперсональные ресурсы) включают в себя самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, систему верований, навыки, способности, эмоциональные и волевые состояния, энергетические характеристики, которые необходимы личности для эффективного взаимодействия с социальной средой. Внешние (интерперсональные) ресурсы – это любые материальные объекты, социальная поддержка, семья, друзья, работа, социальный статус. По мнению автора теории, ресурсы либо сами необходимы для выживания, либо служат средствами достижения личностно значимых целей. Также С. Хобфолл считал, что существует некий комплекс ключевых ресурсов, которые «управляют» или направляют общий фонд ресурсов, т. е. «ключевой ресурс - это главное средство, контролирующее и организующее распределение других ресурсов» [Hobfoll, 1989].

В описаниях феномена «ресурсов» представлено множество разных научных позиций. Так, по мнению Н.Е. Водопьяновой, ключевым критерием ресурсов человека как субъекта являются эффекты их регулирующих функций [Водопьянова, 2009]. Автор определяет ресурсы как «внутренние и

внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкторы, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям, это средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией» [Водопьянова, 2009, с. 290].

В.А. Толочек, сторонник синергетического, интегрального научного подхода к пониманию ресурсов, связывает ресурсы с позитивными эффектами психологической регуляции. Он определяет ресурсы как «психические свойства, которые устойчиво связываются в ментальном опыте субъекта с позитивным эффектом, наличием ощутимого преимущества и могут быть использованы для повышения эффективности жизнедеятельности» [Толочек, 2009, с. 62]. Выделяя место ресурсов в структуре индивидуальности, автор ставит их в один ряд с категориями задатков и способностей, рассматривая линию задатки-способности-ресурсы как единое в своей сути явление на разных стадиях онтогенеза. В рамках данного научного подхода, приверженцем которого является В.А. Толочек, в качестве ресурсов выступают не сами по себе индивидуальные особенности субъекта (свойства личности, интеллекта, стратегии совладания, стили и пр.), не сами по себе составляющие социальной среды (социальные институты и др.), а «другие», не актуализированные ранее «внутренние условия» или «внешние», ранее не вовлеченные в функциональные системы. Такими не актуализированными до начала определенной деятельности «внутренними условиями» субъекта могут выступать, например, особенности интеллекта (к примеру, креативность – если человек оказался в ситуации недостаточной эффективности имеющихся средств деятельности и вынужден искать новые средства и способы решения задачи), особенности характера, ценностных ориентаций и прочие [Толочек, 2020].

С.А. Хазова для понимания феномена ресурсов привлекает категорию ментального опыта, центральным образованием которого является способность к концептуализации. Согласно ее концепции, ключевым для понимания ресурса является факт его отражения как ресурса: в ментальном опыте субъекта конкретный объект или свойство должны устойчиво связываться с полезностью, преимуществами и эффективностью деятельности, то есть должны быть результатом опыта проживания и интерпретации жизненных ситуаций и условий. Таким образом, свойство, объект, принесшее положительный эффект в одной ситуации, должно быть концептуализировано (категоризировано) как ресурс для данного класса ситуаций, а затем шире – как ресурс субъектности вообще [Хазова, 2012, с. 62]. И в этом смысле не сам объект есть ресурс, а представления субъекта о нем как ресурсе. Наиболее ощутимо ресурсы проявляются в трудных жизненных ситуациях и ситуациях достижений. В качестве позитивных последствий функционирования ресурсов, которые одновременно выступают критериями ресурсности, С.А. Хазова выделяет следующие эмпирически

верифицированные эффекты: улучшение понимания ситуации и своих возможностей; улучшение эмоционального состояния; усиление самоэффективности, то есть повышение ощущения собственной компетентности, уверенности в собственных силах, сохранение и повышение способности к контролю собственной жизни; поддержание позитивной Я-концепции; развитие тесных контактов с другими людьми; привлечение и создание новых ресурсов. В своих исследованиях автор исходит из понимания ресурса как внутреннего условия эффективности деятельности, достижения позитивных результатов с точки зрения, как самого субъекта, так и социума.

Понимая под личностными ресурсами в широком смысле индивидуально-психологические особенности, связанные с более успешным осуществлением различных видов деятельности и более высоким уровнем психологического благополучия, в качестве такого рода ресурсов различные авторы рассматривают установки, черты, ценности, атрибутивные схемы, стратегии поведения и совладания со стрессом и прочее.

В целом ресурсность можно рассматривать как мобилизацию имеющихся возможностей для достижения поставленной цели, а научный интерес к феномену «ресурсов» человека определяется их важной ролью в обеспечении жизнедеятельности человека в трудных, иногда экстремальных жизненных условиях, включая трудные ситуации профессиональной деятельности, связанные, в том числе, с возникновением у субъектов профессиональной деятельности конфликтных ситуаций и выбора ими стратегий поведения в конфликте.

На современном этапе исследований в рамках ресурсного подхода выделяют как минимум два направления. Первое заключается в попытках выделить системообразующий (ключевой) ресурс, являющийся интегрирующим фактором для других ресурсов с точки зрения эффективности личности в мобилизации и задействовании собственных ресурсов для эффективного решения задач. Второе - это изучение вопросов взаимодействия различных ресурсов друг с другом внутри тех или иных ресурсных зон [Серафимович, 2020].

Разными исследователями было предпринято множество попыток выделить некую интегральную личностную характеристику, лежащую в основе данной способности, выступающую как фактор высшего порядка, который опосредует регулятивные процессы и организует «ресурсоворот» (Hobfoll, 1989). Выдвигались различные идеи, что же предложить в качестве такой интегральной характеристики, в частности были предложены такие категории как:

– базовое самооценивание (Judge, Erez, Bono, 1998), включающее locus контроля, эмоциональную стабильность, самоэффективность и самооценку и представляющее собой позитивное представление человека о собственной личности, способностях и своей ценности;

– способность к саморегуляции (К. Шродер), включающая веру в себя волю и эмоциональную стабильность;

– психологический капитал (М. Чиксентмихайи), складывающийся из уверенности в себе, оптимизма, надежды, устойчивости к воздействию неблагоприятных обстоятельств;

– личностный потенциал (Д.А.Леонтьев) - как интегральная психологическая характеристика, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне изменяющихся внешних условий (Леонтьев и др., 2018) [Цит. по: Сурина, 2020].

Существует множество взглядов, и в вопросе, какой ресурс выступает качестве системообразующего (ключевого) ресурса в ресурсном обеспечении реализуемой профессиональной деятельности.

Так Н.Е. Водопьянова считает, что в данном случае центральным ресурсом можно считать устойчивость к эмоциональному выгоранию [Водопьянова, 2009]. Идея понимания в качестве ресурсов таких способностей, как креативность, обучаемость, интеллект, представлена в трудах В.Н. Дружинина. М.А. Холодная считает, что за интеграцию других ресурсов ответственны когнитивные и метакогнитивные способности. С.А. Хазова отводит роль механизма, который регулирует активность субъекта в различных (в том числе сложных) ситуациях, к ментальным ресурсам. А.В. Карпов обозначает в качестве центрального фактора-ресурса рефлексивность. В.А. Толочек, выделяя группы ресурсов (индивидуальные, физической среды и социальной среды, взаимодействия людей), говорит о взаимосвязи ресурсов разных групп и их свойствах (биполярности, амбивалентности, динамичности и неоднозначность эффектов) [Цит. по: Серафимович, 2020].

М.М. Кашапов рассматривает проблему ресурсов на основании теории системогенеза профессиональной деятельности и предлагает рассматривать ресурсность мышления в качестве интегральной характеристики, играющей ключевую роль и определяющей успешность субъекта в реализации внешних и внутренних ресурсов для решения актуальных жизненных задач [Кашапов, 1989; 2000; 2006; 2017]. Ресурсность мышления профессионала с соответствующей ей теоретической моделью и диагностическим аппаратом разрабатывается ученым и его единомышленниками (И.В. Серафимович, Г.Л. Шаматонова, Н.В. Сурина и другие) в рамках ресурсного подхода в психологии личности.

Под ресурсностью мышления понимается совокупность личностных и когнитивных характеристик субъекта, обеспечивающих его успешность в процессе осознания потенциально ресурсных особенностей ситуации и собственной личности и актуализации внешних и внутренних ресурсов для достижения целей [Кашапов, 2018; 2020; 2021]. Ресурсное мышление проявляется в способности получения результативных и одновременно экономичных решений посредством реализации имеющихся резервов, в способности видеть альтернативу в случае, если ранее выбранный способ действия в значимой ситуации не может быть реализован, либо оказался наименее эффективным, в случае необходимости найти принципиально новое

решение. Следовательно, чем меньше ресурсность, тем больше времени и сил требуется для решения поставленной задачи. Чем выше мыслительная способность, тем оперативнее субъект решает стоящую перед ним задачу, тем экономичнее, проще, изящнее найденное решение [Кашапов, Шаматонova 2017; Кашапов, Сарафимович, 2018].

Ресурсность мышления представляет, с одной стороны, характеристику мышления как когнитивного процесса, с другой, – включает в себя характеристики личностные, эмоциональные, мировоззренческие, то есть находится на стыке данных областей психики и играет роль интегрирующей характеристики в ситуации, требующей привлечения разного рода ресурсов для ее разрешения [Сурина, 2020].

В ходе построения теоретической модели ресурсности мышления как комплексной метакогнитивной психологической категории, авторы выделили несколько этапов процесса появления ресурсности мышления в контексте решения актуальных жизненных проблем и присущих им частных психологических характеристик, которые входят в состав данного образования как системные элементы. В ходе выделения и описания этапов, авторами выделены и описаны ключевые внутренние характеристиками субъекта, обеспечивающие успех протекания процесса и входящие на каждом этапе в состав ресурсного мышления как системные элементы. К таким характеристикам авторы отнесли наличие и использование таких ресурсных характеристик, как способность к рефлексии, аналитические способности, эмоциональный интеллект, социальный интеллект (если проблема в отношениях с другим человеком), надситуативное мышление, целеполагание; высокая самооценка, позитивная я-концепция как устойчивое положительное отношение к самому себе, опыт проживания ситуаций успех; полнезависимость, творческое мышление, инициативность, дивергентное мышление, мотивация достижения успеха в противовес избеганию неудач. В результате построения данной модели было предложено вывести следующее рабочее определение для понятия «ресурсность мышления» - это совокупность личностных и когнитивных характеристик субъекта, обеспечивающих его успешность в процессе осознания потенциально ресурсных особенностей ситуации и собственной личности и реализации внешних и внутренних ресурсов для решения актуальных задач [Сурина, 2020].

Как интегральная характеристика, ресурсность мышления непосредственно и опосредованно влияет на реализацию потенциалов личности, от степени зрелости ресурсного мышления на определенном этапе личностного развития зависит дальнейшая реализация потенциалов субъекта. Развитие и приумножение личностных ресурсов соответствует расширению границ опыта человека и появлению новых возможностей (актуализация и реализация потенциальных возможностей). В контексте развития профессионала личностные ресурсы являются источником данного развития [Кашапов, 2019; Кашапов, Скакунова, 2019; Кашапов, Сарафимович, 2020; Кашапов, 2020; Кашапов, Кашапов, 2020].

Человек использует свои внутренние ресурсы как возможности для развития. Чем эффективнее человек может объединять и интегрировать свои личностные ресурсы для решения профессиональных и иных задач, тем успешнее будет их преобразование в возможности. Чем меньше личностный ресурс, тем выше непроницаемость для нового опыта, тем сильнее стремление держаться за старые проверенные представления и взгляды, закрытость для когнитивной поддержки среды. Ресурсность мышления выражается в способности личности использовать весь свой опыт для достижения намеченной цели, в способности нахождения оптимального решения для выхода из проблемной ситуации, умения творчески, не шаблонно подходить к решению задач.

Ресурсное мышление проявляется в способности получения результативных и одновременно экономичных решений посредством реализации имеющихся резервов. Следовательно, чем меньше ресурсность, тем больше времени и сил требуется для решения поставленной задачи.

Ресурсность мышления представляет собой универсальное профессионально важное качество, востребованное в любой сфере деятельности субъекта. По своей природе ресурсность мышления является сложной и многоуровневой конструкцией, структурно состоящей и из многих компонентов.

В ситуации конфликта ресурсность мышления выступает как умение находить такие линии поведения, которые являются оптимальными: они помогают личности не только выйти из ситуации конфликта с наименьшими психологическими потерями и разрушениями, но даже приобрести определенный опыт, который мог бы стать основой для метапознания, для личностного или профессионального роста. Благодаря ресурсности мышления, информация, интегрированная в структуру опыта личности и опосредованная переживанием определенных состояний, становится сплавом знаний и мотивов, а в дальнейшем и качеств личности. Данный сплав обеспечивает возникновение базовых характеристик конструктивной конфликтности, которые осуществляют позитивное переструктурирование внутреннего мира человека, что выражается, прежде всего, в изменении приоритетов; формировании иного, более позитивного видения происходящего в условиях конкретной ситуации. Конструктивный формат осмысления содержания ситуации, новый взгляд на нее позволяют расширить рамки осмысления ситуации, что лежит в основе реализации надситуативного подхода к разрешению возникших противоречий, в том числе и конфликтного содержания [Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018; Кашапов, 2017].

За теоретическую основу, определяющую понятие «тип реагирования» в конфликте были взяты исследования М.М. Кашапова в этой области. Под типом реагирования в конфликте здесь понимается совокупность поведенческих, вербальных и эмоциональных реакций человека, проявляющихся в любой конфликтной ситуации и определяющих агрессивный способ поведения человека, уход или оптимальный способ

разрешения конфликтной ситуации (решение) [Кашапов, 2012]. Ученым выделяются три основных типа реагирования в конфликтной ситуации: агрессия, оптимальный тип и уход. В качестве измерений он определил линии «ориентация на свои интересы и цели» и ориентация на интересы и цели другого человека. Ученый определяет агрессию как совокупность поведенческих реакций, имеющих отрицательно эмоциональную окраску по отношению к партнеру, сопровождающуюся грубостью, порицанием партнера с целью его подчинения. Подразделяя «Уход» на стратегический уход и уход как психологический метод защиты, автор считает его не эффективным типом реагирования на конфликт. Он не эффективен, поскольку он не способен решить ситуацию, а только заостряет проблему. Решение как модель сотрудничества и компромисса - это оптимальный сценарий развития конфликта, обладающий наибольшим конструктивным потенциалом. Для стратегий поведения участников конфликта, соответствующих данному сценарию развития конфликта, характерна, прежде всего, позитивная установка на достижение договоренностей. При оптимальных способах стороны могут найти один или несколько вариантов решения ситуации, при которых стороны получают удовлетворение важных желаний, уступив в менее важном. При применении оптимальных стратегий решения конфликта, эмоциональные потери будут минимальными, энергия конфликта не будет носить разрушающую направленность, при достижении решения обе стороны останутся удовлетворенным [Филатова, Кашапов, 2015; Кашапов, 2020; Метакогнитивные основы конфликтной компетентности, 2012].

Несмотря на большое количество исследований феномена эмоционального выгорания, единой концепции понимания его сущности и механизмов нет. Эмоциональное выгорание можно рассматривать и как механизм психологической защиты личности, функциональный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального, поведения, который позволяет человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы и одновременно как профессиональную деформацию личности, которая возникает под воздействием ряда внешних и внутренних факторов.

В данной работе мы используем концепцию, предложенную В.В.Бойко, понимающего эмоциональное выгорание как выработанный личностью стереотип эмоционального и профессионального поведения, при котором человек дозирует и экономит энергетические ресурсы, что отрицательным образом сказывается на выполнении профессиональных обязанностей и отношениях с партнерами. Эмоциональное выгорание он рассматривает именно как динамический процесс, возникающий поэтапно, в полном соответствии с механизмом развития стресса [Бойко, 1999].

Цель исследования, исследовательские задачи

В приведенном ниже эмпирическом исследовании целью является выявление взаимосвязи между ресурсностью профессионального мышления и типами реагирования на конфликт. Предметом исследования является

соотношение уровня ресурсности мышления с типами реагирования на конфликт учителей и специалистов по социальной работе, имеющих разную степень выраженности синдрома эмоционального выгорания.

Для целей работы было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 100 представителей профессий социономического типа: 50 учителей средних школ и 50 специалистов по социальной работе-работников трех профильных учреждений.

Для достижения цели исследования, выполнялись следующие задачи: установление уровня ресурсности профессионального мышления учителей и специалистов по социальной работе; выявление выраженности синдрома эмоционального выгорания у учителей и специалистов по социальной работе; установление особенности типов реагирования на конфликт учителей и специалистов по социальной работе; установление взаимосвязи ресурсности мышления личности с типами его реагирования на конфликт; установление взаимосвязи ресурсности мышления и типов реагирования на конфликт с эмоциональным выгоранием.

В качестве психологического инструментария были выбраны три методики. Первая - методика диагностики ресурсности профессионального мышления (для профессий социономического типа), авторы И.В.Серафимович, Е.А.Медведева, Н.В.Сурина, предназначена для определения уровня ресурсности мышления профессионала и степени выраженности нескольких компонентов, входящих структурно в конструктор данного когнитивного ресурса. Вторая - опросник диагностики ведущего типа реагирования (авторы - Кашапов М.М., Киселева Т.Г.) предназначена для диагностики трех основных вариантов поведения в конфликте – агрессии, ухода и оптимального разрешения. Третья – методика диагностики эмоционального выгорания (автор - Бойко В.В.).

В ходе проведенных исследований выявлено, что уровень ресурсности профессионального мышления у учителей и специалистов по социальной работе оценивается как «средний». Преимущественным типом реагирования на конфликт по обеим профессиональным группам является «решение, соглашательский вариант». Выявлено, что у представителей обеих профессиональных групп одна из фаз синдрома профессионального выгорания – фаза резистенции, находится в стадии формирования, остальные фазы – «напряжение» и «истощение» не сформированы. Корреляционный анализ проведен с помощью коэффициент корреляции Пирсона (см. табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи ресурсности профессионального мышления и типов реагирования на конфликт

Типы реагирования на конфликт	Агрессия	Уход	Решение
эмоциональный	-0,323	-0,075	0,337
креативный	-0,131	-0,032	0,288

РЕСУРСНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ	<i>Эмоционально-креативный компонент</i>	-0,271	-0,059	0,370
	мотивационный	<u>-0,254</u>	-0,115	0,302
	целевой	-0,186	-0,046	0,403
	<i>Мотивационно-целевой компонент</i>	<u>-0,235</u>	-0,084	0,384
	личностный	<u>-0,220</u>	-0,137	<u>0,219</u>
	ценностный	-0,132	-0,057	0,274
	<i>Личностно-ценностный компонент</i>	<u>-0,229</u>	-0,135	0,265
	коммуникативный	-0,121	-0,270	<u>0,256</u>
	Конструктивно-конфликтный	-0,168	-0,011	0,192
	<i>Коммуникативный и конструктивно-конфликтный компонент</i>	-0,172	<u>-0,228</u>	0,292
	рефлексивный	0,107	0,039	0,419
	когнитивный	-0,059	-0,001	0,427
	<i>Когнитивно-рефлексивный компонент</i>	0,000	0,017	0,470
	Ресурсность мышления	-0,226	-0,118	0,402

Значение коэффициентов ранговой корреляции Пирсона $r < 0.01$

Таким образом, подтверждено наличие следующих взаимосвязей между ресурсностью мышления и типами реагирования в конфликте. Установлена устойчивая, на уровне $p \leq 0,01$, положительная корреляционная взаимосвязь такого типа реагирования в конфликте как «решение» с ресурсностью профессионального мышления, достоверность полученных данных подтверждена ($0,402 P \leq 0,01$). Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что чем выше ресурсность профессионального мышления индивида, тем более вероятно, что он выберет оптимальный тип реагирования на конфликт. Данная взаимосвязь проявляется в интеллектуальном умении находить различные (в том числе и не шаблонные) способы решения проблем, которые минимизируют эмоциональные потери и разрушения, позволяют даже отрицательную ситуацию преобразовывать в опыт, который может служить в дальнейшем источником развития личности. Нужно отметить, что все компоненты в конструкте ресурсности профессионального мышления имеют положительную устойчивую взаимосвязь с оптимальным типом реагирования в конфликте – «решение», достоверность полученных результатов подтверждена: эмоционально-

креативный компонент (0,370 $P \leq 0,01$), мотивационно-целевой компонент (0,384 $P \leq 0,01$), личностно-ценностный компонент (0,265 $P \leq 0,01$), коммуникативный и конструктивно-конфликтный компонент (0,292 $P \leq 0,01$), когнитивно-рефлексивный компонент (0,470 $P \leq 0,01$). Так же достоверно подтверждена положительная взаимосвязь практически всех подкомпонентов конструкта ресурсности профессионального мышления и оптимального типа реагирования на конфликт «решение» на уровне $P \leq 0,01$, кроме конструктивно-конфликтного подкомпонента. Выявлена и достоверно подтверждена отрицательная взаимосвязь коммуникативного подкомпонента ресурсности профессионального мышления и типа реагирования на конфликт «уход» (-0,270 $P \leq 0,01$), и в целом коммуникативного и конструктивно-конфликтного компонента (-0,278 $P \leq 0,05$), что дает возможность утверждать, что чем выше показатель коммуникативного компонента ресурсности профессионального мышления, тем реже человек в конфликте склонен выбирать стратегию ухода, которая является мало эффективной и в целом не разрешает возникших противоречий. Значит, уход как стратегия, являясь не эффективной, может применяться людьми при недостаточном ресурсе профессионального мышления, когда человек не может обратиться к своему опыту и извлечь из него примеры или приемы эффективных коммуникаций, которые позволили бы ему выстроить более конструктивную линию поведения в конфликте.

Выявлена и достоверно подтверждена отрицательная взаимосвязь «агрессии» как типа реагирования на конфликт и таких компонентов ресурсности профессионального мышления, как эмоционально - креативный компонент (- 0,271 $P \leq 0,05$) и входящего в его конструкт эмоционального подкомпонента (- 0,323 $P \leq 0,01$); мотивационно-целевого компонента (-0,235 $P \leq 0,05$) и входящего в его конструкт мотивационного подкомпонента (-0,254 $P \leq 0,05$), личностно-ценностного компонента (-0,229 $P \leq 0,05$) и входящего в его конструкт личностного подкомпонента (-0,220 $P \leq 0,05$). Так же выявлена и достоверно подтверждена отрицательная взаимосвязь в целом ресурсности мышления профессионала и «агрессии» как типа реагирования на конфликт (-0,226 $P \leq 0,05$). Полученные данные дают возможность утверждать, что чем выше уровень ресурсности профессионального мышления, тем меньше вероятности, что агрессия буде выбрана индивидом в качестве преимущественного типа реагирования на конфликт.

Таким образом, ресурсность мышления как совокупность личностных и когнитивных характеристик субъекта, обеспечивает его успешность в процессе преодоления конфликтных ситуаций посредством выбора оптимального способа реагирования на конфликт, сознательного достижения сторонами взаимоприемлемых решений, не ущемляющих права и достоинство ни одной из сторон и не наносящих психологического и иного ущерба личности. Осознание при этом потенциально ресурсных особенностей ситуации и собственной личности дает возможность и в дальнейшем использовать оптимальные способы решения актуальных задач и проблемных или ситуаций. Пониженный уровень ресурсность мышления

может быть фактором, значительно повышающим применение человеком в процессе возникновения и развития конфликтной ситуации агрессии как типа реагирования на конфликт.

При анализе результатов, полученных в ходе проведения диагностики синдрома эмоционального выгорания, была обнаружена положительная взаимосвязь на уровне $p < 0,05$ всех фаз синдрома эмоционального выгорания и «агрессии» как типа реагирования в конфликте; отрицательная взаимосвязь на уровне $p < 0,05$ «решения» и такой фазы синдрома как «резистенция». По такому типу реагирования на конфликт как «уход» обнаруженная устойчивая, на уровне $p < 0,01$, отрицательная взаимосвязь с таким симптомом эмоционального выгорания, входящим в фазу «истощение», как эмоциональный дефицит (таблица 2)

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи типа реагирования на конфликт и синдрома эмоционального выгорания

Тип реагирования в конфликте		Агрессия	Уход	Решение
СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ	Переживание ПТО	<u>0,198</u>	-0,173	-0,026
	Неудовлетворенность собой	0,075	-0,110	-0,030
	Загнанность в клетку	0,091	<u>-0,219</u>	0,001
	Тревога и депрессия	<u>0,234</u>	0,018	-0,033
	<i>Фаза «НАПРЯЖЕНИЕ»</i>	<u>0,241</u>	-0,165	-0,062
	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	<u>0,204</u>	-0,107	-0,144
	Эмоционально-нравственная дезориентация	0,033	-0,135	-0,187
	Расширение сферы экономии эмоций	0,126	-0,164	-0,194
	Редукция профессиональных обязанностей	0,166	0,001	-0,086
	<i>Фаза «РЕЗИСТЕНЦИЯ»</i>	<u>0,213</u>	0,142	-0,232
	Эмоциональный дефицит	0,167	-0,278	-0,212
	Эмоциональная отстраненность	-0,116	0,039	-0,104
	Личностная отстраненность	0,310	-0,022	-0,092
	Психосоматически и психовегетативные нарушения	0,185	0,054	-0,032
	<i>Фаза «ИСТОЩЕНИЕ»</i>	0,203	-0,096	-0,172

Значение коэффициентов ранговой корреляции Пирсона $p < 0,01$

Выявлена устойчивая отрицательная взаимосвязь ресурсности профессионального мышления, включая практически все компоненты данного конструкта, со всеми тремя фазами синдрома эмоционального

выгорания (таблица 3). Чем выше ресурсность профессионального мышления, тем менее личность подвержена эмоциональному выгоранию.

Таблица 3

Корреляционные взаимосвязи ресурсности мышления и синдрома эмоционального выгорания

Ресурсность мышления	Синдром эмоционального выгорания		
	Фаза «напряжение»	Фаза «резистенция»	Фаза «истощение»
Эмоционально-креативный компонент	- 0,263	- 0,420	- 0,376
Мотивационно-целевой компонент	- 0,269	- 0,331	- 0,321
Личностно-ценностный компонент	<u>- 0,250</u>	- 0,318	- 0,394
Коммуникативный и конструктивно-конфликтный компонент	<u>- 0,241</u>	- 0,387	- 0,373
Когнитивно-рефлексивный компонент	-0,171	- 0,359	- 0,300
Ресурсность мышления профессионала	- 0,287	- 0,424	- 0,410

Значение коэффициентов ранговой корреляции Пирсона $p < 0.01$

Выводы

Результаты, полученные в ходе исследования, целью которого было выявление возможной взаимосвязи ресурсности мышления профессионала и типов реагирования на конфликт позволяют утверждать следующее. Чем выше уровень ресурсности профессионального мышления, тем чаще «решение» будет выбрано индивидом в качестве основного типа реагирования на конфликт. Чем выше уровень ресурсности профессионального мышления индивида, тем реже он в качестве основной стратегии поведения в конфликте выбирает «агрессию», тем меньше разрушительных последствий конфликт будет иметь для личности, и для тех, с кем личность взаимодействует, тем функционально эффективнее человек

будет в своей профессиональной деятельности. Установлено, что синдром эмоционального выгорания выполняет триггерные функции в соотношении ресурсности мышления и типов реагирования на конфликт, поскольку он способствует появлению агрессии в качестве преимущественного типа реагирования на конфликт у лиц с высокой выраженностью синдрома.

Литература

1. Водопьянова Н.Е.: Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336
2. Водопьянов Н.Е: Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности.- Вестник СПбГУ.Сер.16.2015.Вып.1.
3. Гришина Н.В. Экзистенциальная революция? Наука психология и жизнь человека. // Материалы [XIII Санкт-Петербургского саммита психологов](#), 2 июня 2019 года//электронный ресурс: <https://psy.su/feed/7551/>
- 4.Кашапов М.М. Основы конфликтологии: учебное пособие/ М.М.Кашапов, Ярославль: ЯрГУ, 2006. 116 с.
- 5.Кашапов М.М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1989.
- 6.Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва. 2000. 48 с.
- 7.Кашапов М.М. Особенности сопровождения творческого мышления психолога (на довузовском, вузовском и послевузовском этапах) // Сибирский психологический журнал. № 22. Томск. 2005. С. 135 – 140.
- 8.Кашапов, М.М. Учет в медиации специфики типов реагирования на конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2012. № 3. С. 31-41.
- 9.Кашапов М.М. Протестный потенциал как средство реализации ментальных ресурсов продуктивной конфликтности личности. В сборнике: Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования материалы третьего международного симпозиума. Ответственные редакторы: М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: ИП РАН, 2016. С. 226-232.
- 10.Кашапов М.М. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2017. Т.22. С.3-9.
- 11.Кашапов М.М., Шаматонова Г.Л. Ресурсность мышления как основа конструирования акме-событий: теоретико-методологический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 22. С. 10-20.
- 12.Кашапов М.М., Серафимович И.В. Надситуативность мышления как ресурс реализации событийно-когнитивных компонентов субъекта на

разных этапах профессионализации психологов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 26. С. 63-76.

13. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Индиго. 2018. 360 с.

14. Кашапов М.М. Акмеологические принципы как когнитивная ресурсная основа профессионального и личностного развития субъекта // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2018. № 1 (35). С. 26 – 35.

15. Кашапов М.М., Скакунова О.А. Креативность как когнитивный ресурс в лечебной деятельности начинающих врачей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 27. С. 16-31.

16. Кашапов М.М. Творческие основы ресурсности мышления субъекта профессиональной деятельности // Психология одаренности и творчества: Сборник научных трудов участников I Международной научно-практической конференции, Москва, 5-6 ноября 2019 г.; науч. ред. члена-корреспондента РАО, профессора А.И. Савенкова, профессора Л.И. Ларионовой. [Электронный ресурс] – М.: Известия ИППО, 2019. С. 32-36.

17. Кашапов М.М., Серафимович И.В. Надситуативное мышление как когнитивный ресурс субъекта в условиях профессионализации // Психологический журнал. 2020. Т. 41. С. 43-52.

18. Кашапов М.М. Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 116-130.

19. Кашапов, М.М. Кашапов А.С. Формирование профессионального творческого мышления: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 124 с.

20. Кашапов М.М. Психология конструктивной конфликтности личности на основе системогенетического подхода //электронный ресурс <http://yspu.yar.ru/images/2/2c>

21. Кашапов М.М. Профессионализация мышления студента как основной ресурс педагогической деятельности преподавателя. В книге: Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XIV всероссийской научно-методической конференции. Ярославль, 2020. С. 133-134.

22. Кашапов М.М. Ресурсность как компонент профессионализации мышления субъекта // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 28-40.

23. Кашапов М.М. Ресурсные основы активности мышления в условиях профессионализации субъекта. В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. С. 45-50.

24. Кашапов М. М. Психология конфликта : учебник и практикум для вузов / М. М. Кашапов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 206 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07133-7. — Текст : электронный // Образовательная

- платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/452359> (дата обращения: 31.03.2022).
25. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / под науч. ред. проф. М.М. Кашапова; ЯрГУ. Ярославль, 2012. 428 с.
 26. Серафимович И.В. Исследование взаимосвязи когнитивных и личностных ресурсов у педагогических работников // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 2. С. 107–114. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-2-107-114.
 27. Сурина Н.В. Ресурсы в структуре индивидуальности и ресурсность мышления // Человеческий фактор. Сер. «Социальный психолог». 2020. № 1 (39). С. 133–145.
 28. Сурина Н.В. Ресурсность мышления как профессионально важное качество педагога в современной образовательной среде. В сборнике: Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2021. С. 343-347.
 29. Толочек В.А. Задатки – способности – ресурсы: онтогенез и социальная успешность человека // Материалы международной юбилейной конференции "Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии: к 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. 2020. С.102-106
 30. Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6, № 3. С. 27–61.
 31. Филатова Ю.С., Кашапов М.М. Проявление конфликтной компетентности врачей в зависимости от стажа и квалификационной категории // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том 5 / Отв. ред. Богоявленская Д. Б. – М.: Когито-Центр, 2015. С. 387 – 390.
 32. Хазова С.А.: Когнитивные ресурсы совладающего поведения. Эмпирические исследования/ Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 150 с.
 33. Хазова С.А. Ресурсы субъектности: к вопросу об определении понятия. //Материалы Всероссийской научнопрактической конференции с международным участием «Ресурсы и антиресурсы личности в современных копингисследованиях», 2012 .
 34. Хватова М.В.: Акмеологические ресурсы психологического здоровья личности как целостный феномен/ Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/akmeologicheskie-resursy-psihologicheskogo-zdorovya-lichnosti-kak-tselostnyy-fenomen>
 35. Hobfoll S. E. Conservation of resources: a new attempt at conceptualizing stress / S. E. Hobfoll // American Psychologist. – 1989. – N 44 (3). – P. 513–524.

36. Hobfoll S. E. Personality and social resources in immediate and continued stress resistance among women / S. E. Hobfoll, Y. Leiberman // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – N 52. – P. 18–26.

Берберян А.С.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы идентичности, исторической памяти и исторического опыта личности. На основе анализа научной литературы по психологии автор пришел к выводу о том, что феномен «идентичность» определяет способность личности к осмыслению личностного и социального опыта и сохранению целостности и субъектности в динамичном глобальном мире. При изучении исторической памяти акцентируются внимание на ее значимости для личностной и социальной идентификации человека. В нашем исследовании этнической идентичности в качестве ключевого понятия мы предлагаем категорию «исторический опыт», который рассматриваем в качестве непосредственного переживания человеком не только исторических событий, но и исторической дистанции между прошлым и настоящим временем. Таким образом, изучение взаимосвязи указанных феноменов в психологическом аспекте значительно обогащает их содержательные характеристики.

Ключевые слова: идентичность, историческая память, исторический опыт, личность, психологический аспект

Annotation. The article deals with the key issues of identity, historical memory and historical experience of the individual. Based on the analysis of scientific literature on psychology, the author came to the conclusion that the phenomenon of identity determines the ability of a person to comprehend personal and social experience and maintain integrity and subjectivity in a dynamic global world. When studying historical memory, it is important to focus on its significance for the personal and social identification of a person. In our study of ethnic identity, we propose the category of "historical experience" as a key concept, which we consider as a person's direct experience not only of historical events, but also of the historical distance between the past and the present. Thus, the study of the relationship of these phenomena in the psychological aspect greatly enriches their meaningful characteristics.

Keywords: identity, historical memory, historical experience, personality, psychological aspect

Одной из актуальных проблем в современной психологической науке является поиск личностью, как представителя социальной группы, общества, ответа на кардинальный вопрос: "Кто Я?", связанный с осознанием

социально-личностной позиции, своей этнической принадлежности, этнической идентичности. Э. Эриксон дал определение идентичности как важного условия для сохранения здоровья личности, его единства и целостности «Я». Современными исследователями потребность в этнической идентичности трактуется гораздо шире, чем принадлежность к определенной группе или общности. Она связывается с возможностью осмысления исторического опыта нации, этнической общности. Данный аспект актуализирует фундаментальность научного исследования проблемы. Идентичность определяет способность личности к осмыслению личностного и социального опыта и сохранению целостности и субъектности в динамичном глобальном мире. [10]

Цель исследования: изучение психологического аспекта проблем идентичности, исторической памяти и исторического опыта личности.

Изучение ключевых проблем идентичности связано с работами таких исследователей, как Э.Эриксон, Дж. Г. Мид, Ч. Кули, Р. Фогельсон, И. Гоффман. Ч. Кули связывает идентичность с понятием Я-концепции и с фактором субъективного отражения мнения окружающих. В его концепции идентичность - часть «Я-концепции», которая является ответственной за факт осознания своей принадлежности к группе. В этом случае идентичность представляется как область самосознания, включающая в свои обобщения мнения окружающих людей о человеке. [16]. И.Гоффман дополнил конструкт идентичности введением понятия: «знак», означающий определенный признак человека, используемый в общении с людьми, с целью подчеркнуть отличие от других. Можно прийти к выводу о том, что идентичность развивается в интеракции посредством «знака», процесса означивания. [7] Р. Фогельсон акцентировал внимание на четырех видах идентичности: реальной идентичности (представлением человека о себе сегодня), идеальной идентичности (представлением человека о себе самом в желаемом ракурсе), негативной идентичности (нежелание человека быть кем-то конкретным) и предъявляемой идентичности (представлением человека себя перед другими). В данной теории человек стремится приблизиться от реальной к идеальной идентичности, уйти от негативной идентичности. [29]

В концепции Дж. Г. Мида идентичность понимается как способность личности к восприятию своей жизни и своего поведения как единого целого. [31] Таким образом, Мид пришел к тому, что идентичность связывал со способностью к целостному восприятию себя, окружающего мира, с единством между собой и целым. Кроме того, им выделяются 2 уровня по критерию осознанности идентичности, а именно: неосознаваемый и осознаваемый. Важно отметить, что идентичность представляется как динамическая категория, и, следовательно, в процессе ее формирования происходит переход от бессознательных форм норм и ценностей социума, которые приняты человеком, на этап более осмысленного отношения к себе и к своему поведению. Мышление на этапе данного перехода играет адаптивную роль.

В когнитивной теории, представленной в работах А. Тэшфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл и др., идентичность исследуется с позиций когнитивной системы, выполняющей роль регуляции поведения в определенных условиях. Представители этого направления, Тэшфел и Тернер, выделяли в идентичности два аспекта: личностный и социальный. Как они отмечали, личностная идентичность основывается на идентификации физических, интеллектуальных и нравственных особенностей, а социальная идентичность базируется на основе идентификации личности с расой, этнической принадлежностью, полом и т.д. [32].

В российской психологии идентичность в значительной степени исследовалась в рамках особенностей самосознания, самоопределения и социализации личности в трудах Л. Выготского, А. Леонтьева, Л. Шнейдера, Т. Стефаненко и др. Л. Выготский указывал, что самосознание - более высокая форма сознания, которой способствует развитие речи, произвольные движения и рост самостоятельности. [6]

В.В Столин отмечает, что понятие идентичности имеет многогранную структуру, включающую осознание своей целостности, уникальности, своего прошлого и настоящего. [22]

И.С. Кон рассматривает идентичность в рамках проблемы «Я», предполагающей информацию о себе и преемственность психической деятельности, и «Образа-Я», корректирующей «Я». [10] Л.Б. Шнайдер в понятии «идентичность» выделяет разные уровни сознания, включающие в себя индивидуальные, коллективные, онтогенетические и социогенетические основания. Гуссман акцентирует внимание на следующих особенностях идентичности: тождественности себе, целостности, изменяющихся в процессе адаптации в условиях динамичной среды. [30]

Э. Эриксон рассматривал идентичность как процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности человека, что позволяет ему оценить себя в ракурсе оценивания другими, оценки того, что другие думают о нем в сопоставлении с другими, значимыми для него людьми. Этот процесс, во многом протекающий бессознательно и постепенно развивающийся, Эриксон называл постоянной дифференциацией, расширяющейся по мере увеличения круга значимых для человека лиц. Эриксон особое внимание уделяет изменениям, характерным для современной молодежи: они часто страдают, переживая кризисные моменты жизни. На самом деле формирование идентичности – проблема смены поколений. [28]

В настоящее время меняется отношение к проблеме идентичности, так как изменились представления относительно позитивного и негативного компонентов идентичности, сознательного и бессознательного процессов. Это – идентичность, по Эриксону, - качество существования, определяемое самим эго, то есть оно шире и не ограничивается самим фактом существования. [33]

Национальная идентичность акцентирует субъектную сторону национальной принадлежности, вовлеченность человека в социокультурные

и политические процессы, что предполагает рассмотрение народа в качестве предикативной стороны личностной самотождественности. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности определяет понятие национального самосознания (идентичности) как «разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, её народе, чувство принадлежности к своей стране и народу».

Исторический опыт рассматривается нами как неотъемлемый компонент национальной идентичности, так как идентичность личности, ее осознание принадлежности к собственному этносу как представителю единой общности определяется чувством сопричастности историческому процессу своего народа. Взаимосвязь исторического опыта и этнической идентичности представляются как феномены, находящиеся в двунаправленных взаимоотношениях. Первый вектор взаимоотношений определяется содержанием исторического опыта, который задает направленность и возможности коллективной идентичности, а второй - определяется идентичностью, которая выступает в качестве фактора осмысления исторического прошлого и включения данного опыта в систему оценок настоящего и выстраивания будущего в контексте и в структуре этнической идентичности.

Актуальность проблемы обусловлена недостаточной изученностью в научной литературе взаимосвязи исторического опыта и этнической идентичности, необходимостью научно проанализировать и осмыслить феномен исторического опыта и выявить закономерности воздействия исторического опыта на особенности формирования национальной идентичности. В контексте нашего исследования представляет интерес изучение исторического опыта в формировании этнической идентичности в социокультурной среде, исторически сначала объединенной, а впоследствии разъединенной, но сохранившей социокультурные взаимосвязи. Это позволяет выявить специфику и общую направленность формирования исторического опыта, в том числе воздействие на содержание этнической идентичности.

В историческом опыте, в особенности опыте переживания кризисных, экстремальных событий в истории народа возникает осознание принадлежности к собственному этносу, который представлялся единой гражданской общностью. В то же время осознание принадлежности к своему народу выступает определяющим фактором переосмысления исторического прошлого и включения его в оценку настоящего.

В современных исследованиях исторический опыт рассматривается в разных аспектах: в качестве необходимого комплекса факторов в жизнедеятельности социального окружения, а именно: навыков, традиций, обычаев и др. (социологический аспект); как меры познания социально-исторической действительности (гносеологический подход). В последние десятилетия в научной литературе в сфере философско-мировоззренческого анализа, историографии и методологии появились исследования по анализу категории «исторический опыт». Большинство исследователей (Г.А. Антипов,

Н.В. Буянов, Н.М. Есипчук, Б.И. Коваль, В.Г. Панов, А.И. Уваров и др.) полагают, что исторический опыт проявляется в виде навыков, обычаев, традиций, в качестве арсенала аккумулированных способностей для последующего эффективного действия. [8, 9] Исторический опыт представляется в форме специфической предметно-чувственной деятельности, в которой проявляются повторяемость либо некоторая закономерность [15]

Тихонов В.А. отмечает, что историческое знание, выступая в качестве исторического опыта, выполняет функцию социальной памяти, так как исторический опыт тесно связан с условиями и особенностями жизнедеятельности конкретной этнической группы. [2] Стефаненко Т.Г. создала концепцию этнической идентичности в рамках социального конструкционизма. Она считает, что этническая идентичность возникает на уровне субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности в результате переживаний отношений «Я» и этнической среды. [21] Возвышенный исторический опыт, считал Анкерсмит, открывается субъекту его несамотождественностью, являясь показателем опыта необратимого разрыва между прошлым, выраженной прежней идентичностью, и настоящим, т.е. новой идентичностью. Данный разрыв он считал экзистенциальным источником в качестве практики репрезентации прошлого. [1]

В научной литературе категория «историческая память» более разработана исследователями, чем категория «исторический опыт». В настоящее время изучение исторической памяти становится наиболее актуальным в связи с тенденциями трансформаций социально-культурных условий, ценностными межпоколенными «разрывами», актуализацией прошлого в решении проблем настоящего, а также попытками фальсифицировать историческое прошлое народов. В исторической памяти нередко подчеркивалась ее значимость для личностной и социальной идентификации человека. [4] Исследование феномена исторической памяти является общегуманитарной проблемой, которая находится на пересечении философии, психологии, социологии, что определяется многогранностью концепта «историческая память» как социокультурного явления. В социологической литературе рассматриваются вопросы, связанные с коллективной памятью [23], с исследованием субъективного восприятия исторических событий, [3, 14] В историографических исследованиях (Л. П. Репина, 2004; М. В. Соколова, 2008 и др.) историческая память рассматривается в качестве мифологизированного знания. [14, 18] Историко-психологический аспект выявляет этничность как категорию «родом из детства» (Г.У.Солдатова) Г.У. Солдатова отмечает, что отражение этничности происходит через социально-нормативное отношение к этническим общностям путем осознания критериев. [19] Это дает возможность сделать выводы о качественном уровне проявления этнического самосознания в качестве позитивной этнической самоидентификации, которая способствует оптимизации межэтнических отношений. В. Ю. Хотинец указывает, что

этническая самоидентификация является чувством принадлежности к этнической общности с учетом конкретных параметров этногенеза: расово-биологический (родовые корни) и климато-географический (историческая территория) и социо-культурный аспект, образующегося в процессе историко-культурного развития общности. [26]

Несмотря на то, что данный феномен активно был исследован и получил отражение в современных гуманитарных науках, вопрос изучения функционирования исторической памяти в аспекте индивидуального сознания недостаточно изучен. Проблемы исторической памяти исследователями связывались с исторической чувствительностью личности, законами исторической индивидуализации [5], с субъективной картиной жизненного пути [24]; в контексте личности с культурным аспектом макровремени [26]; со средствами массовой информации [20] и определяется фактором исторической социализации личности [5]. Наиболее интересным нам представляется позиция исследователей, рассматривающих феномен исторической памяти в ракурсе субъективной картины жизненного пути личности, определяющей его в качестве личностного образования. Данный аспект позволяет исследовать как целостный образ истории, исторические воспоминания, так и личностно значимые исторические события. [12, 13, 25]

Современные межкультурные исследования, посвященные изучению русской и армянской молодежи в различных социокультурных средах, отражены в работах русских и армянских психологов: В.Г.Крысько, А.С.Берберян, М.А.Варданян, А.К.Белоусова, О.Р.Тучина и др..

Таким образом, в связи с назревшей потребностью в акцентировании внимания на историческом опыте этноса для глубинного осмысления национальной идентичности конкретного индивида и общности в целом, мы предлагаем в качестве этнодифференцирующих признаков рассматривать не только язык, традиции, ценности и нормы, религию, представления об общности, мифы о предках, национальный характер, продукты народного и профессионального искусства, но и историческую память, психологический аспект восприятия исторических фактов и их отражения в национальном самосознании народа. В зависимости от особенностей исторической ситуации и самого этнического окружения динамично меняются представления членов этноса.

В нашем исследовании этнической идентичности в качестве ключевого понятия мы предлагаем категорию «исторический опыт», который рассматриваем в качестве непосредственного переживания человеком не только исторических событий, но и исторической дистанции между прошлым и настоящим временем. Для приобретения подобного опыта важно акцентировать внимание на эмоциональном переживании отчуждения от жизненных событий настоящего времени, на чувстве ностальгии по прошлой аутентичности, подлинности в современных реалиях неопределенности неподлинности настоящего. Полученный опыт позволит выявить подлинное, важное в своем «Я», в себе, что является определяющим в собственной самоидентичности. Обращение человека к значительным событиям

прошлого, к ключевым вопросам прошлого своего народа позволяет включить в свой личностный опыт, обогащая его самоидентичность и принятие себя как члена своей общности. Особенность исторического опыта заключается в том, что объединяет линейную последовательность истории как связующего звена прошлого с будущим, где прошлое и ее цикличность в неразрывной связи с настоящим и будущим определяет идентичность личности, ее чувство принадлежности к этнической группе, экзистенциальную сущность личности в своем «Я» и социуме.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Пер. с англ. А.А. Олейникова, И.В. Борисовой, Е.Э. Ляминой и др. М.: Европа, 2007. 612 с.)
2. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Исторический опыт: попытка концептуализации Научные труды КубГТУ, №3, 2014 год 1 УДК 165.42 + 159.9
3. Афанасьева А. И., Меркушин В. И. 2005. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян/А.И. Афанасьева, В.И. Меркушин// Социологические исследования. - 2005, № 5. С. 11-22.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества : [сборник избранных трудов] / М. М. Бахтин– Москва : Искусство, 1979. – 423 с.
5. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии /Е. Ю. Боброва -СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 236 с.)
6. Выготский Л.С. Собрание сочинений: т. 4. - М.: Педагогика, 2008.)
7. Дубровина И.В. Психологическое развитие воспитанников детского дома. М.: Педагогика, 1990. - 264 с.
8. Иванов В.П. Человеческая деятельность – познание – искусство. Киев, 1977. 252
9. Иванов В.П. Мировоззрение как форма сознания, самоопределения и культуры личности // Мировоззренческая культура личности: моногр. / под ред. В.П. Иванова. Киев, 1986. С. 10–88
10. Клочко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс. Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333-33
11. Кон И.С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1989. – 44 с.)
12. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002
13. Коржова Е.Ю., Трегубенко И.А., Анализ личностно значимых исторических событий // СПб - 2013]
14. Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации / Е. Ю. Мещеркина /Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2005// Отв. ред. Л.М. Дробижев а. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 198-213.

15. Николаенко Л.Г. Социальный опыт как проблема гносеологического исследования // Проблемы философии. Вып. 45. – Киев: Вища школа, 1978. – С.
16. Русских Л.В. - Идентичность: культурная, этническая, национальная.: Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»)
17. Репина Л.П. Историческая память и современная историография/ Л. П. Репина // Новая и новейшая история. № 5. 2004.
18. Соколова М.В. Историческая память в контексте междисциплинарных исследований / М. В. Соколова // Вестник УСПУ. № 2 (55) - 2008. - С. 21 - 26
19. Солдатова, Г. У. (1998). Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл
20. Соснин В. А. Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России / В. А. Соснин // Психологический журнал. № 4, 2009, С. 102-105
21. Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология*. – М.: *Институт психологии РАН, «Академический проект»*, 1999. – 320 с.
22. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983, с. 284.]
23. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре 2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
24. Трегубенко И. А. Психологическая диагностика исторической памяти// Научные труды: вопросы теории культуры. Вып. 19. СПб.: СПбГАИЖСА им. И.Е. Репина 2011. – С. 106–121
25. Трегубенко, И.А. Историческая память и субъективная картина жизненного пути личности // Научные труды (Институт имени И.Е. Репина) – Вып. 23. 2012
26. Хотинец, В. Ю. Этническая идентичность и толерантность : учебное пособие для вузов / В. Ю. Хотинец. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — 121 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13109-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/449252> (дата обращения: 20.02.2022).
27. Шкуратов В.А. Историческая психология /В. А. Шкуратов - М.: Смысл, 1997.-512 с.
28. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. - М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. - 344 с.
29. Fogelson R.D. Person, self and identity: Some anthropological retrospects, circumspects and prospects // Psychosocial Theories of the Self: Proceedings of a Conference on New Approaches to the Self, held March 29 – April 1, 1979, by the Center for Psychosocial Studies. Chicago, Illinois, 1982. P. 67–109.
30. Huesmann, L. R., Eron, L. D., Lefkowitz, M. M., & Walder, L. O. (1984). The stability of aggression over time and generations. *Developmental Psychology*, 20(6).
31. Mead G. H. *Mind, Self and Society*. Chicago, 1963. 401 p.

32. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of intergroup relations. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7–24

33. Tyson Ph., Tyson R.L. Psychoanalytic Theories of Development: An Integration/ Yale University Press; Reprint edition (January 27, 1993)

Богданова В.Л.

**ЯЗЫКИ СОЗНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
РАЗВИТИЯ ПРЕАДАПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: Автор рассматривает концепцию В.В. Козлова о «языках сознания» в контексте одного из направлений буддизма как инструмент наращивания преадаптивного потенциала человека. Кратко рассмотрена возможность перехода от адаптивных систем развития к преадаптивным. Выделены необходимые критерии такого перехода.

Ключевые слова: языки сознания, преадаптация, сознание, буддизм.

Annotation: The author considers the concept of V.V. Kozlov "languages of consciousness" in the context of one of the directions of the development of buddhism as a tool for increasing the pre-adaptive potential of a person. The possibility of transition from adaptive development systems to pre-adaptive ones is briefly considered. The necessary criteria for such a transition are identified.

Key words: languages of consciousness, pre-adaptation, consciousness, Buddhism.

Современный мир стал непредсказуем почти во всех сферах жизнедеятельности человека. Мировой пандемический кризис обнажил практически все уязвимые места, что сказалось на психоэмоциональной стабильности человека. «Стремительное распространение пандемии COVID-19 в начале 2020 года за рекордно короткий срок изменило жизнь миллионов людей во всем мире. Существенное изменение уклада жизни, способное повлечь за собой изменения материального статуса, в сочетании с риском быть инфицированным и серьезно заболеть, а также тревога по поводу возможных потерь могут рассматриваться в качестве серьезных факторов риска дезадаптации в условиях пандемии [Вызовы пандемии, 2020]».

Более того, сам мировой порядок стал хрупким, тревожным, нелинейным и непостижимым и как следствие эти факторы оказывают влияние на уровень жизни человека. Информационный поток, который обрушился на человека, в своем объеме и качестве дезориентирует его не только во внешнем жизненном пространстве, но и во внутреннем.

Как справедливо отмечает А.Г. Асмолов: «Сегодня причиной психологических проблем личности являются страх потери смысла жизни, вторая проблема – дефицит доверия, и третья – дефицит понимания... Рефлексия нарастающих ценностных и когнитивных диссонансов, препятствует диалогу между разными сосуществующими укладами и стилями мышления о сложных системах». Дефицит понимания не только окружающего мира, но и прежде всего непонимания, неосознавание себя, своих потребностей и базовых ценностей.

«Человек на протяжении всей жизни через индивидуальное восприятие делает ценностные выводы об окружающих событиях. Прежде чем он отреагирует, тем или иным образом на полученную информацию из вне, это событие проходит через «жержна» собственной сферы ценностей и моральных ориентаций, из чего и состоит аксиосфера человека. Этот процесс не имеет материального проявления или каких-либо проявленных видимых психических реакций, в материальном мире мы видим только следующую за ним реакцию человека... Мы считаем, что сегодня, как никогда существует запрос на переосмысление субъективно-личностного начала человека и его отношении к объективному миру. С возрастанием инфодемии человеку, не имеющему собственной устойчивой аксиосферы, трудно выстраивать свою собственную жизнь и актуализировать свои потенции. Более того, мы считаем, что нарастает кризис духовного общества, которое исчезает в чрезмерном прагматизме и утилитаризме, происходит обесценивание «человечности» как неотъемлемом качестве индивида, что ведет к дегуманизации общественной жизни [Богданова,2021]».

Такое положение дел порождает нестабильность в самом обществе, в малых и средних группах, а также неустойчивость психоэмоционального состояния человека, индуцирует тревогу, невроз, накопление стресса и далее перерастает в более серьезные психические и неврологические заболевания. На наш взгляд, механизмы, которые порождают дезадаптацию в жизненном пространстве заложены не только в окружающем мире, который несомненно оказывает влияние, но и в самом человеке. Не умение справляться с жизненными трудностями, не способность к саморегулированию и саморефлексии делают человека беспомощным, подавленным, что вызывает деструктивное поведение. «Самосознание человека релевантно ощущению демиурга. В процессе творения не столько человек создает те или иные идеи, образы, лингвокреативные (языкотворческие) символы и знаки, сколько продуктивные идеи «создают» человека – в их власти находятся увлеченные своими действиями люди. Действующая личность раскрывается, как «causa sui» (причина себя). Так, личность со-творяет себя и «о-творяет» (открывает другому) – в моментах выхода за границы себя (в межличностное пространство) и своих возможностей (знаний, умений, способностей), представленности себя в других людях (бытие человека в другом человеке) и воспроизводстве другого человека в себе[Козлов,2016]».

В тоже время следует отметить, что «такие ключевые вызовы современности, как вызовы неопределенности, сложности и разнообразия

свидетельствуют о том, что странный мир, мир взрыва непредсказуемости уже наступил. И среди конкурирующих символов XXI в. — мозг, искусственный интеллект, сознание — метафора Д. Данина «неизбежность странного мира» наиболее ёмко передает направление происходящих в мире перемен [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018]». Ю.М. Лотман писал «... говоря об истории человечества, можно сказать, что роль непредсказуемости не только существенно возрастает в тот момент, когда человек сделался человеком, но и что именно она образовала фундамент этого перехода».

Кроме того, нам видится, что развивающаяся система в общем понимании во всем своем многообразии эволюционирует быстрее, чем сам человек, человечество как бы не поспевает за изменениями, которые эта система продуцирует. Человечеству приходится «семимильными шагами» догонять стремительно развивающиеся системы. Впрочем, если рассматривать глобально, в эволюционном аспекте, вызовы человечеству существовали всегда, другой вопрос: как к этим вызовам было готово само человечество. Эволюция в основном рассматривается — как адаптация личности в уже наступившем событии, однако такая система развивается не так быстро, и ее механизмы адаптации в современном мире оказываются на наш взгляд несколько запоздалыми и не продуктивными.

Сегодня все больше в психологическом пространстве стали говорить о **«преадаптации к неопределенности как стратегии навигации развивающихся систем»** [Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018]».

Термин «преадаптация» ввел биолог-эволюционист Люсьен Кено еще в начале XX века, высказав парадоксальную для того времени мысль о том, что «эволюция поддерживает не только «очевидную полезность», а жизнь во всех её проявлениях». По его мнению, именно наличие вариантов, не адаптированных к условиям настоящего, стимулирует активность живой системы к поискам своих новых выигрышных проявлений. «В чем же заключается принципиальная разница между адаптивными и преадаптивными путями развития? Адаптация, если её рассматривать в контексте теории направлений эволюционного процесса А.С. Северцова, сопоставима с таким направлением эволюции, как идиоадаптация: частными изменениями при сохранении в целом прежнего уровня организации. Преадаптационный путь развития сопоставим с ароморфозом: кардинальным преобразованием, приводящим к изменению уровня сложности организмов. Из сказанного следует, что адаптация связана с постепенной трансформацией того, что уже есть; *преадаптация же относится к скачкообразной качественной реорганизации системы, освобождающейся от «диктатуры прошлого опыт...* В адаптивной эволюции трендов, «память жизнь ведет как под уздцы коня» (Н. Гумилев); ведет туда, куда подсказывают антиципация, вероятностное прогнозирование, становящиеся всё более точными благодаря научению и памяти. Второй режим -режим конструирования невозможного — осуществляется благодаря преадаптации, как органу «шестого чувства» (Н. Гумилев).

В отличие от необходимого разнообразия при адаптации, преадаптивным ответом живой системы на неопределенность будущих вызовов является избыток разнообразия как условия «конструирования «вне-возможного». Этот избыток составляют нейтральные, не специализированные формы. По мере усложнения жизни избыточность, которая выступает как условие конструирования качественно новых возможностей, снабжается специальными механизмами, которые могут быть названы «механизмами выработки вариативности [Асмолов, Шехтер, Черноризов,2018]».

Рассматривая преадаптацию как решение эволюционных задач следует отметить, что преодоление функциональной фиксированности при решении задач это выход за рамки функций - это когда одна функция, появившаяся для одних задач, потом меняется и становится другой функцией (теория продуктивного мышления Дункера) и используется для решения других задач (закон Торна). При решении творческих задач следует отметить теорию «Побочных продуктов» Я.А. Пономарева как источник саморазвития. Согласно теории, побочный продукт появляется не при решении задач, а в ходе обследования интеракции взаимодействия и в ходе эволюции. Такой продукт помогает накапливанию, избыточных возможностей, и только тогда начинают срабатывать подсказки... «По сути дела идеи о побочном продукте и не классическом идеале рациональности это антология, которая поддерживает методологию [Асмолов, Шехтер, Черноризов,2018]». О необходимости выйти за пределы, увидеть не только рациональную логику, но и формальную, адаптивную говорил М.К. Мамардашвили. Он писал: «...о важности расширения и решения сверхзадач и тогда можно увидеть совершенно иные избыточные возможности в развитии.»

В теории преадаптации выделяются следующие принципы сложных систем, принципы онтогенеза:

-в точке бифуркации даже слабый сигнал изменяет направление эволюции системы (принцип И.Р. Пригожина) «Неопределенность будущего достигает максимума в критических точках бифуркаций — «развилках» множества альтернатив, где случайность приобретает особое значение и начинает выступать в качестве важного механизма запуска одного из множества возможных вариантов развития [Пригожин,1991]»;

- сила слабых связей (принцип М.Грановеттера [Granovetter,1973]), сила спонтанных связей может изменить всю ситуацию;

-случайное непреднамеренное открытие (принцип серендипности);

-эффект внезапного скачка, меняющий траекторию эволюции (принцип инсайта);

-принцип опоры на «побочный продукт» при решении творческих задач (Я.А. Пономарев [Пономарев,1983]»;

-принцип преодоления «функциональной фиксированности» [Дункер, 1965];

-принцип универсальной избыточности как условие преадаптации;

Именно избыточность, ход к разгадке преадапциогенеза – «установка эволюционного потенциализма», который нужен мышлению, особенно в условиях вызова сложности, нелинейности, неопределённости и непостижимости - это конструирование будущего из избыточности. Здесь следует отметить, что такое будущее может и не наступить (дремлющая перспектива) однако та избыточность, которая создается, способна изменять траекторию системы. Н.А. Бернштейн говорил: «Только живое способно плыть против течения».

В свою очередь преадапциогенез имеет 5 особенностей: разнообразие, вариабельность, избыточность, антиципация и преадаптация. Среди возможных стратегий развития, которые так или иначе характеризуют наш сегодняшний мир можно выделить следующие:

- стратегия «трикстера» в эволюции: выбор между «пан» или «пропал»;
- стратегии ставки на непредсказуемость;
- эмерджентные (появление свойств не свойственных ранее системе);
- ценность «логики неудач» [Дёнер,1997];
- дизруптивные (подрывные) технологии, чтоб расчистить наше мышление и прорваться к избытку;
- стратегия – невозможное возможно.

Для того чтобы расчистить завалы нашего мышления и перейти к особой эволюционной методологии - эволюционного потенциализма сегодня очень важны **практики наращивания преадаптивного потенциала** к которым относятся практики развития творческого потенциала личности как:

- мозговой штурм, хакатон;
- меховые и карнавальные действия и театр абсурда;
- импровизация и экспромт;
- коаны дзен-буддизма, к философии [Козлов,2011,2019] которой мы еще вернемся далее в нашей статье.

Как справедливо отмечает А.Г. Асмолов: «сейчас необходимы переключки разных подходов и разных систем, когда мы выходим на понимание идей преадаптивного потенциала, как резерва любых систем, где бы мы не исследовали в биологии социологии психологии филологии».

О необходимости взаимодействия всех психологических школ, практик и теорий уже давно говорит интегративный подход В.В. Козлова, чья теория нам очень близка. «Интегративный подход – это творческий и многомерный синтез концепций, которые опредмечивают различные аспекты человеческой активности, как в теоретико-методологическом, так и в исследовательском и психотехническом отношениях. Главной целью психологии мы видим в том, чтобы воссоединить целостную ткань психической реальности и выстроить многомерную интегративную парадигму современной психологии [16, 25, 32].

Интегративная психология предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются: взаимодействие между всеми волнами психологии, интегративный диалог альтернативных подходов, традиций, школ и критическое рефлексивное позиционирование.

Интегративная психология обращается к основам существования человека, а именно к созидающему качеству сознания, конституирующему личностное бытие и всегда предшествующему научному объяснению. Методологический фундамент интегративного подхода состоит из методологических принципов целостности, развития, нелинейного детерминизма, многомерности истины, позитивности, соотнесённости, онтологического плюрализма. Это методологические правила, которые указывают, каких путей и средств «научного» постижения следует избегать (негативная эвристика) и которыми следует двигаться (позитивная эвристика) [Козлов,2021]».

«Интегративность и интегративная психология могут стать универсальной моделью мира и, в конце концов, интегративным мировоззрением: без эпилептоидной ограниченности, без войн и чувства превосходства (одной психологической теории над другой, прим. автора), без территориальных, идеологических, теологических, национальных и так далее противоречий. В конце концов, за 50 лет дальнейшего воплощения интегративного антропологического проекта в человеческой цивилизации можно было бы сделать скачок, который длился десятки тысяч лет, в том числе и в культуре, и в экономике и так далее и так далее. Только с одной предпосылкой – если бы доминировало интегративное мировоззрение [Козлов,2022]».

По нашему мнению, наращивание потенциала преадаптации напрямую зависит от сознания человека и его когнитивной карты. Сознание, одно из базовых понятий культуры человечества, и по мнению ученых, наделен им только человек. Изучается сознание с древних времен философами, духовными мыслителями, психологами, нейрофизиологами, биологами и мн. др. Термин сознания имеет множество определений, но вряд ли какое-то из них дает нам ёмкое и глубокое писание этой психической энергии. Практически все психологические школы пытаются дифференцировать, познать феномен человеческого сознания. Р.Ассаджиоли пытался «довести до сознания разнообразный материал бессознательного, интегрировать его и достигнуть синтеза этого материала с сознанием в процессе самопознания. К.Г. Юнг, отождествлял «сознание и «Самость». К.Уилбер, сознание раскрывает как многоуровневую сущность человека, объединяющую различные уровни самоидентификации и самотождественности. С.Гроф описал расширенную картографию, которая включает в себя четыре основных уровня: эстетический опыт, психодинамику, перенатальный опыт, трансперсональный опыт [Козлов,2016]».

Многообразие подходов и объяснения феномена сознания ставит перед учеными задачу понятного толкования данной проблемы, но до сих пор эта задача не разрешена. Более того возникает вопрос принципиальной возможности исследования или познания самого сознания.

Как ранее мы писали, одним из способов наращивания преадаптивного потенциала человека в большей степени являются развитие **творческого состояния сознания** (креативность, импровизация,

воображение, потоковость и т.п.). Для того чтобы человек мог развивать творческое состояние сознания он должен уметь слышать себя, свое тело, распознавать свои потребности и знать базовые ценности своей личности.

Одной из практик наращивания преадаптивного потенциала человека справедливо отмечены коаны дзен-буддизма. Коаны (пути) буддизма способны открыть путь к сокровищнице познания мира и самого человека, они хранят познания глубоких слоев философии буддизма и его различных ответвлений, практик и технологий, отвечают на многие вопросы современности, несмотря на довольно почтенный возраст самого учения.

В нашей статье мы предлагаем рассмотреть концепцию о «языках сознания» обращаясь к одному из путей (коанов) буддизма, философии ведантийского индуизма, под названием: **садхана** (средство для достижения чего-то, духовная практика) - **как игра сознания**.

Исследуя языки нашего сознания, на котором с нами «разговаривают», а иногда даже «кричат» наши тело, психика, разум и душа мы способны расширять свое творческое сознание и использовать его для развития своего преадаптивного потенциала. Кроме того, мы считаем, что основной причиной возникновения внутриличностного конфликта являются: неумение слышать свою самость, чувствовать свой организм, неумение расставлять приоритеты и формировать свои смысложизненные ценности, что приводит к дезадаптации в окружающем мире, энтропии своих целей и потребностей и как следствие оказывает влияние на качество самой жизни человека в материальной, социальной и духовной сфере. Мы утверждаем, что человеческий организм целостен в каждом моменте своего существования и наделен всеми необходимыми механизмами, качествами и способностями, для того чтобы, со временем не только адаптироваться к эволюционным изменениям, но и развивать преадаптивные навыки для качественно новой жизни в современном мире и будущем. По нашему мнению, этими способностями человек обладал всегда, однако с огромной дифференциацией жизненных сфер, смыслов и инфодемии, современный человек забывает о языках своего сознания и все реже стал обращается к ним.

В нашем подходе сознание мы определяем, как «сложное метасистемное явление. Оно строится на основе психических процессов, но не является аддитивным феноменом, т.к. все составляющие его «первокирпичики» уже осознаны. Сознание - это именно новое метасистемное качество, не сводящееся к проявлениям его составляющих более низкого уровня и одновременно интегрирующее все возможные уровни и феноменологию психического. Сознание мы можем определить, как способность к порождению многомерного мира человека, его усложнению в процессе филогенеза и онтогенеза. В этом заключается творчество сознания, его тенденция в порождении множественности [Козлов,2022]». Что еще раз подтверждает, что человеческое сознание способно развивать преадаптивный потенциал на разных стадиях своего развития.

«Среди свойств сознания человека, благодаря которым конструирование человеком окружающего мира носит субъективный характер выделяются: автономность и сепарированность, активность, селективность, обобщенность и отвлеченность, целостность, константность, динамичность, искаженность, способность к рефлексии. Способность к рефлексии мы понимаем, как способность сознания человека к самонаблюдению, самооценке, самопознанию, в том числе через понимание оценки себя других людей [Козлов.2022]». Мы считаем, что, развивая способность к саморефлексии, в том числе и благодаря «языкам сознания» человек развивает в себе не только способность выстраивания наилучшего перспективного нарратива своей жизни, но и способность конструировать невозможного перспектива из избытка в контексте преадаптации к вызовам современности и будущего.

Сознание описывается почти во всех духовных традициях как некая чистая энергия, наделенная многомерностью реальности. Реальность же представляет собой совокупность различных, но неразрывно связанных измерений. Например, в Ригведах (Аватамсака-сутра) сознание описывали в виде ожерелья из жемчуга ведического бога Индры, где каждая жемчужина отражала остальные.

«Возникнув более двух с половиной тысяч лет назад в Индии, как экзистенциально–философское учение, буддизм создал уникальную по масштабности и разнообразию каноническую литературу и многочисленные философские, психологические, религиозные институты и школы. Гибкость и глубина философских положений, тонкость психологических интерпретаций и универсализм этики буддизма содействовали его экспансии и интеграции в различные культуры, религии и идеологии. Язык и смысловое поле буддизма многомерно. Буддизм можно рассматривать и как философию, и как психологическую систему, и как модель мира, и как нравственное учение, и как культурный комплекс, и как образ жизни, и в конце концов как религию. Изучение буддизма является краеугольным камнем в адекватном понимании социально–психологических, этических, политических, экономических и культурных систем стран, в которых существовали и имеются в настоящее время буддийские общины.

Как любая традиция, буддизм предполагает определенную структурно–функциональную расчлененность психики и иерархически выстроенный путь к целостности высшего порядка разной степени сложности. Степень примитивности–сложности семантических пространств садханы как иерархии выстроена для того, чтобы простроить развитие любого бхигшу с любыми интеллектуальными запросами (психология буддизма) [Козлов,2011]».

Основная стратегия буддизма заключается в том, чтобы распаковать полную потенциальность человека, раскрытие природы Будды в человеке, пробужденного чистого сознания как основы полноты ясности. Путь буддизма – путь к чистой энергии сознания. Одним из путей (коанов)

буддизма является учение *ведантийского индуизма - Третий путь: садхана как игра сознания*.

В основе буддизма лежит индуизм, который был распространён практически по всей Индии. Индуизм уходит своими корнями в ведизм, и основными индуистскими текстами являются Веды, Упанишады, Пураны, эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата» (частью которой является «Бхагавадгита») и Агамы. Среди направлений буддизма выделяется ведантийский индуизм, это одна из шести ортодоксальных школ (даршан) в философии индуизма. В сущности, веданта является общим названием ряда философско-религиозных традиций в индуизме. «Веданта (Vedanta = veda + anta — букв «завершение вед», санскритский глагольный корень vid, от которого произведено слово veda, родствен не только латинскому videre, но и русскому ведать. Интересно, что значение этого последнего глагола во многом близко значению его санскритского прототипа — это правильное знание» [Костюченко, 1983]».

Согласно ведантийскому индуизму, каждый человек состоит из пяти оболочек, уровней или измерений бытия (коша). Их часто сравнивают с луковицей, снимая с которой слой за слоем можно постепенно приблизиться к сущности. В ведантизме эти пять оболочек группируются в три основных состояния: *грубое, тонкое и каузальное*.

Грубое измерение включает низший уровень иерархии, *аннамайякоша* - физическое тело, обозначающее «оболочку, сделанную из пищи».

Тонкое измерение состоит из трех средних уровней: второго слоя *пранамайякоша* -это эмоционально-сексуальное тело. Прана- это витальная сила, жизненная энергия, либидо во фрейдовском понимании. Третьего слоя маномайякоша - оболочка манаса, или разума, рационального, абстрактного, лингвистического и четвертый - *виджнянамайякоша* — интуитивная оболочка, высший, или тонкий разум.

Каузальное измерение содержит высший уровень, пятый слой, *анандамайякоша* - оболочка из ананды, или духовного и трансцендентального блаженства. Архетипический дух, о котором также говорится, что он во многом (но не вообще) не проявлен или не имеет формы

«В ведантизме эти три основные измерения бытия связываются с тремя основными состояниями сознания: бодрствованием, сном и глубоким сном без сновидений. За этими тремя состояниями находится абсолютный Дух, называемый иногда «турья», «четвертый», поскольку он превосходит (и включает) три состояния проявленности; он превосходит (и соответственно интегрирует) грубое, тонкое и каузальное [Барабанщиков, 2002]».

Учение буддизма и в том числе ведантийского индуизма так или иначе отражается во многих современных подходах исследования сознания человека.

Одной из таких подходов является описываемая концепция о «языках сознания [Козлов,2016]». Она была введена профессором, доктором психологических наук В.В. Козловым при описании «карты психической реальности» и является «попыткой описать то сложное содержание

феноменов, которое определяет индивидуальную субъективную реальность. «При этом субъективность предполагает только одну значимую переменную – существование индивидуального свободного сознания, не обусловленную даже самой средой функционирования. Но для того, чтобы показать специфические черты различных сред (пространств существования) сознания», и была предложена концепция о языках сознания. В.В. Козлов описал базовые языки сознания: ощущения, эмоции и чувства, образы, символы и знаки, «которые в филогенетическом плане сформировались в процессе эволюции жизни как способы отражения реальности и в онтогенезе усваивались нами именно в той последовательности», которая приведена выше.

Мы вслед за автором концепции о «языках сознания» поясняем, что наша попытка исследования возможности применения концепции «языков сознания» как инструмента позволяющего развивать преадаптивный потенциал человека, является лишь демонстрационной моделью, которая не в полной мере может «охватить весь спектр психической реальности в силу индивидуальной субъективности, так как «в реальном потоке психического любой сенсорный стимул вызывает перцептивную организацию, эмоционально-чувственное реагирование и попытку категоризации. В филогенетическом плане все эти языки сформировались в процессе эволюции жизни как способы отражения реальности и взаимодействия. В онтогенезе усваивались нами именно в этой последовательности: сначала ощущения, затем эмоции и чувства, затем образы и, наконец, символы и знаки [Козлов,2016]».

Восприятие человеком окружающего мира происходит через субъективную реальность, которая не всегда отвечает запросам социума (сред), в котором живет человек и вне зависимости от сложности категориального аппарата самого человека. Через сознание, которое входит в структуру мира и сферу бытия человека.

«Субъектная реальность – это индивидуальное и уникальное восприятие-представление о внутренней и внешней реальности, которое формируется в процессе социализации и является интегративным образованием, определяющим эмоциональные, когнитивные и поведенческие особенности реагирования индивида на стимульное содержание внутренней и внешней среды. ... Вне сомнения, понятие сред реализации сознания более адекватно, чем уже ставших привычными языками сознания. Энергия сознания опредмечивается, наполняется содержанием в определенной среде, в которой и приобретает качество языка сознания [Козлов,2022]». Языки сознания можно характеризовать как инструмент самопознания себя на трех взаимосвязанных уровнях – когнитивный, поведенческий и эмоциональный. Каждый из этих уровней взаимодействуют, и так или иначе влияют на реализацию функций самосознания и вносит вклад в развитие человека.

Самое грубое измерение состояния, описываемое в ведантском индуизме, включает низший уровень иерархии, физическое тело - аннамайякоша. К этому состоянию можно отнести такой язык сознания – как

ощущения. Это самый древний (архаичный) язык, который нам дан с рождения.

Ощущения — это простейший психический процесс, заключающийся в отражении отдельных свойств предметов и явлений окружающего мира, действующих в данный момент на соответствующие органы чувств. Ощущения являются частью другого психического процесса — восприятия, системы формирования перцептивного образа. Человеческий организм через ощущения и в том числе субъективных чувствований от воздействия окружающей среды является языком, который описывает пространство вокруг человека. Это «язык», на котором «говорят» с нашим сознанием запахи окружающего пространства через обоняние, звуки в своем разнообразии частот и тональностей через уши, качества и свойство различных поверхностей благодаря осязанию, вкусовая палитра разнообразия гастрономических предпочтений и обширная световая гамма мира во всем своем многообразии. Зрительные, обонятельные, слуховые, вкусовые и тактильные ощущения первыми стоят на грани соприкосновения человека с внешней средой - это экстерорецептивные ощущения.

Другой вид ощущений - это интероцептивные, они связаны с иным типом раздражения рецепторов, находящихся внутри организма. Эти ощущения отражают внутреннее состояние организма. К ним относятся: ощущения голода, жажды, сердечно-сосудистой, дыхательной и половой системы, внутренние болевые и статические ощущения и др.

Проприоцептивные, или двигательные, ощущения отражают движение и состояние самого тела, положение конечностей, их движение и степени прилагаемого при этом усилия. Без них невозможно нормально выполнять движения и координировать их. Ощущение положения (равновесия) наряду с двигательными ощущениями играет важную роль в процессе восприятия, например, устойчивости.

Ощущения всегда воспринимаются человеком индивидуально, также они различаются по качеству, причем каждый вид ощущений имеет свои особенности, отличающие его от других видов. Например, по цвету и насыщенности, если говорить о зрительных ощущениях и тембром, громкостью, если мы говорим о слухе. Также ощущения можно разделять по интенсивности и продолжительности, а также по инерции. Инерция ощущений проявляется в том, что ощущение не возникает одновременно с началом действия раздражителя и не исчезает одновременно с прекращением его действия, а сохраняется еще некоторое время. Длительность инерции ощущений не является константной величиной, а зависит от ряда факторов.

Мы уже писали, что ощущения могут как дополнять и друг друга так и взаимодействовать, это проявляется в явлениях сенсбилизации (повышение чувствительности нервных центров под влиянием воздействия раздражителя), синестезии (возникновение ощущения под влиянием раздражения некоторого анализатора ощущения, характерного для другого анализатора) и контраста (изменение интенсивности и качества ощущений под влиянием предшествующего или сопутствующего раздражителя).

Мир ощущений, мир «аннамайякоша» - это самый первичный язык сознания, данный нам природой и эволюцией. Эволюции органов чувств убедительно показывает, что в процессе длительного исторического развития сформировались особые воспринимающие органы (органы чувств, или рецепторы), которые специализировались на отражении особых видов объективно существующих форм движения материи (или видов энергии): слуховые рецепторы, отражающие звуковые колебания; зрительные рецепторы, отражающие определенные диапазоны электромагнитных колебаний, и т. д. Органы чувств, объективно отражающие различные виды энергии и возможно даже те, которые мы еще не способны различать. Благодаря ощущениям люди адаптировались к эволюционным изменениям и таким образом, ощущения является чувственным отображением объективной реальности человека.

Отдельно следует выделить *домадальное ощущение как изначальное состояние сознания*. В ведантском индуизме его можно отнести к каузальному измерению, и он содержит высший уровень, анандамайякоша, или архетипический дух. «Изначальное состояние сознания — это состояние первичной не дифференцированности на субъектно-объектные отношения, когда индивидуальное свободное сознания не имеет содержания за счет энергетического или сенсорно-перцептивного преобразования в среде и реальность не структурирована в модальностях опыта.

На наш взгляд, это единственная возможность соприкосновения с той интегративной составляющей существования, которую по традиции называют душой или что нами обозначается как индивидуальное свободное сознание. Не так важно, каков метод, который приводит к погружению сознания в среду этого пространства энергии: буддийская випассана, даосская пещерная медитация или утонченная интроспекция отца психологии Вильгельма Вундта.

Не так важно, как мы обозначаем эту среду: первичной чувствительностью (Спирман, 1923), прототаксической формой (Салливан, 1953) или онтогенетической регрессией в изначальное состояние (Козлов, 1995).

Важно, что «снимая одежды сознания» мы сталкиваемся с той средой, где трансцендированы пространство, время, персона. Невыразимый ужас-восторг, который охватывает человека при приближении к этой среде, растворяется в состоянии безвременности и потери пространственного местонахождения, дереализации и деперсонализации, ощущении слияния всем и вся, ни с кем и ни с чем в акте объективации рефлексивного оглядывания. Обозначая эту среду «индивидуальным свободным сознанием», мы ничего не добавляем в ее характеристики, так если обозначим душой или изначальным состоянием сознания, атманом или алая-виджняной. Явно понятно одно — это является переживанием чистой энергии сознания [Козлов, 2022]».

«Нам важно понимание, что «изначальное сознание», «душа», чистая энергия сознание», «архесенсорный слой психической организации», индивидуальное свободное сознание, являются основой субъектности и личностной активности прямо сейчас, некой метапозицией по отношению к самосознанию, топосом трансцендентной рефлексии потока бытия человека. Нам кажется одновременно, что именно архесенсорный слой является неким зеркалом, на котором индивидуальное человеческое сознание активно рисует различные формы трансцендентного и трансперсонального порядка. При этом содержание этих форм зависит не только от индивидуального опыта созерцающего субъекта, но и всего содержания более поверхностных языков сознания, их взаимодействия, культурно-социального контекста, в котором происходит «встреча с зеркалом [Козлов,2022]».

Мы вслед за В.В. Козловым считаем, что «первое модально-специфическое отражение архесенсорного слоя мы встречаем именно как модальное энергетическое ощущение, и подобное экстрасенсорное чувствование-восприятие является максимальным приближением опыта к архесенсорным стимулам, воздействующим на рецепторные поля. Можно сказать – первым способом реконструирования, структурирования сознанием архесенсорного слоя психической реальности. Более сложные интермодальные кинестетические энергетические ощущения этого порядка мы называем «приливом сил», «воодушевлением», «подъемом энергии» и др. Ощущения обеспечивают во многих отношениях познание в чистом виде и регуляцию поведения на основе выделяемых признаков, важных для жизни живого существа объектов. За субъективными признаками объектов (ощущениями) стоят их объективные свойства, представленные на субъективном языке признаков как основной язык описания мира [Козлов,2022]».

Следующий язык, **язык эмоций** в процессе эволюции возник как средство, позволяющее живым существам определять биологическую значимость состояний организма и внешних воздействий. Самая примитивная форма этого языка – эмоциональный тон ощущений – существует уже в первые месяцы жизни ребенка (по некоторым новым исследованиям – уже во внутриутробном состоянии). Эмоциональный тон ощущений сопровождает непосредственные переживания, сопровождающие отдельные жизненно важные воздействия (вкусовые, температурные), и способствует их сохранению или устранению. Этот тип ощущений можно отнести к одному из средних уровней тонкого измерения: это эмоционально-сексуальное тело (пранамайякоша).

Эволюция языка эмоций, как в филогенезе, так и в онтогенезе происходит от менее простых к более сложным, от целостных состояний к все большей и большей дифференцированности.

Эмоции разделяются по функциям: оценки, побуждения, организации, подкрепления, регулирования, синтезирования, активации, адаптации, экспрессивности, которые также могут взаимодействовать и дополнять друг друга. Знания и умения различать язык эмоций и чувств очень важный для

человека, так как играют важную роль в его жизнедеятельности и организует целенаправленное поведение. Эмоции и чувства возникают в различных сферах жизни, так, например, если мы что-то делаем с удовольствием или решение задач приносит радость, творческая активность, то возникают практические чувства, если мы любуемся красивыми пейзажами природы или наслаждаемся искусством, то испытываем эстетические чувства, любопытство и познавательная деятельность даст нам интеллектуальные переживания, а отношение человека к морали, духовным ценностям, любви, состраданию наделят нравственными чувствами.

Можно наблюдать разные реакции людей на один и тот же раздражитель, как и на само проживание эмоций и чувств. Например, люди с разным типом темперамента могут по-разному реагировать на эмоциональное событие: по возбудимости- быстро или медленно; по восприимчивости- глубокое впечатление или только слегка заденет его внимание; по экспрессивности- как человек реагирует на ту или иную эмоцию и последнее, как долго он проживает возникшие чувства.

«Существует тесная связь между эмоциональными, мотивационными, поведенческими и когнитивными сферами личности. В силу этого эмоции имеют глобальную регулятивную функцию и напрямую влияют на адаптации-дезадаптации к реальной жизни, процессы совладения, содержание и адекватность коммуникативной активности личности. Способность человека тонко рефлексировать свои эмоции и чувства, а также эмоции и чувства других людей является личностной и социально-психологической предпосылкой для достижения собственных целей и качественной реализации деятельности. Таким образом, с одной стороны, эмоции и чувства отражают важные личностные качества и состояния: чувство одиночества и автономности, независимости, эмоциональная рефлексивность (я осознаю, что я чувствую в себе) и умение если не управлять, то контролировать интенсивность эмоций, устойчивость к стрессу, контроль над аффектами и импульсивностью, напористость и самоутверждение («иметь наглость быть»), оптимизм, чувство самореализации [Козлов,2022]».

То, какие эмоции испытывает человек выстраивает его эмоциональное состояние на некоторое время, а то и на несколько дней и оказывает влияние на его поведение. Эмоциональный тон человека влияет на то, как человек будет воспринимать события, которые происходят в окружающем мире. Не умение распознавать (отсутствие саморефлексии) свои эмоции и чувства, не знание индивидуальных критериев, которые формируют эмоциональный тон приводят к отсутствию способности к саморегуляции эмоционального состояния, что влияет на наращивание преадаптивного потенциала личности.

Следующие два типа языка сознания- **язык образов и язык символов и знаков**, согласно ведантскому индуизму и относятся к среднему уровню тонкого измерения– это разум (маномайякоша) и высший, или тонкий разум (виджнянамайякоша).

Здесь мы разделяем восприятие информации образов, символов и знаков на первичную и вторичную обработку информации по отношению к объекту реальности (В.В. Козлов, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, А.А. Гостев). Первичный образ возникает, когда информация или «объект» находится в поле восприятия человека и подразумевает первичный образ восприятия, или перцепт (феноменологическое или чувственное понятие, результат процесса восприятия.). Вторичный образ представляется как субъективное восприятие человека, основанное на его опыте репрезентации образов, относительно «объекта» или информации, без непосредственного «контакта». «Образ восприятия (перцепт, перцептивный образ) можно определить, как отражение, активное формирование и воспроизведение в сознании человека внешнего объекта или сцены, доступных органам чувств. Их можно дифференцируются по разным модальностям: зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, кинестетические [Козлов,2022]».

Язык образов создает некий синтез представлений об «объекте информации» основанный на пережитом опыте и не только. Язык образом по механизму восприятия можно разделить на:

- образ воображения, при котором происходит создание вымышленной реальности, фантазирование действительности, не основанной на собственном опыте;

- фантомный образ, как синтез перцептивного и репрезентативного образа, основанный на опыте переживания и работе «зеркальных нейронов» (образ утраченной части тела);

- схема тела при котором человек способен представить образ своего тела в различных положениях тела, движения, размеров и контуров;

- послеобраз или последовательный образ, феномен зрительного восприятия, возникающий после рассмотрения «объекта».

- эйдетический образ (от греч. *eidōs* - образ, вид), как отчетливое о полное зрительное представление объекта, но отличается от послеобраза тем, что является более стабильным и человек способен рассматривать его внутренним взором и действительно видеть.

Отдельно отметим о таком понятии как фосфены (от греч. *phos* - свет и *phainō* — показываю, обнаруживаю) – «хаотические световые ощущения, обычно наблюдаемые в темноте или при закрытых глазах, возникающее у человека без воздействия света на глаз. Фосфены могут иметь самую разнообразную форму и текстуру — от нескольких светящихся точек до сложных узоров, меняющихся во времени, ярких вспышек, абстрактных знаков, пятен, пунктиров, решеток и т.п. Фосфены могут быть разных цветовых оттенков (голубоватого, зеленоватого, красноватого, желтоватого) [Козлов,2022]».

Если обобщить механизмы восприятия и продуцирования языка образов, то можно сказать, что они делятся на сенсорно-перцептивные (ощущения, эмоциональный тон), представления (фантазии и вымышленная реальность, не основанные на опыте), основанные на памяти и эталонные (могут быть как основанные на примере, так и платоновская идеализация

«мира идей и мира вещей». Язык образов является одним из мощных механизмов передачи информации и методов достижения высших состояний сознания, в том числе и во всех известных духовных традициях.

«Сущностью интегративного представления о роли образа в сознании является недвойственность субъекта и объекта. Это означает, что индивидуальное сознание, которое воспринимает объект, и само воспринимаемое объект сознание не выглядят как две отдельные единицы (двойственное видение), но видятся как единое состояние. Нетрудно прийти к логическому выводу о том, что то, что мы видим, слышим и т.д., есть не что-то внешнее, но просто образ, вызванный чем-то внешним. Этот образ есть часть нас самих и не отличен от ума, который его (образ) воспринимает. Но даже если рассудочно понимать, что то, что мы видим, как человека, на самом деле есть просто наша собственная мыследеятельность, подобное понимание никак не меняет наших реакций. Мы продолжаем действовать и воспринимать так, как если бы данный образ действительно существовал как отдельная единица. Таким образом, можно рассудочно сконструировать идею недвойственного видения, но практически невозможно сконструировать с помощью умственных усилий его непосредственный опыт [Козлов,2022]».

Далее, прежде чем рассматривать **язык символов**, вспомним строки из стихотворения «Соответствия» Шарля Бодлера (в пер. В.Алексеева).

Природа - древний храм, где строй живых колонн

Обрывки смутных фраз роняет временами.

Мы входим в этот храм в смятенье, а за нами

Лес символов немых следит со всех сторон.

Действительно история символов показывает, что символическое значение присутствует во всём, что окружает человека. В природе, быту, в деятельности, в окружении, в космосе, везде где есть человек присутствует символ. Более того сам человек — это «символическое животное» («animal symbolicum»), как говорил Э.Кассирер. К.Г. Юнг считал, что для того чтобы подобраться к потайному «божественному» смыслу символа, необходимо иметь опыт общения с ним. «Когда душа начинает понимать символ, перед ней возникает представления, недоступные чистому разуму [Юнг,2018]». Символы, говорил М.Сонье, показывают нам все, что было и что будет, притом в неизменной форма. Язык символов, как утверждал выдающийся русский психолог Л.С. Выготский, возникает уже на первом году жизни человека. Человека характеризует новый способ адаптации к среде – символический, который является для него новым измерением реальности. Как отмечает В.В. Козлов «Человек погружен не только в материальный, непосредственно воспринимаемый мир, но и запредельный, символический мир. Фольклор, мифы, искусство, религия – элементы этого мира. Человек погружен в пространство символических форм, мистических, эзотерических, ортодоксальных, мифологических, художественных, религиозных... Символ касается глубинных структур психики, он многозначен и многомерен, язык архетипов, общечеловеческих первообразов, построен на языке символов».

Символы воспринимаются человеком как на сознательном уровне, те которые он сам для себя обозначил или те, которые определила контекст та культурная среда, в которой он живет. Скрытые символы, сформированные на бессознательном и подсознательном уровнях, формируются недоступными для нас механизмами психики человека, тайна такого процесса до сих пор до конца не раскрыта.

К телесным символам можно отнести невербальное общение между людьми, например, жесты, мимика, положение тела и внешний вид.

Художник или музыкант, создавая свое произведение передает нам не только образ и звуковой ряд, но и задает контекст нашего восприятия символов.

В нашем мире все символично, и всегда при «прочтении» символа мы хотим выйти за пределы символа, обозначения, образа и найти глубину истины, познать что-то тайное, тайное о нас самих, тем самым стремимся познать себя еще глубже. Если человеку удастся заглянуть в потайные сокровищницы своего сознания, происходит преображение, трансформация и он испытывает нечаянную радость. «Человек придумывает и живет в символах – начиная от того, что и как есть и, заканчивая тем, в каком гробу лежать – от начала до конца жизни и эволюции [Козлов,2022]».

Несмотря на то, что **язык знаков** является самым молодым среди языков сознания в филогенетическом аспекте, а в онтогенетическом, ребенок только к годовалому возрасту начинает овладевать этим языком, язык знаков является самым развитым и распространенным во всех жизненных средах современного человека. «Язык знаков является высшей формой реализации сознания, так как осознаваемое мышление обычно сопровождается и формируется в речи (письменной и устной). Язык знаков как форма сознания – это сложная система кодов, обозначающая предметы, признаки, свойства предметов, действия и отношения[Козлов,2022]».

Язык знаков — это не только текст (письмо, ноты) в различных вариациях функций (способы передачи информации, коммуникация, мыслительный процесс) и предназначений (контекст информации), но и индексы (условные обозначения, например, светофор или дорожные знаки), сигналы (звуковая информация, например, сирена).

Природа тоже несет информацию в виде естественных знаков, это, например, явления природы, которые указывают на какие-то события или явления (например, дыма без огня не бывает, после молнии всегда мы слышим гром). К вербальным знакам относятся разговорные языки. Эта система складывается на основе психофизиологических возможностей человека, заложенных в его биологической природе. Сюда же можно отнести эмоциональные знаки – информация, которую мы воспринимаем благодаря считыванию эмоционального тона говорящего.

«Язык знаков является символической репрезентацией опыта. Это единственная система, которая может представлять все другие языки сознания, а также представлять себя. Он не связан непосредственно ни с каким сенсорным органом. Как и в других языках сознания, он не только

отражает особенности формирования психической карты реальности, но также расширяет или ограничивает восприятие. Именно в языке знаков проявляется высшая форма демиургова качества сознания – мы создаем свой мир во всех его индивидуальных ограничениях и одновременно неповторимости и уникальности. Одновременно язык знаков, оформленный в слова и их сочетания, создает ту конфигурацию концессусного сознания, которая существует в соответствии с требованиями общественного и физического порядка и которую мы обозначаем миром повседневной жизни [Козлов,2022]».

Основными эволюционными тенденциями языков сознания являются: *общебиологическая* (выражается в захвате новых ареалов жизни, расширении сферы питания и размножения живых систем) *и общесоциальная* (выражается в экспансии личности и сообществ); *тенденция к расширению* (является системным качеством самого сознания и выражается в дифференциации и фрагментации реальности не только на пять базовых форм, но и в большем структурном многообразии, большей раздробленности языков на каждом этапе эволюции); тенденция расширения включает в себя *уменьшение структурной энтропии* (увеличения жесткости, определенности и однозначности фрагментов сознания; и последняя говорит о *примате инволюции по отношению к эволюционным* процессам как некую Экклезиастову мудрость (расширение смысловых пространств, фрагментации реальности и одновременно самого сознания только увеличивает раздробленность и конфликтность сознания).

«С точки зрения интегративного понимания природы сознания мы не описываем его как гомогенность, внутреннюю не расчлененность в феноменологическом аспекте, а определяем, как внутренне дифференцированную целостность. В этом отношении концепция о языках сознания раскрывает содержание основных «составляющих» сознания, а также то своеобразие, которое они приобретают при включении в целостность, то есть в само сознание [Козлов,2022]».

Среди коанов буддизма также следует выделить и медитативные практики, которые позволяют познать языки сознания с более глубокой саморефлексией. Мы считаем, что практики буддизма, дзен-буддизма, как и другие трансперсональные практики помогают человеку не только слой за слоем снять слои «луковицы», но и соприкоснуться с преמודальным архесенсорным модусом бытия.

Обобщая наш взгляд к наращиванию преадаптивного потенциала человека благодаря языку сознания, мы можем сделать следующие выводы:

1. Возможность развития преадаптивного потенциала заложена в творческом сознании человека. Развивая самосознание, благодаря освоению языков сознания происходит эволюции человеческого самосознания как в онтогенетическом, так и в филогенетическом аспектах.

2. Структурная и когнитивная сложность, объем языков сознания, удовлетворяют не только потребности достаточного функционирования

человека в материальной, социальной, духовной средах, но и создает избыточность как предпосылку к разгадке преадапциогенеза.

3.Способность достигать архесенсорного слоя является предельной гранью субъектности и одновременно предельным ее выражением. Под субъектностью понимается идентификация с душой (душой-разумом, или индивидуальным Атманом, или индивидуальным свободным сознанием). Мы предполагаем, что соприкосновение с премодальным архесенсорным модусом бытия, может развивать такие качества творческого сознания как разнообразие, вариабельность и антиципацию.

Безусловно мы осознаем, что на сегодняшний день нет возможности провести исследования, которые бы подтвердили или опровергли нашу гипотезу о действенности различных методов, в том числе и применение психотехнологии измененных состояний сознания для овладения языками сознания. Однако, вне сомнения эти идеи имеют немалую научную перспективу, которую следуют исследовать более глубоко с применением эмпирических исследований.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. — М.: Акрополь, 2018. — 212 с
2. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. – СПб: Алетейя, 2002.
3. Богданова В.Л. Особенности взаимосвязи «акме» и субъективного благополучия личности. Дис. на соискание ученой степени к.пс.наук. г.Ярославль, 2021г. Специальность: 19.00.13. 278 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47929905> .
4. Вызовы пандемии COVID-19: психологическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность. Том 1.- М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. — 480 с.
5. Дункер К. [Duncker K.] Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления. М., Издательство «Прогресс», 1965. С. 86—234
6. Дёрнер Д. Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997.
7. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. Монография/В.В. Козлов.-М.:Психотерапия,2016-400 с. ISBN 97-5-906364-11-1.
8. Козлов, В. В. Психология буддизма : монография / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : Ин-т консультирования и системных решений, 2011. – 187 с. – ISBN 978-5-91160-039-6.
9. Козлов, В. В. Психология дзэн-буддизма / В. В. Козлов. – Ярославль : Титул, 2019. – 138 с.
- 10.Козлов, В. В. Методология интегративной психологии : Монография / В. В. Козлов. – Москва : Международная академия психологических наук,

- Рекламно-производственная фирма "Титул", 2021. – 180 с. – ISBN 978-5-6044075-3-0.
11. Козлов, В. В. Психология сознания: интегративный подход / В. В. Козлов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Психотерапия", 2022. – 274 с. – ISBN 978-5-6044075-6-1.
 12. Козлов, В. В. Психология смерти / В. В. Козлов, М. В. Кукина. – Москва : Институт консультирования и системных решений, 2016. – 376 с.
 13. Костюченко В. С. К72 Классическая веданта и неоведантизм.— М.: Мысль, 1983.— 272 с.
 14. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. филос. 1991. № 6. С. 46–57.
 15. Пономарев, Я. А. Методологическое введение в психологию [Текст] / Я. А. Пономарев. – М. : Наука, 1983. – 206 с.
 16. Юнг Карл Густав. Фон Фрнц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы/ Пер. Сиренко И.Н.; Сиренко С.Н.; Сиренко Н.А. – М.: Медков С.Б., «Серебряные нити», 2018.- 352с., илл.
 17. Granovetter, M. S. (1973) «The strength of weak ties». [American Journal of Psychology](#), 78 (6), pp. 1360—1380

Власов Н.А.

**СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТЕРАПИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА**

Аннотация: статья посвящена теории, истории и практике стратегической терапии. Вначале описываются история развития направления и краткие биографии его создателей Дж. Уикленда, П. Вацлавика и Р. Фиша. Затем приводятся теоретические основания метода. Завершается работа рассмотрением практических аспектов использования стратегической терапии на примере ее базовых техник – прямых и парадоксальных предписаний, задания «Как ухудшить», «Обманных маневров» и метафор.

Ключевые слова: краткосрочная психотерапия, стратегическая терапия, терапия испытанием, психотехника парадокса.

Abstract: the article is devoted to the theory, history and practice of strategic therapy. At the beginning, the history of the development of the direction and brief biographies of its creators are described – J. Weakland, P. Watzlawick and R. Fisch. Then the theoretical foundations of the method are given. The work is completed by considering the practical aspects of using strategic therapy on the example of its basic techniques – direct and paradoxical prescriptions, the task "How to worsen", "Deceptive maneuvers" and metaphors.

Keywords: brief psychotherapy, strategic therapy, trial therapy, psychotechnics of paradox.

Стратегическая терапия в исторической перспективе.

Стратегическая психотерапия – это направление психотерапии, возникшее в середине XX века США. Она не представляет собой какого-то отдельного подхода или теории, а является собирательным названием для тех типов психотерапии, где терапевт берет на себя ответственность за прямое воздействие на людей [7].

Создателем стратегической терапии можно считать американского психиатра М. Эриксона. Примерно с 1930-х годов он развивал свою модель психотерапии, сочетавшую в себе гипноз и директивные предписания поведения.

Когда в 1958 году по инициативе Д. Джексона в Пало Альто (Калифорния, США) был создан Институт психических исследований (Mental research institute, MRI), в нем начала работу группа ученых (Г. Бейтсон, Дж. Уикленд, П. Вацлавик, Р. Фиш, Дж. Хейли и др.), изучавших системный подход. Позже при MRI был образован первый в мире центр краткосрочной терапии. Указанная выше группа ученых и практиков создала стратегическую модель, основанную на эриксоновской терапии, теории систем и своих собственных наработках.

Развитие стратегической терапии в Пало Альто породило три крупных ветви этого подхода [10]. Первая из них, стратегическая семейная терапия (ССТ), была создана Дж. Хейли и К. Маданес в г. Вашингтоне в 1960-х годах. Второе направление было создано И.К. Берг и С. де Шейзером в г. Милуоки (Висконсин, США) во второй половине 1970-х годов и получило название Solution focused brief therapy; в России данная модель известна под названием «ориентированная на решение краткосрочная терапия» (ОРКТ). Третья ветвь стратегического подхода возникла в 1987 году. Ее создателями стали П. Вацлавик и Дж. Нардонэ. Это направление называется «краткосрочная стратегическая терапия» (КСТ), а центром ее развития является г. Ареццо в Италии.

Дж. Нардонэ указывает на то, что логика развития стратегического подхода может быть описана как «от общего к частному», то есть от общих идей к протоколам лечения конкретных расстройств [там же]. Действительно, модель Пало Альто, в которой отвергались «стандартизированные» подходы к терапии как дегуманизирующие, со временем была дополнена моделями и протоколами специализированных вмешательств при различных патологиях, таких как фобические и пищевые расстройства (Дж. Нардонэ), депрессии (М. Япко) и семейные проблемы (К. Маданес).

Краткие биографии основателей направления. Как и у ряда других направлений психотерапии, у стратегического подхода есть несколько «отцов-основателей». Мы остановимся на кратких биографиях трех из них – Дж. Уикленда, П. Вацлавика и Р. Фиша.

Джон Уикленд (John Weakland) родился в 1919 году в г. Чарльстоне (Западная Вирджиния, США). В возрасте 16 лет он поступил в Корнелльский университет, который блестяще окончил по специальности химическая инженерия. Он работал по профессии в компании Дюпон до тех пор, пока не встретил Г. Бейтсона. Тот побудил его начать заниматься антропологией в Колумбийском университете. По приглашению Бейтсона Уикленд переезжает в Пало Альто в самом начале 1960-х годов, где изучает особенности коммуникации в семьях людей, страдающих от шизофрении (так называемый «Проект Бейтсона»). Также он знакомится с М. Эриксоном и обучается у него. Вместе с П. Вацлавиком и Р. Фишем основал и стал со-директором первого Центра краткосрочной терапии. Позже он получил должность профессора факультета психиатрии и поведенческих наук медицинского колледжа при Стэнфорде. Умер Уикленд в 1995 году в г. Лос-Алто. Джон Уикленд был одним из основателей не только стратегической, но краткосрочной терапии вообще, стоял у истоков семейной психотерапии.

Пауль (Пол) Вацлавик (Paul Watzlawick) родился в 1921 году в г. Филлах на юге Австрии в зажиточной семье. В 1939 году окончил школу, затем изучал филологию и философию в Университете Ка' Фоскари (Италия). Не будучи стесненным материально, Вацлавик мог посвятить себя науке. С 1960 года работал в MRI под руководством Г. Бейтсона. Он становится известен как исследователь взаимодействий между людьми, в 1967 году выпускает книгу «Прагматика человеческих коммуникаций». В 1976 году Вацлавик получает должность профессора Стэнфордского университета. Кроме активной исследовательской деятельности, он эффективно занимался психотерапией и преподаванием. Умер Пауль Вацлавик в 2007 году в Пало Альто. Вклад Вацлавика в психотерапию вообще и в стратегический подход в частности довольно велик. Он известен как один из основателей философии радикального конструктивизма, системной психотерапии и психологии межличностной коммуникации.

Ричард Фиш (Richard Fisch) родился в 1926 году Нью-Йорке, США. В 1945-1946 годах он служил в американских ВМС. Вернувшись со службы, Фиш обучался в колледже Колби, затем в Колледже антропологии при Колумбийском университете, затем, в 1954 году, окончил Нью-Йоркский медицинский колледж. Затем продолжал работу и обучение в госпитале и медицинском центре Брукдейл до 1958 года. В том же году он знакомится с Д. Джексоном, директором-основателем MRI, переезжает в Калифорнию и вскоре присоединяется к исследовательской команде Института. В 1965 году Фиш инициировал исследовательский проект, направленный на изучение возможностей увеличения эффективности психотерапии, а в 1966 году основал Центр краткосрочной терапии. Позже он станет профессором психиатрии и поведенческой медицины в Стэнфорде. Фиш умер в 2011 году в Пало Альто. Ричард Фиш был значительной фигурой в психотерапии, его работы переведены более чем на 40 языков и до сих пор пользуются спросом у студентов, изучающих вопросы психического здоровья. Он внес

значительный вклад в стратегическую, семейную и краткосрочную терапию, помогая парам и семьям быстро и эффективно изменяться.

Теория стратегической психотерапии. Несмотря на то, что стратегический подход является оригинальным методом психотерапии, имеется ряд трудностей в определении его специфичности. Ярким примером этого тезиса может служить определение стратегической терапии, данное М. Эриксоном и Дж. Хейли: «Психотерапия может быть названа стратегической, если клиницист определяет и инициирует то, что происходит в течение психотерапевтического сеанса и намечает определенный подход для решения каждой проблемы... то, что происходит при встрече психотерапевта и человека с проблемами, определяется обоими, но при стратегической психотерапии инициативу берет на себя психотерапевт. Он должен идентифицировать решаемые проблемы, наметить цели, определить, каковы должны быть необходимые вмешательства для достижения данных целей, проанализировать реакции, которые он получает от клиента, чтобы откорректировать свой подход, и, в конце концов, посмотреть на результат психотерапии, чтобы определить, была ли она эффективной» [7]. Понятно, что такое определение подходит для практически любой другой краткосрочной терапевтической модели (КПТ, ДПДГ и др.), однако для середины XX века это был новый и необычный взгляд, особенно если сравнение проводить с классическим психоанализом.

В основе стратегического подхода лежат две предпосылки. Первая, конструктивистская, гласит, что познание объективной реальности является иллюзией, так как каждый из нас, воспринимая ее, формируют свою субъективную реальность; из этого принципа следует, что каждый человек конструирует свою «картину мира» и от того, насколько она адекватна и адаптивна, зависит его психическое здоровье и нездоровье [3].

Вторая предпосылка стратегической терапии, системная, гласит, что человек сам по себе и его окружение находятся в постоянном взаимодействии и влияют друг на друга, из чего следует, что, во-первых, любая проблема должна быть рассмотрена в ее связи не только с психикой клиента, но и в связи с ближайшим окружением; во-вторых, нарушение динамического равновесия в системах клиент-проблема, проблема-окружение и клиент-окружение запускает цепочку изменений, могущих быстро привести к исцелению даже тяжелых расстройств. Эта предпосылка описывается М. Эриксоном: «Психотерапия подобна «эффекту домино»: мы толкаем первую костяшку домино, затем падают все остальные. Все, что необходимо при психотерапии, - это скорректировать что-то одно в поведении пациента. Если это сделано, то произойдут и все остальные изменения» [5].

В стратегической психотерапии не принято искать причину проблемы, коренящуюся в прошлом. Акцент делается на настоящем, на том, что поддерживает проблему сейчас. Одним из основных инструментов стратегической терапии являются специально созданные структурированные домашние задания, которые позволяют не только быстро добиться видимого прогресса в работе, но и сильно сэкономить затрачиваемое на сессии время.

Стратегический подход относится к директивным методам. Это означает, что ведущую роль в терапевтическом процессе играет специалист, он же и несет ответственность за результат. «Стратегический» означает «целенаправленный», то есть такая терапия имеет определённую, четко очерченную цель, на достижение которой и ориентированы все производимые вмешательства.

Одним из центральных понятий стратегической терапии является понятие «предпринятой попытки решения» (attempted solution) или ППР [9]. Изначально этот конструкт был описан в MRI, однако в наибольшей степени он стал использоваться для объяснения возникновения и поддержания психопатологии итальянским психотерапевтом Дж. Нардонэ. ППР может быть объяснена как устойчивая попытка решить проблему, которая, часто давая облегчения симптоматики на коротком временном промежутке, в итоге лишь поддерживают ее в отдаленной перспективе.

Практика стратегической терапии. В стратегической терапии используется четыре группы техник – прямые и парадоксальные предписания, «обманные маневры» и метафоры. Рассмотрим их более подробно.

Прямые предписания – клиенту даются задания, укладывающиеся в привычную терапевтическую логику. Например, ему требуется выполнять прогрессивную мышечную релаксацию с целью снижения уровня физического напряжения, которое, в свою очередь, приведёт к коррекции избыточной тревоги.

Парадоксальные предписания. Хотя парадокс как метод изменения восприятия и мышления известен со времен древних греков и китайцев, в практику психотерапии он попал благодаря А. Адлеру и В. Франклу. Позже он стал настоящей «жемчужиной» стратегической терапии.

Парадоксальные интервенции основаны на следующих принципах [4]:

- Проблема должна получить позитивный ярлык: «ваш страх защищает вас от... депрессия – экономит силы...».
- Необходимо установить связь между проблемой и другими членами семьи (если она есть).
- Следует «повернуть» вектор симптома: клиент (и его родственники, по необходимости) должен воспроизводить проблемное поведение.
- Парадоксальная интервенция предписывается и повторяется в течение всего терапевтического процесса с целью избегания рецидива.
- Парадоксальная интервенция должна принуждать пациента (и его членов семьи, если это необходимо) к тому, чтобы они в той или иной форме выполняли задания: это достигается за счет контракта, а также предписаний основанных на регулярном хронологическом повторении («каждый день по полчаса...») и повторении, запускаемом проблемным поведением («каждый раз, моя руки, перемывайте их еще 5 раз»).

Парадоксальные интервенции состоят из ряда этапов [там же]:

1. Цель терапевтической работы – помощь в изменении.

2. Четко определяется проблема: что за проблема? Как она себя проявляет? Откуда взялась? Кто вовлечен в ее возникновение и поддержание?
3. Терапевт с клиентом (семьей) определяют цель терапии в положительном ключе, описываются критерии достижения.
4. Терапевт с клиентом (семьей) заключают контракт, в котором должно быть прописано обязательное выполнение клиентом домашних заданий.
5. Терапевт акцентирует внимание клиента на том, что используемая им стратегия не работает; цель этого маневра – подорвать веру клиента в его неудачную стратегию избавления от проблемы.
6. Терапевт дает предписание в качестве домашнего задания.
7. На следующей неделе терапевт оценивает результат парадоксальной интервенции. Если все хорошо, то она продолжается в том же духе или немного меняется. Если результата нет, то анализируется причина неудачи (неверно выбран объект воздействия? клиент неверно понял предписание? неверно выбрана техника?).
8. После улучшения состояния есть два варианта развития событий. Первый, предложенный Дж. Хейли, подразумевает приписывание всех заслуг клиенту, в то время как терапевт выглядит «удивленным»; второй, предложенный Дж. Нардонэ, предполагает объяснение клиенту механики поддержания проблемы.

«Классическим» примером парадоксального предписания может быть техника «Как ухудшить?» [8]. Клиенту говорят, что ему дадут несколько странное предписание. Ему напоминают, что его стратегия «думать о том, как решить проблему» не работает; следовательно, нужна новая стратегия. Пусть это будет парадокс, а именно размышления на тему «как усугубить проблему». Так клиенту будет проще его принять. Далее ему говорят, чтобы он каждый день тратил несколько минут своего времени на то, чтобы порассуждать о том, как ухудшить его ситуацию, вместо того, чтобы улучшить; как будто он сошел с ума и хочет сделать себе хуже. Чтобы клиент должен был делать или не делать, думать или не думать? Конечно, он не должен делать в реальности ничего из того, о чем помыслит, это чисто теоритические размышления и не более того. Завершается предписание словами о том, что на следующую встречу клиент должен принести список способов ухудшения ситуации, которые он придумал.

Другим известным примером парадоксальной стратегической техники является предписание «Go slow», которое обычно переводится на русский как «сдерживание». Терапевт специально убеждает клиента притормозить процесс изменений, рассчитывая на сознательное или бессознательное нарушение им запрета. Пациенту эта директива может быть преподнесена в виде метафоры катания на горных лыжах – слишком быстрый спуск и игнорирование техники может привести к травме или даже гибели лыжника.

Основной же парадоксальной техникой является, конечно, предписание симптома, когда проблемное поведение специально дается в качестве задания. Это может быть пятикратное повторение ритуалов при обсессивно-

компульсивном расстройстве, доведение до абсурда своей беспомощности и пассивности при депрессии и т.п.

«Обманные маневры» - это техники стратегической терапии, которые позволяют обойти сопротивление клиента за счет смещения фокуса его внимания, либо «приглашающие» клиента совместно с терапевтом выступить против проблемы с помощью «особой стратегии».

Примером смещения фокуса внимания может служить предписание «Вахтенный журнал», используемое при терапии панического расстройства [2]. Целью этого задания является смещение фокуса внимания клиента со своих физиологических реакций на заполнение особой таблицы, что не позволяет развиваться полноценной панической атаке.

«Приглашение» клиента совместно с терапевтом выступить против проблемы с помощью «особой стратегии» обычно связывают с терапией испытанием, в рамках которой пациенту даются предписания, делающие существование проблемы крайне невыгодным для клиента и которая побуждает его «отказаться» от расстройства.

Такого рода тяжелое испытание должно удовлетворять ряду критериев [6]:

- испытание должно причинять клиенту больше неудобства, чем сама проблема;
- важно донести до клиента: испытание – это не наказание, а метод переучивания бессознательного и способ выполнения нелюбимых, но нужных дел;
- испытание должно активизироваться каждый раз, когда активизируется проблема;
- испытание должно приносить пользу, но быть нелюбимым;
- испытание должно быть по силам клиенту;
- испытание не должно быть чрезмерным.

Примером использования тяжелого испытания может служить случай мужчины, страдающего от бессонницы и жалующегося на плохую работу коммунальных служб зимой. Ему давалось предписание убирать снег во дворе в течение двух часов в случае, если он не сможет уснуть по истечении 30 минут после отхода ко сну.

Метафора. Метафора является известной и часто используемой техникой психотерапии. Она обладает двумя важными для стратегического терапевта особенностями [1]:

- Целостность образа метафоры позволяет ей найти дорогу в недоминантное, абстрактное полушарие мозга, которое считается зоной бессознательного, минуя обработку в сознании, что позволяет обойти сопротивление пациента.
- Многозначность метафоры позволяет пациенту найти тот смысл, который ему нужен, даже если терапевт его не вкладывал, что иногда помогает найти такое решение проблемы, о котором специалист даже и не догадывался.

Таким образом, метафора является важным инструментом стратегической терапии.

Список литературы

1. Гордеев М.Н. Гипноз: Практическое руководство. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 240 с.
2. Нардонэ Дж. Страх, паника, фобия: Краткосрочная терапия. – М.: Психотерапия, 2008. – 352 с.
3. Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2006. – 192 с.
4. Уикс Дж., Л'Абат Л. Психотехника парадокса. Практическое руководство по использованию парадоксов в психотерапии. – М.: Маркетинг, 2002. – 278 с.
5. Хейвенс Р. Мудрость Милтона Эриксона. – М.: Независимая фирма «Класс», 1999. – 400 с.
6. Хейли Дж. Терапия испытанием. Необычные способы менять поведение. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.
7. Эриксон М., Хейли Дж. Необыкновенная терапия Милтона Эриксона. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. – 368 с.
8. Fisch R., Weakland J., Segal L. The tactics of change: doing therapy briefly. – SF: Jossey-Bass, 1982. – 305 с.
9. Nardone G., Balbi E. The Logic of Therapeutic Change. – London: Karnac, 2015. – 130 с.
10. Nardone G., Portelli C. Knowing through changing: The evolution of Brief strategic therapy. – Carmarthen: Crown House Publishing, 2005. – 203 с.

Иванов Р.С.

ПРОФАЙЛИНГ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Аннотация: В статье автор описывает процесс разработки основ методологии профайлинга: впервые выделены противоречия профайлинга с другими направлениями психологии, сформулирован объект и предмет профайлинга, дано его определение, описаны методы, цели и задачи, а также выработан категориально-понятийный аппарат. Данная работа будет способствовать становлению профайлинга как самостоятельной научной дисциплины и его широкому внедрению в общественную практику.

Ключевые слова: методология профайлинга, объект и предмет, методы, цели и задачи профайлинга.

Abstract: In the article, the author shows how he develops the basis of the profiling methodology. For the first time, the contradictions of profiling with other areas of psychology are highlighted, what and how profiling is studied, its definition is given, methods, goals and objectives are described, and a categorical-conceptual apparatus is developed. This work will contribute to the formation of

profiling as an independent scientific discipline and its widespread introduction into public practice.

Keywords: profiling methodology, what and how profiling studies, methods, goals and objectives of profiling.

Методологическая рефлексия

Методологическая рефлексия представляет собой способность профессионала анализировать, критически оценивать и на этом основании совершенствовать свою научно-практическую деятельность. Применительно к сфере научного познания методологическая рефлексия понимается как самопознание: осмысление наукой самой себя, своего объекта, предмета и метода. Уровень методологической рефлексии науки находится в прямой зависимости от степени её зрелости, развития и значимости в обществе [Кохановский, 2007, с. 28].

В этой статье предпринята попытка методологической рефлексии собственной научно-познавательной деятельности, которой автор занимается примерно с 2006 года, её осмысление на более высоком уровне обобщения. Методологическая рефлексия всегда предшествует становлению фундаментальной методологии любой научной области, поэтому она может стать и первым шагом к созданию единой методологии профайлинга как самостоятельного вида деятельности, а при достаточных основаниях как отрасли психологического знания: определение объекта и предмета, методов, задач и категориально-понятийного аппарата профайлинга.

Понятие профайлинга

В русскоязычной версии Википедии дано определение профайлинга, которым пользуется большинство специалистов: «профайлинг («англ. profile» – профиль) – это совокупность психологических методов оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков: характеристик внешности, вербального и невербального поведения, вегетатики». Данное определение заимствовано из англоязычной литературы и требует своего уточнения.

По сути, профайлинг представляет собой оценку внешних проявлений человека, отражающих текущие психические явления, и последующий прогноз его поведения. Следует отметить, что подобная деятельность – это сторона любой психологической работы. Поэтому элементы профайлинга возникли одновременно с психологией, и вместе они прошли весь свой путь развития «рука об руку». По существу, оценка, прогноз и реконструкция внешних проявлений, отражающих психическую деятельность человека, является «побочным эффектом», второстепенным процессом, который возникает в ходе решения психологом традиционной профессиональной задачи. Например, в процессе психологического консультирования психолог оценивает, реконструирует или прогнозирует внешние проявления и психическую деятельность своего клиента и с учётом этой информации выстраивает с ним рабочие отношения, подбирает соответствующий метод

для оказания психологической помощи и решения той проблемы, с которой к нему обратился клиент. Психолог, участвующий в работе по оценке и управлению персоналом, помимо традиционной психодиагностической работы с помощью тестов и опросников также применяет биографический метод, психологическое наблюдение, психологическую беседу в целях оценки, реконструкции или прогноза поведения кандидата на должность и составляет свои рекомендации с учётом полученной таким образом информации. Особенно широко применяются элементы профайлинга в сфере юридической психологии. Например, психолог может принимать участие в расследовании преступлений и розыске преступника. По следам, оставленным последним, или по результатам его деятельности на месте преступления опытный профессионал способен составить психологический портрет лица, совершившего преступление, осуществить прогноз его поведения, что способствует его скорейшему задержанию. В ситуации вынужденных переговоров с преступниками психолог осуществляет оценивание, реконструирование и прогнозирование их внешности, поведения и результатов деятельности и на основе этих сведений консультирует сотрудников правоохранительных органов в целях пресечения и минимизации ущерба от противоправных действий. Специалист по психологическим методам выявления скрываемой информации («детекции лжи») оценивает текущие внешние проявления человека и по ним делает вывод об обнаружении или не обнаружении деятельности психологических механизмов, обеспечивающих сокрытие информации. Методы политической психологии преимущественно ориентированы на анализ и прогноз индивидуального поведения, поэтому политолог обязательно использует элементы профайлинга в своей деятельности.

Приведенные примеры, конечно, не представляют собой исчерпывающий перечень ситуаций, в которых профессионалами используются методы профайлинга. Подобный список оказался бы намного объёмнее. Это даёт основание утверждать, что специалисты во многих случаях применяют методы профайлинга для решения традиционных профессиональных задач.

Постулаты профайлинга

Профайлинг базируется на методологических принципах психологии, составляющих фундамент этой области знаний. Для профайлинга главным из них является принцип единства внутренних и внешних проявлений человеческой психики. Психические явления как идеальные объекты недоступны для непосредственного восприятия, однако многие из них выражаются в конкретных внешних проявлениях: во внешности, поведении и результатах деятельности человека или социальной группы, доступных для изучения методами профайлинга. Это позволяет исследовать психические явления через их сторону – внешние проявления.

Другой важный методологический принцип профайлинга состоит в том, что психические явления обладают системными качествами и

представляют собой целостные структуры: если в текущих внешних проявлениях человека или социальной группы отражается хотя бы часть характеристик психического явления, то и другие временно скрытые стороны этого явления также способны к отражению во внешности, поведении и результатах деятельности в прошлом или будущем.

Таким образом, изучая внешность, поведение и результаты деятельности человека или социальной группы, возможно оценить психологические явления, спрогнозировать их динамику и отражение во внешних проявлениях, которые способны возникнуть в будущем или могли быть продемонстрированы ранее. Это открывает возможность использования методов профайлинга для оценивания, прогнозирования и реконструкции внешности, поведения и результатов деятельности.

Профайлинг имеет много общего с психодиагностикой: через изучение внешности, поведения или результатов деятельности профайлер познаёт психические явления человека. Поэтому имеются веские основания рассматривать профайлинг как отрасль психодиагностики. При этом профайлинг сохраняет относительную автономность, отличаясь от неё прежде всего предметом познания, методами и областями применения в общественной практике.

Противоречия профайлинга со смежными отраслями психологии

В настоящее время профайлинг получил такое развитие, что вступил в методологическое противоречие с другими направлениями современной психологии:

1. Профайлинг или его элементы применяются специалистами при решении многих традиционных для психологии профессиональных задач. Противоречие заключается в том, что применение профайлинга не тождественно этим задачам, хотя часто сопутствует им, и при этом он не рассматривается как отдельный вид деятельности. Таким образом, возникает необходимость рассмотреть профайлинг как самостоятельную сторону работы специалистов.

2. Такие случаи не единичны – применение профайлинга или его элементов охватывает многие традиционные для психологии профессиональные задачи: психологическое консультирование, оценка и управление персоналом, сфера юридической психологии и безопасность и проч. Противоречие усиливается тем, что ситуации игнорирования профайлинга как отдельного вида деятельности представляют собой массовое явление.

3. Профайлинг обладает своим уникальным предметом познания, который не тождественен другим направлениям психологической науки. Таким образом, профайлинг вступает с ними в явное противоречие.

4. Методологические принципы профайлинга указывают на его связь с психодиагностикой, вместе с этим профайлинг не тождественен ей, он изучает только те психические явления, которые способны отражаться во внешности, поведении и результатах деятельности, его методы

отличаются от традиционных методов психодиагностики, и область применения профайлинга гораздо шире. Это в известной степени также рождает противоречие с психодиагностикой.

5. Появились специалисты, занимающиеся профайлингом как самостоятельным видом деятельности – профайлеры. Их фактическое появление также противоречит ситуации, в которой профайлинг отсутствует как отдельное направление психологической практики.

6. Разработаны виды профайлинга как самостоятельные психотехнологии, которые могут быть применены для решения традиционных для психологии профессиональных задач. Их наличие ещё больше обостряет противоречия профайлинга и других направлений психологической науки.

Таким образом, мы можем констатировать, что фактическое существование профайлинга вызывает определённые методологические противоречия со смежными областями психологической науки. Само существование противоречий указывает на достаточно высокий уровень развития этого научно-прикладного направления, что позволяет нам предпринять попытку рассмотреть профайлинг как самостоятельную научную дисциплину.

Объект, предмет и определение профайлинга

Рассуждая о профайлинге как о самостоятельной научной дисциплине, необходимо выделить и описать его общие понятия объекта и предмета познания. Это крайне важно, поскольку для любой отрасли науки точное определение её предметной области обуславливает понимание специфики познавательной деятельности, реализуемой в её условиях, что выражается через фиксацию онтологической схемы данной предметной области, задающей характер конкретной дисциплинарной идентичности [Штейн, 2018, с. 7].

Проблема объекта и предмета науки – это самый сложный теоретический вопрос, который ещё не нашёл достаточного, полноценного решения в науковедении. Равным образом ещё не устоялись общепризнанные формализованные подходы к разграничению и референцированию понятий «объект исследования» и «предмет исследования» [Понкин, 2020]. Вместе с этим существуют положения, которые разделяют большинство учёных, работающих в области методологии и теории познания. Поэтому, прежде чем перейти к определению понятий объекта и предмета профайлинга как отрасли психодиагностики, необходимо указать, на какие принципы мы будем опираться в ходе методологической рефлексии. Для этого рассмотрим общепринятые объект-предметные отношения:

1. Объект – это фрагмент реальности, выбранный исследователем для познания, а предмет – это сторона объекта, его аспект, свойства, его черта, признак, характеристика и т.п., через изучение которых познаётся сам объект.

2. Объект и предмет соотносятся между собой как общее и частное; объект всегда шире, чем предмет, а предмет всегда уже объекта.

3. У объекта может быть бесконечное количество предметов для познавательной деятельности исследователя, но предмет всегда уникален для конкретного исследования.

4. Предмет характеризует объект, а объект не способен охарактеризовать предмет.

5. В процессе познания при переходе с более широкого уровня обобщения на более узкий уровень обобщения предмет может трансформироваться в объект познания. Такое сужение происходит за счет более детального изучения объекта. Это масштабирование способно проявляться и в обратную сторону.

Опираясь на собственный опыт и научные данные, следует констатировать, что структурно профайлинг представляет собой деятельность специалиста, которая заключается:

- в изучении внешности, поведения и результатов деятельности человека или социальной группы, в которых нашли своё отражение их психические явления;
- на этой основе осуществляется диагностика психических явлений человека или социальной группы;
- и далее, опираясь на психические явления, проводится оценивание, реконструирование и прогнозирование динамики внешности, поведения и результатов деятельности человека или социальной группы в конкретной ситуации, представляющей практический интерес.

Теперь, основываясь на структуре профайлинга как деятельности и ориентируясь на принципы объект-предметных отношений, становится возможным определить общий объект профайлинга как отрасли психодиагностики. В самом широком смысле объектом познания психологии является психика, а предметом её познания – психические явления. При переходе на более узкий уровень обобщения (профайлинг значительно более узкое понятие по отношению к психологии) предмет психологии – психические явления, трансформируется в объект для профайлинга, но со своими характерными особенностями. Фрагмент реальности, который выбирает профайлер для познания – это психические явления человека или социальной группы, способные отражаться во внешних проявлениях. Именно психические явления, отражаясь во внешности, поведении и результатах деятельности, формируют их протекание в настоящем, прошлом и будущем.

Таким образом, мы можем сформулировать понятие *общего объекта познания профайлинга как отрасли психодиагностики – это психические явления, способные отражаться во внешности, поведении и результатах деятельности человека или социальной группы.*

Сторона объекта, его часть, его характеристика, через изучение которой он познаётся, является предметом. Профайлер познаёт психические явления человека через изучение того, каким образом они отражаются в его внешних проявлениях: изучая внешность, поведение и результаты деятельности человека или социальной группы, специалист судит об их психических

явлениях и на основе последних оценивает, прогнозирует или реконструирует внешние проявления в интересующей ситуации.

Таким образом, мы можем сформулировать понятие *общего предмета познания профайлинга как отрасли психодиагностики – это внешность, поведение и результаты деятельности, отражающие особенности психических явлений человека или социальной группы.*

Возможны и иные дефиниции предмета профайлинга, при этом все они будут по смыслу близки к описанным выше, например: «особенности отражения психических явлений во внешности, поведении и результатах деятельности» или «взаимосвязь психических явлений с внешностью, поведением и результатами деятельности». Однако, на наш взгляд, выбранное нами определение предмета познания профайлинга наиболее адекватно сложившейся ситуации в психологии в настоящее время и отражает прикладную направленность профайлинга как отрасли психодиагностики. Понятие предмета науки определяет, упорядочивает и идентифицирует её научное поле. Единство предмета исследования обуславливает движение исследовательских линий в одном и том же содержательном пространстве [Майданов, 1993, с. 64-65].

После определения понятий общего предмета и объекта познания профайлинга у нас появляется возможность методически корректно сформулировать определение профайлинга как отрасли психодиагностики: *профайлинг – это научно-прикладная дисциплина, изучающая внешность, поведение и результаты деятельности, отражающие особенности психических явлений человека или социальной группы.*

В целях обеспечения реализации целей и задач профайлинга необходимо дать ему определение и как психологической практики: *профайлинг – это психологическая практика оценивания, прогнозирования и реконструирования внешности, поведения и результатов деятельности, отражающих особенности психических явлений человека или социальной группы.*

Таким образом, общий предмет познания профайлинга объединяет его определение как отрасли психодиагностики, так и психологической практики. С предметным полем профайлинга также связаны его методы, цели и задачи.

Определение общего предмета познания профайлинга как отрасли психодиагностики является базовым понятием для всех его видов. Кроме общего предмета профайлинга возможно выделить предмет каждого отдельного вида. Это разграничение имеет важное значение. Видовой предмет определяет компетенцию профайлера, возможности данного вида профайлинга и круг вопросов, решаемых в конкретной ситуации применения профайлинга. При этом видовой предмет не должен выходить за пределы общего предмета познания профайлинга.

Методы профайлинга

В методологии и теории познания методы научного исследования тесно связаны с предметом познания. Методы – это способы изучения предмета как

стороны объекта. Профайлинг использует общепсихологические методы научного исследования, но имеет собственную специфику, например, отказ от использования тестов, анкетирования, инструментальных методов, традиционных для многих других отраслей психологии. В профайлинге используются следующие методы:

1. *Наблюдение* – заключается в фиксации доступных для непосредственного восприятия фактов внешности, поведения и результатов деятельности, отражающих психические явления человека или социальной группы.

2. *Беседа* – заключается в ведении направленного диалога в целях фиксации фактов внешности, поведения и результатов деятельности, отражающих психические явления человека или социальной группы.

3. *Эксперимент* – заключается в создании специальных условий, в которых могут быть зафиксированы факты внешности, поведения и результаты деятельности, отражающие психические явления человека или социальной группы.

4. *Биографический метод* – заключается в изучении событий прошлого, жизненных ситуаций и обстоятельств, в которых нашли своё отражение психические явления человека или социальной группы.

5. *Праксиметрический метод* (метод изучения результатов деятельности) – заключается в изучении материальных объектов, в которых в период взаимодействия с ними в прошлом запечатлелась информация о внешности, поведении и результатах деятельности человека или социальной группы, отразившая психические явления, способные также отразиться во внешних проявлениях в будущем. В качестве материальных объектов обычно выступают: материалы в сети Интернет, переписка, фотографии, рисунки, предметы быта и проч.

Цели и задачи профайлинга

При определении целей профайлинга мы будем ориентироваться на понятие цели как результат, на достижение которого направлено применение профайлинга. Также вопрос о целях профайлинга зависит от той системы координат, в которой находится субъект, определяющий, что представляет собой результат. Для общества целью применения профайлинга является повышение эффективности всех сторон общественной жизни, социального взаимодействия и даже экономики, например, увеличение такого важного экономического показателя как производительность труда. Если рассматривать цель профайлинга как отрасли психодиагностики, то такая цель – это прирост научного знания о внешних проявлениях, отражающих в себе психические явления человека или социальной группы.

С точки зрения применения профайлинга как психологической практики, для профайлера целью является то, на что направлена его познавательная деятельность: оценка, прогноз и реконструкция внешности, поведения и результатов деятельности, отражающих психические явления человека или социальной группы. Например, описание психологического

портрета человека с прогнозом его поведения. А для специалиста из другой области общественной практики, прибегающего к профайлингу, цель представляет собой получение конкретного результата при решении своей профессиональной задачи.

Все цели профайлинга достигаются в результате реализации его задач, решение которых делает его важной теоретической и прикладной дисциплиной. В настоящее время можно выделить следующие задачи профайлинга:

1. *Методологическая* – заключается в разработке теоретических и методических основ профайлинга; в построении механизмов адаптации для профайлинга методов из других отраслей наук; а также принципов создания прикладных методик и видов профайлинга.

2. *Исследовательская* – предполагает получение новых знаний, раскрывающих предмет профайлинга: поиск психических явлений, о проявлении которых во вне ранее известно не было; обнаружение новых форм внешних проявлений психических явлений; установление особенностей взаимосвязи между внешними проявлениями и психическими явлениями; изучение способностей человека к профайлингу, особенностей личности профайлера и его профессиональной деятельности.

3. *Прикладная* – представляет собой адаптацию для профайлинга методов из других отраслей наук; создание прикладных методик и новых видов профайлинга; составление практических рекомендаций по применению методик профайлинга; организацию совместной деятельности профайлеров и специалистов, работающих в смежных отраслях науки; разработку психотехнологий по развитию навыков профайлера; нахождение путей внедрения профайлинга в систему общественной практики России.

4. *Практическая* – предполагает решение конкретных задач общественной практики с помощью методов профайлинга: психологическое консультирование, выявление скрываемой информации («детекция лжи»), кадровый менеджмент, карьера, обеспечение безопасности личности, общества и государства, политическая деятельность, повышение эффективности коммуникации и проч.

5. *Образовательная* – заключается в создании и внедрении новых образовательных программ переподготовки и повышения квалификации по профайлингу в целях подготовки специалистов к его применению в общественной практике. Важной задачей таких программ является выработка мышления профайлера.

Место профайлинга в системе научного знания

Процессы дифференциации и интеграции психологического знания приводят к возникновению новых проблемных областей, направлений, отраслей как обособленных частей какой-либо системы. Отрасли психологии позволяют установить связи психологии с другими науками, а также

определить её место в системе наук, поскольку психология интегрирует знания всех научных дисциплин, объектом изучения которых выступает человек [Игнатова, 2019, с. 4]. Рассуждения о месте профайлинга в системе научного знания уверенно приводят нас к мысли о психологической природе этого вида деятельности, поскольку профайлинг через изучение внешности, поведения и результатов деятельности познаёт психические явления человека или социальной группы. На этом основании его необходимо отнести к психологическим наукам. Иными словами, профайлинг – это всегда психология, даже если он используется в интересах криминалистики, экономики или политики.

По цели использования психологического знания выделяют фундаментальную и прикладную область психологии. Поскольку профайлинг прежде всего ориентирован на применение в самых разных областях общественной практики, то можно утверждать, что это прикладная область психологии.

Профайлинг берёт своё начало в психодиагностике и сохраняет тесные связи с этой отраслью психологии как со своим теоретическим базисом. Психические явления представляют собой идеальные объекты, поэтому они не доступны для непосредственного восприятия, и судить о них мы можем только изучая их опосредованные проявления на физическом уровне. С этой точки зрения задачей психодиагностики является познание психических явлений через их выражение во вне. И если предметом профайлинга являются внешние проявления, отражающие психические явления, то это делает его отраслью психодиагностики, которая разрабатывает теорию, принципы и инструменты оценки и измерения индивидуально-психологических особенностей личности [Бурлачук, 2006, с. 104]. В этом заключается общность профайлинга и психодиагностики.

Вместе с этим профайлинг имеет заметные отличия, что наделяет его относительной автономностью и позволяет рассмотреть как самостоятельную отрасль психодиагностики:

1. Объектом изучения профайлинга являются только те психические явления, которые способны отражаться во внешности, поведении и результатах деятельности.

2. Предмет профайлинга не тождественен предмету психодиагностики. Например, кроме общих для психодиагностики и профайлинга исследований внешних проявлений психики, последний изучает и целостные функциональные системы: поведенческие акты, количественные и качественные характеристики речи и т.п., что не традиционно для психодиагностики.

3. В профайлинге не используются самые распространённые методы психодиагностики – тестирование, анкетирование и инструментальные методы.

4. Область применения профайлинга значительно более широкая, чем психодиагностики – это криминалистика, политология, экономика, сфера безопасности и проч.

Существуют и другие аспекты, не позволяющие устанавливать тождество между психодиагностикой и профайлингом.

В психодиагностике также имеется направление, пока недостаточно разработанное и в настоящее время находящееся в стадии становления – визуальная психодиагностика, которая рассматривается как отрасль психодиагностики, основанная на изучении внешних характеристик и облика человека для проникновения во внутреннее психологическое содержание личности [Еремина, 2012]. Визуальная психодиагностика также не тождественна профайлингу, прежде всего по причине того, что профайлинг выходит за пределы визуального восприятия и в поле его интереса находится значительно больше качественно иных поведенческих феноменов.

Кроме психодиагностики нетрудно заметить сходство профайлинга с другим научным направлением – с необихевиоризмом. Известно, что в самом широком смысле объектом познания необихевиоризма, даже в самых поздних его формах, является поведение. А в профайлинге объектом познания выбраны психические явления, способные отражаться во внешних проявлениях, в том числе и в поведении. Именно через изучение психических явлений достигаются оценка, прогноз и реконструкция внешности, поведения и результатов деятельности. Таким образом, их объекты не тождественны. В этом состоит фундаментальное противоречие между профайлингом и любыми формами бихевиористической парадигмы.

В России в настоящее время сложились социально-экономические и научные условия, способствующие развитию профайлинга. Обнаруживая родство с традиционными психологическими отраслями, профайлинг имеет свой уникальный предмет познания, который существенно отличает его от смежных наук. Таким образом, профайлинг, как и любая другая прикладная отрасль психологии, имеет корни в других науках, опирается на их теоретический фундамент, при этом не является тождественной им. И как отмечают исследователи современной психологии, на данный момент совершенно не устоялась внутренняя структура психологии, где субординационные и координационные связи между многочисленными отдельными психологическими дисциплинами либо только намечены, либо вообще не прослеживаются. До сих пор нет ни одного источника, где бы приводился полный перечень сформировавшихся к настоящему времени частных психологических наук [Игнатова, 2019, с. 15].

Связь профайлинга с другими отраслями наук

Профайлинг как междисциплинарная наука обладает системными качествами, то есть бóльшим теоретико-практическим потенциалом, чем некая сумма знаний, полученных из разных отраслей психологии и других наук. Поэтому необходимо определить, с какими направлениями психологии он связан.

Профайлинг имеет ряд смежных вопросов со следующими отраслями психологии: общей психологией, дифференциальной психологией, психологией личности, социальной психологией, психофизиологией,

генетической психологией, когнитивной психологией, юридической психологией, организационной психологией, педагогической психологией, медицинской психологией, возрастной психологией, психологией труда и проч. Заимствуя знания в других отраслях психологии, профайлинг адаптирует их для своих задач, систематизирует, придаёт новое качество и возвращает их, организованными на более высоком уровне обобщения, тем самым обогащая смежные направления психологии, что подчёркивает их индивидуальность и самостоятельность. Профайлинг продолжает непрерывно развиваться за счет установления связей с иными отраслями психологии и выделения новых видов и направлений самого профайлинга.

Наблюдаемая относительная автономия профайлинга от общих психологических оснований с психодиагностикой позволяет этому направлению устанавливать связи с другими науками как в области психологии, так и вне её. Междисциплинарность профайлинга заключается в том, что он возник и развивается на стыке с биологией, медициной, педагогикой, политологией, социологией, филологией, экономикой, юриспруденцией. Так же, как и с отраслями психологии, профайлинг развивает свои новые виды за счёт привлечения знаний других направлений науки и возвращает эти знания уже в ином качестве, обогащая как науку-донора, так и другие смежные с этой наукой области знания. Таким образом, профайлинг не только заимствует понятия, концептуальные модели и исследовательские стратегии у смежных дисциплин, он вносит собственный уникальный вклад в современную систему научных знаний о человеке.

Однако интенсивность междисциплинарных научных контактов не лишает профайлинг его относительной самостоятельности. Во всех своих видах профайлинг сохраняет собственный предмет познания, а также особые подходы к его исследованию. На современном этапе развитие психологического знания происходит посредством расширения связей психологии со смежными науками при сохранении ею своей научной специфики [Филатов, 2007, с. 36-37].

Категориально-понятийный аппарат профайлинга

Становление профайлинга как области научного знания обусловлено развитием понятий, которые определяют его специфику и устанавливают связи с другими областями знаний. Поэтому для корректного изложения наших взглядов был сформулирован категориально-понятийный аппарат, на который мы опираемся при изложении своей позиции:

Внешние проявления – внешность, поведение и результаты деятельности человека или социальной группы.

Внешность – совокупность физических и социокультурных характеристик человека или социальной группы, доступных для непосредственного восприятия. Физические характеристики включают в себя врождённые – особенности строения тела (пол, цвет кожи, соотношение частей тела, функциональные особенности и проч.), и приобретённые в ходе жизни (возрастные изменения, функциональные особенности, шрамы,

татуировки и проч.). Социокультурные характеристики охватывают одежду и некоторые аксессуары (очки, украшения, часы и проч.).

Мышление профайлера – специфический тип мышления и построения логики, который позволяет во внешности, поведении и результатах деятельности наблюдать проявление психических явлений и на этой основе осуществлять оценивание, реконструирование и прогнозирование внешних проявлений человека или социальной группы.

Оценивание – определение количественно-качественных характеристик психических явлений и внешних проявлений на основе заранее выбранных критериев. Оценивание всегда направлено в настоящее и имеет определенную степень вероятности. Результатом оценивания является оценка.

Поведение – взаимодействие человека или социальной группы с внешней средой, выражающееся в двигательной и психической активности. Причиной поведения являются потребности, требующие удовлетворения. Поведение принято разделять на врождённое (безусловные рефлексы, инстинкты) и приобретённое (условные рефлексы, сложные формы поведения), на индивидуальное и групповое, а также на осознаваемое и неосознаваемое.

Прогнозирование – предсказание динамики количественно-качественных характеристик психических явлений или внешних проявлений. Прогнозирование всегда направлено в будущее и имеет определенную степень вероятности. Результатом прогнозирования является прогноз.

Психические явления – любые проявления психики. На основании количественно-качественных характеристик разделяют психические процессы, состояния и свойства. В профайлинге психические явления дифференцируются на врождённые и приобретённые, на индивидуальные и групповые, осознаваемые и неосознаваемые.

Результаты деятельности – материальные объекты, в которых отобразилась информация о внешних проявлениях человека или социальной группы в период взаимодействия с этими объектами. В качестве результатов деятельности обычно выступают: материалы в сети Интернет, переписка, фотографии, рисунки, предметы быта и проч.

Реконструирование – ретроспективное воссоздание динамики количественно-качественных характеристик психических явлений или внешних проявлений. Реконструирование всегда направлено в прошлое и имеет определенную степень вероятности. Результатом реконструирования является реконструкция.

Заключение

Профайлинг возник как ответ на запрос общества о повышении эффективности коммуникации во всё вновь возникающих формах и постоянно усложняющихся сферах человеческого взаимодействия. Научные знания, относящиеся к профайлингу, базируются на общих принципах научной методологии. Они подчиняются законам логики и являются

внутренне непротиворечивыми, объясняют особенности отражения психических явлений во внешних проявлениях, находятся в соответствии с фундаментальными теориями других научных дисциплин.

Таким образом, мы можем заключить, что *профайлинг* – это научно-прикладная дисциплина, изучающая внешность, поведение и результаты деятельности, отражающие особенности психических явлений человека или социальной группы. Это междисциплинарная, прикладная отрасль психодиагностики, имеющая связи как с иными отраслями психологии, так и с другими науками. Его *объект* – это психические явления, способные отражаться во внешности, поведении и результатах деятельности человека или социальной группы, *предмет* – это внешность, поведение и результаты деятельности, отражающие особенности психических явлений человека или социальной группы. Профайлинг использует общепсихологические исследовательские методы: наблюдение, беседа, эксперимент, биографический и праксиметрический метод.

Предпринятая попытка методологической рефлексии является только первым шагом к созданию фундаментальной методологии профайлинга, его глубокой научной разработанности как прикладной отрасли психодиагностики. Вероятно, некоторые положения этой работы потребуют своего уточнения и коррекции. Вместе с этим можно выразить осторожный оптимизм, что основные принципы профайлинга, сформулированные нами, станут общепризнанными в профессиональной среде специалистов и будут способствовать становлению профайлинга как самостоятельной научной дисциплины и его широкому внедрению в общественную практику.

Библиографический список

1. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006. – 351 с.
2. Еремина Т.И. Визуальная психодиагностика. Практическое пособие. 2012. Электронная библиотека TheLib.ru. URL: https://thelib.ru/books/tatjana_ivanova_eremina/vizualnaya_psihodiagnostika_prakticheskoe_posobie-read.html (дата обращения: 25.03.22).
3. Игнатова Е.С. Отрасли психологии и психологические практики: учеб. пособие. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 96 с.
4. Майданов А.С. Искусство открытия: Методология и логика научного творчества. М.: Репро, 1993. – 175 с.
5. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов/ В.П. Кохановский [и др.]. Изд. 5-е – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 603 с.
6. Понкин И.В. Объект и предмет научного или прикладного аналитического исследования. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2020, № 3 (51). С. 65 – 69.
7. Штейн С.Ю. Объект и предмет. Методологические замечания к выявлению дисциплинарной идентичности искусствоведения // Артикульт. 2018. № 4 (32). С. 6–29.

8. Филатов Ф.Р. Основы психологии: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2007. – 656 с.

Карпов А. А.

**К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ ОБОБЩАЮЩЕЙ
КЛАССИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ
КАЧЕСТВ (ПВК)**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ);
№ проекта 21-18-00039*

Аннотация. Представлены материалы исследований в области крупного направления в отечественной и зарубежной психологии труда, связанного с изучением профессионально важных качеств. Описаны и подвергнуты анализу существующие к настоящему моменту основные теоретические подходы и классификации профессионально важных качеств. Сформулированы положения, согласно которым констатируется необходимость разработки их обобщающей классификации. Установлено, что в ее основании могут быть заложены некоторые принципы структурно-уровневого подхода в психологии. Показано, что разработка общей классификации ПВК имеет не только определенное теоретическое значение, но и обладает конкретными практическими следствиями, главным из которых является стандартизация процедур составления профессиограмм и психограмм как их специальных разделов.

Ключевые слова: профессионально важные качества (ПВК), психология труда, теория деятельности, классификация, уровневое строение, профессиография, психограмма.

Abstract. The article presents research materials in the field of a major direction in domestic and foreign work psychology related to the study of professionally important qualities. The main theoretical approaches and classifications of professionally important qualities that currently exist are described and analyzed. The provisions according to which the necessity of developing their generalizing classification is stated are formulated. It is established that it can be based on some principles of a structural-level approach in psychology. It is shown that the development of a general classification of PIQ has not only a certain theoretical significance, but also has specific practical consequences, the main of which is the standardization of procedures for compiling professionograms and psychograms as their special sections.

Key words: professionally important qualities (PIQ), work psychology, theory of activity, classification, level structure, professionography, psychogram.

Исследование *профессионально важных качеств (ПВК)* давно приобрело статус отдельного направления, как в психологии труда, так и в ее областях, получивших в последние годы статус самостоятельных – психологического анализа деятельности (ПАД) и профессиографии. Более того, эта проблематика вообще стала для отечественной психологии очень яркой отличительной особенностью. Во многом, она даже определяет оригинальность и неповторимость отечественных разработок. Ее ценность, в значительной мере, обусловлена тем, что всю психологию субъекта профессиональной деятельности, так или иначе, можно рассматривать исключительно с помощью обращения к исследованию профессионально важных качеств, поскольку те, по существу являются собой общий разнообразный диапазон «личностных механизмов» обеспечения деятельности. К ним, как известно, относится наряду с личностными качествами и широчайший спектр иных свойств и характеристик.

Вместе с тем, ПВК представляют собой отнюдь не «рядовой» элемент профессиограммы, традиционно фиксируемый в *психограммах*. Благодаря именно им описание профессий переходит из статуса ее формального нормативного представления в собственно психологическую плоскость. Это, в свою очередь, гарантирует возможности реализации эмпирических процедур, экспликации закономерностей, связанных с уровнем выраженности многообразия психических свойств и мн. др.

История развития взглядов на профессионально важные качества очень неоднородна. Так, сейчас уже немногие авторы упоминают в своих работах о наиболее ранних исследованиях в этой области, полагая при этом, что такие разработки очевидно берут свое начало приблизительно с 1970-х гг. В действительности, еще в трудах отечественных психотехников были представлены не просто первые классификации ПВК (имевшие в 1920-1970-х гг. и другое название – «профессионально значимые качества» [Толочек В. А., 2021]), но и разработаны требования к составлению психограмм. Так, при исследовании профессиональной работоспособности, утомления, в целях диагностики степени снижения психических функций под влиянием проделанной работы следовало выявить ПВК как наиболее изменчивые, *временно нарушаемые в данной профессии под влиянием утомления* психические функции. Именно эти функции и их свойства следовало измерять для суждения о степени профессионального утомления. Еще один вид ПВК – это *тренируемые* психические функции, которые обеспечивают успешную работу и могут стать предметом развития, упражнения. Вместе с тем, согласно иной трактовке, эта классификация имела несколько другой вид. В работах С. Г. Геллерштейна [Геллерштейн С. Г., 2018], указывается, что ПВК дифференцируются на следующие разновидности:

1. *Устойчивые* – необходимые для решения задач профотбора, карьерного консультирования; слабо поддающиеся тренировке свойства индивидуальности, личности.

2. *Изменчивые* – при исследовании профессиональной работоспособности, утомления в целях диагностики степени снижения психических функций под влиянием проделанной работы следовало выявить ПВК как наиболее изменчивые, временно нарушаемые в конкретной профессии под влиянием утомления психические функции. Эти функции и их свойства необходимо подвергать измерению для формулировки выводов о степени профессионального утомления при выполнении сравниваемых видов нагрузки.

3. *Развиваемые* – при решении задач профессионального обучения важно выявлять такие ПВК работника, которые обеспечивали его успешную работу и при этом поддавались развитию, тренировке, могли стать предметом целенаправленного развития, упражнения.

Впервые изучение профессионально важных качеств и профессионального отбора стало осуществляться в среде представителей профессий, чья деятельность была связана с транспортом и требовала обеспечения безопасности движения. Проблема профессионально важных качеств с первых десятилетий XX в. занимала центральное место в прикладных исследованиях психологов ведущих индустриальных стран. Значительную роль в становлении теоретических основ и развитии этой области сыграли: в США – Г. Мюнстерберг, У. Джеймс, Р. Кеттелл; в Великобритании – Ч. Мейерс, Ч. Спирмен, Дж. Кокс; во Франции – А. Бине, Т. Симон, В. Анри, А. Пьерон. В Германии, где особенно интенсивно развивалась индустриальная психотехника, активно работали В. Штерн, О. Липман, Ф. Гизе и многие другие [Иванова Е. М., 2007; Мироновская И. К., 2018].

Если брать во внимание исследования, оказавшие влияние на становление направления, связанного с ПВК в отечественной психологии и физиологии, то помимо работ С. Г. Геллерштейна, следует, конечно, отметить вклад И. М. Сеченова, поставившие вопрос о формировании трудовых навыков человека, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, И. Н. Шпильрейна, К. Д. Ушинского, Ф. Ф. Эрисмана, Г. И. Россолимо, М. Я. Басова, А. Ф. Лазурского, А. П. Нечаева, В. Н. Мясищева [Иванова Е. М., 2007; Мироновская И. К., 2018 и др.].

Как отмечалось ранее, психология труда как комплексная научная дисциплина базируется на синтезе данных, полученных во многих психологических отраслях и направлениях. Однако решающую роль в ее формировании принадлежит двум общепсихологическим областям – *психологической теории деятельности* и *теории субъекта профессиональной деятельности*. Первая рассматривает проблемы психологического строения, механизмов и закономерностей деятельности как таковой; вторая связана, прежде всего, с изучением так называемых субъектных детерминант деятельности, – тех факторов, которые лежат в основе эффективной реализации деятельности и сопряжены с особенностями ее субъекта. К ним относятся мотивация, направленность, степень подготовленности субъекта – его обученность (профессиональная компетентность). Вместе с тем, главное

место среди них занимают те индивидуальные, личностные качества субъекта, которые необходимы и достаточны для нормативной реализации той или иной деятельности; именно таковые свойства принято обозначать понятием профессионально важных качеств (ПВК). Две указанные общепсихологические отрасли, по существу, обнаруживают органичный синтез, когда выявлению и анализу подвергаются ПВК. Дело в том, что они, будучи, во многом, личностными конструктами, тем не менее, вносят существенный вклад в структуру профессиональной деятельности, что, к примеру, отражено в содержании различных блоков ПСД. Таким образом, еще в русле *системогенетической* концепции постепенно сформировывались относительно завершенные представления об определении ПВК и его места и роли в структуре профессиональной деятельности. Это, как известно, индивидуальные свойства субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для ее реализации на нормативно заданном уровне и значимо и положительно коррелируют хотя бы с одним (или несколькими) ее результативными параметрами – качеством, производительностью, надежностью [Карпов А. В., 204].

Одной из первых классификаций ПВК, которая широко используется и в современных работах считается их дифференциация на четыре основных группы индивидуальных качеств, образующих в своей совокупности *структуру профессиональной пригодности*:

1) *абсолютные ПВК* – свойства, необходимые для выполнения деятельности как таковой на минимально допустимом или нормативно заданном, среднем уровне;

2) *относительные ПВК*, определяющие возможность достижения субъектом высоких («наднормативных») количественных и качественных показателей деятельности («ПВК мастерства»);

3) *мотивационная готовность* к реализации той или иной деятельности. Доказано, что высокая мотивация может существенно компенсировать недостаточный уровень развития многих иных ПВК (но не наоборот);

4) *анти-ПВК*: свойства, которые противоречат тому или иному виду профессиональной деятельности. Структура профессиональной пригодности предполагает минимальный уровень их развития или даже отсутствие. В противоположность качествам первых трех групп они коррелируют с параметрами деятельности значимо, но отрицательно.

Вместе с тем, важным итогом исследований, проводимых, главным образом, представителями *Ярославской психологической школы (ЯПШ)*, явилось установление того, что та или иная деятельность не просто включает в себя инвариантный (или напротив, допускающий изменения) состав ПВК, но и реализуется на базе *системы* ПВК (В. Н. Дружинин, А. В. Карпов, В. Д. Шадриков). Это означает, во-первых, что каждая деятельность требует определенной совокупности ПВК, а во-вторых, последняя является не «механической» суммой качеств, а их закономерно организованной системой. Между отдельными ПВК устанавливаются функциональные взаимосвязи

компенсаторного и содейственного типов, обнаруживая, тем самым, возникновение синергетических эффектов, эффектов супераддитивности и др. Сама система ПВК выступает как определенный симптомокомплекс субъектных свойств, специфичный для той или иной деятельности. Он не задан в готовом виде, а формируется у субъекта в ходе освоения им деятельности. Более того, не только для деятельности в целом, но и для ее основных компонентов (ключевых действий, основных функций и др.) также формируются специфические подсистемы ПВК. Поэтому с внутренней – собственно психологической стороны – процесс деятельности представляет собой динамическую смену целостных подсистем ПВК, обеспечивающих каждый ее основной этап (действие, задачу, функцию).

Формирование подсистемы ПВК (ППВК) – весьма сложный психологический процесс. Его суть состоит в функциональном объединении отдельных ПВК, когда они начинают проявлять себя в режиме взаимодействия. К этому есть отдельные внутренние предпосылки, так как основные психические функции онтологически связаны друг с другом. Эта связь в ходе освоения профессиональной деятельности начинает проявляться в своей положительной роли. Таким образом, «в процессе формирования психологической системы деятельности происходит своеобразная функциональная настройка психических функций на достижение целей деятельности» (цит. по [Карпов А. В., 2004]).

Ведущей тенденцией развития подсистем ПВК является значимое возрастание степени *интегрированности – когерентности* отдельных качеств. Характерно при этом, что на разных этапах освоения деятельности подсистемы ПВК, лежащие в основе ее реализации, могут существенно различаться между собой. Тем самым в ходе освоения деятельности имеет место *перестройка подсистем ПВК*.

Существуют две важнейшие категории ПВК. Во-первых, ПВК, которые характеризуются наибольшей непосредственной связью с параметрами деятельности. Они обозначаются понятием *ведущих* ПВК. Во-вторых, те ПВК, которые имеют наибольшее число внутрисистемных связей с другими качествами, то есть характеризуются наибольшим структурным весом и, следовательно, занимают центральное место во всей системе качеств. Они обозначаются понятием *базовых* ПВК. Эти качества могут не коррелировать значимо с параметрами деятельности, однако они не менее, а часто – более – важны для ее реализации [Карпов А. В., 2004; Карпов А. В., 2018]. Совокупность базовых ПВК можно обнаружить в ходе применения комплекса специальных математико-статистических процедур, главной из которых является разработанный в Ярославской психологической школе (ЯПШ) многоэтапный *метод структурно-психологического анализа*. Необходимо подчеркнуть, что одним из его этапов является метод нахождения матриц интеркорреляций ПВК. Именно базовые ПВК являются основой для формирования подсистем ПВК в целом. Вокруг них и на их базе объединяются, структурируются и организуются все иные качества субъекта, необходимые для обеспечения деятельности и (или) ее основных

действий, функций. В связи с этим, ПВК являются структурообразующими для той или иной деятельности. Одно и то же ПВК в разных случаях может выступать либо как ведущее, либо как базовое, либо как то и другое одновременно. В последнем случае значимость ПВК для обеспечения деятельности является наивысшей.

В целях количественной оценки степени сформированности и организованности систем ПВК в методе структурно-психологического анализа используются три основных *структурных индекса* (по А. В. Карпову):

1) *индекс когерентности системы (ИКС)*; он является функцией от числа положительных и значимых внутрисистемных связей между ПВК и показывает степень интегрированности подсистемы ПВК;

2) *индекс дифференцированности (дивергентности) системы (ИДС)*; является функцией от числа отрицательных и значимых внутрисистемных связей и показывает либо степень ее дезинтегрированности, либо специализированности;

3) *индекс организованности системы (ИОС)*; является производным от первых двух и вычисляется как модуль ИКС и ИОС. Данный индекс указывает на общую меру сформированности подсистем ПВК [Карпов А. А., 2014; Карпов А. А., 2018б; Карпов А. А., 2021; Карпов А. В., 2018 и мн. др.].

Одновременно с этим, доказано, что в подавляющем большинстве случаев в ходе освоения профессиональной деятельности ИКС значимо возрастает; ИДС, напротив, снижается, а ИОС также значимо повышается. Важно и то, что мера сформированности подсистем ПВК является важным и весьма надежным индикатором, – критерием степени профессиональной подготовленности.

Помимо этого, несколько раньше В. Д. Шадриковым было предложено два варианта структуры ПВК [Шадриков В. Д., 2011; Карпов А. В., Шадриков В. Д., Карпова Е. В., Субботина Л. Ю., 2017]: *интракорреляционные* – структуры, определяющие эффективность отдельных действий и *интеркорреляционные* структуры ПВК, определяющие эффективность деятельности. Также было установлено, что успешность профессиональной деятельности часто связана с уровнем развития профессионально важных качеств – показатели эффективности деятельности будут выше при определенном уровне развития ПВК [Шадриков В. Д., 2011]. При этом данная закономерность имеет место в функционировании интракорреляционных структур и интеркорреляционных, то есть, отношения оптимума могут наблюдаться как в отношении эффективности отдельных действий, так и в деятельности в целом, о чем будет сказано далее в этом параграфе. Особый интерес здесь, разумеется, вызывают ставшие уже классическими работы, опубликованные В. Д. Шадриковым совместно с А. В. Карповым, В. Н. Дружининым и Е. В. Карповой, целью которых являлось установление закономерностей формирования подсистемы ПВК у разных профессиональных групп (операторов сортировочной горки, сборщиц полупроводниковых приборов, шлифовальщиц и др.) в процессе

профессионализации [Шадриков В. Д., Дружинин В. Н., 1979]. В этих разработках был выделен уникальный для каждой профессии набор ПВК, включавший, к примеру, переключаемость внимания, распределение внимания, зрительная оперативная память, слуховая оперативная память, нейротизм, тревожность, сила нервной системы и т. д. В этих работах не только впервые была изложена общая поэтапная схема реализации метода структурно-психологического анализа, сохранившаяся до сих пор, хотя и неоднократно дополнявшаяся, но и доказан принципиально важный факт наличия динамики изменения структур ПВК по мере профессионализации. Причем она, как показали результаты, оказалась различно и даже уникальной для каждой из профессиональных групп. Вместе с тем, было установлено, что в процессе профессионализации разные индивидуальные качества становятся ведущими, а в структуре ПВК разные качества становятся базовыми.

Впоследствии метод структурно-психологического существенно расширил свою «сферу действия» и стал применяться не только и даже не столько в исследовании подсистем ПВК, но и в целях установления закономерностей структурной организации иных психологических параметров: личностных качеств, мотивов, психологических защит, метакогнитивных характеристик и т. д.

Наряду с этим, существуют и другие классификации ПВК, составленные по различным основаниям. Так, выделять *ПВК качества* и *ПВК производительности*; *ПВК освоения деятельности* и *ПВК выполнения*; ПВК, которые выступают таковыми в *нормальных* условиях выполнения трудовой деятельности, и те, которые необходимы в *усложненных*, а зачастую – и *экстремальных* условиях ее реализации. Вместе с тем, необходимо отдельно описывать *ПВК исполнения* и *информационные ПВК* [Карпов А. В., 2021]. Современные тенденции развития информационных технологий в решающей степени определяют отдельный крупный этап «филогенеза деятельности», состоящий в возникновении нового *субъектно-информационного класса*, а вместе с ним и новой парадигмы психологии профессиональной деятельности. Исходя из этого, и проблема выделения состава отдельных ПВК и их подсистем, приобретает неизвестные ранее особенности. В субъектно-информационных видах деятельности главным предметом выступает уже не объект (как в субъект-объектных видах), но и не субъект как в субъект-субъектных), а совершенно иная и, как отмечалось прежде, предельно специфическая сущность – *информация*. Отсюда, полагаем, следуют вполне закономерные модификации состава ПВК таких видов деятельности, а также определенные перестройки структур ПВК. Более того, возникает вопрос о том, следует ли использовать те же самые методические и интерпретационные средства, когда речь идет о *ПВК субъектно-информационных видов деятельности*. Не будет ли здесь допустима вероятность возникновения их слабого верификационного потенциала? Наряду с этим, вполне возможно наличие некоторых закономерностей инверсионного плана – относительно качественного и количественного

состава ПВК в ставших уже традиционными субъект-объектных и субъект-субъектных видах, с одной стороны, и субъектно-информационных, с другой. Последние, полагаем, не могут не обнаруживать такие отдельные ПВК и их подсистемы, которые не только не представлены в двух классических классах профессиональной деятельности, но и вообще неприемлемы для них, выступают в роли анти-ПВК и, в конечном счете, ингибируют процесс их осуществления. Кроме того, не исключено, что и количество ПВК в деятельности субъектно-информационного класса также будет иным – причем в сторону его снижения. Речь идет о том, что труд, связанный с использованием компьютерных средств, во многом, уже сам по себе избавляет субъекта деятельности от необходимости раскрытия тех или иных важных индивидуальных свойств, поскольку они уже заведомо обеспечиваются ИТ-механизмами, имеют собственные эквиваленты информационного плана. Следовательно, и сам субъект в условиях такой гарантированной поддержки не нуждается в тех свойствах, которые в видах деятельности, имеющих совершенно иной предмет, нежели информация, оказались бы абсолютными или даже относительными ПВК. В этой связи, очень показательным представляется подход, развитый в наших предыдущих работах [Карпов А. А., 2018а; Карпов А. А., 2021; Карпов А. В., 2021а и др.], и который базируется на синтезе психологической теории деятельности и современного *метакогнитивизма*.

Вместе с тем, в ряде работ отечественных психологов [Карпов А. В., 2018; Чемякина А. В., 2019 и др.], главным образом, представителей Ярославской психологической школы (ЯПШ), при изучении структурной детерминации личностных качеств в профессиональной деятельности была обоснована необходимость введения нового операционального понятия – *профессионально-негативных качеств (ПНК)*. Она предполагает раскрытие нового аспекта общей структурной детерминации деятельности со стороны ее субъектных детерминант. При этом, данная характеристика, являющаяся противопоказанием к управленческой деятельности, не тождественна понятию «анти-ПВК», хотя, близка ему по смыслу. Если анти-ПВК характеризуются как свойства личности, выступающие противопоказаниями к той или иной профессиональной деятельности, значимо, отрицательно коррелирующие с параметрами деятельности, то ПНК – это характеристика системы негативных качеств личности более широкого плана. Так, А. В. Чемякиной было установлено, что категория личностных детерминант эффективности управленческой деятельности включает в себя как профессионально-важные, так и профессионально-негативные качества личности в их неразрывной взаимосвязи [Чемякина А. В., 2019]. Разная степень выраженности личностных качеств на функциональном уровне управления способствует возникновению определенных интегративных механизмов в структуре личности, на основе которых происходит осуществление деятельности управленческого типа. Доказано, что некоторые личностные качества трансформируются в зависимости от выполняемой руководителем деятельности. Вследствие этого, структура личности

руководителя включает в себя качества, которые могут быть как характеристиками – показаниями к управленческой деятельности, так и «отрицательными» качествами, препятствующими успешному руководству. Таким образом, профессионально-негативные качества являются не просто свойствами – противопоказаниями для профессиональной деятельности, это, по существу, система качеств негативного характера, представленная в структуре личности и находящаяся в неразрывной связи с ПВК, причем вариативное сочетание ПВК и ПНК определяет итоговые эффекты влияния всей совокупности личностных характеристик на параметры управленческой деятельности. Эти данные, полагаем, вполне согласуются и с некоторыми особенностями деятельности субъектно-информационного класса и могут свидетельствовать о представленности ПНК в структуре профессиональных видов и типов деятельности, входящих в него. Более того, вопреки положению об отрицательном характере этих качеств (это, собственно, заложено и в самом названии термина), ПНК далеко не всегда оказывают исключительно неблагоприятное влияние на эффективность деятельности. Напротив, в условиях осуществления очень специфических по своим характеристикам субъектно-информационных видов деятельности они, по-видимому, в состоянии приносить определенный конструктивный вклад в организацию подсистемы ПВК. Таким образом, пока предварительно, хотя и не без очевидных оснований следует утверждать наличие явления «*инверсии базовых качеств*», которое было описано в одной из наших работ [Карпов А. А., 2021].

Разумеется, рассмотренные выше положения не исчерпывают всей возможной проблематики ПВК на современном этапе ее развития. Более того, несмотря на укоренившийся в последнее время стереотип относительно постепенного ухода этой крупной темы исследований «на второй план» и замене основного конструкта – профессионально важных качеств – на более распространенный и актуальный термин «компетенции», тем не менее, потенциал исследования ПВК очень значителен, и очевидное наличие целого ряда нерешенных вопросов, – так сказать, «белых пятен» – определяют широкий диапазон этой проблемной области. Так, одной из главных задач является установление закономерностей структуры ПВК. При этом наиболее конструктивным в этом случае представляется ее экспликация с позиций метасистемного подхода, предложенного в работах А. В. Карпова. В этой связи, предполагается описание уровневой дифференциации ПВК, базирующейся, согласно методологическим основам метасистемного подхода на общесистемном *критерии-дискриминаторе*, имеющем пять основных значений: метасистемное, системное, субсистемное, компонентное, элементное. При этом важно подчеркнуть, что сама эта дифференциация должна быть раскрыта в двух вариантах: гносеологическом и онтологическом. Подробно эти разработки представлены в [Карпов А. В., 2021б].

Вместе с тем, другим не менее важным, нежели установление закономерностей структурной организации ПВК, вопросом является

разработка обобщающих классификаций этих качеств. Дело в том, что несмотря на уже имеющиеся и представленные выше классификации, существует очевидная необходимость разработки такой из них, которая носила бы *интегративный* характер и в качестве *основания* для которой был бы рассмотрен наиболее общий *критерий*. Ситуация осложняется еще и тем, что категория ПВК вообще очень разнородна, диверсифицирована и даже неоднозначна, – вполне закономерно допускает возникновение вопросов – «что рассматривать в качестве ПВК, а что нет?», «каковы отличительные признаки этой группы индивидуальных качеств?». Тем самым, создается очень «размытое» и недостаточно ясное представление о ПВК, что в дальнейшем обуславливает трудности исследовательского плана, заключающиеся в использовании конкретного методического инструментария (метода экспертной оценки, опросных методов, структурно-психологического анализа) и интерпретации полученных результатов.

Анализ истории развития взглядов на проблему экспликации профессионально важных качеств, в том числе, их классификаций, показал целесообразность применения *общего критерия* для составления единой и, по возможности, наиболее *общей* (сообразно критерию) современной *классификации ПВК*. При этом само по себе название этого критерия вполне согласуется с областью, в которой его поиск должен быть, на наш взгляд, осуществлен – с *общей* психологией. В этих целях, полагаем, весьма конструктивным представляется известный в отечественной психологии подход Б. Г. Ананьева [Ананьев Б. Г., 1986] к исследованию структуры личности. В нем, в частности, описано многомерное понятие «*субъекта деятельности*», которое, полагаем, должно стать центральным относительно предлагаемой нами классификации профессионально важных качеств. Оно, как видно из названия, согласуется с основными положениями теории деятельности, а профессионально важные качества, как известно, являются его своеобразным «ядром». Таким образом, весь дальнейший анализ должен базироваться на данном положении.

Субъект деятельности по Б. Г. Ананьеву, далее, может быть раскрыт с позиций *уровневого строения*, которое предполагает наличие следующих *уровней: биологического, психологического и социального*. В свою очередь, каждому из них соответствует собственное общепсихологическое понятие: *индивид, личность и индивидуальность*.

Рис. 1. Структура личности по Б. Г. Ананьеву, взятая в аспекте анализа субъекта деятельности

В связи с этим, экспликация профессионально важных качеств может и должна быть реализована с позиций указанной дифференциации. В свою очередь, завершенная классификация должна состоять из трех больших групп ПВК. Отметим также и то, что центральным понятием в данном случае выступает «субъект деятельности». Оно, являясь частью более общей – структуры личности, тем не менее, определяет неразрывную связь человека и трудовой деятельности, во многом, с точки зрения эволюционных трансформаций в филогенезе психики.

Прежде чем перейти к анализу вновь предлагаемой классификации ПВК, сразу же подчеркнем, что она носит, в значительной мере, предварительный характер и допускает возможные изменения в дальнейшем. Кроме того, мы осознаем, относительно условный характер отнесения отдельных качеств к той или иной группе ввиду, опять-таки, абстрактного и очень общего содержания некоторых из них. Тем не менее, повторяем, главная цель данной классификации в интеграции и систематизации всего широчайшего конгломерата ПВК. Практическим следствием решения подобной задачи является *стандартизация* процедур выделения ПВК, как в виде специального исследования, так и в контексте составления *психограмм*. Таким образом, в соответствии с представленными тремя уровнями субъекта деятельности классификация профессионально важных качеств может быть описана следующим образом.

Рис. 2. Классификация профессионально важных качеств (ПВК)

Во-первых, представленная классификация предполагает наличие чрезвычайно большого спектра *личностных качеств*, степень выраженности которых может быть установлен благодаря сложившемуся в психодиагностике методическому инструментарию. Более того, отдельные шкалы некоторых методик полностью посвящены диагностике вполне конкретных личностных свойств. К ним, несомненно, следует относить такие методики, как опросник 16-PF Р. Б. Кеттелла, опросник ММРІ, опросник Г.-Ю. Айзенка, опросник Спилбергера–Ханина и многие другие. Наряду с этим, особая совокупность методов включает в свой состав методики диагностики направленности личности, ее потребностей и мотивов, интересы, мировоззрение и убеждения, отношений личности и моральных качеств. Вместе с тем, группа личностных качеств в классификации ПВК является наименее «кристаллизованной», имеет трудно определяемые границы и внутренний состав. Дело в том, что в условиях практически необозримого диапазона личностных качеств (начиная от экстравертированности–интравертированности, заканчивая наблюдательностью, смелостью, добросовестностью и др.) создается ситуация, согласно которой весьма сложным представляется задача экспликации относительно завершенного набора ПВК для того или иного вида профессиональной деятельности. Своеобразным выходом из такого положения может стать требование, заключающееся в фиксации в качестве ПВК исключительно таких личностных свойств, которые являются специальными конструктами в методиках опросного типа и мера выраженности которых может быть установлена за счет процедур психодиагностического плана. Таким образом, вполне очевидно определяются границы первой группы, а ПВК, входящие в нее, получают, тем самым, необходимую операционализацию.

Во-вторых, в качестве другой большой группой, входящей в общую совокупность ПВК, следует считать *индивидуально-типологические свойства личности*. Считается, что они относительно слабо подвергаются изменениям

в процессе профессиогенеза и относятся к наиболее стабильным характеристикам. При этом одно и то же типологическое свойство может иметь как положительные, так и отрицательные (с точки зрения профессиональной успешности) проявления. К примеру, слабость нервных процессов определяет низкий предел работоспособности и одновременно с этим, высокую чувствительность (сензитивность). В свою очередь, инертность нервных процессов проявляется в малых показателях скорости нервной системы и в прочности временных связей. Вследствие этого, природная недостаточность в области одной функции компенсируется преимуществом в области другой, не менее важной, что еще раз убедительно подчеркивает высокий компенсаторный потенциал в подсистемах ПВК.

К числу индивидуально-типологических свойств, проявляющихся в ходе осуществления субъектом трудовой деятельности, следует относить, с одной стороны, нейродинамические свойства, в том числе темперамент, как одно из важнейших свойств индивидуальности, и свойства психических процессов, с другой. Вместе с тем, известная в психологических исследованиях триада «психические процессы – психические свойства – психические состояния», разумеется, также может быть описана в рамках этой группы ПВК.

В наиболее общем смысле множество индивидуально-типологических свойств целесообразно объединять следующим образом:

- сенсорные свойства (совокупность свойств, входящих в сенсорную основу деятельности (СОД): чувствительность анализаторов, способность к различению температуры, оттенков цвета и т. д.).

- аттенционные свойства (избирательность, объем, устойчивость, распределение, переключение внимания).

- мнемические свойства (объем памяти, прочность сохранения материала, точность и скорость воспроизведения и др.).

- моторные (двигательные) свойства – точность и скорость движений.

- имажитивные свойства (способность оперировать образами объектов, воображение, прогнозирующие свойства).

- мыслительные (интеллектуальные) свойства.

- эмоциональная устойчивость, устойчивость к стрессу.

- волевые качества специалиста.

- речевые (четкость, разборчивость речи).

- коммуникативные (способность устанавливать межличностные контакты, общительность, организаторские способности).

Важно подчеркнуть, что многообразие индивидуально-типологических свойств не ограничивается данными подгруппами, а также и то, что, как видно из их наименований, основная роль в этом случае принадлежит познавательным (когнитивным) способностям личности.

Наряду с этим, нельзя не отметить и очевидных рассогласований между группами личностных качеств и индивидуально-типологических свойств. Действительно, сложность их экспликации, в целом, и установления дифференцирующих их друг от друга параметров обусловлены, во многом,

подобием компонентов, входящих в их состав. Более того, это подобие иногда становится настолько явным, что затруднительным представляется отнесение отдельных свойств к той или иной группе; возникают эффекты интерференции между первой и второй группами и т. д. Это также отражается и на характеристиках уровней в структуре личности, на основе которых данные группы и были сформированы. Так, вполне возможным представляется отнесение значительного спектра личностных качеств к социальному уровню, в то время как, напротив, целый ряд индивидуально-типологических свойств могут быть условно включены в первую группу и быть представлены, тем самым, в виде содержания психологического уровня. Так или иначе, полагаем, дифференциация должна быть сохранена, как показано на схеме (рис. 2) ввиду того, что, выражаясь абстрактно, различий все же больше, чем подобий, а если последние и имеют место, то это лишь подтверждает системный характер организации психики в целом и свойств субъекта профессиональной деятельности (ПВК), в частности: наличие взаимодействующих, синергетических, компенсаторных и иных тенденций.

В-третьих, стало уже своеобразной традицией рассматривать профессионально важные качества либо на аналитическом уровне (как определенный набор индивидуальных свойств субъекта деятельности), либо на структурном (в виде подсистем ПВК) с точки зрения включения в их состав исключительно тех, которые входят в первые две представленные группы. Наряду с этим, к сожалению, давно уже сложился стереотип, согласно которому ПВК – это «всего лишь» отдельные личностные качества и не более. Такое убеждение, имеющее место в современных работах, не просто неверно, но и обуславливает ощутимо негативные последствия для всего психологического анализа деятельности. Вообще, надо признать, что существует своего рода замена и даже подмена всех возможных вариаций ПВК исключительно совокупностью личностных качеств. Действительно, категория ПВК отнюдь не ограничивается первой и второй группами качеств, но и включает в себя такие, которые, не будучи личностными и/или индивидуально-типологическими свойствами, оказывают значительное влияние на эффективность профессиональной деятельности, обеспечивают достижение ее нормативных и наднормативных показателей. Эти качества (или же правильнее было бы назвать их – «параметры») субъекта деятельности выступают уже не как ПВК в относительно «раннем» и очевидно ограниченном их понимании, а *в функции ПВК*. Так, к ним могут быть отнесены *внепсихические*, то есть, *общесоматические (конституциональные) свойства* человеческого организма. Большинство из них являются, как известно, физиологически и анатомо-морфологическими параметрами (рост, вес, физическая сила), которые биологически детерминированы, и практически все они представляют собой *нетренируемые* свойства. Важно отметить, что этот вопрос вообще целесообразно считать одним из наиболее принципиальных в контексте установления механизмов дифференциации трех рассматриваемых групп

ПВК. Вместе с тем, внепсихические свойства зачастую оказываются в состоянии оказывать гораздо более значительное влияние на показатели результативности профессиональной деятельности, нежели личностные и индивидуально-типологические свойства. Более того, отдельные из них могут быть не столько относительными ПВК, сколько такими качествами, которые всецело определяют профпригодность профессионала. Причем высокий и выше среднего уровень развития качеств первой и второй групп, по всей видимости, не станет в этом случае действенным компенсаторным средством.

Третью группу качеств не следует, однако, рассматривать в виде предельно дистанцированной от первых двух в силу того, что, как, отмечалось выше, имеются такие свойства, которые могут быть отнесены к более, чем одной группе. В частности, таковыми является совокупность моторных свойств, а также характеристик нервной системы (сила, слабость и др.). В то же время, соотношенность группы внепсихических свойств с биологическим уровнем, полагаем, не вызывает сомнений.

Подводя итог, отметим, что общий ход развития дисциплин психологического анализа деятельности (ПАД) и профессиографии предусматривает не только разработку новых классификаций и разновидностей анализа деятельности, но и, разумеется, определение перспектив расширения проблемных областей, сформировавшихся в этих дисциплинах. Это, полагаем, становится возможным за счет обращения к принципам, сложившимся в традиционном деятельностном подходе.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Ленинград: ЛГУ, 1986. 368 с.
2. Геллерштейн С. Г. Методология психотехники. Предвосхищение. Эволюция. Труд. Избранные психологические труды. В 2 т. Москва: Когито-Центр, 2018.
3. Иванова Е. М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. Москва: Изд-во МГУ, 2007. 207 с.
4. Карпов А. А. Метакогнитивный контроль регулятивных функций сознания // Мир психологии. № 2 (94). 2018. С. 135–150.
5. Карпов А. А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 272 с.
6. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.
7. Карпов А. А. Теория и практика психологического анализа деятельности. Ярославль: Филигрань, 2021. 316 с.
8. Карпов А. В. Два основных подхода к структурно-уровневой экспликации профессионально важных качеств // Ярославский психологический вестник, 2021. № 2 (50). С. 27–40.
9. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с.

10. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса (статья первая) // Ярославский психологический вестник, 2021. № 3 (51). С. 48–63.
11. Карпов А. В., Шадриков В. Д., Карпова Е. В., Субботина Л. Ю. Системогенез деятельности. Игра, учение, труд: в 4-х томах. Москва: Изд. Дом РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017.
12. Мироновская И. К. Обзор проблемы изучения профессионально важных качеств в отечественной и зарубежной литературе // Материалы XVII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы теории и практики современной психологии». Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. С. 368–373.
13. Психология труда: учебник для вузов / под ред. А. В. Карпова. Москва: Владос, 2004. 349 с.
14. Толочек В. А. Психология труда: учебное пособие. 4-е изд., доп. Санкт-Петербург: Питер, 2021. 426 с.
15. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. Москва: Академия, 2011. 158 с.
16. Шадриков В. Д., Дружинин В. Н. Формирование подсистемы профессионально важных качеств в процессе профессионализации // Проблемы индустриальной психологии / отв. ред. В. Д. Шадриков. Ярославль: ЯрГУ, 1979. С. 3–18.
17. Чемякина А. В. Представленность профессионально негативных качеств в структуре личности // Ярославский психологический вестник, 2019. № 3 (44). С. 92–96.

Карпов А.В.

МЕТОДОЛОГИЯ МЕТАСИСТЕМНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ); номер проекта 21-18-00039

Аннотация

Представлены теоретико-методологические и эмпирико-экспериментальные материалы, раскрывающие и объясняющие специфику организации важнейшей категории субъектных детерминант деятельности – профессиональных компетенций. Показано, что ее основным принципом является принцип метасистемной организации. С этих позиций дано новое решение ключевой проблемы психологии деятельности – проблемы соотношения двух основных классов профессиональных компетенций, обозначаемых понятиями «жестких» и «мягких» навыков (hard-skills и soft-skills).

Ключевые слова: субъектные детерминанты, профессиональная деятельность, компетенции, профессионально-важные качества, деятельность, метасистемный подход, мягкие навыки, жесткие навыки.

Annotation

Theoretical-methodological and empirical-experimental materials are presented, revealing and explaining the specifics of the organization of the most important category of subjective determinants of activity - professional competencies. It is shown that its main principle is the principle of metasystem organization. From these positions, a new solution is given to the key problem of the psychology of activity - the problem of the relationship between the two main classes of professional competencies, denoted by the concepts of "hard" and "soft" skills (hard-skills and soft-skills).

Key words: subjective determinants, professional activity, competencies, professionally important qualities, activity, metasystem approach, soft skills, hard skills.

В целом ряде выполненных ранее исследований нами было обосновано положение о необходимости дифференциации особого качественно специфического класса систем, обозначенного понятием систем со «встроенным» межсистемным уровнем (7, 8, 9). Наиболее общая и важная их особенность состоит в том, что они обладают способностью к функциональному включению в свой состав и содержание той метасистемы, онтологической, то есть структурной «составляющей» они сами являются. Во избежание недоразумений со всей определенностью подчеркнем, что речь идет, конечно, не о непосредственном – не о «морфологическом» включении, а лишь о том, что метасистема получает в составе той или иной системы определенную форму репрезентации. Она выступает в особом аспекте и в специфическом качестве – подчеркнуто функциональном. Наиболее показательным случаем этого является общий принцип организации психики в целом, поскольку, как известно, атрибутивная природа психики, а одновременно – ее уникальность такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее, адекватнее и точнее будет совпадать последняя с объективной реальностью, тем бóльшие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптационных задач. Следовательно, та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая внешнеположена ей, оказывается представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной (которая, однако, по своей сути и назначению должна быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Следовательно, сама сущность психического такова, что в его собственном содержании оказывается представленной и получает свое «удвоенное» существование та метасистема, которая является

по отношению к нему исходно внешнеположенной и в которую оно объективно включено.

«Встроенность» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме – функциональной) приводит к тому, что сама она начинает выступать в некотором смысле как ее локальная «составляющая», точнее – как один из ее уровней (метасистемный). Он обладает принципиальной двойственностью, двойной локализацией: находится и вне системы (поскольку характеризует саму метасистему), и внутри нее (поскольку функционально транспонируется в содержание системы). В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти – и парадоксальные отношения между системой и метасистемой. Метасистема, оставаясь таковой, одновременно выступает и как система; система же также оставаясь таковой, одновременно выступает и как метасистема.

Возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (психики) «еще одного» – пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с новым принципом функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню – как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее, – система обретает принципиально новую способность. Ее сущность заключается в том, что становится возможным делать саму себя в целом объектом своего же собственного воздействия. Становится возможным управление своей собственной организацией (посредством своеобразного выхода на этот – внешний по отношению к ней уровень). Все эти особенности и позволили сформулировать представления о метасистемном принципе функциональной организации психики [8, 9]. Он сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. Следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает очень общий характер его действия и множественность сфер существования. Поэтому есть основания считать, что он характеризует собой не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации психики в целом, но и пронизывает собой многие другие – также важные, хотя и более частные аспекты ее организации.

Эту специфику можно проиллюстрировать, например, на материале тех данных, которые получены, например, в психологии мотивации [3]. Действительно, современный подход к пониманию мотивации личности, согласно которому подавляющее большинство всех ее «составляющих» может выступать в функции мотивов поведения и деятельности, приводит к тому, что сама метасистема (личность) оказывается своеобразным образом включенной – встроенной в одну из входящих в нее систем, то есть в саму мотивационную сферу. В силу этого, между метасистемой (личностью) и системой (мотивацией) складываются не совсем обычные и не вполне традиционные с точки зрения классического системного подхода отношения: не система включается в метасистему, а, наоборот, метасистема – в систему. Мотивационная сфера личности, объективно выступая лишь определенным

аспектом, «частью» личности в целом, а потому – некоторой системой, включенной в более общую и мощную метасистему (то есть в личность), является поэтому лишь одним из соподчиненных уровней ее организации; однако в то же время она оказывается в состоянии управлять всей этой метасистемой. На основе этого складывается ситуация, при которой «часть управляет целым»; она становится в определенном смысле «важнее», чем целое. Не метасистема определяет функционирование и организацию системы, а, наоборот, система регулирует и детерминирует структурно-функциональную организацию и процессуальные проявления метасистемы. Все это позволяет допустить, что и для определения закономерностей взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как системы с личностью как метасистемой по отношению к ней, также, по-видимому, недостаточно тех средств, которые сложились в традиционных вариантах системного подхода. По-видимому, такого рода отношения не могут быть ни объяснены, ни просто – адекватно представлены с точки зрения обычных, то есть «классических» представлений о соотношении системы и входящих в нее подсистем.

Принципиально такие же отношения складываются и между другим – сложнейшим психическим образованием – сознанием и психикой в целом. Действительно, сама суть сознания состоит в том, что оно, выступая объективно как «составляющая» психики в целом, в то же время, мультиплицирует в себе все ее содержание, обеспечивает не только саморепрезентацию этого содержания субъекту, но и, фактически, конституирует весь субъективный мир. Тем самым некоторая метасистема (психика) оказывается мультиплицированной в одной из своих «составляющих» - в сознании как *объективно* включенным в нее, но *субъективно* само включающим ее в себя.

Вместе с тем, исследования последнего времени позволяют расширить сферу этих представлений и включить в них еще одну важную область, связанную с реализацией компетентностного подхода к ряду наиболее современных видов профессиональной деятельности – в частности, к информационной деятельности. В русле данного подхода как под влиянием собственной логики его развития, так и под воздействием факторов внетеоретического – прикладного плана оформились и стали весьма популярными, широко применяемыми два тесно связанных понятия, обозначающих две группы профессиональных компетенций. Это понятия так называемых «жестких» и «мягких» навыков (*hard-skills* и *soft-skills*) [1, 2, 4, 5]. Характерно и то, что эти понятия стали настолько распространенными и популярными, что вышли за границы их специального употребления, войдя даже в повседневную жизнь и в естественный язык.

Трактовка именно с позиций компетентностного подхода, привела, далее, к необходимости введения еще одного важного понятия – понятия *метакомпетенций* [5, 6]. Посредством него и была осуществлена дифференциация всей совокупности компетенций на две основные группы. Первая включает те компетенции, которые непосредственно обусловлены самой деятельностью – ее содержанием и условиями, предметом и

средствами ее реализации. Вторая группа включает принципиально иные по генезу компетенции, а их сущность заключается в следующем. Реальная и достаточно обширная практика анализа многих современных и относительно наиболее сложных видов деятельности – в особенности тех, которые базируются на компьютерной технике, весь опыт их исследования – причем, не только и даже не столько собственно психологический, а также требования к ее субъекту, с очевидностью вскрыло очень следующее важное обстоятельство. Общая совокупность компетенций не может быть сведена только к тем «составляющим», которые обозначаются понятием *hard-skills* и которые локализованы на собственно деятельностных уровнях – заложены «внутри» самой деятельности. Очень важной «составляющей» всей совокупности компетенций выступает также и то, что – в обобщенном виде обозначается понятием «мягких навыков» (*soft-skills*) и включает в себя такие компетенции, которые имеют внедеятельностный характер. Они непосредственно не выводятся из содержания самой деятельности и не сводятся к нему. Причем, они не просто включаются в нее, но в значительной степени влияют на все иные компетенции – на их содержание, меру выраженности и в особенности на их организацию. Однако все они сопряжены не с самим содержанием деятельности непосредственно, а с тем более широким контекстом, образованным факторами социального, организационного и профессионального плана, в который она включена и который оказывает очень существенное влияние на ее реализацию и результативность. Первые их такого рода детерминант, имеющие исходно *интрадеятельностную* локализацию, образуют класс *hard-skills*, а вторые, имеющие исходно *экс-традеятельностную* локализацию, образуют класс *soft-skills*. В них представлены сущности совершенно разного уровня обобщенности и уж, тем более, отсутствует критерий их дифференциации. Вместе с тем, несмотря на такую «пестроту» и несистематизированность, все же дифференцируется их относительно инвариантный набор, который чаще всего включает в себя следующие: коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиентоориентированность, саморегуляция, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работа в режиме неопределенности, самоанализ и саморефлексия [4, 5].

Вследствие этого возникает наиболее принципиальная с точки зрения традиционных представлений трудность. Оказывается, что в качестве субъектных детерминант деятельности выступают и такие факторы, которые лежат вне нее самой, имеют так сказать экстрасистемную локализацию. Они, не принадлежа ей исходно, тем не менее, оказывают на нее очень существенное влияние и, более того, включаются в общий состав ее собственных субъектных детерминант. Они, равно как и ее собственные детерминанты – *hard-skills*, обозначаются одним и тем же базовым понятием – понятием *skills*, что как раз и подчеркивает их функциональную общность, включенность и тех и других в содержание самой деятельности. Подчеркнем, что особо важно и показательно то, что оба этих класса детерминант – и

обозначаются одним и тем же понятием – понятием skills, что как раз и символизирует их принадлежность к одной и той же категории субъектных детерминант, а не к их разным категориям. Иными словами, логика развития представлений в этой области привела к необходимости их рассмотрения именно как двух разновидностей одной и той же сущности, а не двух разных категорий. Складывается ситуация, при которой обретают очень специфический и даже отчасти парадоксальный уровневый статус. Они одновременно локализованы и внутри деятельности, и вне нее, поскольку исходно локализованы в более общих по отношению к ней метасистемах, то есть выступают как своего рода метауровень по отношению к ней. Именно это, собственно говоря, и зафиксировано в использовании понятия метакомпетенций для обозначения soft-skills. Дело в том, что сами метакомпетенции – даже с чисто формальной и просто этимологической точки зрения являются образованиями, в известной степени выходящими за пределы той системы, которую они, в действительности, и «обслуживают» – деятельности.

Можно видеть, что ключевые для всего метасистемного подхода положения оказываются полностью конгруэнтными эмпирически эксплицированным и, следовательно, объективно существующим соотношениям soft-tskills и hard-skills. Действительно, первое из них обладает принципиальной двойственностью, двуединством своего статуса. С одной стороны, оно фиксирует в себе такие сущности, которые (по определению) локализованы вне самой деятельности, точнее – над ней и выступают как аспекты более общих целостностей – метасистем. Собственно говоря, именно на основе этого они вообще и дифференцируются. Однако, с другой стороны, не менее характерно и то, что все они – также по определению и, соответственно, по содержанию выступают и как собственно деятельностные образования. Причем, это отнюдь не рядовые компоненты деятельности, а во многом важнейшие и определяющие. Возникает типичная очень показательная для принципа метасистемности ситуация. Нечто – в данном случае soft-skiills имеет двойную локализацию. Они одновременно принадлежат и определенной метасистеме, и какой-либо из включенных в нее систем (в данном случае – деятельности). Однако именно это и означает, что в данном случае эксплицируется базовое для всего метасистемного подхода явление, точнее – механизм. Это – «встраивание» метасистемы в систему, мультиплицирование первой во второй и обретение ей статуса системы со «встроенным» метасистемным уровнем.

Итак, в свете изложенного можно констатировать полную «сходимость» – конвергенцию теоретико-методологических представлений, сложившихся в психологии, и эмпирических представлений относительно субъектных детерминант деятельности, сложившихся на практике, взаимную направленность логики развития методологии и практики. Они тем самым выполняет взаимоверифицирующую функцию по отношению друг к другу [10, 11, 12]. Подчеркнем также, что степень очевидности данного обстоятельства максимальна именно по отношению к сложным видам деятельности. Вполне

закономерно поэтому, что именно в ходе их изучения и оптимизации необходимость в дифференциации самих понятий *soft-skills* и *hard-skills* и их последующего теоретического осмысления вообще и оформилась как таковая. Кроме того, в результате этого складывается ситуация, при которой эти деятельности выступают уже не только как предмет исследования, но и их анализ выполняет собственно методологическую функцию. Их исследование выступает как метод развития психологической теории деятельности в целом и расширения представлений о ней, формулируемых с позиций метасистемного подходов. В более общем плане можно заключить, что практически все очень многочисленные и разнородные исследования, реализуемые в понятиях *hard-skills* и *soft-skills*, равно как и обобщение практического опыта ее реализации, являются очень важным и комплексным верификатором тех методологических представлений, которые составляют суть метасистемного подхода. Причем, повторяем, степень полноты и очевидности такого соответствия достаточно велика.

Таким образом, общая совокупность деятельностных компетенций может считаться полной лишь тогда, когда она включает в себя не только *hard-skills*, но и *soft-skills*. Именно эта их общая совокупность подвергается синтезу, интеграции в целостность и предстает в результате как собственно системное образование – как феномен компетентности. Он – именно в силу лежащих в его основе интегративных механизмов отнюдь не сводится только их аддитивной совокупности отдельных компетенций. Данное обстоятельство является столь же существенным, сколько и общепринятым – сам феномен компетентности рассматривается именно как интегральный, обобщающий, соотносящийся с обеспечением деятельности в целом – как системы. В связи с этим, явно недооцененным и не учитываемым в должной мере выступает еще одно – не менее существенное обстоятельство, выявляющееся посредством проведенного выше анализа. Он состоит в том, что общая структура и, соответственно, организация компетентности как общедеятельностного феномена не может быть эксплицирована только субъектными детерминантами внутреннего плана – категорией *hard-skills*. Очень существенная часть содержания и потенциала компетентности определяется не теми компетенциями, которые локализованы внутри системы деятельности (*hard-skills*), а теми, которые локализованы вне ее – в тех метасистемах, в которые реально включена сама система деятельности. Это максимально отчетливо представлено по отношению к сложным деятельности, особенно – к информационным деятельности, и эксплицировано в понятии *soft-skills*. Более того, само это понятие является очень веским аргументом и даже доказательством того, что компетентность как система вовсе не сводится только к результирующим эффектам интеграции ее внутренних компонентов (первичных и вторичных компетенций), но обязательно предполагает также синтез, интеграцию экстрасистемных компонентов – частей тех метасистем, в которые включена сама система. Пора, на наш взгляд, не только со всей отчетливостью осознать, но и реализовать следующее важнейшее обстоятельство.

Общесистемный уровень организации, на котором представлена не какая-либо гносеологическая декомпозиция целостности, а сама она в ее онтологическом статусе – в реальном и ненарушенном познавательными процедурами виде, включает в себя не только ее *внутреннее* содержание, но и эффекты ее взаимодействия с более *общими* целостностями – с метасистемами. Такого рода эффекты (по отношению к деятельности – метакомпетенции) органично включаются в состав и содержание функционирования систем. Отсюда следует вывод методологического плана: сложные системы не могут быть поняты лишь как продукты так сказать интеграции «внутреннего»; они выступают как продукты интеграции и «внешнего». Причиной этого является то, что само «внешнее» функционально представлено в той интеграции, которая и лежит в основе формирования систем. Понятно, что данный вывод и такая – существенно скорректированная трактовка категории системы в целом несколько нетрадиционны. Вместе с тем, она непосредственно – естественным образом вытекает из представленных выше материалов и существенно расширяет представления об интегративных механизмах, лежащих в основе системообразования. Система – продукт интеграции не только «внутреннего», но и «внешнего». Особенно показательным данное положение по отношению к собственно психологическим системам. Складывается ситуация, при которой само «внешнее» оказывается функционально представленным в составе «внутреннего»; оно включается в функционирование систем как его собственная «составляющая». Повторяем, что это – казалось бы, сугубо методологическое положение находят яркое и очевидное проявление именно в анализе деятельности. Оно заключается в несомненном факте включенности *soft-skills* в общий состав компетенций и, следовательно, в структуру компетентности как системного образования и как важнейшей «составляющей» деятельности в целом.

Представленные материалы позволяют выявить и еще одну значимую, но существенно более имплицитную закономерность, состоящая в следующем. Как известно, одной из аксиом системной методологии в целом является положение о существовании фундаментального феномена «удвоения качеств», согласно которому в составе целостной системы то или иное явление – та или иная часть, наряду с сохранением ее качественной определенности, обретает еще и качественную специфичность. Однако именно это и имеет место по отношению к анализируемым здесь вопросам. Действительно, включаясь в более общий контекст – в более обобщенные метасистемы, в которых локализованы их детерминанты, *hard-skills* подвергаются воздействию с их стороны. В результате этого они, наряду с сохранением своей качественно *определенности*, обретают еще качественную *специфичность* – имеет место фундаментальный феномен и механизм «удвоения качеств». И именно в этом, на наш взгляд, заключается основной принцип взаимодействия двух категорий компетенций, равно как и представленных в них деятельностных структур и образований, процессов и феноменов. *Soft-skills* оказывают свое влияние на деятельность не только и

даже по большей части – не столько непосредственно, сколько опосредствованно. Это происходит за счет того, что они трансформируют и специфицируют детерминационное влияние на нее основных деятельностных компетенций – *hard-skills*. Это означает, что по отношению к ним действует механизм системных качеств, который и порождает принципиально новое содержание. Оно отсутствует у отдельных частей (*soft-skills* и *hard-skills*) и у их аддитивной совокупности, но присуще только их интеграции. В связи с этим, конечно, возникает вполне закономерный вопрос – как именно это происходит? В чем конкретно состоят те синергетические эффекты, которые возникают в таком взаимодействии и взаимовлиянии?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, мы считаем необходимым подчеркнуть, что, в силу практически полной неразработанности данной проблемы, на современном уровне ее состояния очень трудно рассчитывать на ее сколько-нибудь развернутое решение. Иными словами, представленный выше подход является именно подходом, который задает направление поиска такого рода феноменов, но, конечно, не претендует на их исчерпывающую экспликацию. Кроме того, есть основания полагать, что конструктивным средством – методическим приемом для их экспликации может выступить определение тех *функций*, которые реализует совокупность *soft-skills* по отношению ко всем иным категориям компетенций и компетентности как их интегративному эффекту. Основными среди них являются следующие функции.

Первую функцию – в самом общем виде можно обозначить как *регулятивную*, а ее смысл в принципе уже отмечался выше. Он состоит в том очень общем факте, согласно которому детерминационное влияние может проявляться и, как правило, проявляются не только и даже не столько в их непосредственно, сколько опосредствованно – через их воздействие на компетенции иных типов (и, соответственно, уровней), а также на феномены, которые с ними сопряжены. Это влияние может состоять как изменении меры выраженности, так и характера – направленности влияния последних. Иными словами, возникает своеобразное удвоение качества самих компетенций: они, сохраняя свою качественную определенность, в то же время специфицируются под влиянием *soft-skills*, а в результате обретают еще и качественную специфичность, что и приводит в итоге к расширению и обогащению общей картины субъектных детерминант деятельности информационного класса. В плане иллюстрации этой – очень общей закономерности можно привести большое число конкретных примеров. Так, скажем, она проявляется в широко известном феномене регуляции когнитивных функций со стороны факторов эмоционального плана (и вообще – в классической проблематике соотношения эмоционального и рационального). Конкретной экспликацией этого влияния в деятельности информационного типа как раз и выступает обусловленность, регуляция когниции со стороны одного из *soft-skills* – эмоционального интеллекта в целом и его компонентов, в частности. Другая, столь же общая иллюстрация сказанного – это очень существенная регулятивная обусловленность всех

деятельностных функций и когнитивных функций, в особенности, составляющих содержание данной деятельности, со стороны еще одного базового soft-skills – «навыков саморегуляции» (самоуправления). Она состоит, в частности, в очень важной и общей способности опосредствованного влияния на оптимизацию или стабилизацию когнитивных функций за счет управления собственным состоянием. Именно на это, как известно, направлены разнообразные тренинги регуляции состояний. Еще более очевидно детерминационное влияние практически на все аспекты деятельности такого soft-skills, каковым выступает «тайм-менеджмент», поскольку он сопряжен с организацией деятельности в соответствии с таким базовым и всепронизывающим «измерением» реальности, как время, лежащим в основе темпоральной организации деятельности.

Вторая основная функция может быть обозначена как генеративно-порождающая, в более общем плане – как *генетическая*. Она состоит в том, что вся совокупность soft-skills оказывается мощнейшее детерминационное влияние не только на актуальное проявление тех или иных компетенций, а также практически всех иных сторон организации деятельности, но выступает и столь же сильным стимулом и, более того, конкретными средствами их развития, генезиса. Иными словами, их детерминационное влияние не сводится к уровню ситуационной обусловленности, а имеет надситуативный характер и распространяется на сферу генезиса, развития всех иных групп компетенций и основных компонентов структуры деятельности. Так, очень показательным в этом плане является один из важнейших soft-skills, который занимает в их структуре очень специфическое и во многом определяющее место. Он может по-разному обозначаться, но имеет общий смысл – мотивационную направленность, а одновременно – и способность к постоянному саморазвитию и совершенствованию посредством систематического обучения и переобучения. Этот soft-skills особо важен и специфичен именно деятельности информационного класса, поскольку именно они наиболее динамичны, что требует постоянного соответствия субъекта их быстрым и радикальным трансформациям. Обычно этот soft-skills связывают и с понятием *life-long-learning* («обучение через всю жизнь»), а в более широком плане и с одной из общих способностей личности – обучаемостью. И именно в этом отношении очень характерно, что в метакогнитивизме эта связь также представлена и получила воплощение в исследованиях в целом и в тех метакогнитивных феноменах, которые сопряжены с обучением и обучаемостью. Действительно, в метакогнитивизме уставлен ряд феноменов, которые специфичны именно процессу обучения: *Ease-of-learning* – EOL (стратегии дифференциации усваиваемого материала по параметру «легкости-трудности» и их выстраивание от первых ко вторым); *Metacognitive reasoning* – установление и приписывание причинности усваиваемым явлениям; *Study Time Allocation* – распределение времени в процессе обучения в ходе освоения того или иного материала и др.; *Region of Proximal Learning* – базовая метакогнитивная стратегия, которая

заключается в том, что при ассимиляции нового материала базируется на максимальном числе уже знакомых элементов. В еще более общем плане показательно то, что в структуре метакогнитивизма одно из определяющих мест принадлежит дидактическому направлению.

Третья и, по нашему мнению, основная функция может быть обозначена как *компенсаторная*, а ее содержание состоит в следующем. В психологии в целом и в тех ее направлениях, которые сопряжены с исследованиями профессиональной деятельности, в особенности, давно и хорошо известен факт, являющийся столь же общим, сколько и фундаментальным по своей значимости. Он состоит в том, что недостаточный уровень развития собственно деятельностных способностей может быть нивелирован или даже полностью компенсирован со стороны так сказать внедеятельностных факторов, которые, в свою очередь, могут являться крайне разнообразными. В еще более общем плане данный феномен представляет собой деятельностное воплощение фундаментального явления компенсации в целом. Однако трудно не видеть того – вполне очевидного обстоятельства, что именно он и составляет очень существенную часть всего соотношения *soft-skills* и *hard-skills*. Первые могут оказывать и, как правило, оказывают на вторые не только регулятивное или развивающее воздействие *soft-skills*, но и воздействие именно компенсаторного типа. Более того, сама эта компенсация состоит и во встречающейся нередко замене регуляции деятельности со стороны *hard-skills* на ее регуляцию со стороны *soft-skills*. В результате этого базовыми детерминантами деятельности начинают выступать именно *soft-skills*, а не *hard-skills*. Конечно, в связи с этим возникает вопрос – хорошо это или нет? Он выступает как, хотя и не вполне желательная, но все же реальность.

Отметим также, что данное явление имеет и целый ряд иных – также описанных в общей и прикладной психологии экспликаций. Так, оно тесным образом сопряжено с проблемой соотношения общего и социального интеллекта в управленческой деятельности (впрочем, конечно, не только управленческой). Она состоит в том, что социальный интеллект оказывает позитивное влияние на управленческую деятельность, фасилитируя реализацию основных деятельностных функций. Однако, при недостаточной способности реализации последних, что, в свою очередь, как правило, обусловлено низкой квалификацией субъекта и его способностей, он выступает на первый план и начинает оказывать решающее влияние на ее организацию. Более того, он выступает и основным фактором карьеровой динамики субъекта, равно как и его адаптационных способностей по отношению к организационному функционированию. Причем, степень выраженности этого обратно пропорциональна степени эффективности самого организационного функционирования – так сказать его нормативности и нормальности состояния дел в ней. Она же распространяется и на социум в целом: чем в большей мере среди руководителей представлены лица с высоким общим интеллектом, тем эффективнее и социальная организация, и наоборот. Социальный интеллект –

это, конечно, очень важное качество руководителя, но оно не может выступать заменой иных аспектов интеллекта, равно как и сопряженного с ним высокого профессионализма субъекта. Данная закономерность распространяется и на иные – в особенности, наиболее сложные типы деятельности, а также на иные, то есть имеет общий характер. Она, в конечном счете, состоит в том, что первые могут реализовывать и, как правило, реализует компенсаторные функции по отношению ко вторым в том случае. Если они представлены в недостаточной степени, такая компенсация может осуществляться за счет стимулирующего влияния первых на развитие вторых (это своего рода «продуктивная» компенсация). Однако она же может осуществляться и за счет подмены первыми вторых, что проявляется в выборе и селекции специфических стратегий и способов поведения (это своего рода контрпродуктивная компенсация – по отношению именно к деятельности, но не к самой личности). Подчеркнем также, что различные варианты такой контрпродуктивной компенсации, состоящей в подмене базовых деятельностных и, соответственно, наиболее адекватных детерминант (то есть самих *hard-skills*) другими – внедеятельностными (то есть *soft-skills*) весьма полно и красочно описаны и на уровне художественного осмысления действительности – в частности, литературе, кинематографе. При этом, даже несмотря на свою явную контрпродуктивность, данный феномен является таким – подчеркнуто негативным только для деятельности, но не для личности. Для нее он, напротив, выступает важным, а иногда – и единственно возможным средством адаптации и вообще «выживания». При этом он столь же подчеркнуто метакогнитивен, поскольку сама личность, прибегающая к нему, как правило, вполне отчетливо сознает свои слабые стороны и столь же осознанно стремится к реализации таких поведенческих сценариев, которые могли бы их компенсировать.

Четвертая функция, которая – и это следует отметить специально, тесно сопряженная с предыдущей, может быть означена как *адаптационная*. Она проявляется в двух основах планах, существенно отличающихся друг от друга, но в равной степени предполагающих необходимость опоры на *soft-skills*. Первый из них связан с профессиональной и социальной адаптацией как таковой – с эффективностью приспособления к новым деятельностным и социальным условиям, с процессом «вхождения в коллектив» и приспособления к нему. По вполне понятным причинам именно *soft-skills* являются важными и нередко определяющими факторами такой адаптации – прежде всего, на ее начальных этапах. Второй аспект адаптационной функции состоит в том, что она лежит также и в основе важнейшей для многих наиболее сложных видов деятельности способности приспособления – адаптации по отношению к перманентным и достаточно быстрым изменениям ее самой. Это – своего рода способность «успевать за деятельностью», адаптироваться к ее трансформациям. В этом плане не приходится подробно аргументировать то – явное и предельно характерное обстоятельство, что мера динамичности деятельности и, соответственно,

степень необходимости в этой способности особенно велика именно по отношению к информационному классу деятельности. В этом плане очень доказательно и то, что прямые аналоги и даже, фактически, конкретные средства такой адаптируемости представлены в составе самих soft-skills.

Пятая и также весьма специфичная для деятельностей рассматриваемого класса функция, реализуемая и приводящая к столь же специфическим феноменологическим проявлениям, может быть обозначена как *позиционная*, а ее смысл состоит в следующем. Как известно, в организационной психологии, а также в смежных с ней направлениях описан очень общий феномен, который также по-разному обозначается, но имеет сходный смысл. Он состоит в формировании и преднамеренном культивировании таких средств, которые направлены на становление и поддержание профессиональной идентичности, «особости» и уникальности своей профессии со стороны ее представителей, нередко гипертрофированной, но понятной и объяснимой в силу многих причин, в том числе не только профессиональных, но и социальных, экономических, демографических. Как было принято говорить в не столь отдаленном прошлом, это «чувство гордости за профессию». В результате формируются, в частности, своеобразные профессиональные сообщества, отличающиеся «от остальных» по ряду критериев и, что еще более важно, представители которых намеренно культивируют и поддерживают эту свою особость. Именно эта ситуация как раз и является очень показательной для информационной деятельности. И в собственной среде ее субъектов, и в социуме в целом складывается определенная система представлений об особости этого класса; о наличии у его представителей специфического набора личностных качеств; о важности или даже исключительности их миссии в современном обществе. Все это, в частности, отражено в известном слогане «мы делаем будущее». Однако, эта «особость» как раз во многом и обусловлена тем специфическим набором soft-skills, который дифференцируется по отношению к данному классу деятельностей. Следовательно, сам этот набор – фактически, личностный портрет IT-специалиста выполняет очень важную роль или даже миссию – он является средством указания на социальный статус и место данной деятельности в современном разделении труда, средством позиционирования работников этой сферы по отношению к представителям иных профессий. Наконец, она является средством обеспечения их профессиональной идентичности – их «братства». При этом данная функция очень важна и в собственно мотивационном плане, что особо значимо в связи с тем, что именно мотивация выступает определяющим фактором любой деятельности.

В связи с изложенным, очевидным становится и еще одно обстоятельство. Та теоретическая экспликация компетенций деятельности, которая предписывается принципом метасистемного подхода и которая осуществлена в данной работе, является, действительно, существенно более сложной и многоплановой – причем, настолько, что провоцирует вопрос – а является ли она необходимой? Не слишком ли она сложна и методологически

избыточна? В свете представленных выше материалов вполне естественен и даже необходим отрицательный ответ на этот вопрос – нет, не слишком. Как раз наоборот, представленные выше материалы показывают, что не этот подход является «слишком сложным», а те представления теории деятельности, которые доминировали до его оформления, были симплифицированными – «слишком простыми», не отражающими реальную сложность организации деятельности.

Литература

1. Равен Д. Компетентность в современном обществе. – Москва: Когито-центр, 2002.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. – Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2010 г. – 447 с.
3. Карпов А.В., Карпова Е.В. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 1. Москва РАО. 2019. 650 с.
4. Кеннеди Д. Жёсткий менеджмент. Москва. Альпина Паблишер. 2014. 257 с.
5. Гольдратт Э., Кокс Д. Цель. Процесс непрерывного совершенствования 2-е издание, 2009 год. Цифровая книга, 496 стр.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – Москва: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с
7. Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 602 с.
8. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. – Москва: Изд. Дом РАО, 2017. – 640 с.
9. Карпов А.В. Психология деятельности. В 5 т. Москва? РАО, 2015.
10. Карпов А.В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности. Москва: РАО, 2021.
11. Карпов А.В. Методологические основы психологического анализа деятельности субъектно-информационного класса (статья первая). Ярославский психологический вестник. 2021, №3, с.39-47.
12. Смолл Г., Ворган М. Мозг Онлайн. – Москва: Колибри, 2011. – 352 с.

Кашапов М.М., Ушакова Н.Е.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОЕКТНО - ОРИЕНТИРОВАННЫХ МЕТОДОВ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ЯРОСЛАВСКОГО УЧИЛИЩА ОЛИМПЕЙСКОГО РЕЗЕРВА ПО ХОККЕЮ

Аннотация. Актуальность проблемы поиска наиболее эффективных методов формирования и развития творческого мышления обусловлена социальным запросом на творческие кадры, которые легко адаптируются к научным

открытиям, быстро меняющемуся потоку информации в условиях динамично развивающегося современного мира. В статье проанализирован опыт применения проектно-ориентированных методов обучения студентов-спортсменов ярославского училища олимпийского резерва по хоккею. В рамках курса дисциплины «Основы проектной деятельности» реализован комплекс деловых игр и усложняющихся проектов с целью развития творческого мышления. В процессе педагогического эксперимента установлено, что студенты экспериментальной группы по всем проявлениям креативности, как основного показателя творческого мышления, улучшили свои показатели. Положительным результатом внедрения в учебный процесс проектно-ориентированных методов работы стало заметное повышение учебной мотивации студентов, выраженного интересом в учебной деятельности. Заинтересованное отношение к процессу получения нового знания в свою очередь повышает качество обучения, готовит студентов к возможной будущей преподавательской и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: проектно-ориентированный метод, проект, деловая игра, творческое мышление, креативность, основы проектной деятельности, студенты училища олимпийского резерва по хоккею

The relevance of the problem of finding the most effective methods for the formation and development of creative thinking is associated with the social demand for creative personnel who can easily adapt to scientific discoveries, a rapidly changing flow of information in a dynamically developing modern world. The article analyzes the experience of using project-oriented methods of teaching student-athletes of the Yaroslavl Olympic Reserve Ice Hockey College. As part of the course of the discipline "Fundamentals of project activity", a complex of business games and increasingly complex projects was implemented in order to develop creative thinking. During the pedagogical experiment, it was found that the students of the experimental group improved their performance in all manifestations of creativity, as the main indicator of creative thinking. A positive result of the introduction of project-oriented methods of work into the educational process was a noticeable increase in the educational motivation of students, expressed by interest in educational activities. An interested attitude to the process of obtaining new knowledge, in turn, improves the quality of education, prepares students for possible future teaching and research activities.

Keywords: project-based method, project, business game, creative thinking, creativity, basics of project activity, students of the Olympic Reserve Ice Hockey College

Введение

Одной из наиболее важных задач, стоящих перед современными преподавателями является повышение эффективности подготовки творческих специалистов всех уровней. Актуальность проблемы поиска наиболее

эффективных методов формирования и развития творческого мышления связана с социальным запросом на творческие кадры, которые легко адаптируются к научным открытиям, быстро меняющемуся потоку информации в условиях динамично развивающегося современного мира (Активные методы обучения студентов, 2005; Болтаева, 2012; Зарукина, Логинова, Новик 2010; Краснощеченко, 2012; Осипов, 2021; Саидова, 2015; Щербакова, Шукшина, Васякин, Корецкая, 2020; Щербакова, 2021). Направленность на формирование творческого мышления обучаемых реализуется на основе внедрения активных методов обучения, в том числе проектных методов, деловых игр, которые позволяют имитировать управляемые и неуправляемые процессы будущей профессиональной деятельности (Бобылева, Шляхтина, Серафимович, 2021; Кашапов, 1989; Кашапов, 2021; Кашапов, Пошехонова, Кашапов, 2022).

Необходимость поиска и апробации наиболее эффективных методов развития творческого мышления и формирование опыта исследовательской деятельности студентами-спортсменами через реализацию проектов и деловых игр при изучении дисциплины «Основы проектной деятельности» обусловила написание данной статьи.

Цель - проанализировать опыт применения проектно-ориентированных методов в учебном процессе училища олимпийского резерва по хоккею в контексте формирования творческого мышления обучаемых.

Основная гипотеза:

Наиболее сенситивными к изменениям характеристик творческого мышления студентов в условиях применения деловой игры относятся такие показатели как оригинальность/продуктивность/изобретательность, уверенный стиль поведения, независимость/нестандартность, гибкость,

Рабочие гипотезы:

1. Самооценки студентов по всем показателям выше, чем оценки экспертов.
2. Успеваемость студентов экспериментальной группы характеризуется достоверно более высокими показателями, чем у студентов контрольной группы.
3. В менее выраженной степени в условиях применения деловой игры относятся такие качества творческого мышления как чувствительность к проблеме, беглость, находчивость, воображение.

Выборка: Экспериментальной базой исследования является ФГБУ ПОО «Государственное училище олимпийского резерва (техникум) по хоккею» г. Ярославля в 2019/2020 учебном году. Общее количество испытуемых составило 69 студентов. В экспериментальную группы вошли 35 человек, в контрольную – 34 студента училища.

Методики: В исследовании применялись (до и после завершения педагогического эксперимента) психодиагностические методики: опросник «Стили мышления» (Белоусова, Рубцова, 2014); опросник креативности Джонсона (в адаптации Е.Е. Туник) (Туник, 2002); опросник «Уровень творческого потенциала» (Г.А. Широкова); опросник способностей творческой личности (О.А. Шляпкинова, М.М. Кашапов).

Теоретико-методологические подходы

При выполнении работы были применены теоретические методы обобщения и сравнения данных, эмпирические методы наблюдения и описания предметной области.

Понятие «творческое мышление» охватывает мыслительные процессы, которые приводят к получению нестандартных решений, созданию оригинальных идей, теорий (Кашапов, 2000; Кашапов, 2003; Кашапов, 2020; Кибальченко, Эксакусто, 2021; Креативность как ключевая компетентность, 2013; Крымова, 2021; Чернявская, Сидорова, 2021; Эксакусто, Кибальченко, 2020).

В психологических исследованиях к основным свойствам творческого мышления относят:

- чувствительность к проблеме как способность человека видеть проблемы и формулировать их в виде вопросов;

- быстрота или беглость мышления, проявляющаяся в способности высказывать максимальное число идей за короткий промежуток времени;

- гибкость мышления, основанная на способности видеть проблему с разных сторон, воспринимать ее как многоаспектную; на богатстве ассоциативной деятельности и установлении далеких ассоциаций;

- оригинальность, определяемая способностью порождать новые нестандартные идеи, не совпадающие с общепринятыми;

- синтетичность, выражающаяся в умении охватить все проблемное поле одним взглядом, образности и метафоричности мышления (Кашапов, 2005; Кашапов, Шаматонова, 2017; Кашапов, 2020; Серафимович, Салова, 2021; Холодная, 2020).

Обязательной чертой творческой личности является креативность (творчество) – это мыслительные и личностные качества, которые и определяют способность к творчеству и, как следствие, служат основой для получения наиболее эффективных решений проблемных ситуаций, в том числе и коммуникативных, содержащих порой высокий уровень конфликтности (Кашапов, Воскресенский, 2017; Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018; Кашапов, Огородова, Филиппович, 2018; Метакогнитивные основы конфликтной..., 2012; Серафимович, 2021). Рассмотренные характеристики особого контингента обучаемых предполагают реализацию адекватных технологий профессионального отбора (Толочек, 2021).

Учебная и текстовая деятельность в содержании вузовской подготовки психологов и педагогов (Мазиллов, Костригин, 2021; Турчин, 2021), поэтому организация учебного процесса выстраивается на базе федеральных государственных стандартов и предусматривает компетентностный подход в обучении. К одной из профессиональных компетенций, зафиксированных в Федеральных государственных стандартах СПО для специальности 49.02.01. «Физическая культура», является участие выпускников в исследовательской и проектной деятельности в области образования, физической культуры и спорта] (Сопровождение деятельности ФУМО СПО, 2022). Развитие

творческого мышления является одним из условий спешной реализации этой компетенции.

Результаты

Комплекс проектов, реализованных через серию деловых игр, был ориентирован на приобретение знаний по дисциплине «Основы проектной деятельности» и приобретения навыков самостоятельной работы студентов при выполнении курсовой работы по междисциплинарному курсу «Избранный вид спорта с методикой тренировки и руководства соревновательной деятельностью спортсмена».

Исследование творческого мышления студентов на констатирующем этапе для обеих групп показало невысокий уровень развития отдельных показателей креативности (низкий уровень по оценкам экспертов и нижняя граница среднего уровня по самооценкам). Достоверные различия фиксировались по экспертной оценке двух показателей – воображение (чуть выше в экспериментальной группе) и гибкость (чуть выше в контрольной группе). По остальным показателям и общему уровню креативности различий между группами выявлено не было.

Самооценки студентов по всем показателям выше, чем оценки экспертов. Возможно, это связано, с психологическими особенностями юношеского возраста, когда самооценка своих личностных качеств может быть неустойчивой и иметь тенденцию к завышению. Кроме того, профессиональные занятия спортом предполагает анализ своих физических данных, и тех личностных черт, которые имеют прямое отношение к эффективности игрока (внимательность, быстрота реагирования, способность работать в команде, и т.д.). Для спортивного успеха молодым спортсменам требуется, прежде всего, умение четко следовать указаниям тренера, а не креативность. В связи с этим рефлексия творческих сторон своей личности, вероятно, не является у хоккеистов фокусом внимания. И, соответственно, ее самооценка может носить спонтанный характер. В обеих группах фиксируется наибольшая разность оценок по показателю гибкости. Возможно, это наиболее трудный для определения студентами показатель творческого мышления.

Было выявлено, что до начала эксперимента студенты экспериментальной группы обладают более низкими показателями творческого мышления (за исключением воображения). Наименее выраженными у студентов экспериментальной группы, по экспертной оценке, являются такие качества как гибкость (1,44 баллов), беглость (1,44 баллов) и чувствительность к проблеме (1,29 баллов). Предполагалось, что выбранные к внедрению методы проектов и деловой игры способствуют развитию именно этих параметров.

В обеих группах доминирует практический стиль мышления, что положительно коррелирует с невысокими показателями креативности, творческими потенциалом и способностями личности студентов. На втором месте по степени выраженности находится управленческий стиль.

Преобладание этих стилей вполне соответствует особенностям профессиональной направленности студентов - спортсменов.

Экспертная оценка положительно связана с оценками успеваемости по дисциплине «Основы проектной деятельности». В самооценке студентов обнаруживается связь успеваемости только с уровнем способностей творческой личности ($r_s = 0,33$, $p < 0,01$) и на слабом уровне значимости – с чувствительностью к проблеме ($r_s = 0,24$, $p < 0,05$), воображением ($r_s = 0,27$, $p < 0,05$), креативностью ($r_s = 0,29$, $p < 0,05$). То есть для студентов спортивного училища академическая успеваемость не является приоритетным средством реализации своих творческих способностей. Учёт данного факта является еще одним подтверждением необходимости применения активных методов обучения для активизации учебного процесса.

В рамках курса «Основы проектной деятельности» был предпринят эксперимент, направленный на выявление возможностей применения таких активных методов обучения, как проект и деловая игра в процесс обучения на протяжении 2019-2020 учебного года. При этом основным смыслом внедрения этих методов была подготовка студентов к возможной будущей преподавательской и научно-исследовательской деятельности и формированию творческого мышления через участие студентов в комплексе проектов: информационный проект «История российского хоккея», исследовательский проект «Хоккей, как средство физического воспитания», творческий проект «Рекламный ролик: хоккей, как вид спорта», социально-ориентированный проект «Хоккейная экипировка» и серии деловых игр: «Остров», «Актуальность», «Конференция», «Корабли», «Защита».

Проекты выполнялись студентами в малых группах (3 - 5 человек). Каждый проект осуществлялся в течение 1 - 2 недель и был логически связан с деловыми играми. Каждый проект предполагал подготовку итогового продукта в виде презентации, видеоотчета или практических рекомендаций. Деловые игры моделировали различные ситуации, связанные с приобретением навыков исследовательской деятельности и завершались процедурой рефлексии.

После завершения эксперимента проведена повторная диагностика. В экспериментальной группе по оценке экспертов наиболее выраженный прирост оценок произошел по показателям оригинальности/продуктивности/изобретательности (1,32 баллов), уверенности (1,17 баллов), независимости/нестандартности (0,76 баллов) и гибкости (0,74 баллов). Креативность студентов экспериментальной группы после эксперимента соответствует среднему уровню, а у студентов контрольной группы, несмотря на некоторый прирост, она по-прежнему, низкая.

Повторная диагностика в экспериментальной и контрольной группах выявила статистически значимые различия по уровню креативности ($U = 189$; $p < 0,001$), уверенному стилю поведения ($U = 322,5$; $p < 0,001$), оригинальности ($U = 163,5$; $p < 0,001$), воображению ($U = 336$; $p < 0,01$) и независимости ($U = 412$; $p < 0,05$). Все указанные проявления креативности значимо выше выражены у студентов экспериментальной группы. Также не выявлено различий по

показателю гибкости, которая на первом этапе был значимо выше выражена у студентов контрольной группы. По всем проявлениям креативности и ее общему уровню студенты экспериментальной группы улучшили свои показатели. Прирост самооценок по большинству проявлений креативности выше в экспериментальной группе (от 0,2 до 1 балла). Исключение составляет только оценка своей чувствительности к проблеме, по которой прирост у студентов контрольной группы несколько выше.

Студенты контрольной группы также улучшили свои показатели по общему уровню креативности ($T=8,5$; $p<0,001$). Это произошло, прежде всего, за счет значимого повышения уровня уверенности поведения ($T=0$; $p<0,01$) и находчивости ($T=0$; $p<0,05$). Возможно, это связано с успешными защитами курсовых работ. По другим проявлениям креативности значимых различий до и после эксперимента не обнаружено.

Значимых различий между студентами контрольной и экспериментальной группы по показателям способностей творческой личности и творческого потенциала не обнаружено. При этом на первом этапе эксперимента студенты контрольной группы отличались достоверно более высокой выраженностью данных характеристик.

По оценке успеваемости студенты экспериментальной группы демонстрируют достоверно более высокие показатели ($U=223.5$; $p<0,001$). Значимых изменений в успеваемости контрольной группы не зафиксировано.

Заключение

Таким образом, анализ изменений параметров креативности студентов (как в экспертных оценках, так и в самооценках) показал, что после участия в эксперименте студенты экспериментальной группы демонстрируют более выраженные положительные изменения. По сравнению с констатирующим этапом, у них вырос как общий уровень креативности, так и отдельные ее проявления.

Наиболее чувствительными к изменениям характеристикам творческого мышления студентов в условиях применения деловой игры относятся такие показатели как оригинальность/продуктивность/изобретательность, уверенный стиль поведения, независимость/нестандартность, гибкость, в менее выраженной степени - чувствительность к проблеме, беглость, находчивость, воображение. Студентов экспериментальной группы удалось не только «подтянуть», выровнять уровень креативности до уровня контрольной группы, но и превзойти его. Переживание успеха в собственной деятельности способствовало формированию новых, более сильных мотивов деятельности, изменению уровня самооценки, повышению стремления к самореализации. Анализ результатов повторной диагностики позволяет утверждать, что разработанный и реализованный комплекс проектно-ориентированных методов (проектов и деловых игр) по формированию и развитию творческого мышления студентов является эффективным. В процессе педагогического эксперимента установлено, что студенты экспериментальной группы по всем проявлениям креативности, как основного показателя творческого мышления, улучшили свои показатели.

Положительным результатом внедрения в учебный процесс про екто-ориентированных методов работы стало заметное повышение учебной мотивации студентов, проявляющейся в интересе к учебной деятельности. Заинтересованное отношение к процессу получения нового знания в свою очередь повышает качество обучения, готовит студентов к возможной будущей преподавательской и научно-исследовательской деятельности.

Список литературы

1. Активные методы обучения студентов: практическое руководство / Отв. за вып. И.М. Лоханина, М.М. Кашапов, Н.В. Ключева: Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2005. 118 с.
2. Белоусова, А.К., Рубцова, Д.С. Стили мышления и их выраженность у представителей различных профессиональных групп // Психология обучения. 2014. № 2. С. 5-18.
3. Бобылева Н.И., Шляхтина Н.В., Серафимович И.В. Готовность к профессиональной деятельности обучающихся с различным типом мышления как фактор профессионализации // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Международной научно-практической конференции. 2021. № 9. С. 332-338.
4. Болтаева М.Л. Деловая игра в обучении // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 252-254.
5. Зарукина Е.В., Логинова Н.А., Новик М.М. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению: учеб.-метод. пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2010. 59 с.
6. Кашапов М.М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1989.
7. Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва. 2000. 48 с.
8. Кашапов М.М. Гносеологические основы исследования педагогического мышления как компетентности преподавателя // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). 2003. С. 168-186.
9. Кашапов М.М. Особенности сопровождения творческого мышления психолога (на довузовском, вузовском и послевузовском этапах) // Сибирский психологический журнал. № 22. Томск. 2005. С. 135 – 140.
10. Кашапов М.М., Шаматонова Г.Л. Ресурсность мышления как основа конструирования акме-событий: теоретико-методологический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 22. С. 10-20.
11. Кашапов М.М., Воскресенский А.М. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте спортсменов // Курский научно-практический вестник Человек и его здоровье. 2017. № 3. С. 124-128.

12. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Индиго. 2018. 360 с.
13. Кашапов М.М., Огородова Т.В., Филиппович Х.Н. Типы реагирования в конфликте и их связь с доминирующими психическими состояниями спортсменов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 182—192.
14. Кашапов М.М. Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 116-130.
15. Кашапов М.М. Ресурсные основы активности мышления в условиях профессионализации субъекта. В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. С. 45-50.
16. Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В., Кашапов А.С. Инновационные образовательные технологии: учебник. Москва: Директ- Медиа. 2022. 264 с.
17. Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В. Психология креативности, одаренности и гениальности. Учебник / Ростов-на-Дону – Таганрог, 2021.
18. Краснощеченко И.П. Деловая игра «Моделирование профессиональной деятельности психолога» в системе психолого-педагогического сопровождения адаптации студентов-психологов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2012. С. 270–272.
19. Креативность как ключевая компетентность педагога. Монография / Под ред. проф. М. М. Кашапова, доц. Т. Г. Киселевой, доц. Т. В. Огородовой. Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. 392 с.
20. Крымова Е.С. Совершенствование творческого мышления тренера-преподавателя по хоккею. В сборнике: Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс. сборник статей всероссийской конференции с международным участием. под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль, 2021. С. 90-94.
21. Мазилев В.А., Костригин А.А. Проблема педагогических способностей в современной зарубежной психологии // Психология и психотехника. 2021. № 2. С. 68-85.
22. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности / под науч. ред. проф. М.М. Кашапова; ЯрГУ. Ярославль, 2012. 428 с.
23. Осипов М.В. Потенциал проектной деятельности в контексте формирования метакомпетентности обучающихся // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 1-1. С. 240-246.
24. Саидова, З. Х. Основные направления исследования творческого мышления в отечественной и зарубежной психологии / З. Х. Саидова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 23 (103). — С. 901-905. — URL: <https://moluch.ru/archive/103/23770/> (дата обращения: 12.06.2020).

25. Серафимович И.В., Салова А.И. Особенности решения проблемных ситуаций и копинг-стратегии поведения в различные периоды юношеского возраста // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021. № 2 (42). С. 227-234.
26. Серафимович И.В. Многоуровневые факторы среды и особенности профессионального мышления специалистов социэкономической группы профессий. В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. С. 154-159.
27. Сопровождение деятельности ФУМО СПО по внедрению новых и актуализированных ФГОС СПО URL: https://spo-edu.ru/uploadedfiles/fgos-spo_5d56adf97cc5b.pdf (дата обращения: 08.03.2022)
28. Толочек В.А. Технологии профессионального отбора : учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2021. 251 с.
29. Туник, Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты / Е. Е. Туник. СПб.: Изд-во «Дидактика Плюс», 2002. 44с.
30. Турчин А.С. Учебная и текстовая деятельность в содержании вузовской подготовки психологов и педагогов: учебное пособие. СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований». 2021. 71 с.
31. Холодная М.А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал, 2020. Т. 41. № 3. С. 18-31.
32. Чернявская В.С., Сидорова Т.А. Психолого-педагогическая программа развития метакогнитивных способностей школьников // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 3. С. 217-228.
33. Щербакова О.И., Шукшина Л.В., Васякин Б.С., Корецкая И.А. Использование комплекса психотехнологий при обучении студентов и магистрантов РЭУ имени Г.В. Плеханова и создания их эффективной профессиональной идентичности // Плехановский научный бюллетень. 2020. № 1 (17). С. 113-129.
34. Щербакова О.И. Использование психотехнологий при обучении студентов В сборнике: Современный тренинг и коучинг: новые возможности в бизнесе и образовании. материалы по итогам VI Международной научно-практической конференции. Саранск, 2021. С. 29.
35. Эксакусто Т.В., Кибальченко И.А. Факторные структуры интеллектуально-личностного ресурса молодых людей // Системная психология и социология. 2020. № 2 (34). С. 45-58.

**Кашапов А.С., Кукушкина Т.А., Пенькова Г.А.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАТФОРМ ДЛЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ**

Аннотация

Статья о сервисах и программах, которые используются при дистанционной форме обучения, с анализом основных видов ресурсов. Впервые представлено рассмотрение преимуществ, отличий, проблем дистанционного обучения и используемых программ. Основное внимание уделено психологическому анализу преимуществ дистанционно формата для учащихся.

Annotation

An article about the services and programs that are used for distance learning, with an analysis of the main types of resources. For the first time, an examination of the advantages, differences, problems of distance learning and the programs used is presented. The main attention is paid to the psychological analysis of the advantages of the remote format for schoolchildren.

Ключевые слова: Дистанционное обучение, интернет, инновационные технологии обучения, дистант, виды дистанционного обучения.

Keywords: Distance learning, Internet, innovative learning technologies, distance learning, types of distance learning.

Постановка проблемы

Перевод учебных заведений в связи с эпидемической ситуацией стал неожиданностью для систем образования по всему миру. В очном формате перестали работать сотни тысяч школ, тысячи университетов. Почти полмиллиарда школьников и студентов вынуждены прекратить стандартный учебный процесс и перейти на дистанционную форму. В связи с переходом на дистанционное обучение первыми закрылись школы в Китае и Южной Корее, Иране; далее европейские страны, США и Россия [6.9].

Резкий переход образовательных организаций на дистанционную форму обучения ставит вопросы о том, способны ли сейчас цифровые технологии предложить адекватные инструменты, ресурсы и сервисы для организации удобной и продуктивной работы в цифровой среде и обеспечить в ней реализацию полноценного образовательного процесса.

С началом вынужденного перехода на дистанционное обучение, внедрением в учебный процесс инновационных электронных технологий, преподаватель вынужден осваивать новый для него вид педагогической подачи изучаемого материала, быть в одном лице техническим советчиком, методистом, консультантом и опробовать иные функции, в большей степени несвойственные для него как для преподавателя определенной гуманитарной дисциплины [Активные методы обучения студентов: практическое руководство / Отв. за вып. И.М. Лоханина, М.М. Кашапов, Н.В. Ключева: Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2005. 118 с.

Андреев А.А. Преподавание в сети Интернет / отв. редактор В.И. Солдаткин, С.Л. Коплан, Г.А. Краснова и др. – М.: Высшая школа, 2003.].

Основной задачей преподавателя при дистанционной форме обучения является обеспечение слушателей необходимым объемом материала по программе, организацией интерактивного взаимодействия «ученик-преподаватель», осуществление контроля за усвоением материала. Ведущим фактором при этом является желание и мотивация ученика изучать материал,

включение в процесс обучения в полном объеме, быть активным. При анализе проблем дистанционного образования среди педагогов выделяется главная проблема - "отсутствие" ученика на занятии. Ведь по своей сути дистанционное обучение — это тандем информационных и коммуникационных технологий, обеспечивающих получение студентом требуемого объема знаний изучаемой дисциплины [Кондакова М.Л. Методические рекомендации по организации учебного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий в условиях сетевого взаимодействия образовательных учреждений и организаций / М.Л. Кондакова, Е.Я. Подгорная; Федеральное агентство по образованию; Российская академия образования. – М.: СпортАкадемПресс, 2005.]. Интерактивное взаимодействие «ученик-преподаватель», достижение учебной цели в процессе обучения напрямую зависит от личностного стремления к знаниям самого студента и, конечно, качеством выполнения учебных заданий.

Цель работы – провести сравнительный анализ платформ для организации дистанционного обучения

Задачи:

1. Провести обобщенный сравнительный анализ российских цифровых образовательных платформ.
2. Провести сравнительный анализ платформы «Экстернат и домашняя школа «Фоксфорд»».
3. Провести сравнительный анализ платформы «Учи.ру» (<https://uchi.ru/>).
4. Провести сравнительный анализ платформы «ЯКласс» (<https://www.yaklass.ru>).
5. Провести дифференцированный сравнительный анализ платформ для организации электронного/дистанционного/мобильного обучения, в том числе и для реализации моделей смешанного обучения.
6. Выявить преимущества дистанционного формата для учащихся

На данный момент в мире отсутствуют системные технологические и организационные решения, позволяющие в полной мере добиваться тех же социальных и образовательных результатов, которые дает «обычная» стандартная очная школа. К дистанционной форме обучения как к единственному формату образовательного процесса не готовы ни родители, ни учителя. Потому вопросы, связанные с дистанционным обучением и академической успешностью учащихся в таком формате, требуют целенаправленных исследований и разработки. Реализация такого подхода позволит на 70–80% добиваться полноценных, соответствующих школьной программе образовательных результатов.

В последние десятилетия происходила цифровизация школы через множество цифровых образовательных решений, сервисов и платформ, онлайн-школ. При этом большинство решений ориентировались не на переосмысление процесса обучения и структуры, парадигмы и взаимодействия его участников, а на создание дополнительных удобных

инструментов для использования в рамках существующей классно-урочной системы.

Лаборатория цифровой трансформации образования Института образования НИУ ВШЭ давно ведет работу по анализу рынка цифровых образовательных ресурсов и сервисов, стратегий их эффективного использования в образовательном процессе, влияния на качество результатов обучения. В лаборатории проводится сравнительный анализ развития российских цифровых образовательных ресурсов с мировыми. На основе этого анализа утверждается, что российская школа в целом движется в русле этих мировых тенденций. Можно отметить увеличение количества используемых в образовательном процессе новых технологических решений в российской школе [Карлов И.А., Киясов Н.М., Ковалев В.О., Кожевников Н.А., Патаракин Е.Д., Фрумин И.Д., Швиндт А.Н., Шонов Д.О. Анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 5-11.].

В последние десять лет процесс внедрения был сконцентрирован на цифровизации контента в помощь учителю в изложении нового учебного материала и проверки домашних заданий. С начала двухтысячных годов российские школы получают доступ ко все более «дружескому» контенту через программы создания электронных образовательных ресурсов, представленных в Московской и Российской электронной школах. В большинстве разделов школьной программы существуют оцифрованные тексты, иллюстрации, презентации и демонстрации.

Менее распространен контент с "обратной связью", игры, интерактивные задания, которые могли бы выполнять роль самоучителя для школьника, добавляя интерактивность, возможность самопроверки и расширенного анализа. Практически отсутствуют адаптивные цифровые ресурсы, с индивидуальной траекторией, в которых предлагаемые задания учитывают скорость и трудности освоения учебного материала. Не получили распространения и развития технологии и решения с инструментами по совместной работы ученика и преподавателя.

Переход школ «на карантин» привел к тому, что большинство учителей стали использовать самый простой способ обучения по схеме «предоставление нового материала — контроль». Они пересылают школьникам новый учебный материал, ссылки на многообразные образовательные ресурсы, а также домашнее задание, которое сами потом и проверяют. Нужно отметить, что достижением школ и учителей стало активное использование многообразного контента. Но, в процессе перехода на дистанционные форматы большой проблемой стал дефицит интерактивных учебных материалов, интересных заданий с обратной связью и дефицит опыта и инструментов коллективной работы в цифровой среде. Следует отметить недостаточный опыт педагогов в использовании подобных решения и их внедрения в образовательный процесс. Поэтому, остаются

актуальными исследования и изучение качественной организации обучения школьников в дистанционном формате. По-прежнему острым остается вопрос использования общеобразовательными организациями или отдельными учителями цифровых ресурсов и сервисов для организации образовательного процесса в режиме онлайн.

Российские цифровые образовательные платформы

Цифровые образовательные продукты, имеющие широкие функциональные возможности, образовательный контент и методические материалы, покрывают большую часть основной образовательной программы общего образования. Выделим особенности, связанные с возможностью интерактивной самостоятельной работы ученика. При проектировании сервисов разработчики ставили разные цели. Предлагаемые ими решения предоставляют большие возможности как для интеграции образовательного процесса в школе, так и для организации индивидуального образовательного маршрута в рамках домашнего или дополнительного обучения. Созданы различные по функциональным возможностям продукты, которые изначально разрабатывались для решения общих задач коммуникации, не специфичных для образования, но стали применяться и в образовательном процессе.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Российские школы, учителя, школьники имеют доступ к обширному и разнообразному списку материалов по ключевым предметам школьной программы (статьи, параграфы тексты, иллюстраций, видеоматериалы и другое). В целом, массивы данных способны обеспечивать и покрывать темы всей программы на разных уровнях освоения. Важно отметить, что значительная часть учебных материалов доступна бесплатно.

2. Отсутствует доступная хорошо продуманная навигация по материалам. Задача разработки данного функционала является приоритетной.

3. Практически отсутствуют современные системы управления образовательным процессом для школ («learning management system»), которые переводят свой учебный процесс в режим онлайн. Ряд предлагаемых на рынке решений может быть доработан до нужного функционала. Большинство школ, в период дистанционного обучения, не смогли перейти на удаленный доступ к журналам, и специалисты вынуждены были приходить в учебное заведения для составления отчетов и выставления оценок. Эта задача также является срочной.

4. Не разработан общий согласованный и одобренный учредителем алгоритм действий с условиях дистанта. Большинство учителей были оставлены с проблемой наедине. Необходима разработка общего шаблонного рекомендованного алгоритма при срочном переходе в дистанционный формат (методические рекомендации, справочники систем и руководство по работе).

4. Недостаточное количество образовательных ресурсов, тренажеров, интерактивных задач — с развернутой обратной связью и аналитикой. Существующие задания большей своей частью являются всего лишь тестами с выбором ответа или задачами с одним ответом. Они лишены творческой

составляющей, адаптивности, индивидуальности, яркости, увлекательности. Как правило, они не используют современные технологические решения. Нет возможности уйти от ручной проверки и требует от учителя дополнительных временных затрат на разработку и адаптацию задач. Значительная часть задачи - результат работы коммерческих частных компаний и являются не бесплатными для учителей или учеников. Большая часть учителя не имеют опыта использования дополнительных ресурсов в учебном процессе. Учебная программа не предусматривает и не содержит рекомендаций и "мест" внедрения.

5. Не смотря на имеющийся опыт и доступ общепользовательских инструментов работы с документами, коммуникации, организации групповой работы, обратной связи, данный функционал, практически не был внедрен и не использовался в образовании.

6. Отсутствует система структурированных, апробированных и рекомендованных комплексных решений для школы, благодаря которой эти средства были бы интегрированы с общей системой организации образовательного процесса. Без этого реализация дистанционного формата обучения приводит к несогласованности.

6. Методики школьного обучения в дистанционном формате не развиты. Практически отсутствуют теоретические и практические разработки возрастной специфики использования цифровых материалов (для начальной, основной и старшей школы).

7. Отсутствует одно универсальное общее (по всем предметам) решение для полного перехода школ на дистанционный формат обучения в единой системе.

9. Нормативные ограничения на использование внешних образовательных сервисов, сетевое взаимодействие, использование коммерческих продуктов, а также санитарные нормы, создают дополнительные сложности в использовании ресурсов.

10. Практически все имеющиеся интерактивные сервисы разработаны и реализуются коммерческими компаниями. Они не могут позволить себе продолжать поддержку этих сервисов бесплатно в течение длительного времени. Более того, им нужны средства на развитие собственных продуктов. Уже разрабатываются региональные инициативы по выделению дополнительных средства для школ, для закупки цифровых образовательных ресурсов, которые позволяют строить программы дистанционного обучения.

«Фоксфорд» (<<https://foxford.ru>>)

Проект входит в состав холдинга «Нетология-групп» и является резидентом «Сколково».

Существующая с 2009 г. платформа с дистанционными (групповыми) курсами по большинству предметов школьной программы с 1-го до 11-й класс используется учениками в качестве дополнительного образования для подготовки по базовой программе, а также к олимпиадам, ГИА и ВПР (ГИА - Государственная итоговая аттестация, ВПР - Всероссийские проверочные работы).

Целевая аудитория платформы — ученики. По данным similarweb, количество посещений платформы до февраля 2020 г. составляло около 2,5 млн. в месяц и за период эпидемии выросло в 6 раз — до 15 млн в месяц в апреле 2020. В состав курсов также входят видеозаписи уроков, конспекты и задания. В учебном процессе действует учитель. Часть заданий проверяется автоматически, а часть — педагогом, который предоставляет обратную связь. Учителя могут использовать платформу в качестве источника видеуроков с интерактивными упражнениями. Данный сценарий возможен в сочетании с электронным журналом (МЭШ, «Дневник.ру»).

Обучающие материалы и задачи:

- русский язык (3–11-е классы);
- математика (3–6-е классы);
- алгебра (7–11-е классы); английский язык (3–11-е классы);
- информатика (5–11-е классы);
- география (5–10-е классы);
- биология (5–11-е классы);
- обществознание (6–11-е классы);
- физика (7–11-е классы);
- химия (8–11-е классы);
- литература (3–11-е классы);
- история (5–11-е классы).

Сервис ориентирован на ученика. Ученику или его родителям необходимо зарегистрироваться на платформе, после чего станет доступен каталог всех имеющихся курсов, а также каталог предметов, по которым можно учиться непосредственно с репетитором. Педагог может создать свой класс, добавив (пригласив) учащихся. Может выдавать “приглашения” для подключения к программам, курсам олимпиадам и другому.

Сервис доступен в веб-версии, пользователю не требуется установка дополнительного ПО.

Существуют мобильные приложения для операционных систем iOS и Android.

Для обучения необходимы персональный компьютер, планшет или смартфон, а также доступ в Интернет.

Экстернат и домашняя школа «Фоксфорд»

Существующий с 2017 года онлайн-экстернат предназначен для целевых групп школьников, не имеющих возможности (например, из-за проживания с семьей за границей или из-за наличия ОВЗ) или желания посещать традиционную школу. В первой половине дня проходят уроки по базовой, а во второй — по индивидуальной программе. Доступны все записи занятий. У каждого ученика есть непосредственный куратор, который осуществляет поддержку и мотивацию ученика, планирование учебной нагрузки и дополнительных занятий, мониторинг успеваемости. Сервис состоит из двух направлений:

1) онлайн-вебинаров, тестов и текстовых заданий в формате, адаптированном к дистанционному поурочному изучению школьной

программы с 5 по 11 класс по всем предметам школьной программы. Задания здесь, как правило, не имеют встроенной обратной связи.

2). формат Мини-группы. На разработанной платформе в группе от 5 до 15 учащихся проходит занятия. При этом у школьников и учителя есть возможность работать на интерактивной доске, подгружать презентацию и дополнительные материалы, вести диалог как в формате чата, так и видеоконференция (у участников есть подключение видео и звука). Разработаны, так называемые "ИЗ" - интерактивные задачи, за которые ребята получают "ХР" - внутренние баллы. После каждого занятия преподаватель оставляет комментарий по работе каждого ученика, которые классный руководитель передает родителям. Разработана система контроля качества занятий и материалов. Отслеживается статистка работы учеников на занятиях, решения домашних заданий и проверочных. В онлайн школе также предусмотрены мероприятия по социализации обучающихся, например, походы на выставки, музеи, праздничные встречи, походы в офисы технологических компаний. Сервис является примером использования дистанционного образования в общем образовании, но небольшое количество учеников (около 1000), синхронные дистанционные занятия с преподавателями и персонализированный подход к обучающимся не позволяют массово и оперативно внедрить данный сервис в школу. Вместе с тем этот опыт может быть полезен для выстраивания организации обучения. Ценность представляют процессы обучения при помощи платформы, а также опыт преподавателей по работе в цифровой среде.

«Учи.ру» (<https://uchi.ru/>)

Существующая с 2011 г. платформа представляет собой сборник интерактивных задач по широкому спектру предметов и классов. Включает более 30 тыс. заданий. По заявлению платформы, в системе зарегистрированы 3,5 млн учеников, 200 тыс. учителей и 2 млн родителей. По данным similarweb, среднее количество посещений платформы до февраля 2020 г. составляло около 20 млн в месяц и за период эпидемии выросло более чем в 5 раз — до 110 млн в апреле.

Первым среди представленных образовательных площадок для дистанционного обучения школьников стал портал «Учи.ру» – Российская интернет-платформа, одобренная Министерством просвещения, которая с 2017 года, после представления её президентом В.В. Путиным на саммите БРИКС, получила мировое признание и вышла на рынки Китая, ЮАР, Индии и Бразилии.

Целевая аудитория — учителя, а также ученики 1–11-х классов. Сервис используется учителями, как в общем, так и в дополнительном образовании.

Также в личном кабинете учителя предусмотрена функция «Виртуальный класс» для проведения индивидуальных и групповых онлайн-уроков с видео. Учителя и ученики могут видеть и слышать друг друга, учитель также может демонстрировать ученикам документы, презентации, электронные учебники и использовать виртуальные маркер и указку.

Виртуальный класс можно использовать как для нескольких учеников, так и для всего класса.

Платформа предоставляет доступ к записям онлайн-уроков.

Для 1–4-х классов по математике, русскому языку, окружающему миру, английскому языку и литературе, а для 5–8-х классов — по математике, русскому языку, английскому языку, биологии и истории.

Учитель и ученики имеют возможность в любой момент получить доступ к данным видеоматериалам для изучения новой темы или повторения пройденного материала.

Ссылки на онлайн-уроки доступны на странице: <<https://distant.uchi.ru/>>.

Платформа также предоставляет вебинары для учителей и директоров школ об организации дистанционного обучения и необходимых для этого инструментах, дистанционную подготовку всех детей страны на своей платформе. Для ознакомления с вебинарами необходимо перейти по ссылке: <<https://uchi.ru/teachers-webinars>>.

Задачи:

- русский язык (1–9-е классы);
- математика (1–6-е классы);
- алгебра (7–11-е классы);
- английский язык (1–11-е классы);
- окружающий мир (1–4-е классы);
- Программирование (1–7-е классы);
- география (5–7-е классы);
- биология (5–6-е классы);
- обществознание (5-й класс);
- физика (7-й класс);
- химия (8-й класс);
- история (5-й класс).

«ЯКласс» (<https://www.yaklass.ru>)

Существующая с 2013 г. платформа представляет собой коллекцию интерактивных задач и видеоуроков по широкому спектру предметов и классов. Включает более 30 тыс. заданий. По заявлению платформы, в системе зарегистрировано более 2 млн учеников, 100 тыс. учителей, подключено 40 тыс. школ. По данным similarweb, среднее количество посещений платформы до февраля 2020 г. составляло около 7 млн в месяц и за период эпидемии выросло более чем в 10 раз — до 76 млн в апреле.

Целевая аудитория — учителя и ученики 1–11-х классов. Сервис используется учителями и учениками как в общем, так и в дополнительном образовании.

Обучающие материалы и задачи:

- русский язык (1–11-е классы);
- математика (1–6-е классы);
- алгебра (7–11-е классы);
- английский язык (2–11-е классы);

- окружающий мир (1–4-е классы);
- информатика (5–11-е классы);
- география (5–7-е классы);
- биология (5–11-е классы);
- обществознание (8–9-е классы);
- физика (7–9-е классы);
- химия (8–9-е классы).

Сервис доступен в веб-версии, пользователю не требуется установка дополнительного ПО. Сервис также предоставляет доступ к материалам портала «Интернет-урок» и 1-С по платной подписке. У сервиса отсутствуют мобильные приложения.

Для обучения оптимально подходит персональный компьютер.

Среди учителей МОУ СОШ № 80 с углубленным изучением английского языка был проведен опрос на тему: «Какая, на Ваш взгляд, образовательная платформа является наиболее качественным, актуальным, достаточно укомплектованным цифровым ресурсом?». Среди опрошенных 90 учителей только 23,5 % - выбрали «Учи.ру» (преимущественно учителя начальной школы), 28,3 % отметили «Якласс»(учителя старшего звена) и «Яндекс.Учебник». Число учителей (48,2 %) отдали предпочтение «Российской электронной школе». Для оценки были отобраны следующие критерии: регистрация на сайте; доступ, возможности личного кабинета; наличие инструкций и электронного помощника; количество заданий и олимпиад; наличие заданий для детей с ограниченными или особенными возможностями; оформление и интерактивность (см. диаграмму 1).

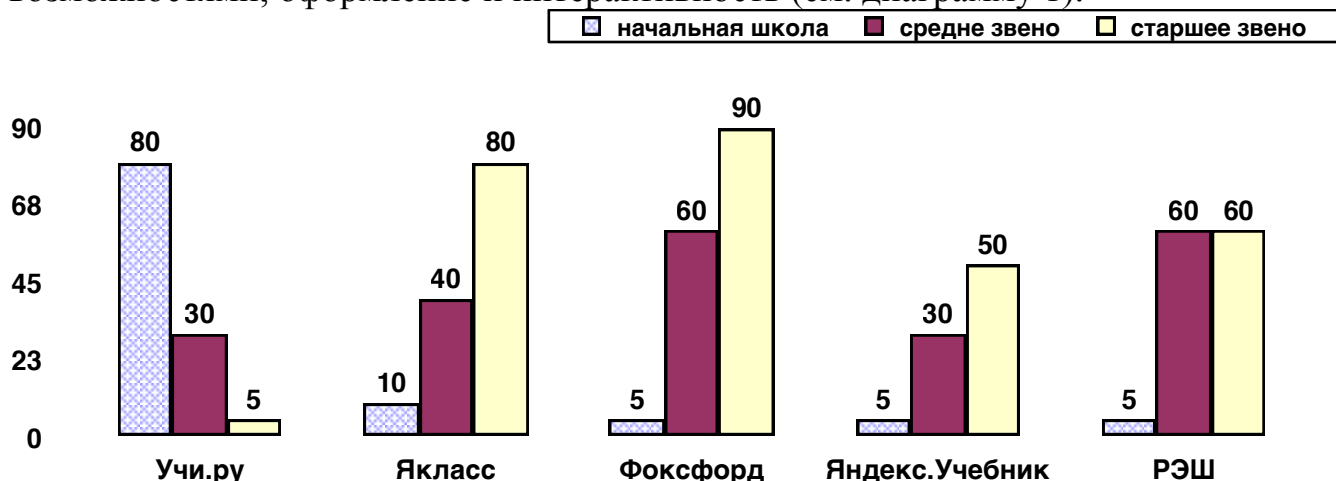

Диаграмма 1. Использование платформ для занятий

Анализ платформ для организации дистанционного обучения (см. таб. 1, 2)

Таблица 1

Анализ платформ для организации электронного/дистанционного/мобильного обучения, а также для реализации моделей смешанного обучения по мнению педагогов и учащихся

Платформа	+	-
Учи.ру (Тренажер)	<p>+ Программа для 8-9 классов по алгебре согласуется с учебной программой</p> <p>+ Задания и объяснения интерактивные и в игровой форме</p> <p>+ Интерфейс, дизайн (по мнению учащихся)</p> <p>+ Иная парадигма заданий - важен ход (алгоритм) решения, а не ответ (как “число”)</p> <p>+ Можно отслеживать результаты и успехи учащихся</p> <p>+ Не требуется платная подписка для учителя</p> <p>+ Соответствует особенностям психологического развития для детей от 4 лет до 18. Особенно с низкой учебной мотивацией. Уровень и содержание заданий адаптированы под возраст.</p> <p>+ Есть внешние стимулы для поддержания учебной мотивации учащихся (сама форма подачи заданий и объяснение интерактивные, меж классные и школьные викторины, подкрепление через одобрение (интерфейс).</p> <p>+ Возможность отработать и исправить проблемные вопросы в случаи ошибки.</p> <p>+ Подчёркивается успех учащихся и акцент сделан на выполнении заданий. (Принцип “зеленой ручки”)</p> <p>+ Пароли для входа выдает учитель</p>	<p>- Нет геометрии</p> <p>- Для учащихся с сильной учебной мотиваций не подходит</p> <p>- Нет углубленного уровня и части предметов</p> <p>- Ограничение по количеству "карточек" на день (в общем доступе)</p> <p>- Много "одинаковых" заданий</p> <p>- Нет лекций (видео)</p>

<p>Якласс (Тренажер)</p>	<p>+ Материалы для 8-9 классов по алгебре и по геометрии согласуются с учебной программой + Интерфейс, дизайн + Индивидуальные задания, индивидуальная траектория + Можно отслеживать результаты + Есть программы лояльности для пользователь с подключением к "Я+"</p>	<p>- Нужна подписка (для учителя - обязательно, иначе - нет смысла в использовании) - Задания и тесты не согласованы с лекционным материалом - Лекции текстовые. Нет видео с объяснениями. Нет интерактивна - Нет защиты от "дурака" - Подходит для учащихся с 14 лет со средней и высокой мотивацией</p>
<p>Фоксфорд Контентный проект</p>	<p>+ Педагогический, методологический состав педагогов и экспертов, содержание лекций-уроков + Материал видео-уроки (можно смотреть онлайн или в записи) + Есть домашние задания, проверочные работы, тесты + Согласуется с учебной программой + Подходит для слушателей, поступающих в вузы (сильная подготовка), специализированные учебные заведения с углубленным, олимпиадным уровнем.</p>	<p>- Для учащихся со слабой мотивацией учебной не подходит (требуется высоко развитые умения рефлексии и саморегуляции) - Интерфейс не адаптирован под разные возраста слушателей - Нет защиты от "дурака" - Нельзя отследить реальный прогресс и результаты учащихся - Тяжелый интерфейс</p>

Stepik	<ul style="list-style-type: none"> + Автор (педагог) может сам создавать и разрабатывать курс + Достаточно “дружественный” интерфейс + Много функциональных возможностей 	<ul style="list-style-type: none"> - Ограничение по общему доступу - Нет шаблонов и готовых решений, нет заданий (банка заданий) - Требуется много времени на разработку и создания курсов - Для диалога со слушателями требуются сторонние мессенджеры - Требуется высокие профессиональные знания и навыки, в том числе по смежным направлениям
--------	---	--

Таблица 2

Обеспеченность образовательных программ по предметам интерактивными цифровыми ресурсами для дистанционной работы

	Начальная школа (1-4 класс)	Средняя школа (6-7 классы)	Средняя школа (8-9 класс)	Старшая школа (10-11 класс)
Математика	Учи.ру Якласс Фоксфорд	Учи.ру ЯКласс Фоксфорд Edu Skyeng Интернетурок МЭО НД (Образов.) РЭШ Skysmart	Алгебра Учи.ру, ЯКласс, Фоксфорд, Интернетурок, МЭО, 1С, РЭШ, Skysmart, Открытая школа, Яндекс. школа Геометрия Фоксфорд, Интернетурок, МЭО, 1С,РЭШ, Skysmart, Открытая школа, Яндекс. школа	
Русский язык		Открытая школа Яндекс. школа	Учи.ру ЯКласс Интернетурок МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа	
Английский язык			Учи.ру, ЯКласс, Фоксфорд, Skysmart, Интернетурок, МЭО, РЭШ, Skysmart, Открытая школа, Яндекс. школа	
Окружающий мир			-	-
Программирование и ИКТ	Учи.ру		ЯКласс Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа	ЯКласс Фоксфорд МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа
География	-		Фоксфорд, Интернетурок, МЭО, РЭШ Skysmart, Открытая школа, Яндекс. школа	

Биология	-		Я К л а с с , Ф о к с ф о р д , Интернетурок, МЭО, 1С, РЭШ, Skysmart, Открытая школа, Яндекс. школа	
Обществознание	-		ЯКласс Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Открытая школа Я н д е к с . школа	Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Открытая школа Я н д е к с . школа
История	-		Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Я н д е к с . школа	Фоксфорд Интернетуро к МЭО РЭШ Skysmart Открытая школа Я н д е к с . школа
ОБЖ	-			
Ч т е н и е / Литература	Интернетур ок МЭО 1С Новый диск Открытая школа		Фоксфорд, Интернетурок, МЭО Skysmart, Открытая школа, Яндекс. школа	
ИЗО	МЭО Новый диск РЭШ	Новый диск РЭШ	-	-

Химия	-	Учи.ру ЯКласс Фоксфорд Интернетуро ок МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа	ЯКласс Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа	Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа
Физика	-	ЯКласс Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа	ЯКласс Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа	Фоксфорд Интернетуро к МЭО 1С РЭШ Skysmart Открытая школа Яндекс. школа

Выводы

Результаты опроса и анализа сервисов показали:

1. Для работы в начальной школе и по подготовке к школе удобным будет ресурс "Учи.ру. Позволяет в игровой форме отработать практические навыки по математике, окружающем мире, русскому языку и английскому языку.

2. Для работы в 5-7 классах по основным предметам подойдет ресурс "Учи.ру. Отработка основных навыков по предметам. Для учащихся, ориентированных на углубленный уровень изучения, и для организации индивидуальных заданий возможно использование платформы "Якласс".

3. Для учащихся 8-9 классов адекватным будет использование платформы "Учи.ру" для закрепления основных навыков у слабомотивированных и слабо-успевающих учеников. Разработанный новый раздел по геометрии схож с разработкой на "Якласс". Платформа "Якласс" подходит для организации дистанционного обучения, если педагог будет более тщательно отбирать задания из предложенных и рассчитывать уровень

заданий и нагрузки. В шаблоне выполнен расчет, являющийся недостаточным (по математике, в частности)

4. На всех уровнях обучения возможна разработка собственного курса по любому предмету. Данная работа требует от педагога высоких методических знаний и опыта, а также навыка работы в графических и других редакторах.

5. Реализация дистанционного обучения в старшей школе уходит на разные платформы в зависимости от требуемого уровня усвоения предмета. Единого или общего решения нет.

6. Распространение и возможность ухода на домашнее обучение и попытки создания первой лицензированной онлайн школы открывают новые возможности для учебы детей в дистанционной форме. Возможно частичное или полное (по всем предметам) обучение в онлайн школе. Лучшим на данный момент, тут будет обучение в мини-классах, например в домашней школы "Фоксфорд". Изучение школьной программы проводится в группах до 15 человек. Занятия проходят с видеосвязью, преподаватель уделяет внимание каждому ученику. Похоже на учёбу в частной школе, только онлайн. Все занятия - есть в записи. Занятия проводятся с использованием "онлан-класса" (разработка компании). Профессиональный тьютор помогает наладить общение внутри класса — вместе с ребятами он подводит итоги каждого учебного дня. В домашних заданиях для закрепления материала применяются тесты, в которых сразу виден результат, и есть творческие работы с проверкой преподавателями.

Реализация дистанционной формы обучения требует продуманного инструмента с реализованным коммуникативным компонентом общения. Нужны методики синхронного (онлайн) и асинхронного (в записи или посредством электронных сообщений) дистанционного обучения. Такие виды дистанционного обучения несут различные информационные нагрузки [Коротенков Ю.Г. Дистанционное обучение в системе образования / Ю. Г. Коротенков // Школьные технологии. – 2005. – № 3.]. Синхронный метод дистанта - связка «ученик - преподаватель» наиболее активна и требует максимальной выкладки, как для преподавателя, так и для обучаемых. Асинхронный вид дистанта напрямую зависит от самого обучаемого, от его желания и навыков усвоения материала, поэтому данный вид возлагает непосредственную ответственность за итоговый результат на самого студента. Здесь основой выступает самодисциплина, самообразование, определение учебного темпа. Преподаватель может и должен выступать лишь в качестве консультанта. Как показывает практический опыт ведения занятий посредством дистанционного обучения в плане осуществления учебного процесса и усвоения учебного материала наиболее эффективным стал метод совмещения этих двух видов дистанта - асинхронного и синхронного. Информационная нагрузка в правильно поставленном дистанционном учебном процессе должна быть четко систематизирована, логически объединена и в то же время быть изложена понятным образом. Понятным, прежде всего, для обучаемых. Для лучшего закрепления пройденного

материала, после окончания любой лекции, лучше провести тестирование в форме тестового тренинга или любой иной логической проверочной схемы. После прохождения каждого модуля, так же рекомендуется принять от каждого студента решение модульного теста, без сдачи которого дальнейшее изучение темы будет просто нецелесообразным или даже невозможным. Пройдя этап принятия всех модулей необходимо открыть итоговый тест (экзамена или зачета) [Полат Е.С. Дистанционное обучение: проблемы и перспективы / Е. С. Полат // Открытая школа. – 2009. – № 1.]. Наиболее совершенный и отвечающий большому числу показателей является формат "Мини-группа" в "Фоксфорде". Но это "закрытый" формат, который, по мнению разработчиков и педагогов, является "эксклюзивным". Стоимость обучения в таком формате примерно 30000р в месяц. Но у педагогов есть возможность взять за основу принципы, заложенные в данном формате и реализовывать его самостоятельно. Для этого необходимо воспользоваться такими средствами, как zoom (или подобные сервисы), электронная доска, с возможностью общего редактирования и внешние сервисы электронного тестирования или разработка собственного курса, например, на платформе Stepik.

Преимущества дистанционного обучения для учащихся:

1. Доступность и мобильность. Учебный процесс доступен в любой точке удаления от учебного учреждения, в любом месте, где есть выход в интернет, независимо от самого местонахождения ученика. Возникает возможность семьям быть более мобильными без отрыва от учебного процесса. У детей появилась возможность получать российское образование, находясь в других странах.

2. Индивидуальность. Позволяет заниматься практически по индивидуальной программе для каждого ученика.

3. Социальность. Сводит на нет социальную напряженность, позволяет обучаться независимо от состояния собственного здоровья, возраста или иных ограничений. Результаты проведенных исследований адаптации, свидетельствуют о том, что при работе в дистанционном формате негативное влияние адаптационных перегрузок ниже [Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Закономерности макродинамики вузовской адаптации первокурсников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-makrodinamiki-vuzovskoy-adaptirovannosti-pervokursnikov> (дата обращения: 14.03.2022).]

4. Качественность. Позволяет получать консультации и обучаться не только у своих преподавателей, но и у иных высококвалифицированных специалистов. Мониторинг усвоения знаний в ходе учебного процесса, является по сути, постоянный информационный контакт как с другими студентами, так и с преподавателями, что способствует развитию навыка командной работы и уверенности в правильности принятия личных решений. Отбор специалистов, уровень мониторинга и контроля качества работы, например в "Фоксфорде" очень высокий. Только процедура собеседования

состоит из основных 5 этапов, и по времени может длиться от трех до шести месяцев.

4. Объективность. Практическая система оценки знаний, независима и объективна по итогам тестирования. Встроенные мониторинги дают достаточно объективную картину об образовательной траектории учащихся. Родители могут четко понимать, как текущий уровень своего ученика, так и общую картину в классе.

5. Инновационность. Систематическое использование передовых технологий позволяют ученикам органично «вписаться» в выбранную современную постоянно развивающуюся профессиональную отрасль, уверенно пользоваться и применять знания на практике. Так как большинство сервисов коммерческие, то конкуренция и желание стать лидерами на рынке онлайн - образования, стимулирует к развитию платформ, поиску новых идей и лучших специалистов.

6. Экономичность. Сокращение расходов (транспортные, финансовые, временные). Весь объем учебных материалов ученики получает дистанционно. Вся информация есть на электронных носителях, есть возможность сохранить, пересмотреть, повторить. [Шукшина Е.Е. Система дистанционного образования с использованием Интернет-технологий: статья, Красноярский государственный университет, Красноярск, Россия 2008 г...].

Таким образом, на сегодняшний день дистанционная форма обучения способствует развитию ответственности у учеников за качество изучаемого материала, в разы повышает эффективность самообразования и выполнения домашней – самостоятельной работы, предоставляет возможность для творчества и развития профессиональных качеств, открывает широкий доступ к различным иным тематическим источникам информации, в полной мере выступает как альтернатива традиционной форме обучения.

Преподавательский состав получает возможность реализовать на практике инновационные формы обучения [Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В., Кашапов А.С. Инновационные образовательные технологии: учебник - Москва: Директ- Медиа. 2022. 264 с.; Кашапов М.М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1989.] с применением концептуального моделирования высококачественного учебного процесса, становясь соавторами новых платформ и новых возможностей. Для реализации такой возможности преподаватель должен владеть определенными особенностями мышления в процессе решения педагогической проблемной ситуации [Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва. 2000. 48 с.; Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Индиго. 2018.

360 с.] и соответствующими конфликтными компетентностями [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Библиографический список:

1. Активные методы обучения студентов: практическое руководство / Отв. за вып. И.М. Лоханина, М.М. Кашапов, Н.В. Ключева: Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2005. 118 с.
2. Андреев А.А. Преподавание в сети Интернет / отв. редактор В.И. Солдаткин, С.Л. Коплан, Г.А. Краснова и др. – М.: Высшая школа, 2003.
3. Воробьева Т.Н. Электронный образовательный ресурс «ЯКласс» как инструмент повышения качества образования // Образование. Наука. Карьера. 2018. С. 46–50.
4. Гайдамака Е.П. Использование российской онлайн-платформы «Учи.ру» в деятельности учителя-предметника // Информация и образование: границы коммуникаций. 2018. № 10. С. 62–63.
5. Гергель Е.А. Интерактивная образовательная платформа «Учи.ру» как инструмент формирования мотивации младших школьников // ББК 74.204 Ц75. Печатается по решению администрации ООО «Международные образовательные проекты». Сост. Е.В. Литвинова. С. 64.
6. Гребенкина Н.Г. Применение образовательного интернет-ресурса федерального уровня «Учи.ру» в образовательном процессе начальной школы // ББК 74.24 (2Белг). 2018. С. 56/
7. Жданова Д.Е., Корнеева Л.И. Интерактивные модели обучения английскому языку (сравнение традиционной, реверсивной и онлайн-моделей) // Innovative Approaches in Computer Science within Higher Education. 2020. С. 23.
8. Зайцев А.М. Мобильная среда обучения «ЯКласс»— эффективный инструмент в современной школе // Информатизация непрерывного образования. 2018. С. 615–616.
9. Карлов И.А., Киясов Н.М., Ковалев В.О., Кожевников Н.А., Патаракин Е.Д., Фруммин И.Д., Швиндт А.Н., Шонов Д.О. Анализ цифровых образовательных ресурсов и сервисов для организации учебного процесса школ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 5-11.
10. Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В., Кашапов А.С. Инновационные образовательные технологии: учебник - Москва: Директ- Медиа. 2022. 264 с.
11. Кашапов М.М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1989.

12. Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва. 2000. 48 с.
13. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Индиго. 2018. 360 с.
14. Кондакова М.Л. Методические рекомендации по организации учебного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий в условиях сетевого взаимодействия образовательных учреждений и организаций / М.Л. Кондакова, Е.Я. Подгорная; Федеральное агентство по образованию; Российская академия образования. – М.: СпортАкадемПресс, 2005.
15. Коротенков Ю.Г. Дистанционное обучение в системе образования / Ю. Г. Коротенков // Школьные технологии. – 2005. – № 3.
16. Обучение в мини-классах домашней школы . 2021. <https://externat.foxford.ru/mini-klassy>. (дата обращения: 17.03.2022).
17. Полат Е.С. Дистанционное обучение: проблемы и перспективы / Е. С. Полат // Открытая школа. – 2009. – № 1.
18. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Закономерности макродинамики вузовской адаптации первокурсников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-makro-dinamiki-vuzovskoy-adaptirovannosti-pervokursnikov> (дата обращения: 14.03.2022).
19. Шукшина Е.Е. Система дистанционного образования с использованием Интернет-технологий: статья, Красноярский государственный университет, Красноярск, Россия 2008 г..

Кашапов М.М.

**РЕСУРСНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТА**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00602, <https://rscf.ru/project/22-28-00602/> по теме «Разработка концепции ресурсности мышления как технологии реализации творческого потенциала субъекта в условиях цифровизации образовательной среды»

Аннотация. В статье предложена стадияльная концепция ресурсности мышления как технологии реализации творческого потенциала субъекта в условиях цифровизации образовательной среды, поскольку сужение непосредственных межличностных контактов ставит перед исследователями

задачу определения роли внутренних, субъективных факторов ресурсности мышления.

Ключевые слова: ресурсность мышления, субъект, технология, творческий потенциал

Abstract. The paper presents a staged concept of thinking resourcefulness as a technology for realizing a subject's creative potential in the conditions of the educational environment digitalization because shrinking of direct interpersonal contacts makes researchers task to define the role of internal and subjective factors of the thinking resourcefulness.

Key words: resourcefulness of thinking, subject, technology, creative potential, digitalization of educational environment

Одним из вызовов для гуманитарных наук является нарастающее дробление в области понимания ресурса личности. Оптимизировать, уравновесить данную тенденцию может синтез разнообразных подходов (философского, акмеологического, социологического, педагогического, синергетического, андрагогического, филологического, психологического) с целью построения методологического описания ресурсности мышления как единой реальности, разные компоненты которой выделяются и исследуются в рамках данных подходов (Кибальченко, Эксакусто, 2021; Краснощеченко, 2012; Мазилев, Костригин, 2021).

Оптимальным «языком» подобной интеграции является методология субъектно-деятельностного подхода, ведущего свое начало из работ С.Л. Рубинштейна и развитый в 70 - 80-е года XX века в трудах К.А. Абульхановой, а в 90-е – А.В. Брушлинского, интенсивно продолжает развиваться, конкретизироваться и уточняться в современных исследованиях, прежде всего, в теоретических работах Л.И. Анцыферовой, В.А. Бодрова, М.И. Володиковой, А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко, М.А. Холодной и др.

Потребность в новой парадигме, а вернее, в объединении двух парадигм – субъектно-деятельностного и системного подхода – возникла под давлением необходимости обобщения и интерпретации различных вариантов понимания субъектности, важности сопоставления категорий субъект и личность, анализа их тесной связи на различных этапах развития и обусловлена стремлением перехода к все более целостному изучению психологии человека (Сергиенко, 2011, с. 120).

В рамках данного направления категория субъекта является центральной и системообразующей. Субъект выступает носителем психического и автором своей деятельности. Согласно системно-субъектному подходу Е.А. Сергиенко, субъект и личность составляют единство, но обладают и собственной спецификой. Модель психического является когнитивным механизмом понимания собственных психических состояний (знаний, намерений, желаний, эмоций, убеждений и т.п.) и психических

состояний Другого. Поскольку атрибуция ментальных состояний позволяет нам интерпретировать повседневные события и предсказывать поведение людей, то следует допустить, что концептуальная система, лежащая в основе этих атрибуций, имеет объяснительную силу теории (Сергиенко, Лебедева, Прусакова, 2009. с. 5).

Личность трактуется как стержневая структура субъекта, которая задаёт общее направление саморазвития и самоорганизации. В свою очередь, субъект реализует это направление посредством сопоставления индивидуальных ресурсов и целей. В рамках данного подхода этот вопрос непротиворечиво решается по аналогии с командным и исполнительным звеньями, когда личность как стержневая структура задаёт общее направление саморазвития, а субъект реализует его посредством сопоставления целей и ресурсов индивидуальности. Континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта является показателем психологической зрелости (Сергиенко, 2013).

В контексте системно-субъектного подхода отмечается, что субъект, опираясь на свои индивидуальные ресурсы, формирует паттерны поведения, направленные на достижение цели. Регуляторной характеристикой данного процесса выступает контроль поведения. Контроль поведения включает три ключевые подсистемы: когнитивный контроль, волевой контроль и эмоциональную регуляцию, в итоге образуя индивидуальный паттерн саморегуляции (Сергиенко, 2013, 2017).

Данный подход позволяет осуществить междисциплинарный синтез в понимании психологической природы ресурсности мышления и избежать при этом редуccionизма и элиминативизма. Для этого необходимо выяснить, как соотносятся исследования, проведенные в рамках субъектно-деятельностного подхода, с мейнстримом мировой науки.

В проведенных нами исследованиях на основании обобщения эмпирических и теоретических результатов (Кашапов, 1989; Кашапов, 2000; Кашапов, 2003; Кашапов, 2005; Кашапов, Шаматонова, 2017; Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018; Кашапов, Серафимович, 2018, Кашапов, 2021) показано, каким образом согласуется содержание подходов, реализуемых зарубежными и отечественными учеными, направленных на решение фундаментальной научной задачи - разработку концепции ресурсности мышления как технологии реализации творческого потенциала субъекта в условиях цифровизации образовательной среды. Научная экспликация конструкта «ресурсность мышления» осуществляется на основе интеграции методологических подходов (системного, системогенетического, эконпсихологического, акмеологического и др.) с целью исследования профессиогенеза ресурсности мышления в условиях цифровой трансформации образовательной среды.

Решение этой актуальной задачи (выявление факторов успешности в профессиональной деятельности) требуют организации масштабных междисциплинарных исследований и, прежде всего, лонгитюдных исследований, поскольку они обеспечивают понимание причинно-

следственных отношений между образовательными событиями и результатами, достигаемыми в образовательной и профессиональной деятельности. Результаты данных исследований становятся основой создания научной базы для внедрения и экспансии цифровых образовательных технологий, связанных с повышением эффективности системы образования. Учитывая те огромные финансовые ресурсы, которые государство вкладывают в систему образования, решение этой проблемы имеет высокую экономическую эффективность и может рассматриваться в качестве фактора конкурентоспособности России.

Для изучения динамического процесса становления ресурсного мышления, понимания взаимообусловленности в формировании успешности обучения и профессиональной деятельности необходимы прорывные системные исследования. На основе большинства имеющихся «срезовых» данных, собранных в один момент времени, невозможно а) выстроить единую линию анализа источников индивидуальных различий в академической успешности; б) проследить динамику психического развития современного специалиста; в) выявить направление причинно-следственных связей между показателями профессионального развития, обучения и конкретными образовательными и профессиональными событиями. Все эти методологические ограничения на пути создания наукоемких индивидуально ориентированных технологий обучения, обеспечивающих адресное сопровождение, могут быть сняты при проведении лонгитюдных исследований субъекта на разных этапах его профессионализации.

В связи с этим разработку концепции ресурсности мышления субъекта профессиональной деятельности, ориентированной на четкое прописывание теоретического и методологического вклада, предполагает: новое определение предмета исследования; функциональные, структурные (компоненты и уровни), динамические (этапы, стадии, периодизация) характеристики; принципы и свойства; психологические механизмы и закономерности, факторы, условия развития и формирования; критерии и показатели сформированности ресурсного мышления.

На основании обобщения эмпирических и теоретических результатов (Кашапов, 2001; Кашапов, 2003; Кашапов, 2005; Огородова, 2017; Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018; Кашапов, Серафимович, 2018; Кашапов, 2019; Кашапов, 2020; Кашапов Кашапов, 2020; Кашапов, 2021) можно сформулировать следующие основные положения разработанных нами концептуальных характеристик ресурсного мышления:

1. **Ресурс** - условие, позволяющее с помощью конструктивных преобразований получить желаемый результат.

Ресурсность – способность адекватно мобилизовать имеющиеся субъективные и объективные возможности для достижения цели.

Ресурсность мышления – интеллектуальная способность к осмыслению, т.е. к нахождению новых смыслов в происходящем с целью трансформации условий проблемной ситуации в средства её позитивного разрешения. Дискретность, расщепление процесса осмысления возникает на

таком этапе жизненного пути, когда мотивация на самореализацию не поддерживается ресурсами или находит и реализует их лишь в частичных преобразованиях. В таких изменяющихся обстоятельствах (точках бифуркации) профессиональной деятельности возможно либо снижение, либо повышение уровня ценностно-смыслового отношения к профессии. В условиях кризисной ситуации возникает точка неустойчивого равновесия. В данной точке возможна смена вектора профессионального развития и профессионализация как процесс приобретает индетерминированный характер, который порождает неожиданные пути развития и открывает новые потенциальные возможности.

Точка бифуркации создает возможность выбора вектора дальнейшего развития: либо в сторону «акме» (движение к пику, к росту, к расцвету), либо в направлении «катэ» (падение, упадок, катастрофа). Успешность прохождения данной точки определяется степенью сформированности готовности обучаемого и, прежде всего, его ресурсными возможностями, среди которых важную роль играет способность к гибкой самореализации. В этом случае ресурсность мышления как высший психический познавательный метапроцесс выступает ресурсом реализации творческой активности субъекта в осознании, формулировании и достижении жизненных целей. Такая активность обеспечивается реализацией целостной системы познавательной деятельности, а также целенаправленным участием в системе самых разных процессов, явлений и уровней психики, являющихся средствами ее реализации.

2. Ресурсное мышление – мышление, обеспечивающее нахождение и реализацию опорных точек в собственном опыте и в условиях окружающей среды (социальной, образовательной, профессиональной, организационной). В процессе взаимодействия со средой происходит аксиологическая (ценностная) трансформация собранной и проанализированной информации в знания, умения, навыки, привычки, отношения. Данная трансформация характеризуется когнитивно-рефлексивным преобразованием устаревших ценностей на новые, современные инновационные; а также иррациональных ценностей на рациональные.

3. Ресурсное мышление – это интеллектуальное умение человека находить различные способы творческого разрешения проблем в физической, психологической, личностной, социальной и духовной сферах профессиональной деятельности и жизнедеятельности в целом.

К основным характеристикам ресурсного мышления можно отнести осмысленность (наделенность определенным смыслом, восполняемость, гибкость, селективность, целостность осмысления).

Ресурсное мышление служит метаресурсом, реализация которого делает возможным управление выполняемой деятельностью на основе максимального использования своих индивидуальных ресурсов.

4. Творчество – конструктивный поиск новых ресурсов посредством выхода за рамочные условия привычных схем мышления, деятельности, поведения и отношения.

5. Творческая работа неразрывно связана с умением творчески мыслить и действовать, ибо нельзя творчески работать, не умея творчески мыслить и творчески относиться к происходящему.

6. В условиях профессионализации субъекта именно преподаватель является «Результативистом», олицетворяющим эталон наставника. Научить обучаемого творчески мыслить может только творчески мыслящий и действующий педагог, обладающий абнотивностью – качеством, способствующим своевременному выявлению и сопровождению творчески одаренного обучаемого.

7. Основным средством самосовершенствования субъекта служит своевременная реализация имеющегося у него ресурса. Профессионал, работающий сегодня так же, как работал вчера, обречен на отставание, ибо «топтанье на месте» есть форма регресса, стагнации, которая первоначально имеет имплицитные характеристики. Экспликация (выражение, распространение) выделенных признаков профессионального мышления субъекта как эксплицируемого явления осуществляется посредством дифференцирования познаваемых явлений: *духовных* как проявление силы и содержательности внутренней душевной жизни; *социальных* как преломление в профессиональной деятельности общественных требований и ожиданий; *средовых* как интеграция и осмысление тех условий среды, которые становятся средствами оперативного совладания с возникшими трудностями; *ресурсных* как реализация и преумножение ресурсов, прежде всего, внутренних как основу профессионального и личностного саморазвития субъекта.

8. Ресурсное мышление преподавателя служит основным средством регуляции учебно-познавательной, научно-исследовательской, воспитательно-познавательной деятельности обучаемых. Психологические механизмы и закономерности такой регуляции аналогично протекают не только в педагогической, но и в управленческой, лечебной, тренерской деятельности (Кашапов, Серафимович, 2020).

9. Преподаватель, выступающий не в качестве лектора-транслятора знаний, а как наставник, фасилитатор, создаёт такие условия, реализация которых трансформирует посредством механизма интериоризации внешнюю регуляцию деятельности обучаемых в осознанную саморегуляцию. Происходит формирование внутренних регуляционных структур психики, посредством усвоения внешней социальной деятельности, выполняемой под руководством наставника. Поэтому личностное и профессиональное развитие студента подразумевает стратегию высвобождения внутренних ресурсов как основу позитивного самоотношения (принятие себя, интерес к себе). Одним из ценных внутренних ресурсов служит понимание того, что любой кризис – явление временное, таящее в себе возможности роста. Ведь самая темная ночь бывает перед рассветом – зарей нового дня, дня жизни, наполненной новым смыслом.

Как ни странно звучит, но всё, что нужно студенту для успешной социализации и профессионализации, у него есть. Самореализация

проявляется в способности успешно решать ценностно-нравственные проблемы и при необходимости противостоять негативному влиянию среды. А в случае возникновения соответствующей потребности активно и конструктивно воздействовать на среду, отстаивая свою независимость, ценностную эмансипацию в условиях противодействия внешнему давлению или чрезмерному контролю.

Важную роль в условиях противодействия реальности играет управление субъектом собственными состояниями. Особенно в тех ситуациях, когда человек сталкивается с сопротивлением социальной, образовательной, профессиональной среды. В этих случаях возникает и реализуется протестный потенциал. А. Папанов, Ю. Никулин, Л. Гайдай, А. Петренко, Б. Щербаков не с первого раза поступили в желаемый театральный вуз. А в ситуации с Яковом Борисовичем Зельдовичем (Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1954, 1956); Лауреат Ленинской премии (1956) и четырёх Сталинских премий (1943, 1949, 1951, 1953)) можно отметить тенденцию обхода неблагоприятного влияния вузовской образовательной среды, которая могла бы в существенной степени препятствовать его творческому развитию.

Возможность творческого проявления авторской субъектной позиции заключается в умении «поймать за хвост» систему самопомощи и самореализации, чтобы она в дальнейшем работала на самого человека. Константин Дмитриевич Бальмонт (учился в ярославском Демидовском лицее юридических наук с 1889 по 1890 годы) в 13 лет случайно заглянул в английскую энциклопедию и наткнулся на слово, зацепившего его на всю жизнь. Это слово он сравнивал с посохом, на который опирался весь плодотворный период своей многогранной творческой деятельности в качестве поэта, писателя, переводчика. Он перевел с английского, испанского, французского, грузинского и других языков более ста произведений всемирно известных авторов общим объемом 10 тысяч страниц. Он написал 30 книг стихов, 20 крупных прозаических произведений. В совершенстве владел 16 языками. Это слово было self-help (самопомощь) (Кашапов, 2017. С. 551). Трансформирование ситуации в событие в значительной мере обусловлено выявлением и реализацией духовных, опорных точек. Данные точки характеризуются новыми возможностями, раскрытие которых даёт дополнительный импульс для трансформации ситуации в событие. Благодаря таким действиям условия ситуации становятся средствами её конструирования, позитивного изменения

Как находится, выстраивается в процессе реализации ресурсного мышления духовная опора? У человека имеется имплицитная потребность, которая становится эксплицитной, когда инпут проходит через психологическую мембрану между социальной ситуацией и знаковым событием. Инпут модератора (Слово «модератор» произошло от латинского слова «moderor» и переводится как - умеряю, сдерживаю. А сама суть этой профессии заключается в поддержании порядка в обсуждениях, проверке информации, чтобы в ней были соблюдены установленные правила)

представляет собой непродолжительное сообщение обучаемым новой информации, которая становится ориентиром и основой для их дальнейшей совместной работы. Основная функция модератора – фасилитационная. Под воздействием фасилитатора происходит реализация ресурсного мышления, способствующая высвобождению творческого потенциала субъекта. Основным средством воздействия фасилитатора является тщательно подготовленная информация.

Инпут (информация) → *возможности* (ресурс) → *потенциал* (реализуемый опыт) → *практическое действие* (поступок) → *ситуация* → «*пограничная ситуация*» (Гришина, 2018) → «*ключевое, позитивное переживание*» (Мелик-Пашаев, 1981) → *событие* → «*благоговение перед жизнью*» (Швейцер, 1992). Следовательно, если события положительно влияют на опыт, то они м.б. ресурсом.

Ресурсность всегда включена в деятельность. Она обогащается в процессе осуществления деятельности и поведения. Ресурсность мышления выражается в новом отношении к происходящему. В этом плане ресурсность выступает и как процесс, и как результат. Следовательно, нельзя рассматривать ресурсность вне субъекта познания, деятельности и общения. Увеличение коммуникативного потенциала личности осуществляется посредством овладения способами эмоциональной регуляции и самоконтроля, формирование эмоциональной зрелости, ответственности и активности.

Посредством применения метода экспликации нами (Кашапов, 2000, 2005; 2009; 2015; Кашапов, Филатова, Кашапов, 2018; Кашапов; Кашапов, 2020; Кашапов, Пошехонова, Кашапов, 2022) проведена исходная селекция множества признаков и параметров профессионализации мышления, в т.ч. и ресурсности мышления, посредством которых осуществляется:

а) перенос свойств от эксплицируемого явления к эксплицирующим. Прежде всего, следует выделить дихотомические признаки РМ: оперативность – отсроченность, оригинальность – традиционность; спонтанность – планируемость; импульсивность – рефлексивность; нормативность – ненормативность (креативность). Субъект, познавая и преобразовывая сложную ситуацию, стремится найти в ней реперные точки, которые потенциально могут стать внутренней духовной опорой его личностно-профессионального развития. Такой конструктивный подход позволяет творческим образом заведомое поражение обернуть в реальную победу, поскольку профессионал, благодаря надситуативному мышлению, поднимается над частоколом астенических эмоций и находит осмысленные способы совладания с возникшими затруднениями;

б) поиск и отбор характеристик - носителей выделенных признаков РМ как основы личностно-профессионального развития. Такой подход позволяет мобилизоваться на основном направлении саморазвития. Для этого субъекту требуется работать на опережение и сегодня готовится к творческому разрешению проблем завтрашнего дня;

в) экспликация (выражение, распространение) выделенных признаков РМ как эксплицируемого явления через отобранные предметы (явления): духовные как проявление силы и содержательности внутренней жизни; социальные как преломление общественных требований; средовые как выражение условий среды, которые становятся средствами оперативного совладания с текущими и перспективными трудностями; ресурсных как реализация и преумножение ресурсов, прежде всего, внутренних как основу профессионального и личностного саморазвития субъекта;

г) экспликация полученных результатов позволяет сделать «вытяжку», выводы на основе рефлексии собственных действий, что способствует творческому переосмыслению выполняемой профессиональной деятельности;

д) системная экспликация объективных и субъективных детерминант, обеспечивающих эффективность деятельности и жизнедеятельности в целом.

Следует отметить, что существующие результаты исследований психологии ресурсного мышления ни в отечественной, ни в зарубежной психологии до сих пор не представили научно обоснованную концепцию ресурсности мышления как технологии реализации творческого потенциала субъекта. Разрабатываемые в России и в мире теории и концепции ресурсного мышления все еще не достигли необходимого уровня, они нуждаются в систематизации и проверке. Необходимо искать более глубокие и сложные объяснения различий между людьми в оптимизации мыслительной деятельности в новых социально-экономических и образовательных условиях.

Глубокое раскрытие на личностном уровне осмысления доминирующего типа ресурсов, какими являются информационные ресурсы (доступность, легкость получения информации в электронном виде), способствует пониманию и учету других типов ресурсов: коммуникативных ресурсов (возможность доступного общения со всеми сторонами образовательного процесса), групповых (конструирование безопасной образовательной среды) и персональных ресурсов (построение собственной образовательной траектории, индивидуальный подход). Такое раскрытие дает возможность более точно и научно обоснованно анализировать обстоятельства, причины и ключевые элементы ресурсного мышления, влияющего на реализацию творческого потенциала субъекта в условиях цифровизации образовательной среды. В связи с этим особое значение приобретает понимание технологии данного влияния, детерминирующего актуализацию собственных возможностей, а также осмысления и оценки человеком окружающих его объектов и ситуаций, что в свою очередь позволит обнаружить аспекты, создающие с одной стороны наибольшую напряженность и риск возникновения психологического неблагополучия, а с другой – нахождение оптимальных способов достижения поставленной цели.

Именно таким путем удастся решить весьма сложную, междисциплинарную и крайне важную задачу, которая имеет вполне самостоятельное научное значение. Помимо этого, глубинные, относительно

устойчивые, стабильные характеристики ресурсности мышления чувствительны к деформации и поэтому являются объектами психологического исследования.

В ходе проведенных нами исследований (Кашапов, 2021) выявлены сензитивные периоды в профессионализации субъекта, являющиеся наиболее благоприятными для формирования ресурсного мышления; особенности и проявления компенсаций и защитных механизмов в случае «расщепления» ресурсного мышления в точках бифуркации; совокупность индивидуальных особенностей и средств, которые позволяют совершать деятельность, обеспечивающую реализацию творческого потенциала; предикторы формирования ресурсности мышления как технологии реализации творческого потенциала у старшеклассников, студентов, специалистов разного профиля.

Исходя из того, что недостаточно исследована ресурсность мышления на вузовском этапе освоения профессиональной деятельности, в представляется целесообразным особое внимание уделить вузовской адаптации, обеспечивающей успешное решение задач вхождения в учебно-профессиональную деятельность студентов (Смирнов, Соловьева, 2020; Смирнов, Соловьева, 2021). Среди факторов, определяющих ресурсность мышления и обеспечивающих успешность решения задач эффективного взаимодействия в социуме, в предметном поле впервые выделена эмпатия как важная составляющая социального взаимодействия, социальной перцепции, социального и эмоционального интеллектов. Исследование роли эмпатии как фактора успешности решения задач адаптации к условиям учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях цифровизации образования представляет собой новое направление в области психологии ресурсного мышления (Смирнов, Соловьева, 2020; Смирнов, Соловьева, 2021).

Рассмотрение закономерностей и механизмов формирования и функционирования ресурсного мышления у различных социальных и профессиональных групп и категорий (Кашапов, Оплеснина, 2021; Кашапов, 2021; Креативность как ключевая компетентность, 2013; Крымова, 2021; Серафимович, Салова, 2021; Серафимович 2021; Сурина, 2020; Филатова, 2020; Филатова, Кашапов, 2020) предусматривают проведение углубленного эмпирического исследования, включающего качественные и количественные методы, дающие возможность изучения закономерностей и механизмов формирования и реализации ресурсного мышления.

Показаны динамические аспекты ресурсного мышления у старшеклассников, студентов, специалистов разного профиля. Исследование ресурсности мышления в условиях неопределенности цифровой образовательной среды, которая представляет собой ситуацию динамической изменчивости, позволяет разработать прогностический инструмент изучения «возможного бытия» личности.

На основании теоретического осмысления полученных эмпирических результатов планируется разработка внедренческих образовательных

программ по формированию ресурсного мышления, в том числе в условиях цифровизации, предусмотрено проведение психолого-педагогических тренингов и онлайн занятий по развитию ресурсного мышления как инструмента профилактики стереотипизации и шаблонности профессиональной деятельности, учебно-практических занятий, апробации организационных моделей формирования и развития ресурсности мышления в процессе социализации и профессионализации, подготовка рекомендательных материалов для руководителей системы образования, учителей, родителей и специалистов различных отраслей профессиональной деятельности. Полученные данные позволяют на доказательной основе сформулировать рекомендации относительно формирования ресурсности мышления как технологии реализации творческого потенциала субъекта в условиях как традиционного (он-лайн), так и в контексте цифровизации образовательной среды (Активные методы обучения, 2005; Метакогнитивные основы конфликтной, 2012; Креативность как ключевая компетентность, 2013; Кашапов, Пошехонова, Кашапов, 2022).

Литература

1. Активные методы обучения студентов: практическое руководство / Отв. за вып. И.М. Лоханина, М.М. Кашапов, Н.В. Клюева: Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2005. 118 с.
2. Гришина Н.В. Экзистенциальная психология: Учебник. СПб: СПбГУ, 2018. 494 с.
3. Кашапов А.С. Событийно-когнитивные и акмеологические компоненты коммуникативной деятельности преподавателя как основа управления конфликтом // Взаимодействие на преподавателя и студента в условия на университетского образование: проблемы и перспективы. Сборник с научни доклади. Първа книга. Association of the professors from slavonic countries (APSC), Софийский университет «Св. Климент Охридски». София. Издательство «ЕКС-ПРЕС» - Габрово. 2017. С. 551 - 556.
4. Кашапов М.М. Особенности мышления преподавателя в процессе решения педагогической проблемной ситуации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Ленинград, 1989.
5. Кашапов М.М. Психология профессионального педагогического мышления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва. 2000. 48 с.
6. Кашапов М.М. Гносеологические основы исследования педагогического мышления как компетентности преподавателя // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). 2003. С. 168-186.
7. Кашапов М.М. Особенности сопровождения творческого мышления психолога (на довузовском, вузовском и послевузовском этапах) // Сибирский психологический журнал. № 22. Томск. 2005. С. 135 – 140.

8. Кашапов М.М., Шаматонова Г.Л. Ресурсность мышления как основа конструирования акме-событий: теоретико-методологический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2017. Т. 22. С. 10-20.
9. Кашапов М.М., Огородова Т.В. Профессиональное становление педагога. Психолого-акмеологические основы : Учебное пособие / М. : Юрайт, 2017. 259 с. Сер. 69 Бакалавр и магистр. Модуль. (2-е изд., испр. и доп).
10. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Когнитивные компоненты творческого процесса в конфликте. Монография. Ярославль, Индиго. 2018. 360 с.
11. Кашапов М.М. Абнотивность как характеристика профессионализации мышления педагога // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 29. № 2. С. 137-147. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-2-137-147>
12. Кашапов М.М. Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 116-130.
13. Кашапов М.М., Кашапов А.С. Формирование профессионального творческого мышления. Учебное пособие / Москва, 2020. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд., пер. и доп).
14. Кашапов М.М. Ресурсные основы активности мышления в условиях профессионализации субъекта. В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. С. 45-50.
15. Кашапов М.М., Оплеснина А.А. Ресурсность мышления врачей на стадиях профессионализации В сборнике: Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. Москва, 2021. С. 237-249.
16. Кашапов М.М. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 35-46.
17. Кашапов М.М. Динамика ресурсности мышления врачей на стадиях профессионализации // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 4. С. 33-62. DOI: [10.38098/irpan.orwp_2021_21_4_002](https://doi.org/10.38098/irpan.orwp_2021_21_4_002)
18. Кашапов М.М., Пошехонова Ю.В., Кашапов А.С. Инновационные образовательные технологии: учебник. Москва: Директ-Медиа. 2022. 264 с.
19. Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В. Психология креативности, одаренности и гениальности. Учебник / Ростов-на-Дону – Таганрог, 2021.
20. Краснощеченко И.П. Деловая игра «Моделирование профессиональной деятельности психолога» в системе психолого-педагогического сопровождения адаптации студентов-психологов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2012. С. 270–272.

21. Креативность как ключевая компетентность педагога. Монография / Под ред. проф. М.М. Кашапова, доц. Т.Г. Киселевой, доц. Т. В. Огородовой. Ярославль: ИПК «Индиго», 2013. 392 с.
22. Крымова Е.С. Совершенствование творческого мышления тренера-преподавателя по хоккею. В сборнике: Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов: Междисциплинарный дискурс. сборник статей всероссийской конференции с международным участием. под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Ярославль, 2021. С. 90-94.
23. Мазиллов В.А., Костригин А.А. Проблема педагогических способностей в современной зарубежной психологии // Психология и психотехника. 2021. № 2. С. 68-85.
24. Серафимович И.В., Салова А.И. Особенности решения проблемных ситуаций и копинг-стратегии поведения в различные периоды юношеского возраста // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2021. № 2 (42). С. 227-234.
25. Серафимович И.В. Многоуровневые факторы среды и особенности профессионального мышления специалистов социэкономической группы профессий. В сборнике: Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм. 2021. С. 154-159.
26. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 415 с.
27. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал, 2011, том 32, № 1, с. 120–132.
28. Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.03.2022).
29. Сергиенко Е.А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта / Психологический журнал, 2017, том 38, № 2, С. 5–18.
30. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Закономерности макродинамики вузовской адаптированности первокурсников // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2020. Т. 34. С. 72-85. DOI: 10.26516/2304-1226.2020.34.72
31. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Макродинамический аспект анализа компонентов вузовской адаптированности первокурсников // Ярославский психологический вестник. 2020. № 3 (48). С. 120-127.
32. Смирнов, А.А., Соловьева, Е.В. Взаимосвязь антидемократической подверженности и каналов эмпатии у студентов. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. (Т. 27, 1), 71–76. doi: 10.34216/2073–1426–2021–27–1–71–76
33. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Взаимосвязь антидемократической подверженности и каналов эмпатии у студентов // Вестник Костромского

- государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 1. С. 71–76. doi: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-71-76
34. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Структура антидемократической подверженности при уровнях общей эмпатии студентов // Научный журнал, 2021 г. – Ярославль: «Ярославский психологический вестник», № 1 (49), 2021. – С. 38-47.
35. Смирнов А.А., Соловьева Е.В. Эмпатия как метод познания психического. Теоретический аспект // Научный журнал, 2021 г. – Ярославль: «Ярославский психологический вестник», № 2 (50), 2021. – С. 61–68.
36. Сурина Н.В. Проблема классификации ресурсов в современной психологии // Ярославский психологический вестник. 2020. № 1 (46). С. 28-33.
37. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.
38. Филатова Ю.С. Ситуационный анализ как средство профессионализации клинического мышления студентов. В книге: Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XIV всероссийской научно-методической конференции. Ярославль, 2020. С. 315-317.
39. Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 385-404.

Клейберг Ю. А.

ЭДОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ

Одним из инноваций, ориентированных на укрепление социального партнерства, является эдологический подход. Эдология как сфера помощи человека человеку естественным образом предполагает идеи социального партнерства, сотрудничества и взаимопомощи, социальной поддержки и фасилитации, а также необходимость поиска новых форм работы [1].

Общие аспекты эдологии как совокупности практик социального служения включают как профессиональную, так и непрофессиональную помощь. Эдология открыта как профессионалам, так и добровольцам, благотворителям и самим клиентам (реальным или потенциальным), способным оказывать помощь самим себе и окружающим. В развитии каждой из этих групп важнейшим являются моменты сотрудничества, согласования усилий и профессиональной подготовки, взаимного обучения.

Эдология – это деятельность, требующая серьезной подготовки (готовности) и высокого профессионализма. Она представляет собой значимый для общества и для человека процесс, который может быть

охарактеризован как встреча социальных субъектов разного типа и уровня по поводу сохранения, восстановления и развития социальности. Эта встреча является событием жизни каждого из субъектов, трансформируя бытие каждого из них, изменяя формы их взаимодействия. Диалог человека и общества осуществляется на разных уровнях социальной работы — социономическом, социетальном, социосферном и конкретно-практическом, и существенно выходит за рамки помощи нуждающемуся, изменяя и самого помогающего, и те психотехнологии, ценности и парадигмы, на которые опирается помощь, а также саму ситуацию их взаимодействия, смысл этой ситуации.

Основные принципы современной социальной помощи, вытекающие из ее определения, таковы:

- оценка и понимание ситуации, этап развития личности, группы, общности;
- инициация и активизация способностей клиентов, помощь в самостоятельном решении их проблем, в том числе на первом этапе — помощь в установлении контактов с системами обслуживания и помощи;
- эффективное вмешательство для поддержки наиболее незащищенных и дискриминированных слоев населения;
- содействие другим системам обслуживания людей, создание новых систем и общественных формирований;
- прогнозирование и моделирование конечных результатов, интеграция основных форм и парадигм социальной помощи;
- рефлексия и самооценка своего труда, работа над собой, пропаганда своего труда и его ценностей в обществе;
- перенос акцента с социальной помощи на развитие и совершенствование личности и общества, их потенциала [2].

В современной теории и практике эдологии как практике социального партнерства можно выделить три основных парадигмы:

1. Традиционная воздейственно-ориентированная, в развернутом виде представленная в коррекционно-ориентированных формах социальной работы, опирающаяся на представление о социальности как способности к присвоению и воспроизводству социальных норм — норм существующего вне человека и бытийствующего объективного мира;
2. Понимающая, в развернутом виде представленная в диагностико-профилактической форме работы, опирающаяся на представление о социальности как творческом осмыслении, создании и реализации в процессе социальной работы ценностей человеческого бытия, — ценностей человеческого бытия, противостоящих в своей субъективности внеположенной ему объективной реальности;
3. Диалогическая (интерсубъектная), в развернутом виде представленная в развивающе-ориентированных формах социальной работы, опирающаяся на представление о социальности как способности человека и сообщества к гармоничному соотношению

социальных норм и духовных ценностей, их осмысленной и продуктивной реализации — в процессе «(со)бытия» человека и мира.

Воздейственно-ориентированная, традиционная парадигма опирается на методологию позитивизма — различные естественно-научные парадигмы, в том числе, системный подход в его современных и классических разновидностях. Данная парадигма во многом связана с диагностико-коррекционной ориентацией социально-политических программ. Социальность выступает как присвоение, соблюдение и ретрансляция социальных норм, как норм жизни человека в обществе. Процесс реализации и трансляции социальности во многом конфликтен, предполагает процессы убеждения и внушения, включает прямые связи и директивы, требует от участников взаимодействия изменения их понимания в направлении формирования общего способа и фокуса осмысления происходящего. Социальная зрелость и компетентность клиента и специалиста предстает как нормативность — соответствие поведения, понимания и ценностей человека нормам общества.

Понимающая парадигма опирается на методологию феноменологии, включая некоторые идеи конструктивизма и экзистенциально-гуманистический подход, а также идеи философии языка; часто связана с коррекционными и развивающими социально-политическими программами. Процесс реализации и трансляции социальности также во многом конфликтен, предполагает процесс индоктринации, включает не только прямые, но и обратные связи, не требуя изменений понимания в направлении формирования общего способа и фокуса осмысления происходящего, однако, выдвигает один из них в качестве «правильного». Социальная зрелость и компетентность предстает как субъектная компетентность — соответствие человека самому себе — своей «сущности»: стремление к нахождению «собственных» ценностей, понимания и моделей общения и деятельности. Человек предстает как плюралистическая система ценностей.

Современная, диалогическая парадигма опирается на новые идеи герменевтического и феноменологического подходов — методологию intersubjectной парадигмы, диалогического подхода и идеи постмодернизма, включая процессуальный и ситуационный подходы, синергетические модели социальной работы. Обычно предполагает развивающие и профилактические программы. Возникающий и развиваемый тип социальности — диалогической (субъект-субъектный подход): социальность предстает как имманентная и, в этом смысле, неизбежная, характеристика человеческого бытия и (со)бытия — основа его жизнедеятельности, зафиксированная в человеческих и реализующаяся в процессе взаимопонимания и взаимодействия человека с миром. Для развития социальности требуется лишь поддержание диалога человека с миром. Процесс реализации и трансляции социальности скорее неконфликтен, в качестве способов трансляции преобладают процессы социальной фасилитации и диалогического (со)осмысления. Различия в способах понимания используются как возможности включения в

продуктивный диалог, в том числе — конфронтацию. Социальная зрелость и компетентность выступают как диалогическая компетентность в построении диалогических отношений с собой и миром, нахождении и реализации в понимании и деятельности общих ценностей, приемлемым для социума и человека способом [2; 3; 4; 5; 8].

По мере развития психосоциальной работы в России и за рубежом все более отчетливо обозначается тенденция ее эволюции, в том числе, переход от традиционной к диалогической парадигмам. Однако этот процесс не носит однонаправленного характера. Выделяют следующие тенденции:

1) профессионализация, технологизация, формализация социальной работы «встречается» с расширением сферы добровольчества, волонтерства, благотворительности, неформализованных видов социальной помощи, включая организацию групп самопомощи, «ближних помощников»;

2) стремление к оказанию максимально эффективной продуктивной краткосрочной помощи и к организации процесса длительного сопровождения, коучинга;

3) активная дифференциация профессиональной социальной работы и формирование целостной модели помощи, универсальных психотехнологий;

4) фокусировка на оценке изменений (перемен), успешное завершение рабочего альянса и профилактика нарушений, формирование соответствующих превентивной направленности новых типов рабочих альянсов;

5) наращивание психотехнологий помощи и их изучение, наряду с активным обращением к практике взаимопомощи и самопомощи клиентов;

6) оказание помощи отдельному человеку или группе лиц, попавшим в трудную жизненную ситуацию, включая консультирование и активное влияние на формирование и реализацию социально-экономической политики на всех уровнях;

7) совершенствование теоретической и практической подготовки социального работника, репродуктивных и творческих компонентов его деятельности;

8) осмысление социальной работы как социального служения и как инструмента управления обществом со стороны государства;

9) усиление социально-психологического и междисциплинарного подходов к изучению и преобразованию (ситуаций) жизнедеятельности клиентов [6; 7].

Изучением помогающего (эдологического) поведения использовались историко-эволюционный и психоаналитический подходы, бихевиоральный и когнитивный, а также экзистенциально-гуманистический. Кроме того, в современной науке и практике выделился интегративный, эдологический подход, объединяющий разнонаправленные и разноуровневые исследования помощи в контексте понятия помогающая (эдологическая) деятельность.

Эволюционный подход выделил две точки зрения:

1. Альтруистическое поведение необходимо для выживания вида, оно заложено генетически и передается генетически.

2. Альтруистическое поведение – результат социокультурной эволюции: хотя человеческие существа эгоистичны, но социальная эволюция посредством культуры формирует альтруистическое поведение, представляющее ценность для общества.

Согласно *бихевиоральному подходу*, помогающему поведению научаются в процессе взаимодействия с социальным окружением (положительное подкрепление и моделирование, индукция и исполнение роли – основные механизмы). Еще Б. Ф. Скиннер полагал, что «мы уважаем людей за их хорошие поступки только тогда, когда мы не можем объяснить эти поступки. Мы объясняем поведение этих людей их внутренними диспозициями только тогда, когда нам не хватает внешних объяснений. Когда же внешние причины очевидны, мы исходим из них, а не из особенностей личности» [Википедия. Альтруизм].

Когнитивный подход рассматривает развитие моральных опор и суждений в качестве условий для формирования помогающего поведения: так изучает проблему развития моральных суждений и морального контроля и самоконтроля Ж. Пиаже и Л. Колберг, их школы [Пиаже Ж., 1994; Ластухина Н.В., 2003]. Интеграция бихевиоральной и когнитивной модели объясняет самоконтроль способностью жертвенного, неэгоистического, поведения без внешних вознаграждений.

Психоаналитический подход подчеркивает опыт объектных отношений и долговременные следствия раннего детства, а также – в своем современном виде – смыкается с исследованиями когнитивно-бихевиорального направления и, в том числе, концепциями обмена социальными ресурсами и психологического выгорания.

Фокус психоаналитической проблематики, таким образом, связан с пониманием помощи как двойственного, амбивалентного и обратимого, двунаправленного феномена.

К прагматическим теориям мотивации эволюционной деятельности можно отнести и классификацию мотивов-наград В. Крабтри [Crabtree V., цит по Бажина Н., 2006], который выделяет четыре вида «эмоциональных наград», получаемых добровольцем:

- нейрохимическая награда (позитивная эмоция, которая сопровождает процесс выполнения генетического долга, инстинкта выживания вида);
- личная гордость (человек стремится к формированию позитивного образа «Я», развитию положительной самоидентификации);
- социальная награда (желание быть замеченным и поощренным со стороны референтной группы);
- желание власти (помощь другим подтверждает собственное могущество, контроль над судьбами других и ситуацией) [2; 8].

Названные мотивы согласуются в целом с теориями просоциального и эволюционного поведения: мотивы следования социальным нормам (норма ответственности, норма взаимности, норма справедливости), мотивы

социального обмена (желание максимизировать полученное вознаграждение и минимизировать издержки, включая снижение негативных эмоций, получение социального одобрения) [Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р., 2002; Майерс Д., 2005].

В целом, в работах, посвященных ценностным аспектам помогающего поведения и его роли в поддержании и развитии жизнестойкости и жизнеутверждения нуждающихся, особенно отчетлива видна тенденция интеграции когнитивно-бихевиорального подхода с психоаналитическим и гуманистическим.

В экзистенциально-гуманистической модели лидирует представление о помогающем поведении, сформулированное К. Роджерсом: «Под этим термином я понимаю отношения, в которых по крайней мере одна из сторон намеревается способствовать другой в личном росте, развитии, налаживании жизнедеятельности, обретении зрелости, в умении ладить с другими». Это отношения в основном межличностные, но есть и межгрупповые. «...Очень многие отношения, в которые вовлечены мы и другие, попадают под категорию отношений, направленных на ускорение развития и более зрелое, и правильное функционирование человека» [Роджерс К., 2004, с.23].

По мнению К. Роджерса, если чувства консультанта прозрачны и соответствуют его словам; если клиент нравится консультанту независимо от каких-либо условий и, если консультант понимает основные чувства клиента так, как их понимает сам клиент, – тогда имеется большая вероятность, что это отношение будет помогающим и эффективным [Роджерс К., 2004, с.33].

Таким образом, помощь другим, профессиональная и непрофессиональная (добровольческая, волонтерская) эдологическая деятельность требует от человека неординарных способностей не только в понимании себя и мира, но в отношении тех, кто находится в трудной жизненной ситуации и нуждается в помощи. Помогая самому себе, а также другим людям, человек развивает и делится с людьми ресурсами собственной личности, вольно или невольно транслирует свое отношение к себе и миру, свою склонность так или иначе вести себя в трудных жизненных ситуациях: развиваться и утверждать жизнь, ее ценность, казалось бы, вопреки обстоятельствам или отчаиваться и отрицать ценность своей жизни и жизни окружающих. Он транслирует профессиональную и общечеловеческую этику, нравственные императивы жизни, являясь субъектом «этизации» или ресакрализации жизни, привнесения, восстановления и укрепления ее духовно-нравственных основ.

Литература

1. Арпентьева М. Р. Помогаящее поведение: понятие, теории, проблемы // Помогаящее поведение: ценности, смыслы, модели. Коллективная монография / Ответ. ред., введ. М.Р. Арпентьева. - Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка». Вып. 1. – Калуга: Эйдос, 2016. – 340с. – С.11-40.

2. Клейберг Ю. А. Основы добровольческой деятельности: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т; АНО «Академия Национального образования и науки», 2022. - 164 с.
3. Клейберг Ю. А. К проблеме архитектоники конструкторов «добровольчество» и «добровольческая деятельность» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. №
4. Клейберг Ю. А. Добровольчество и просоциальная деятельность в эпоху глобализации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № ... С. DOI:
5. Клейберг Ю. А. Социальная психология добровольческой деятельности: дайджест курса с кейсами и приложениями для студентов вузов и колледжей. – Махачкала: АЛЕФ, 2021. 96 с.
6. Клейберг Ю. А. Психология просоциального поведения: курс лекций с кейсами и практикумом. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2021. 156 с.
7. Клейберг Ю. А. Просоциальное поведение: генезис, мотивация, социальная установка // Профессиональные дефициты специалистов социальных служб: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 26 октября 2021 года. - Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2021.
8. Клейберг Ю. А. Добровольческая деятельность как социально-психолого-педагогический конструкт: современный дискурс // Вопросы девиантологии. 2021. № 3 (7). С. 46-57.

Козлов В.В.

СОЗНАНИЕ: ИНТЕГРАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация

В статье сделана попытка анализа с точки зрения интегративной психологии соотношения индивидуального сознания, самосознания и субъектности. Для более полной интерпретации вводится понятие индивидуального свободного сознания как аналога юнгианской Самости, атмана индуизма веданты, души в европейском понимании, буддийской алая виджняни.

Ключевые слова

Сознание, самосознание, субъектность, индивидуальное свободное сознание, понимание, интерпретация, личность.

Annotation

The article attempts to analyze the correlation of individual consciousness, self-consciousness and subjectivity from the point of view of integrative psychology. For a more complete interpretation, the concept of individual free consciousness is introduced as an analogue of the Jungian Self, the atman of Vedanta Hinduism, the soul in the European sense, the Buddhist scarlet vijñani.

Keywords

Consciousness, self-consciousness, subjectness, individual free consciousness, understanding, interpretation, personality.

Сознание всегда было и в настоящее время по-прежнему остается одной из ключевых и «сквозных» (проходящих через века и тысячелетия, цивилизации, культуры, страны и пытливые исследовательские умы) проблем психологии. Сознание является объединяющей познавательной проблемой духовных традиций, религиозных систем, философских школ, научных парадигм психологии, педагогики, социологии и других гуманитарных дисциплин. Сознание как теоретическая категория и область эмпирических исследований обладает неизменностью, постоянством, независимостью от каких-либо условий и обеспечивает развитие психологии как самостоятельной, целостной и единой наука [10].

Одновременно с этим, несмотря на огромную историю исследования сознания и тысячи великих умов, которые пытались раскрыть ее содержание, сознание как предмет научного поиска остается великой тайной, которую и в настоящий момент трудно раскрыть.

После крупной монографии А.В. Карпова «Психология сознания», которая была признана Президиумом Российского психологического общества лучшей книгой года в 2011 г. в Российской психологии, едва ли можно что-то добавить в теоретическую разработку проблемы сознания. С позиций разработанного А.В. Карповым методологического принципа метасистемного подхода существенное развитие получила фундаментальная общепсихологическая проблема сознания. В монографии представлены результаты методологических, теоретических и экспериментальных исследований комплекса ключевых вопросов фундаментальной общепсихологической проблемы сознания. Все они осуществлены на основе предложенного и развитого в книге нового - метасистемного подхода как методологического принципа психологических исследований. Проблема сознания раскрывается в совокупности основных гносеологических планов - онтологическом, структурном, функциональном, генетическом и интегративном. В каждом из них установлен комплекс новых результатов и закономерностей, объясняющих основные аспекты организации сознания. В онтологическом плане обосновано положение, согласно которому сознание является представителем особого - качественно специфического, уникального и не описанного до настоящего времени класса систем - систем со «встроенным» метасистемным уровнем. В структурном плане доказано, что сознание организовано на основе уровневого принципа и обеспечивается целостной иерархией пяти базовых уровней, выявленных и раскрытых в данном исследовании. В функциональном плане выявлены и проинтерпретированы основные принципы функциональной организации сознания и доказано, что в его основе лежит особый тип системности - временная системность, а также механизм взаимобратимого перевода двух базовых форм репрезентации знаний в психике - осознаваемой и

метасознательной. В генетическом плане впервые предложено решение проблемы определения общего типа развития сознания и доказано, что им выступает новый тип генезиса - метасистемогенез. В интегративном плане раскрыты основные категории качеств, образующих качественную определенность сознания и лежащие в основе его базовых атрибутов. Тем самым сознание раскрывается в целостной совокупности основных категорий его закономерностей – онтологических, структурных, функциональных, генетических интегративных. На основе их установления и синтеза предпринята попытка разработки основ обобщающей психологической концепции сознания [4].

В интегративном подходе, который мы разрабатываем уже более 30 лет, сознание анализируется в широком феноменологическом контексте измененных состояний (обыденных, трансовых, расширенных, психоделических, эвристических), а также уровнях персоны, трансперсона и интерперсоны [6, 7].

В интегративной психологии сознание рассматривается как психическое явление, способное к самодетерминации, саморегуляции и саморазвитию, как форма и условие существования любого знания и опыта [6].

Предметом нашей статьи является индивидуальное сознание как психическое явление. В отечественной и зарубежной психологии выделяются различные сферы и формы индивидуального сознания: бессознательное, подсознание, самость (осознание самобытия), мирознание, самосознание, надсознание, сверхсознание. Сама дифференциация на 7 форм индивидуального сознания не добавляет определенности в понимании основного предмета психологии.

Сознание - активное, открытое, целостное, саморазвивающееся неструктурированное пространство энергии, способное наполнять внутреннюю и внешнюю реальность смыслом, отношением, переживанием и действием [19]. Сознание творит факт нашего существования, само бытие в мире человека в каждый момент жизни и одновременно как психическое явление характеризуются набором эмпирических характеристик, таких как объем, целостность, устойчивость, произвольность, надмодальность и др.

В этом аспекте наша точка зрения больше совпадает с мнением М.К. Мамардашвили [22]. По его определению, «сознание – это, прежде всего, сознание иного. Но не в таком смысле, что мы сознаем другой предмет, а в том смысле, что человек отстранен от привычного ему, обыденного мира, в котором он находится. В этот момент человек смотрит на него как бы глазами другого мира, и он начинает казаться ему непривычным, не само собой разумеющимся. Это и есть сознание как свидетельство. То есть...во-первых, что есть сознание и, во-вторых, что термин «сознание» означает какую-то связь или соотнесенность человека с иной реальностью поверх или через голову окружающей реальности. ... Сознание – это выделенность, различенность. Так вот эта различенность имеет еще один весьма важный смысл с точки зрения сознания как свидетельства. В этом свидетельском сознании содержится, во-первых, что-то, что я сознаю или думаю или

чувствую. ...В этом смысле иметь сознание – значит иметь тавтологию: понимаем, потому что понимаем. Т.о., вводя понятие «сознание» как места соотнесенности и связности того, что мы не можем соотнести естественным образом, мы только так и можем определить сознание. Эта связность есть то, что можно увидеть как бы только в некоем сдвиге. ...Вводя сознание как дифференциал, как различие, я имел в виду, конечно, то, что сознание, о котором я говорю, есть онтологически ускоренное сознание, а не какая-нибудь субъективность. Наше мышление всегда есть оперирование нашим же собственным мышлением»[22, с. 3].

Сознание мы можем определить как способность к порождению многомерного мира человека, его усложнению в процессе филогенеза и онтогенеза. В этом заключается творчество сознания, его тенденция в порождении множественности и сложности миропонимания и миропредставления.

Человеческое сознание входит в структуру мира (в сферу бытия человека), и объективированное бытие вливается во внутренний мир человека. Творчество сознания всегда является процессом сложных объективно-субъективных отношений между человеком, его состоянием и объектами реальности, как единство познания и преобразования [10].

Вне сомнения, реальность всегда субъективна и рождается из взаимодействия человека с опредмеченной (предметной) средой на уровне когнитивном (познание, интроспекция, рефлексия), эмоциональном (вчувствование, олицетворение, анимация) и моторно-поведенческом (освоение мира и себя самого через двигательные действия) [9].

Творчество сознания, вне сомнения, имеет объективный характер в том смысле, что в нем проявляется реальный мир материальных, социальных и духовных явлений, задач, общественных потребностей и во многом творчество стимулируется, запускается социальным заказом.

Индивидуальное сознание в психологии субъектности связано с такими понятиями, как «субъект», «субъективность», которые близки по значению и имеют множество общих ассоциативных смысловых пространств, но не тождественны. Субъектом определяется личность, обладающий сознанием и волей, познающий и преобразующий окружающий мир. Понятие «субъективность» часто используется синонимом понятия «внутренний мир» и определяется, как нечто, относящееся к субъекту (всему его психологическому состоянию) и отвечающее его ценностям, склонностям, интересам, предпочтениям, мотивационной и потребностной структуре. Субъектность рассматривается и как специфика человеческого способа существования, и как активность, инициативность, преобразующие возможности человека, и как мотивационно-смысловая сфера человека и его психики. Исходной характеристикой субъектности является активность – способность сознательно, целенаправленно преобразовывать окружающую действительность. Активность субъекта существует как единство познавательной и ценностно-ориентированной деятельности. Субъектность является способом самостоятельного жизнетворчества, проявляет способность личности быть творцом собственной жизни и самого себя,

осознанно направлять свою активность, быть ответственным за результаты своей деятельности [19].

Определяя сознание как активное, открытое, целостное, саморазвивающееся неструктурированное пространство энергии, способное наполнять внутреннюю и внешнюю реальность смыслом, отношением, переживанием, действием, мы считаем, что оно справедливо как для онтогенеза, так и филогенеза сознания, как для личности, так для малых, средних и глобальных социальных общностей [6, 7, 10].

Как мы уже показали выше, в психологии существует множество пониманий и интерпретаций сознания. Мы применяем слова понимание и интерпретация, т.к. все определения сознания не являются определениями по существу. На мой взгляд, в настоящий момент, если быть честным, мы еще не способны сколько-нибудь удовлетворительно это сделать в соответствии с логикой нашего мышления. Не потому, что логики не хватает или интеллекта, а в силу сложности и недоступности исследования самого предмета существующим научным инструментарием.

Сознание является открытым пространством пустотной энергии, обнаруживающей в личностно структурированных формах самосознания опыт индивидуальной биографии, рождения, а также безграничного поля сознания, трансцендирующего материю, пространство, время и линейную причинность. Осознание является интегрирующей открытой системой, позволяющей различные области психического объединять в целостные смысловые пространства [6, 7].

Само представление о сознании как о пространстве пустотной энергии требует дополнительных комментариев, так как в феноменальном уровне является понятным только для психологов, которые глубоко практиковали некоторые методы из духовных традиций или трансперсональной психологии [12, 16, 18].

Сознание нами понимается как свернутый информационный вакуум, высшее завершение развития, замыкание круга, восхождение к полноте, совершенству, красоте. Сознание трактуется нами как центральная психологическая категория, синтезирующая в себе объективное и субъективное, а на уровне индивидуального свободного сознания она признается нами как высшая степень возможной интегрированности, соотносимой с реальностью Универсума и одновременно с шуньятой, пустотностью, тотальной «ничтойностью». На этом уровне интегрированности снята логика субъект-объектной оппозиции. Для сознания, ставшего всем (или ничем), нет больше внеположного предмета. Опыт слияния с онтологической первоосновой аннулирует онтологическое значение субъект-объектной оппозиции. В сущностном выражении сознание в своей основе обладает не-двойственностью (адвайта в веданте) и переживается как трансцендентное недихотомичное (адвая) бытие. В буддизме это тело сознания обозначается как «незапятнанный ум», зеркальная мудрость, изначальная мудрость, истинная реальность, совершенный безобъектный гносис (джняна), тело Будды, буддовость, дхармакая, локуттара-сознание,

трансцендентальное сознание, благородный ум (арья-читта), свободное от кама, рупа и арупа сфер желаний [11, 13].

Близки рассуждения по характеру к буддийским концепциям А.Ю. Агафонова «Сознание - многофункциональный аппарат понимания, т.о. любые формы психической активности, начиная с сенсорного уровня, заканчивая мыслительной деятельностью и рефлексивными процедурами, следует трактовать как процессы смыслогенеза или понимания. Понятие «сознание» не является рядоположным эмпирическим понятиям «ощущение», «перцепция», «представление», «воспоминание» [2, с.24] Все эти понятия фиксируют видовые отличия единого феномена сознания. Все, что происходит на линии актуального настоящего, то есть во время реализации сознанием отдельного акта понимания, происходит сознательно, даже если сам носитель сознания осознает не все. Сознание в предлагаемой А.Ю. Агафоновым трактовке не сводится к эффекту осознания, который сопровождается чувством непосредственной данности переживания или субъективной очевидности происходящего, а эффект осознания является лишь итоговым результатом работы сознания.

Он считает, что многочисленные экспериментальные данные, накопленные, прежде всего, в когнитивной психологии, позволяют утверждать о существовании латентного содержания сознания (содержания процессов осознания), которое не осознается, но, тем не менее, присутствует в сознании в актуальный момент времени и обуславливает конечный результат работы сознания. Приписывание смысла или акт понимания происходит даже в том случае, когда сам факт этого не осознается. Тем самым, процессы сознания можно дифференцировать на осознаваемые (содержанием которых является явленное содержание сознания) и неосознаваемые (латентное содержание сознания). Помимо латентного содержания сознанием не осознается также собственная работа понимания.

Сознанием осознается всегда что-то, но никогда то, как достигается осознание этого. Очевидно, что для достижения эффекта осознания требуется некоторое время, в течение которого сознанием осуществляется деятельность, подготавливающая интегральный эффект осознанного понимания. Прежде всего, необходима корреспонденция сознания и памяти (последняя, в аспекте сохранения информации, и есть собственно бессознательное), так как все эффекты понимания возможны только в контексте прошлого опыта.

Сознание должно выбрать из множества различных мнемических контекстов именно тот, в рамках которого будет происходить осознание. Для того чтобы понять (идентифицировать, опознать или каким-то образом интерпретировать значение стимула) сознанию нужно знать в рамках какого контекста памяти будет происходить осмысление, а узнать мнемический контекст возможно только при условии знания о том, что именно подлежит осмыслению). До стадии осознания сознание должно осуществлять выбор способа понимания исходя из специфики ситуации и релевантных контекстов

памяти. Следовательно, должны существовать критерии выбора. Объяснение того, как сознание применяет эти критерии, есть, по сути, описание логики работы сознания [1, с.26].

Что касается исследования источника – сознания, то мы полностью солидарны с профессором Анатолием Викторовичем Карповым, основателем метасистемного подхода в исследовании сознания: «... метасознательные процессы, порождающие сознание, имеют место, то совершенно неясно (с точки зрения современного уровня развития психологии), каким образом их эксплицировать, а затем – изучить? Однако, тот факт, что это «совершенно неясно» сейчас не означает, что этого не будет ясно никогда. Если мы пока не можем их эксплицировать и изучить, то надо хотя бы понять, что они могут существовать (а в свете проведенного выше анализа – должны существовать с достаточно высокой степенью вероятности)» [4].

Если придерживаться логики экспликации, вычленения, сепарации, отделения индивидуального свободного сознания от тела, забот Эго сознания, то многие практики из духовных традиций и современные психоделические вещества позволяют это делать. Но проблема «изучить» при этом остается острой и неразрешимой. Что касается интерпретации, то самые изысканные умы оставили множество попыток такого рода. В зависимости от когнитивной сложности автора эти интерпретации имеют разный масштаб обобщения.

Один из отцов современной психологии У. Джеймс индивидуальное свободное сознания обозначал как «Чистое Я». О нем, кроме того, что оно существует, обладает способностью к актам сознания и сопричастно всем состояниям сознания в прошлом и настоящем, ученые больше сказать ничего не могут, и поэтому свои представления о круге феноменов, относящихся к личности, У. Джеймс в дальнейшем развивает только по отношению к эмпирическому Я. Однако, с его точки зрения, это обстоятельство не является препятствием для философских или теологических размышлений о «Чистом Я».

Чтобы глубже понять философский дискурс в тему сознания, души, обратимся к биографии Платона.

В философии существование души и бесконечного мира вечных идей («эйдосов», трансцендентных по отношению ко времени и пространству) было личным переживанием великого философа, последнего энциклопедиста Платона. В диалоге «Федон», содержатся следующие слова: «Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, «много тирсоносцев, да мало вакхантов», и «вакханты» здесь, на мой взгляд, не кто иной, как только истинные философы. Одним из них старался стать и я – всю жизнь, всеми силами, ничего не упуская. Верно ли я старался и чего мы достигли, мы узнаем точно, если то будет угодно богу, когда придём в Аид. Ждать осталось недолго, сколько я понимаю»...

Элевсинские мистерии, в которых Платон принимал участие, проходили в Элевсине, располагавшемся в 20 км от Афин.

Там, в храме Деметры, участники выпивали настойку – кикеон – в

составе которой были ячмень, мята и вода. Многие убеждены, что кикеон содержал также и психотропный ингредиент. Ведутся широкие споры о том, что это было за вещество, но мало кто сомневается в его галлюциногенности. Выдающийся химик доктор Альберт Хофман предположил, что психоделический эффект кикеона был обусловлен паразитом ячменя, спорыньей (из него был выделен ЛСД) [16].

В затемнённом храме участники должны были воскликнуть: «Я постился, я пил кикеон». В диалоге «Федр» Платон даёт точное описание своего психоделического опыта: «Мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное зрелище, одни – следуя за Зевсом, а другие – за кем-нибудь другим из богов, и приобщались к таинствам, которые можно по праву назвать самыми блаженными с и которые мы совершали [...] Допущенные к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами и ещё не отмеченные, словно надгробием, той оболочкой, которую мы теперь называем телом и которую не можем сбросить, как улитка – свой домик» [1].

30-летний опыт эмпирической работы с изменёнными состояниями сознания автору этой статьи позволяет описание Платона идентифицировать с ординарным психоделическим путешествием. Но во отличие от миллионов путешествий в это трансцендентное пространства других людей, это путешествие имело глобальные последствия для человеческой цивилизации и появления «объективного идеализма» как философского мировоззрения.

Вне сомнения, Платон был гением по своей потенциальности и реализации, интерпретации своего психоделического опыта. Но, на наш взгляд, именно мистерии в храме Деметры и кикеон были катализатором его пробуждения и его индивидуального психологического переживания космоса, полного божественного смысла, являющего собой единство идей, вечных, нетленных и пребывающих в своей лучезарной красоте. В этом переживании мир по природе двойствен: в нем различается видимый мир изменчивых предметов и невидимый мир идей. Мир идей являет собой истинное бытие, а конкретные, чувственно воспринимаемые вещи – нечто среднее между бытием и небытием: они только тени идей, их слабые копии.

В идеях Платона обобщена вся космическая жизнь: они обладают регулятивной энергийностью и управляют Вселенной. Им свойственна регулятивная и формообразующая сила; они – вечные образцы, парадигмы (от греч. *παράδειγμα* – образец), по которым из бесформенной и текучей материи организуется все множество реальных вещей, в том числе и человек. Платон трактовал идеи как некие божественные сущности. Они мыслились как целевые причины, заряженные энергией устремления, при этом между ними существуют отношения координации и подчинения [1].

Для Платона душа человека до его рождения пребывает в царстве чистой мысли и красоты. Затем она попадает на грешную землю, где, временно находится в человеческом теле, как узник в темнице. Появившись на свет, она уже знает все, что нужно знать. Она сама избирает свой жребий, ей уже как бы предназначена своя участь, судьба. Душа, по Платону – бессмертная

сущность, в ней различаются три части: разумная, обращённая к идеям; пылкая, аффективно-волевая; чувственная, движимая страстями, или вожделеющая. Разумная часть души – основа добродетели и мудрости, пылкая – мужества; преодоление же чувственности есть добродетель благоразумия. Как и для Космоса в целом, источник гармонии есть мировой разум, сила, способная адекватно мыслить самое себя, являясь вместе с тем активным началом, кормчим души, управляющим телом, которое само по себе лишено способности к движению. В процессе мышления душа активна, внутренне противоречива, диалогична и рефлексивна [1,16].

По мысли и внутреннему психологическому переживанию Платона, высшее благо (идея блага, а она выше всего) пребывает вне мира. Стало быть и высшая цель нравственности находится в сверхчувственном мире. Ведь душа получила своё начало не в земном, а в высшем мире. И облечённая в земную плоть, она обретает множество всякого рода зол, страданий. По Платону, чувственный мир несовершенен – он полон беспорядка. Задача же человека в том, чтобы возвыситься над ним и всеми силами души стремиться к уподоблению Богу, который не соприкасается ни с чем злым; в том, чтобы освободить душу от всего телесного, сосредоточить ее на себе, на внутреннем мире умозрения и иметь дело только с истинным и вечным. Как писал Платон: «Всякая душа бессмертна. Ведь вечнодвижущееся бессмертно. А у того, что сообщает движение другому и приводится в движение другим, это движение прерывается, а значит, прерывается и жизнь. Только то, что движет само себя, раз оно не убывает, никогда не перестаёт и двигаться и служить источником и началом движения для всего остального, что движется... Каждое тело, движимое извне, – неодушевлено, а движимое изнутри, из самого себя, – одушевлено, потому что такова природа души. Если это так и то, что движет само себя, есть не что иное, как душа, из этого необходимо следует, что душа непорождаема и бессмертна» («Федр»).

В «объективном идеализме» Платона явное расщепление: мира души субъекта (индивидуальной психической реальности) и «царства чистой мысли и красоты» - мира вечных идей. Эта ошибка совершалась и совершается миллионами людей, которые занимались и занимаются духовным развитием и поиском пробуждения, просветления, растворения в Боге (Аллахе, Брахме, Яхве и др.), или путешествуя к духам.

В процессе интерпретации сакрализация, освящение объектов, которые встречаются в процессе визионерских опытов в изменённом состоянии сознания и придание им «сверхчувственного», «сверхопытного» характера, создала сонм Богов и многоликий мир Сатаны.

Платон не понял, что он в Храме Деметры «Допущенный к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами» ни кем не допускался к этим видениям кроме себя и «чистые сами» является хоть и блаженным, но его индивидуально-психологическим переживанием, а «мы» - невинной проекцией своего состояния на других адептов духовного путешествия.

И мир Бога, мир вечных идей, хотя и переживался им как внешняя

реальность, являлся чистым продуктом его сознания. Пусть переживаемого внетелесным «чистым» сознанием Платона, но сознанием, который мы обозначили индивидуальным свободным сознанием.

В опыте Платона мы встречаемся со случаем экспликации, сепарации индивидуального свободного сознания от тела при помощи депривации пищевой, сенсорной и стимуляции при помощи кикеона («Я постился, я пил кикеон») и отсроченного анализа переживаний (рационализации и понимания) и интерпретации при помощи самосознания.

И в процессе рационализации и интерпретации реального переживания он из своего Платоновского Эго сознания уже начинал сомневаться в истинности своего понимания: «Верно ли я старался и чего мы достигли, мы узнаем точно, если то будет угодно богу, когда придём в Аид». Он не сомневался в факте переживания, но сомневался в понимании и интерпретации. Это родное и близкое чувство для всех психологов и философов.

В реальной жизни Платон и любой другой человек иной раз оглядываются из своего самосознания (манаса в буддизме, Эго-сознания, Я-концепции в психологии) на следующий уровень сверхиндивидуального сознания («алая-виджняна» в буддизме) как отдельную самость или субстанциальную душу, которая и обозначена в греческой традиции «психеей» [11, 13].

Буддийская алая-виджняна буквально переводится как «сознание-сокровищница». В соответствии с буддийской традицией алая-виджняна является пассивной потоковой «оболочкой», «вместилищем». Для удобства и понятности мы обозначили в 90-ые годы это пространство энергии «индивидуальным свободным сознанием» [7].

Само обозначение сознания пространством было аргументировано тем, что оно ограничено во времени и территориальной локализации на уровне индивидуальной личности. Прилагательное «свободное» (русское слово происходит, на наш взгляд, от древнеиндийского *svapati* (сам себе господин: «svo» — свой и «pati» — господин) полагает, что сознание само является определяющей причиной своей активности.

Если воспользоваться метафорой буддийской психологии, то в алая-виджняне «как зерна в мешке», покоятся «семена» (биджа). С точки зрения современного смыслового содержания, «семена» можно обозначить как информационные единицы, «энграммы», матрицы, кластеры, закладывающиеся в алая-виджняну с безначальных времен в процессе формирования психического опыта субъекта. Все воспринятое и пережитое субъектом попадает в «сознание-сокровищницу» и хранится в ней в виде «семян» опыта. В некоторый момент, определенный кармой существа, эти семена под воздействием присущей им, так называемой силы (индри), или энергии сознания в нашей терминологии, начинают «прорастать», то есть проецировать свои содержания вовне [11, 13].

То есть семена являются, с одной стороны, пассивным элементом алая-виджняны, с другой стороны – возможной потенциальностью многообразной активности, которая вызывается различными вызовами и контекстами жизни.

Индивидуальное свободное сознание может, на самом деле, проявлять свой пустотный характер (шуньяту) в состоянии покоя и пассивности – быть «свернутым информационным вакуумом». В этом отношении это напоминает аналоги «память без материальной основы» (von Foerster 1965), «морфогенетические поля» Шелдрейка (Sheldrake 1981) и понятие «пси поля» Ласло (Laszlo 1993) [28]. Одновременно это пространство хранит в себе весь эволюционный опыт человека, память о тысячах и тысячах рождений. Вне всяких теорий реинкарнаций и представлений о бессмертной душе любая жизнь человека является вершиной развития жизни на земле во множественных формах, а его психика – вобравшем эволюционный опыт в свои внутренние возможности активности в бытии.

В таком осмыслении индивидуальное свободное сознание является глобальным эмпирическим субъектом, это она интроецирует все то, с чем человек отождествляется, то, что считается реальностью, и проявляется все это в силу присутствия потенциальности в системе свернутой информации.

Индивидуальное свободное сознание, таким образом, мы можем рассматривать как эволюционную память, систему установок, препозиций, которая «срабатывает» в каждый раз, когда формируется некоторая жизненная ситуация – свернутые матрицы информации активируются, начинают расти и оформляться в целостное самосознание, в уникальную личность, иногда превращаясь или в судьбу, или этап жизни...

Затем это жизненное переживание (то, что мы определяем как жизненный опыт личности - самосознание) интроецируется обратно в индивидуальное свободное сознание, и закладываются новые матрицы информации, и весь процесс повторяется. Смерть человека в этом смысле – простое сворачивание явного в неявный порядок информации, проявленной феноменологии существования человека в свернутую потенциальность. К сожалению, на сегодняшний момент мы не можем реально доказать эту гипотезу, так как многие выдающиеся исследователи сознания, которые уже умерли, никак не могут нам передать информацию о самом процессе сворачивания сознания в информационный вакуум. В этом отношении даже исследования группы нейропсихологов и психофизиологов из РАН, которые провели в последние годы подробный анализ процесса ниродхи буддийских монахов (осознанного перехода в смерть), смогли сделать только вывод о том, что у человека существует «тонкое сознание», которое не связано с активностью мозга и ЦНС, одновременно обладает энергией, чтобы препятствовать трупному разложению. С другой стороны, мы имеем множество самоотчетов о процессе «сворачивания самосознания в индивидуальное сознание» людей, переживших клиническую смерть, а также участников экспериментов с диссоциативными анестетиками [8].

Индивидуальное свободное сознание находится в метапозиции по отношению к самосознанию и связано со способностью человека взглянуть

на самосознание как бы со стороны, критически оценивая все формы активности и функционирования.

Самосознание личности выполняют тройственную функцию. Оно является:

- 1) источником новых матриц информации, наполняющим новым содержанием эмпирический субъект через коррелирующий с ним мир чувственно воспринимаемых объектов;
- 2) содержательной системой эмпирического субъекта и репрезентацией превращенных форм индивидуального свободного сознания;
- 3) каналами проекции латентного содержания информационных матриц вовне (в мир, жизнь, материальное и социальное пространство).

В информационных матрицах (биджу) интенционально заложена как тенденция (от лат. *tendo* — направляю, стремлюсь) остаточное впечатление, привычка, склонность к определенному поведению, эмоциональному реагированию, способу мышления внутри определенной модели мира, категориальной системы – как возможная реакция на стимульное поле ситуации. Таким образом, индивидуальное свободное сознание содержит не только информационные матрицы как потенциальное содержание реакции, но и тенденцию, напряжение (васану в буддийской психологии) к проецированию их вовне и силу (энергию), обеспечивающую возможность «распаковки». Таким образом, самосознание личности всегда интенционально предопределено информационными матрицами индивидуального свободного сознания, их направлением и энергией к опредмечиванию и конструированию мира в желании им обладать и наслаждаться, быть и чувствовать. Таким образом, сознание человека содержит в себе всю потенциальность бытия и является носителем и причиной его мыслей, чувств, желаний.

Что касается индивидуального свободного сознания, психеи, души, атмана, метасистемного сознания, алая-виджняни и др. (обозначений много тысяч на разных языках и в разных культурах), то даже в 21-ом веке мы не продвинулись к сожалению дальше буддийской модели. Она поражает своей красотой и простотой. Не зря в российской психологии через 2,5 тысячелетий мы имеем прямые аналоги буддийским текстам: «Сущностное Я похоже на семя, которое может вырасти в дерево. Являясь врожденным, сущностное Я может развиваться. Как семя, сущностное Я аккумулирует запас жизненной энергии. Эта энергия разряжается в спонтанной активности: в интересе, тяготении, различных «импульсах», в стремлении способностей к реализации» [3, с. 67].

Индивидуальное свободное сознание не знает ни верха ни низа, ни добра ни зла, прекрасно вмещает в себя психоаналитические Эго, супер-Эго, Ид с тонатосом и эросом, все возможные комплексы и архетипы Юнга, расширенную картографию Грофа и спектр сознания Уилбера как простую

проявленность потенциальности информационных матриц, которые имеют свою тенденцию и энергию для реализации.

Как показывает сама тенденция развития исследований индивидуального сознания, она имеет весьма далекие перспективы как в теории, так и в практической психологии. Наиболее актуальна, на наш взгляд, формирование исследовательского инструментария метасистемной организации сознания.

Литература

1. Абдуллаев Е. В. Идеи Платона между Элладой и Согдианой: очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке. – СПб.: Алетейя, 2007. – 316с.
2. Агафонов А.Ю. Будущее психологии сознания. // Ежегодник РПО: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 года: в 8-ми томах. –СПб.: СПбГУ, 2003. –Т. 1. –С. 24-27.
3. Дерябо С.Д. Феномен субъективного восприятия природных объектов [Текст] / С.Д. Дерябо // Вопросы психологии. 2002. № 1.
4. Карпов А.В. Психология сознания. Метасистемный подход. - М.: РАО, 2011 – 1020 с.
5. Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004. 504 с.
6. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности – М.: Психотерапия, 2007 – 528 с.
7. Козлов В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
8. Козлов В.В. Кукина М.В. Психология смерти. М., Институт консультирования и системных решений, 2016 – 376 с.
9. Козлов В.В. Психология творчества. Свет, сумерки и темная ночь души. М.: ГАЛА-издательство, 2008. 112 с.
10. Козлов В.В., Психология сознания: интегративный подход. М., Психотерапия, 2022 – 274 с.
11. Козлов, В. В. Психология буддизма : монография / В. В. Козлов ; Владимир Козлов. – Москва : Ин-т консультирования и системных решений, 2011. – 187 с. – ISBN 978-5-91160-039-6.
12. Козлов В.В. Трансперсональная психология. Измененные состояния сознания, околосмертные переживания, интуиция, психология духовности. Учебное пособие. Москва, Сер. Психологическое образование, ЭКСМО, 2010 - 510 с.
13. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. - Вологда: Древности Севера, 2016 - 296 с.
14. Козлов В.В., Донченко И.А. Направленные визуализации: теория и метод. Запорожье: Кругозор, 2015. – 253 с.
15. Козлов, В. В. Психология успеха: жизнь с вершины / В. В. Козлов, И. Донченко. – Запорожье : Статус, 2019. – 144 с. – (Психология для жизни). – ISBN 978-617-7759-17-0.

16. Козлов В.В. Основы духовной психологии: высшие состояния пробуждения. М. МАПН, 2019 - 328 с.
17. Козлов В.В. Психология дзен-буддизма. М., МАПН, 2019 - 328 с.
18. Козлов, В. В. Вечная психология / В. В. Козлов. – Москва : Институт консультирования и системных решений, 2021. – 328 с. – ISBN 9785911601089.
19. Козлов, В. В. Субъектность как интегративный феномен природы и культуры в человеке / В. В. Козлов // Методология современной психологии, Ярославль, 15–17 мая 2016 года. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2015. – С. 82-91.
20. Козлов, В. В. Методология интегративной психологии : Монография / В. В. Козлов. – Москва [1990, 20]: Международная академия психологических наук, Рекламно-производственная фирма "Титул", 2021. – 180 с. – ISBN 978-5-6044075-3-0.
21. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: Я Г ПУ, 2017
22. Мамардашвили М.К. Проблема сознания и философское призвание. // Доклад, сделанный в Институте философии АН СССР в декабре 1987 г.
23. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность: альтернативный взгляд, системный подход, инновационные аспекты — 6-е изд., испр. и доп. — Москва : Нац. кн. центр, 2019. — 1159 с.
24. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности.—М.: Прометей, 1989.—288 с.
25. Майков В.В., Козлов В.В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции Том 2 Российский трансперсональный проект (3-е издание, исправленное и дополненное) Москва, 2007.
26. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013
27. Социальная психология : Учебник / В. В. Козлов, С. А. Трифонова, Т. М. Панкратова, Л. А. Николаева. – Москва : Гардарики, 2021. – 501 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-14090-3.
28. Hunt Н.Т. On the Nature of Consciousness : Cognitive, Phenomenological and Transpersonal Perspectives. – 1995. – 390 p.
29. Walsh R. Essential Spirituality, J. Willey, 1999.

Корнеев С.С.

**МЕДИТАТИВНАЯ САМОДИАГНОСТИКА ПСИХИЧЕСКИХ
ОБРАЗОВАНИЙ И ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ**

Аннотация: в статье представлены результаты экспериментального исследования возможностей психолого-педагогической технологии обучения

в бодрствующем и измененном состояниях сознания курса психологии. Технология носит естественный характер, интегрирует сознание внешней личности с более глубокими уровнями сознания, позволяет осуществлять индивидуальный подход в обучении, самообучении, самовоспитании, самодиагностики и психотерапии.

Ключевые слова: психические образования, самодиагностика, личность, душа, медитация, потребности, мотивы, психолого-педагогическая технология.

Abstract: the article presents the results of an experimental study of the possibilities of psychological and pedagogical technology of teaching in the waking and altered states of consciousness of the psychology course. The technology is of a natural nature, integrates the consciousness of an external personality with deeper levels of consciousness, allows for an individual approach in training, self-education, self-education, self-diagnosis and psychotherapy.

Keywords: mental education, self-diagnosis, personality, soul, meditation, needs, motives, psychological and pedagogical technology.

В научной литературе существует множество методов исследования потребностей, мотивов, темперамента и других психологических образований личности. Но проявленные потребности внешней личности, как правило, значительно отличаются от потребностей нашей души. С помощью медитации можно наиболее глубоко исследовать любые психические образования, а так же их связи с силами души. Обучение, самодиагностику и психотерапию личности можно проводить с помощью медитативного погружения в свое более высокое сознание, и, если это возможно, в сверхсознание. Данную практику самопогружения в нашем экспериментальном обучении прошли сотни студентов.

Ниже приводятся медитативные записи студентов первого курса во время сдачи экзамена по психологии (специальность: экономика) в 2000 году. Продолжительность экспериментального обучения с использованием медитации – четыре месяца. Одно занятие в неделю в виде лекции по психологии (плюс две кратких медитации) и одно практическое занятие в группе, и несколько домашних самостоятельных медитаций. Всего экспериментальным обучением было охвачено более тысячи человек. В приводимых ниже результатах медитативного обучения (по данным темам) со сдачей экзаменов участвовало более 150 человек.

Проверялись следующие гипотезы: а) возможность получения новых знаний о внешнем и внутреннем мире человека во время медитации; б) возможности психолого-педагогической технологии обучения в бодрствующем и измененном состояниях сознания во время изучения курса общей психологии; в) возможности медитации в самопознании (самообучении, самовоспитании, самодиагностики, самопсихокоррекции). Авторская психолого-педагогическая технология обучения и самопознания в бодрствующем и измененном состояниях сознания опубликована в журнале [Корнеенков, 2011].

Стоит отметить, что в течение семестра студенты во время лекционных занятий кратко знакомились с основным содержанием курса. На практических занятиях не было традиционного опроса (и соответствующей домашней подготовки студентов), не было решения психологических тестов. Все психологические знания нужно было получить во время пребывания в медитации. Вопросы для домашнего исследования давались студентам во время консультации за три дня перед экзаменом. Именно в медитации во время экзаменов нужно было получить, проявить знания по данному учебному курсу. Причем, вопросы ставились таким образом, чтобы ответы (приходящие знания) касались не только общего представления о психике личности, но, и это главное, знания о самом себе, своем внутреннем мире. Таким образом, ответы всегда носили не только обобщенный характер, но индивидуальный и неповторимый. Ниже представлено несколько медитативных записей самоисследования некоторых психологических образований.

Тема медитации: Развитие моих потребностей от рождения до трёх, семи и шестнадцати лет. Психологический смысл понятия «потребность». Потребности и гармоничное развитие личности. Духовные потребности и их роль в гармоничном развитии личности. Диалог: потребности, я, С.С.

Медитация № 1. Наталья Т. Время медитации: 10 мин. Время записи: 65 мин.

«Состояние до медитации было беспокойное, мысли «разбегались» в разные стороны, чувствовалась лёгкая дрожь. Но с первым звуком голоса преподавателя я успокоилась, постаралась расслабиться. Как ни странно, но я увидела себя со стороны, маленькую фигурку, не то падающую, не то улетающую вглубь. Вглубь чего? Вглубь космоса, вглубь собственного сознания – я не могу об этом сказать, помню только, что собственными глазами видела, что внешний мир удаляется, и я погружаюсь в теплую, светлую атмосферу.

Я ощутила себя ребёнком. Мне было тепло, уютно и невероятно спокойно. Я знала, что если мне что-то будет нужно, то кто-нибудь придёт ко мне, успокоит и всё будет хорошо. Мои потребности? Их было совсем не много, я ещё не очень ясно воспринимала окружающий мир, и всё, что мне было нужно – это поесть, когда хочется, попить, поспать, поиграть с красивыми и непонятными игрушками. А ещё было невероятное ощущение тепла и любви, исходившее от родных и любящих меня людей. Мне было хорошо с ними, я знаю, я чувствовала их нежность, и мне больше ничего не было нужно.

Позже я начала расти, но не только физически. Я вдруг ощутила, какой прекрасный и непонятный мир окружает меня, как много в нём неизвестных и чудесных вещей и мне захотелось узнать обо всём сразу. Я старалась получить ответы на все свои вопросы, получить от кого угодно, но в первую очередь от близких мне людей. Вопросов было множество: а кто это такой «цыплёнок»? А почему он такой жёлтый? А что это за буквы в книжке? А небо голубое или синее? Почему песок нельзя есть? А снег растает, если его

принести домой и открыть форточку? А как называется дерево? Если мне не говорили сразу, я спрашивала потом – мне казалось, что взрослые знают всё, и я не верила, когда они говорили: «Не знаю». Мне казалось, мир можно узнать за два дня, ну может за неделю, что он такой простой, как будто состоит из одного куска, а не разбит на мелкие кусочки, как мозаика. Всё казалось светлым и радостным, я играла с детьми – они были такими же, как я, они были моими друзьями, и всё было простым и естественным.

В 7 лет я пошла в школу. Можно сказать, что в тот момент моя тяга к знаниям, моя потребность в знаниях приобретает несколько определённый характер, немного сконцентрировалась, если можно так сказать. Кроме того, появилась новая потребность – потребность в общении, к узнаванию мира не только через близких, но и через просто знакомых людей. Я впитывала знания со всех сторон. После 7 лет старые потребности остаются, потребности в знаниях ещё больше концентрируются на какие-то определённые отрасли, появляется потребность в общении, в заведении не просто новых знакомств, но и нужных связей. Кроме того, появляется потребность определить цель в жизни, понять, что конкретно ты хочешь, что нужно, что необходимо, а что просто желательно достичь; потребность в самореализации, к наиболее полному раскрытию своей личности со всех сторон.

Вообще, в понятии «потребность» заложено много. Я попробую изложить свою точку зрения по этому вопросу. Мне кажется, что потребность – это «голод». И голод не в том смысле, как его обычно воспринимают, как просто желание поесть, а голод всякий – информации, общения, новых впечатлений и т.д. Это желание что-то сделать, достичь, понять, чтобы привести своё сознание в состояние гармонии, в состояние внутреннего комфорта, уничтожить присутствующий дисбаланс между тем, что у человека есть (как в физическом, так и в моральном плане) и тем, что он хочет иметь или тем, что должно быть или не быть. Человек, как губка, впитывает в себя положительные, либо отрицательные мысли, эмоции, образы, они насыщают его психику, что влияет на его развитие. Чтобы человек мог гармонично развиваться, его мысли и чувства так же должны находиться в состоянии гармонии, всё должно быть уравновешено. Но человек должен удовлетворять в первую очередь свои духовные потребности, потому что именно духовные потребности (а не физические и физиологические, которые способствуют развитию нашего тела) позволяют развиваться душе и достигать гармонии. Когда возникает потребность в общении или в поиске целей жизни – это ведь необходимо не телу, а нашей душе, душа стремится к гармонии хотя бы на краткий миг – это необходимо нашему сознанию.

Мой диалог с моей потребностью происходил на уровне чувств, интуиции, энергии. В нём не было слов, а были лишь образы, я воспринимала интуитивно всё сказанное мне. Моя потребность в действии выглядела как плещущееся пламя жёлто-красно-оранжевого цвета. Я спросила у неё, что ей необходимо? Не знаю, удастся ли мне точно облечь в слова весь диалог,

наверное, нет, но я постараюсь донести хотя бы общий смысл. Обобщённая потребность передала мне: «Желание двигаться, желание действовать, желание увлечь этим других. Желание развития, желание всплеска энергии, желание вылить её на других» ...». Я спросила: «На каком уровне: духовном или физическом?». Потребность: «Больше на духовном». Я: «Почему так важно на духовном?». Здесь в диалог вступает С.С.: «Духовное развитие по своему значению является определяющим. Без духовного развития человек подобен растительному существу. Человеку дано сознание, он должен чувствовать и мыслить, у него должны быть эмоции, ему необходимо развивать своё сознание и, главное, познавать себя изнутри. Раскрытие сознания души – это и есть духовная потребность и она многогранна».

Из медитации я вышла легко и свободно. Беспокойство пропало, я ощутила полную расслабленность. Можно сказать, что эта медитация помогла мне в полной мере осознать, что из потребностей стоит на первом месте, а что второстепенно. Духовные потребности необходимы для гармоничного развития личности, не нужно слушать голос своих индивидуальных потребностей, подстраиваться под чьи-то рамки, это бесполезно. Нужно следовать «голосу души», тогда можно хоть на короткий миг достичь гармонии в сознании, в самом себе».

Медитация № 2. Екатерина О. Время медитации: 10 мин. Время записи: 67 мин.

«До медитации состояние нормальное. Немного нервничаю из-за предстоящей работы, ведь она экзаменационная. С начала счёта начинаю входить в медитацию, вошла плавно и быстро. Дала себе установку: исследовать свои потребности и ответить на поставленные вопросы. Начинаю исследование».

Когда я вошла в медитацию, то увидела себя совсем маленькой девочкой в возрасте до 3-х лет. Это было невыразимое чувство радости и счастья. Я ощущала это вокруг себя и в самой себе. Я улыбаюсь окружающему миру, и он улыбается мне в ответ. Мама берёт меня на руки, ощущение доброты и нежности переполняет всё вокруг. Мои потребности – это родительское тепло, мамина ласка и доброта. Я уже чуть постарше, хожу в садик, общаюсь с такими же маленькими детьми, как и я. В этом возрасте мои потребности – это общение, тяга к большему познанию окружающего мира. Затем я увидела себя в возрасте от 3-х до 7-ми лет. Вокруг огромная поляна с яркими и разноцветными цветами. Каждая травинка, каждый цветок или букашка на нём привлекают моё внимание. Мне немного страшно, но в то же время ужасно интересно. Рядом я всегда ощущаю нечто большое, сильное и доброе, которое всегда защитит меня. По поляне я шагаю одна, мне всё интересно самой потрогать и увидеть. И вот мне уже семь лет. Теперь я вижу себя в школьной форме, с огромным белым бантом. Это моё первое сентября. Незаметно пронесли школьные годы. И с каждым годом я взрослею, некоторые мои потребности усиливаются или пропадают, появляются новые. Остаётся потребность в общении, но уровень общения уже не тот, что в детском саду. Я знаю о жизни уже немного больше, чем раньше. Появилась

потребность в любви. Я хочу любить и быть любимой. Я хочу быть понятой окружающими меня людьми, хочу, чтобы моя жизнь протекала в гармонии. Чтобы я жила в соответствии со своими желаниями и потребностями. Чтобы в конце жизни я не жалела о прожитых годах. Наконец я вижу себя такой, какая я сейчас. Я – тёплый ветерок, согретый солнцем. Во мне заключена вся сила и доброта природы. Мне хочется дарить эту энергию кому-то ещё, дать ощущение счастья такое же глубокое, какое испытываю я сама. Потребности формируются постепенно, возникая где-то глубоко внутри нас, потребность ищет выход в сознание, чтобы я её осмыслила. Это сила, желание, заставляющая человека предпринимать те или иные действия.

На основе моего маленького жизненного опыта я могла бы сформулировать психологическое понятие «потребности», которое мне кажется правильным на данный момент. Потребности – это то, к чему стремится человек, без удовлетворения потребности он испытывает дискомфорт. Если потребность сильно развита, то человек прилагает все свои усилия для её удовлетворения. Но мне кажется, что нельзя абсолютизировать какую-то одну или несколько потребностей и оставить без внимания другие, или уделить им меньше внимания. Для гармоничного развития личности нужно свои желания и потребности развивать в равной степени. Ведь заиклившись на какой-то одной потребности и не удовлетворив её, человек может заболеть. Мне кажется, что человек при гармоничном развитии должен прислушиваться, прежде всего, к потребностям, идущим изнутри, из высшего «Я», т.е. к духовным потребностям. Мне кажется, что самая важная потребность – это найти и понять себя. Осознать свою роль и миссию в этой жизни. Научиться распознавать свои истинные потребности и направить свои силы на их удовлетворение. Понять себя – это очень сложная задача. Порой проходит жизнь, а человек так и не смог найти и понять себя, не научился слушать своё истинное «Я». Только найдя себя, человек сможет жить в гармонии с самим собой. Таким образом, духовные потребности – это потребности, идущие от нашего внутреннего «Я». Удовлетворив, прежде всего, свои духовные потребности, человек сможет жить счастливо. Я пока ещё не научилась распознавать свои истинные потребности. Я только учусь понимать себя и надеюсь, что у меня всё получится. Мне кажется, что моя основная потребность сейчас – это потребность в любви и понимании.

И вот вижу себя сидящей за столом, здесь же сидит моя потребность. (Она предстала передо мной в виде красивой и нежной женщины). Я восхищаюсь ею, она мне кажется идеалом. Моя потребность находится всегда рядом со мной и говорит, что я должна делать для её решения. Здесь появляется С.С., мы продолжаем разговор все вместе. Я спрашиваю у С.С., что нужно мне сделать для того, чтобы удовлетворить свою потребность? С.С. ответил мне, что я должна любить этот мир, окружающих меня людей. Что я сама должна стать любовью, что я – это и есть любовь. Поняв и осознав это, я смогу найти гармонию и счастье в жизни. С.С. предложил мне попробовать понять себя изнутри с помощью медитации. И я это уже как бы испытала на себе раньше. Медитация позволяет мне не только познавать себя

изнутри, но и расслабиться, уйти от тревог, затем осознать текущие проблемы. Большое спасибо за предложенную идею.

С началом счёта начинаю медленно выходить из медитации. На счёт «один» открываю глаза. Состояние после медитации необыкновенно спокойное. Чувствую полное умиротворение и гармонию в душе. Хотя медитация проходила без музыки и с таким большим количеством вопросов, что было непривычно, но мне кажется, я справилась со своей задачей. Отождествление прошло на все 100 %».

Медитация № 3. Наталья П. Время медитации: 10 мин. Время записи: 62 мин.

«Я раздражена, у меня болит голова, я нервничаю. В медитацию вошла быстро, легко, на счет «три».

Дав себе установку, я увидела огромную прозрачную стену, которая уходила ввысь. Изнутри доносилось пение. Я подошла поближе и увидела себя, точнее маленькую девочку с красивыми локонами до плеч и огромными карими глазами. Потом появилась моя мама, она подошла ко мне, развернула из одеяльца, поцеловала в лоб и положила в кроватку, пожелала спокойной ночи и ушла. Я лежала и думала о своей жизни. Я не умею разговаривать, не умею ходить, могу только есть и спать, а также справлять нужду. Я знаю, что меня накормят, положат спать, погуляют со мной в парке и т.д. Да, мои потребности были только физиологическими. Я стояла и смотрела на стену, мысленно прося показать меня в три года. Этот этап почему-то был опущен, и я увидела себя в шесть лет. В белом фартучке, с большим белым бантом, с букетом цветов, этакое воплощение невинности, ангелок. Я иду в первый раз в школу, и жажду новых впечатлений. Хочу иметь много друзей, хорошие оценки, быть любимицей всех учителей.

Потом картинка расплывается, и я вижу себя в первом классе, мне уже семь лет. Я в центре внимания: отличница, умница, хорошенькая мордашка. Я удовлетворила потребности, которые у меня были в шесть лет, но мне теперь этого мало. У меня появилась младшая сестренка, и все родительское внимание достается ей. Ну, неужели они не понимают, что мне нужна ласка, забота, внимание и любовь, т.к. возросли мои духовные потребности?

Вижу себя в магазине перед витриной с куклами. Я плачу и прошу у мамы купить мне новую игрушку, потом платье, потом мороженое. Я хочу и точка! Вот и появились первые материальные потребности и черты жестокости и жадности: хочу, хочу, хочу... Я с улыбкой смотрю и вспоминаю то время. Появляется новая картинка. Я на выпускном вечере в школе, получаю свою серебряную медаль, я счастлива. Вот мой парень, у меня появилась потребность любить и получать взаимную любовь. В остальном мои потребности сильно не изменились до сегодняшнего дня. Изменился мой характер и образ жизни, а потребности почти все остались прежними.

Теперь я вижу просто свое отражение, оно говорит со мной: «Ты не понимаешь психологического понятия потребности, слишком примитивно мыслишь». Я отвечаю, что это знает мое внутреннее «Я». Тогда отражение говорит: «А что, ты меня не узнала? Я хочу рассказать тебе об этом.

Потребности – это концентрация твоей энергии, твоих желаний, твоих целей, – это твоя жизнь. Но с психологической точки зрения – это способ удовлетворить твою душу, добиться гармонии в себе самой. Они помогают тебе обрести спокойствие, уравновесить твои эмоции и чувства. Без этих потребностей твоя душа будет пуста или негармонична, тебе будет совершенно неинтересно жить». Она на мгновение замолчала, а я решила спросить то, что уже давно меня интересует: «А как сделать так, чтобы потребности развивались наравне, и среди них не было бы доминирующей? Как достичь гармонии с тобой?». «Я ждала этого вопроса. Твои потребности не одинаковы, причем, ты развиваешь потребности, которые вредят тебе. Ты не понимаешь их смысл, но это тебя не останавливает. Если ты хочешь быть гармоничной личностью, то откажись от своих слабостей – это курево, гуляние, жажда денег, накопительство и т.д., развивай, напротив, духовные потребности. Я считаю, что это самый важный вид потребностей. Они играют решающую роль в становлении гармоничной личности. Их нужно удовлетворять в первую очередь. Потому что человек с неудовлетворенными духовными потребностями не сможет найти и определить цель в своей жизни, он не сможет самоопределиться, будет чувствовать постоянный дискомфорт, он не сможет правильно общаться с другими людьми, у которых духовные потребности удовлетворены. Прислушайся ко мне и исправь свою ошибку. Найти себя, познать себя – вот настоящее счастье. Тогда все остальное будет простым и интересным, ведь ты будешь понимать самое главное – сущность, себя».

Я была рада и расстроена одновременно. Я, наконец-то, получила ответ на такой сложный вопрос, и ответило мне мое внутреннее «Я», т.е. моя главная половинка. В сущности, это тоже я, только без материальной оболочки. Я постараюсь стать гармоничной личностью, я буду развивать, удовлетворять свои духовные потребности. Но как я это буду делать?

И здесь я услышала голос С.С.: «А действительно, как?». Он взял за руку мою духовную потребность. Она была очень худа и некрасива. С.С.: «Посмотри на себя, это ты. Прислушайся к себе, к своему внутреннему голосу, он будет вести тебя. Ты еще не сформированная личность, еще все можно исправить, я тебе помогу. Ты, главное, верь в себя! У тебя все получится. Достижение гармонии – это самая важная цель в жизни любого человека. Ты думаешь, я гармоничен? Может быть, более гармоничен, чем ты, но не больше. Я постоянно работаю над собой и над своими духовными потребностями. Это очень тяжелый труд, это огромная работа над собой».

Из медитации вышла легко. Чувствую себя намного лучше и спокойнее. Медитация прошла хорошо, я глубоко погрузилась в себя и достигла цели – получила ответы на вопросы.

Отождествление на 98%. Все было очень реально. Я была в том мире, внутри себя, я была в гармонии с собой.

Вывод. Эта медитация помогла мне понять себя, узнать мое истинное «Я» и мое эго. Теперь я знаю настоящую цель в жизни и буду к ней стремиться. Я поняла это только благодаря медитации, погружению в себя, за

что Вам спасибо».

Медитация № 4. Татьяна П. Время медитации: 12 минут. Время записи: 85 минут.

«Вход в медитацию был постепенным и поэтапным. Сначала куда-то далеко-далеко уходили ненужные мысли и переживания, затем исчезали звуки и шорохи, и, казалось, словно есть лишь я одна наедине с собой.

Как только я погрузилась в медитацию, я очутилась в прекрасном уголке природы, который так и притягивал к себе нетронутой красотой и уникальностью. Внешне казалось, что все прекрасно и благополучно, однако в этом божественном месте, где-то там, в уголке, почти невидимо протекал маленький ручеек со своими мечтами и надеждами, мне казалось, что я была внутри этого ручейка, его сердечком, в общем, всем тем одухотворенным, что только может быть в этой узенькой струйке воды. Сначала ручеек протекал ровно и гладко, не встречая на своем пути никаких препятствий и преград. По мере того, как он бежал он становился все больше, все шире и шире, и вот, наконец, он начинал пробивать себе новые пути, проталины, подобные новым потребностям и желаниям. Сейчас, будучи уже небольшой речкой, я как бы начинаю преодолевать преграды в виде камней, веток и т.д. Если раньше я с легкостью могла обогнуть тот же камень, то теперь это стало невозможно. И вот, где-то там, вдали я увидела маленькую полянку с колокольчиками. Я приближалась все ближе и ближе, я знала, что эти маленькие красивые и звонкие цветочки скоро погибнут (или все или часть). И тогда я приняла решение не обходить полянку с одной стороны, а смыть ее всю, чтобы не было слез и горя у оставшихся подруг. Чего мне это стоило, трудно описать словами. Легче от принятого решения не стало, меня мучила мысль, что я совершаю нечто бесчеловечное и жестокое. И самое страшное заключалось в том, что как бы я не поступила, какое бы решение не приняла, все равно кто-то по моей милости погибнет или будет страдать. И после моего поступка все вокруг стало как-то серо и мрачно, солнышко, светившее так ярко и согревавшее меня своими лучами, скрылось, как бы протестуя и укоряя меня. А мне почему-то казалось, что я поступила гуманно, мне было непонятно, почему все отвернулись от меня. Река текла все медленнее и медленнее, а ее журчание становилось более громким и пронзительным, как будто кричащим: «Поймите меня!». И тогда, откуда-то издалека, немного приглушенным голосом, мне послышался ответ: «Не переживай, все проходят через это. Поступай всегда так, как ты считаешь правильным». Это были Вы. Так закончилась моя медитация.

Вывод. Вот так неожиданно и просто открылась мне истина. Я поняла, что потребности развиваются подобно тому ручейку, который превратился в речку, становясь все шире и глобальнее. Я поняла, что на данный момент самая моя большая потребность – это потребность в понимании и поддержке, это потребность в добром совете, от которого всегда становится легче на душе и чуточку радостнее. Я думаю, что гармоничное развитие подобно вашему совету, достигается только тогда, когда ты следуешь велению своего сердца. Ведь если ты начнешь действовать по указке других, тебя будут

терзать разногласия изнутри, не будет гармонии с самой собой, а это, я думаю, самое главное для развития гармоничной личности. Так же немаловажную роль в этом играют духовные потребности. Как я поняла из медитации духовные потребности – это потребности к жизни вообще, к ее развитию и гармонии. Ведь если ты не будешь стремиться жить, ты не будешь чувствовать потребность к собственной внутренней красоте.

Вышла из медитации довольно легко, однако, с неохотой. Состояние бодрое, радостное, озаренное вдохновением. Самочувствие прекрасное. Отождествление на 100%».

Темы исследования: Польза и вред мотивов в развитии сознания человека. Что понимается под мотивами человеческой деятельности? Что такое потребности человека? Отличие потребностей личности от потребностей души, как они проявляются? Какие потребности являются основными: телесные, материальные, интеллектуальные, духовные. Темперамент человека и его особенности, какой вид темперамента у меня? Диалог: Я, Личность, С.С.

Медитация № 5. Светлана Ч. Время медитации: 12 минут. Время записи: 90 минут.

«До медитации у меня было хорошее настроение. Я была спокойна, уверена в себе, своих мыслях и в том, что хорошо сдам последний экзамен в этой сессии – психологию.

Погружение было очень быстрым, не успела я закрыть глаза, как погрузилась в глубокую медитацию, какой ранее не было.

Я увидела пейзаж: на фоне серого неба высились громады скал, вершины которых были усыпаны снегом. Я увидела группу людей, которые поднимались к горной вершине. Среди них была и я, и Вы. Затем мы с Вами сидели у огня в пещере, и пили чай из железных кружек. Мы очень замерзли, и теперь возле огня приятно покалывали щеки и ноги. Мы немного отогрелись и начали разговор.

Я спросила о том, что такое мотивы человеческой деятельности. Посмотрев на меня, Вы улыбнулись и начали тихо рассказывать. **«Мотивы – это такое психическое состояние человека, которым он руководствуется при выполнении определенной миссии, необходимой, как он считает, для его существования, т.е. телесного, духовного, материального и интеллектуального спокойствия, удовлетворения.** Мотивы это то, что толкает человека к каким-либо действиям для удовлетворения своих потребностей. Мотивы, как и потребности, могут быть самыми разнообразными: социальными, политическими, экономическими, духовными и т.д.

Вред мотивов в том, что они не всегда бывают положительными, т.е. не совпадают с теми, которые необходимы для удовлетворения своих потребностей (например: месть – это отрицательный мотив). Польза мотивов в том, что они помогают человеку в достижении своей цели, они побуждают его к деятельности. Психологическое удовлетворение человека зависит от наибольшей положительности мотивов для достижения любой цели. Мотив –

это та движущая сила, тот фактор, который направляет деятельность человека на удовлетворение возникающих у него потребностей. Вред мотивов заключается в том, что люди помешиваются на своих целях и когда они добиваются ее, им кажется, что этого мало. Так постоянно их деятельность мотивируется новыми целями, порой бессмысленными.

Потребности – это движение энергии жизни, которое возникает при дисбалансе противоположностей, например, таких как смерть и жизнь, любовь и ненависть, добро и зло, мир и война. Примеров можно привести множество. В период своей жизни человек формирует свой набор потребностей, между которыми его энергия раскачивается как маятник. Но, главное, чтобы этот маятник не отклонялся слишком широко.

Удовлетворение потребностей ведет к установлению утраченного баланса. Потребности человека – с точки зрения психологии – это то, чем живет человек на протяжении всей жизни, это в некотором роде является смыслом его жизни, но не все потребности требуют своего удовлетворения. **Потребности личности – это приобретенные потребности, они делают человека зависимым от них.** Потребности личности всегда носят приземленный характер, например: в какой институт поступить, найти работу, получать стабильную зарплату, красиво одеться, иметь машину, квартиру, много денег и т.д. Эта зависимость проявляется не только в телесном плане, но и в духовном, интеллектуальном, материальном. Потребности человека – это свойство человека, существа разумного, он знает, что ему надо для успеха в социальной, интеллектуальной или материальной сферах. Потребность – это то, на что человек направляет свою энергию, душу, сознание. Потребности человека начинаются с самого рождения и продолжаются до конца жизни, их множество.

Потребности души – это все потребности, которые включают в себя и личность, если она руководствуется силами своей души, и еще много чего-то того, что принадлежит каждому из нас индивидуально. **Потребности души – это разумные потребности, которые не зависят от социального статуса человека, его положения в обществе и т.д. Потребности души являются основными, они исходят изнутри и находятся в гармонии с природой.** Эта потребность поддерживает индивидуальное развитие человека, его внутреннее «Я». **Потребности души сливаются с Богом, при этом человек становится целостным, единым.** Душа стремится к единению с высоким, к пониманию того, что есть добро, что есть зло и т.д. Душа хочет творить добро, быть полезной и нужной окружающим, быть бескорыстной. При этом потребности души и личности могут не совпадать, и, как правило, не совпадают. Потребности личности как бы разграничены с потребностями души. Личность требует общения с обществом, приобщения к социальному быту, труду, учебе, человеческой любви. Личностью, как правило, руководят потребности нашего эго, которое часто эгоистично и самовлюбленно. Как правило, личность характеризуется потребностями телесными, материальными, иногда интеллектуальными. Но потребности личности и души переплетаются между собой. На первом месте у меня

потребности телесные, т.к. я не могу пока жить без воздуха, воды, еды и т.д. Духовные потребности в последнее время стали играть огромную роль. И на третьем месте стоят две потребности – интеллектуальные и материальные, для меня они равнозначны. Потребности исходят от самого человека но, прежде всего, он должен находиться в гармонии с природой».

Эта мысль, высказанная Вами, натолкнула меня на осознание того, что для меня сейчас наиболее важными являются интеллектуальные и в какой-то степени материальные потребности. Но все же, за последний год во мне все более и более стали активизироваться духовные потребности. Я понимаю, что нельзя жить только внешним умом и благополучием. Если ты не знаешь себя внутреннего, то ты не знаешь ничего.

Помолчав немного, я задала следующий вопрос о том, что же такое темперамент человека. На него вы, опять-таки, улыбнувшись, ответили, что это способ расходования внутренней энергии человеком, как он ее выплескивает и как сдерживает. Темперамент – это то, что еще раз доказывает нашу индивидуальность и делает непохожим на других людей. Например, холерик очень активен и выплескивает много энергии во внешний мир в общении, в работе и т.д., меланхолик же наоборот – погружен в себя, в свой внутренний мир и энергию расходует на познание себя, своей сути. Он как бы консервирует энергию в себе. Кроме холериков и меланхоликов существуют так же сангвиники и флегматики, которые характеризуются другими способами расходования энергии. Некоторые темпераменты в чем-то схожи и поэтому принято выделять определенные группы. Классификаций темперамента существует очень много.

Услышав все это, я спросила: «А человек может сочетать в себе черты двух темпераментов? Потому что я, мне кажется, сочетаю в себе черты холерика и флегматика. Вы ответили, что, как правило, люди не бывают представителями того или иного темперамента, а сочетают в себе черты разных темпераментов. Холерик может быть меланхоликом, сангвиник – флегматиком и т.д. Мой темперамент в %-ом соотношении: сангвиник – 40%; флегматик – 15%; холерик – 30%; меланхолик – 15%.

После этого мы сидели у костра молча и смотрели на огонь. Все было так просто и необычно.

Из глубокой медитации я вышла на счет «один» Вашего голоса, потихоньку, как будто я мыльный пузырек, и поднимаюсь плавно вверх, наслаждаясь полетом. Состояние – душа как будто поет. Мне все еще хочется взлететь и парить в небе, наслаждаясь полетом, чистым воздухом. Внутри все гармонично, равномерно, спокойно. Но в легкой медитации пребывала во все время записи содержания медитации. Отождествление – 100%.

Выводы. Эта медитация помогла мне найти ответы на поставленные Вами вопросы. Я еще раз убедилась, что через медитацию можно общаться с людьми, можно видеть места, которые физически видеть не можешь, что можно получать информацию, как от себя, так и от других людей. Все зависит от настройки ума и желания познавать себя».

Подведем краткие итоги применения психолого-педагогической технологии интегрального обучения и самопознания в медитации. Наиболее полный анализ представлен в монографии автора [Корнеев, 2019].

1. Основываясь на психолого-педагогической технологии, были исследованы многочисленные вопросы психологии, которые невозможно совершить при помощи традиционных методов познания. В основе технологии лежит медитация. Но чтобы воспользоваться медитацией (измененным состоянием сознания) предварительно нужно научиться медитировать, т.е. проявить медитативные способности. Значит, нужно было научить студентов этой способности.

2. При овладении адресной концентрацией вхождение в медитацию происходит через несколько секунд или сразу после закрытия глаз. С вхождением в ИСС начинается внутреннее самоисследование. Настройка и отождествление с объектом исследования, «вхождение в роль» происходит очень быстро, то же самое происходит и при разотождествлении с объектом исследования и выходом из ИСС. В нашем исследовании не ставилась задача глубокого и детального изучения всех физических, биологических, психологических, энергетических и других процессов зарождения жизни в утробе матери. Для этого необходима соответствующая научная и медитативная подготовка самоисследователя.

3. После выхода из медитации образы, мысли и переживания долго сохраняются в оперативной, кратковременной и долговременной памяти индивида, легко воспроизводятся в устной речи или в записях. Вновь сформированные психологические образования (функциональные системы, коммуникации) расширяют и поднимают сознание индивида, что проявляется в развитии новых умений, способностей и качеств личности. При соответствующей подготовке можно сразу записывать или проговаривать содержание всего, что индивид воспринимает в медитации, не дожидаясь ее окончания.

4. В медитативном обучении академическим дисциплинам у студентов появляется повышенный интерес к изучению данного курса, т.к. они принимают непосредственное участие, как в постановке вопросов исследования, так и в получении ответов от своего внутреннего источника. Занятия строятся по принципу «от студента» с сохранением плана государственной программы дисциплины, и, безусловно, тесно связаны с интеллектуальным и духовным развитием обучающего (преподавателя). Каждое занятие носит максимально возможный исследовательский, практический характер, т.к. индивид осознанно всем своим умом погружается в деятельность. Так происходит становление интегральной личности. Процесс обучения и самопознания становится максимально интересным (как для студента, так и для преподавателя) и максимально продуктивным. Во время подобных занятий студент может получить, усвоить, вывести наружу в десятки раз больше информации, по сравнению с традиционными методами обучения в вузе.

5. Психолого-педагогическая технология интегрального обучения и саморазвития позволяет осуществлять индивидуальный подход в обучении и воспитании, т.к. этот процесс осуществляется изнутри, силами своего высшего сознания (души). Вопрошающему дается такой ответ и в такой форме, который полностью соответствует его психическому, духовному и интеллектуальному развитию. Информация, приходящая из «внутреннего мира» не нарушает психического, информационного и энергетического равновесия индивида. Более того, после медитации наблюдается устойчивое гармоничное состояние во всем организме, оно сохраняется от нескольких минут и часов до нескольких суток. Медитативное обучение – это одновременно и психотерапия (аутопсихотерапия) мощная и действенная. «В медитации вы открываете себя влиянию психического, соприкасаетесь с глубинным психическим сознанием, испытывая чувства мира, покоя и счастья», – отмечает Шри Ауробиндо [Шри Ауробиндо, 2007, с. 167]. Человек на собственном опыте узнает, что он на самом деле является вселенной, что его возможности безграничны и его жизненный путь зависит только от него самого.

6. Во время обучения у студентов не возникает зависимости, привязки, привыкания ни к внешним источникам информации в форме учебной и научной литературы, интернета, ни к преподавателю, ни к другим авторитетам, ни к методике преподавания, ни к объективной реальности. Субъект познания в любой момент, если это необходимо, сам может войти в ИСС, выйти из него и вновь погрузиться в себя. В непредвиденных случаях (внешних или внутренних помехах) выход из ИСС происходит спонтанно, так организм (ум, душа) защищается от возможных нежелательных энергетических нападений. Знания учебной и научной литературы позволяют наиболее корректной и последовательной постановке вопросов и исследовательских задач и адекватному описанию полученной информации. То есть, чем «выше» образование и развитие интеллекта, тем содержательнее медитативные ответы.

7. Интегральное обучение и саморазвитие носит естественный, природный характер, не мотивировано заказами социума, но, тем не менее, оно не оторвано от личности и внешних проблем, наоборот, помогает человеку более гармонично вписаться в культуру общества, осознавать внутреннее единство всех людей.

Библиографический список

1. Движение и уровни Универсального Сознания. Перинатальная психология: мышление в измененном состоянии сознания: монография. – М.: Флинта, 2019. – 576 с.
2. Козлов В. В. Духовное измерение самореализации в психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 43–50.
3. Корнеенков С.С. Интегральная технология обучения и саморазвития в бодрствующем и измененном состояниях сознания // European Social

Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). – 2011. – № 9 (12). – С. 83-92.

4. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 23. Письма о йоге – IV. – СПб.: Адити, 2007. – 368 с.

**Корнеев С.С., Симоненко Ю.С.
БОЕВОЕ ИСКУССТВО: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ,
ВИДЫ И МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЛЬНОЙ
ЛИЧНОСТИ**

Аннотация: рассматриваются виды и методы боевых искусств Востока, которые способствуют развитию интегральной личности и трансформации эго. Показано, что традиции боевых искусств Востока раскрывают изначально заложенный в человеке духовный потенциал. Боевое искусство нельзя передать словами, это возможно только при личностно-духовном общении. Мастер боевых искусств интегрирует обыденную жизнь и духовное бытие посредством выверенных методов и медитативных практик.

Ключевые слова: интегральная личность, эго, боевые искусства, творческие силы, восточные единоборства, раскрытия духа, медитативная практика.

Abstract: the types and methods of martial arts of the East that contribute to the development of an integral personality and ego transformation are considered. It is shown that the traditions of martial arts of the East reveal the spiritual potential originally inherent in a person. Martial art cannot be conveyed in words, it is possible only with personal and spiritual communication. A martial artist integrates everyday life and spiritual existence through verified methods and meditative practices.

Keywords: integral personality, ego, martial arts, creative forces, martial arts, disclosure of the spirit, meditative practice.

Человек всегда стремился найти совершенные средства и методы для развития своей личности, и сама жизнь постоянно дает ему уроки. Понятие «человек» неразрывно связано с понятием «личность». В различных областях знаний есть свое понимание природы человека, личности, которые дополняют друг друга. Природа человека бесконечно сложна и динамична во времени и пространстве, имеет множество граней, поэтому все ее содержание не укладывается в рамки одной какой-либо концепции. Личность всегда принадлежит времени, определенной культуре и постоянно меняет свое содержание. Загадкой является не только личность индивидуального человека, но и личность того или иного этноса, нации, личность страны, Личность Единого Человека Земли, возможно – Личность Вселенной. Полное

понимание содержания личности может быть достигнуто только при изучении человека как целостности. Изучая личность, мы изучаем самого себя в прошлом, настоящем и возможном будущем. Есть существенные различия (или дополнения) в понимании природы человека и личности в восточной психологии, западной психологии (бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология, гуманистическая психология) и отечественной психологии. Современная *психология личности*, являясь научной дисциплиной, представляет умозрительные рассуждения о природе человека, которые могут быть подтверждены экспериментально.

Актуальность данной темы связана с возрастающим пониманием того, что личность человека не только биосоциопсихологическое существо, но и духовное. Силы души и духа постепенно формируют интегральную, целостную личность, которой доступно духовное бытие. Это ясно звучит и в словах В. В. Козлова: «...в российской психологии проблема высшего уровня интеграции человеческой психики затрагивалась чрезвычайно редко, хотя и является самой сутью и предельным устремлением человека во все времена [Козлов, 2019, с. 44]. Методологической основой написания статьи являются интегративная [Козлов, 2017] и интегральная [Корнеенков, 2018] парадигма психологии.

Цель статьи: показать высокое значение боевых искусств Востока, культурной, психологической и духовной традиций в развитии интегральной личности и трансформации эго. Вначале построим рабочее определение: интегральная личность есть энергоинформационные отношения, возникающие между индивидом, людьми, обществом, природой, это единение, движение энергии природы, ума и души в физическом теле, сознании и бессознательном. Личность является инструментом души в социальной и природной среде. Душа несет в себе неограниченные возможности, которые можно наиболее полно реализовать с развитием интегральной личности. Душа человека соединяет в себе оба мира – духовный и телесный, являя гармонию в мироздании. Понятие «человек» относится и к душе, и к телу, и к духу. Под духом понимается то, что связывает личность человека со всем человеческим родом во всех видах бытия. Духовность – это особый способ существования, который даёт личную независимость от всего органического (телесного) и душевного, независимость от влечений, потребностей, желаний, пристрастий. Интегральная личность объединяет и вбирает в себя и тело, и душу, и дух, которые представляют её определенные уровни. Человек является частью космоса, и космические силы влияют на него извне и изнутри. Высшим проявлением творчества для человека есть развитие своей личности, что невозможно без духовной жизни и помощи свыше. В. Д. Шадриков пишет, что существуют следующие понятия, наполненные конкретным смыслом: духовная личность, духовное сознание, духовный опыт, духовное делание, духовное общение, духовные способности и т.д. [Шадриков, 1996].

Чтобы ответить на вопрос, как происходит развитие человека, эго и личности, необходимо знать законы, силы (энергии) души и ритмы

Вселенной, какие виды энергии вступают во взаимодействие, какова их роль и механизм влияния. В этом плане большой интерес представляют многочисленные виды боевых единоборств Востока. Различные виды единоборств существовали почти у всех народов. В настоящее время известно более полутора тысяч видов боевых искусств. У них немало общего в происхождении и целях, однако, есть и различия. Постоянно возрастает число поклонников восточных единоборств, что, естественно, находит свое отражение в написании научной и методической литературы. Основная причина популярности восточных единоборств заключается в том, что они включают методики достижения гармоничной личности и духовности. По нашему мнению любой вид деятельности, в частности, все виды спорта, – это движение энергии, где грамотное напряжение мышц, воли, разума и духа приводит к формированию гармоничной личности и трансформации эго-сознания. Существенное значение для развития воли, спортивного характера и духа связано с тем, насколько тренер и спортсмен понимают и придают значение требованиям, разработанным в теории и практике восточных единоборств.

То, что мы называем «боевыми искусствами» не имеет аналогов в западной культуре. «Для Китая и Японии – это целые культурные направления со своими духовными, эстетическими, литературными и прежде всего – жизненными установками. Ушу, карате, дзюдо, кэндо стали важной интегральной частью культуры Дальнего Востока, боевыми искусствами занимались все – от простого крестьянина, вплоть до утонченного аристократа», – отмечает профессор, мастер боевых искусств, Президент шаолиньских боевых искусств (ФШБИ), обладатель 8-й степени по ушу (кунфу) А. А. Маслов. Это и деревенские мастера, оставшиеся безымянными для истории, самураи, ниндзя, утонченные танцовщицы, искусные актеры боевых пьес, участники народных ритуальных праздников – все они, так или иначе, единятся внутри общего «тела» боевых искусств Дальнего Востока. Свои технические особенности имеют боевые искусства сложившиеся и развиваемые в России, Франции, Корее, Вьетнаме, Бирме, Таиланде, Индонезии, Малайзии, Филиппинах, Индии, Бразилии и в других странах.

В отношении спортивно-боевых единоборств, существует множество легенд в литературе, кино и средствах массовой информации, что придает им еще большую популярность. Число поклонников в секции карате, ушу, айкидо, дзюдо, тхэквондо, кикбоксинга и других видов единоборств постоянно растет. Появляются работы, где предлагаются новые методы раскрытия творческих сил человека посредством боевых видов спорта (С. Г. Гагонин, А. А. Маслов, В. В. Малявин, Н. В. Абаев, Е. В. Мильковский, А. Е. Тарас, С. В. Биджиев, А. А. Долин, Г. В. Попов, Т. Обата и др.). Становятся доступными переводы китайских, японских, корейских и вьетнамских признанных авторитетов в области традиционных видов единоборства, и это при том, что подобная информация часто носит эзотерический, закрытый характер и передается изустно. Это касается не только технических приемов, но и психологической, духовной основы.

Восточные единоборства можно классифицировать на японские (айкидо, джиу-джитсу, дзюдо, карате и др.), китайские (ушу), корейские (тхэквондо, хапкидо), вьетнамские (воваинам-вьетводао), тайские (муай тай или тайский бокс) и др. В настоящее время в ряды занимающихся карате, дзюдо, ушу приходят люди с высокой интеллектуальной и духовной мотивацией, что требует от тренеров соответствующей подготовки. Как отмечает С. Г. Гагонин, в исторических публикациях делается заметный акцент разводящий спорт высших достижений и боевые искусства Востока чуть ли не в противоположных направлениях. «Превращение боевого искусства в спортивную дисциплину равносильно, по их мнению, потере им своей духовной сущности» [Гагонин, 1997, с. 9]. В традициях Востока в спорт высших достижений изначально заложен духовный потенциал, который нельзя растерять. «Изучение духовного наследия философско-религиозных учений стран Дальнего Востока, являющихся основой боевых искусств, а так же непосредственное общение с практиками медитативных техник (випассана, дзэн, цигун, йога) убедило нас в том, что спорт высших достижений и, в частности, профессиональный кикбоксинг, может воспринять данные техники» [Гагонин, 1997, с. 9]. Тоже самое можно сказать о значительной роли медитативных практик в искусстве карате. Профессиональный тренер, как и спортсмен, должен обладать не только знаниями и способностями раскрытия физических сил, быть технически подготовленным, но понимать и принимать духовные практики. В противном случае ему не поможет даже самый высокий уровень спортивных и личностных качеств в бескомпромиссной борьбе.

Исторически в системе единоборств четко выделялись два направления – европейское и азиатское. В Европе единоборства строились на основе физического совершенства индивида, где духовному и интеллектуальному развитию личности не было места. Идеальный воин – это физически развитый человек, умеющий терпеть боль и владеющий оружием. Вплоть до XX века в Европе не существовало основы, на которой могла бы развиваться теория единоборства [Гагонин, 1997, с. 15].

На Востоке, в первую очередь в Китае, оформился круг единоборств, опирающихся на философские и религиозные традиции, где большая роль отводилась духовным аспектам. Развитие личности направлялось по пути реализации идеала. «С точки зрения восточной философии, человек есть звено в мировой системе, а боевые искусства – часть этой системы. Сочетание физических тренировок и психотренинга позволяет максимально раскрывать человеческие возможности. Боевая техника становится таким же видом искусства, как живопись, каллиграфия, стихосложение или медицина», – отмечает С. Г. Гагонин [Гагонин, 1997, с. 16].

Цели занятий боевым искусством на Востоке зависели от религиозных воззрений, социального статуса адептов, но их роднило одно – совершенствование боевого искусства личности. Цель в даосизме – слияние человека с природой, достижение долголетия посредством совершенствования приемов ушу [Абаев, 1982]. Для последователей

буддизма в форме хинаяны идеал человека – святой, который достиг освобождения от сансары (перерождения) и обрел нирвану. Это возможно если соблюдать все монашеские принципы и правила, овладев практикой концентрации и медитации [Тареев, 1996]. Китайский полководец XVI века Ци Цзигуан считал, что для проявления чувства справедливости необходимо сочетать в занятиях практики раскрытия духа – внутреннее начало, и форму – внешнее начало. Здесь ясно прослеживается направленность на интеграцию сил личности, души и духа. В императорской армии бойцам давались звания – своеобразные воинские разряды.

В Восточных боевых искусствах существует культ мастера, так как он воплощает в себе всю совокупность ушу. Мастер связывает обыденную жизнь и духовное бытие, он сливается своим сознанием с Дао, и тогда каждое его движение обретает исключительную ценность, а не механический повтор чьих-то поучений. У мастера приемы исходят из сердца, из пустоты (Дао). Такое обучение превращается в передачу истинной традиции, в передачу внутреннего, сокровенного знания, в которое посвящен учитель. «Смысл практики ушу заключен не в обыденных тренировках и даже не в доведении своего мастерства до совершенства, но в постижении универсального Пути всех вещей – Дао» (А. А. Маслов).

Передача традиций боевого искусства ученику основывается на глубочайшей вере в учителя, доверительности, интимности, взаимной безусловной любви. Через такого ученика учитель передавал истинную традицию. Передав истинную традицию, учитель становился вечен, он возвращался в мир в каждом последующем ученике, это линия бесконечных перевоплощений. Слияние сознания учителя и сознания ученика в единое целое – основа в передаче своего духа, силы, знаний и умений. Боевое искусство превосходит по своей глубине и содержанию физическую тренировку, так как направлено на развитие духовных способностей. Истинную традицию нельзя передать на словах, описать словами в книге, это возможно только при лично-духовном общении, от сердца к сердцу, в интуиции, в слиянии.

Таким образом, боевые искусства на Востоке были универсальным средством для достижения самых разных целей, в частности:

- для монахов – это метод приведения своего сознания и организма в состояние слияния с Дао, обретения долголетия, достижения просветления;
- для воинов и начальников – метод совершенствования своего мастерства ради достижения победы над противником;
- для адептов народных школ – возможность быстрее приобрести духовное (внутреннее) совершенство, приобщиться к духовной традиции предков. Нередко занятия становились альтернативой материальному благосостоянию и средством противостояния внешней среде [Гагонин, 1997, с. 21]:

Основным местом, где преподавалось учение, была школа боевого искусства, где понятие «школа» имела духовное значение. Разработка стилей шла внутри школ, которые имели свои методики тренировки, где много

внимания уделялось медитации. Характер школы исключал приход в неё случайных людей. Название школы соответствовало названию семьи. Даже те ученики, что разъезжаясь по разным уголкам Китая, продолжали сохранять ощущение принадлежности к общему центру. Таким местом, к примеру, был Шаолинь, и совсем не обязательно было жить в монастыре, достаточно приобщиться к традициям школы. В результате возникало множество непохожих друг на друга стилей под общим названием. Стиль – это психологическое отнесение себя к той или иной ветви ушу, он не определялся только техническим арсеналом. «Повторяя движения мастера, ученик неизбежно должен был пережить состояние его сознания, почувствовать то же, что и его просветленная душа» [Гагонин, 1997, с. 23]. Так возникла преемственность традиции. Со временем возникли индивидуализированные школы и стили, стала возможна их классификация.

Интересно формальное подразделение стилей на «внутренние» и «внешние». Внутренние стили базируются на искусстве управления внутренней энергией ци, внешние же основываются на жестких методах ведения боя, на использовании атакующей физической силы [Долин, 1990]. Теория и практика внутренних стилей построена на принципах раскрытия духа (ци, пустоты), проявлении и выбросе энергии ци во время исполнения комплексов. Канон этого стиля: «Прежде используй ци, а затем физическую силу». В Дао любое внешнее действие понимается как проекция (проявление) невидимого начала (духа, пустоты, Дао) внутри человека, которое является истинной реальностью.

В XX веке происходит ментальное сближение между Западом и Востоком. Создаются ассоциации традиционного ушу, карате в США, Канаде, Великобритании, Швеции, позже – в России. Помимо традиционного ушу на Западе стали распространяться и другие китайские боевые искусства. Но это больше касалось внешней стороны, исчезал эзотерический, духовный смысл, что превращало боевое искусство в разновидность рукопашного боя [Маслов, 1995]. Сегодня центром боевых искусств продолжает оставаться Китай.

Вторым по значимости центром боевых искусств является Япония, где сформировались три основные системы: айки-дзюцу, дзю-дзюцу и карате-до. На базе айки-дзюцу сформировалось айкидо. Основатель айкидо (Ай Ки До) – Морихэй Уэсиба из Японии. В свое время он был признан величайшим специалистом в области боевых искусств. Этот термин впервые прозвучал в 1942 году. «Ай» – согласие, единство, гармония, любовь. «Ки» – энергия, жизненная сила, универсальный космический закон. «До» – путь, в философском понимании. Уэсиба создал принципиально новое искусство и дал ему название «айкидо», что можно перевести как «путь к гармонии духа». Принцип айкидо: уберечь себя от удара и удерживать противника от их нанесения. Это удается при помощи внутренней энергии ки (кит. ци), производной от силы любви и гармонии. Айкидо имеет собственную точку опоры, позволяющую с максимальной эффективностью реализовать физическую силу и внутренний дух (энергию ки). Уэсиба Морихэй видит в айкидо средство способное погасить любой конфликт с помощью

космической любви. Айкидо не является средством победы над врагом. Это средство установления мира и братской любви между людьми. Если говорить об айкидо, как о боевом искусстве, то это состояние, в котором мастер сохраняет спокойствие даже перед лицом смертельной опасности. Айкидо – это умение на тренировках и в повседневной жизни сохранять мир и покой в душе, какими бы раздражающими не были внешние условия. Айкидо – очень миролюбивое искусство, в нём нет никакой агрессии, нет атакующих действий, это исключительно самозащита. Это современное искусство, вобравшее в себя лучшее из многовековых боевых практик. Многие мастера айкидо со знанием дела говорят – если ты владеешь айкидо, ты владеешь самим собой. Они не только занимаются единоборством и своим телом, но и развивают в себе духовный опыт. Искусство айкидо ведет к реализации Божественной Любви, к просветлению. Как говорили учителя, в процессе занятий следует преодолеть путь от постижения «сердца человека» – тварного, преходящего, полного желаний, беспокойств и мыслей – и прийти к нетварному «сердцу Дао», двигаться от бытийственности человека ко внебытийственности пустоты, царящей в просветленном сознании.

Один из наставников дзен-буддизма говорит следующее: «Навязчивые идеи, от которых должен избавляться боец, суть следующие. Желание во что бы то ни стало победить; желание запугать противника; желание использовать его ошибки; желание поймать на свой любимый прием; желание применить всю освоенную технику. Если любая из этих идей овладевает бойцом, то он становится ее рабом, лишенным свободы и естественности в своих действиях. Поединок требует полной безмятежности духа». «Безмятежность духа» наступает тогда, когда спортсмен во время боя не связан тренировочными рефлексам тела и ума, но настроен на высшее «Я».

В 1975 году создана Международная Федерация Айкидо (МФА), учредителями которой являются около 30 стран. В 1984 г. Международная Федерация Айкидо вошла в состав Всеобщей Ассоциации Международных Спортивных Федераций (GAISF), единственной в мире организации, объединяющей как олимпийские, так и не олимпийские международные федерации. «Федерация Айкидо «Айкикай России» (ФААР) официально создана 21 мая 2001 г. Айкидо имеет официальную классификацию Госкомспорта РФ по присвоению специальных званий как занимающимся, так и инструкторам. Ряд региональных руководителей ФААР избраны в руководящие органы Российского Союза боевых искусств (РСБИ) на местах.

В 2004 г. ФААР заключила с Госкомспортом РФ соглашение о сотрудничестве, заложившее основу для поддержки Айкидо Айкикай на государственном уровне. **Айкидо Айкикай** (Aikido Aikikai) – классический стиль Айкидо, во главе которого стоит внук Морихея Уэсибы, которого называют третьим «Дошу» – «Лидером пути». Моритеру сменил на этом посту своего отца Киссомару Уэсиба. Айкикай объединяет множество мастеров с ярко выраженными личными подходами к методикам преподавания и формами практики айкидо. Всемирная штаб-квартира

(хомбу-додзе) Айкидо находится в Токио. О-сенсей, Морихей Уэсиба говорил: «Айкидо принадлежит всему миру!». Независимо от расовой и национальной принадлежности, во всем мире увлеченно занимается более 1,2 млн. человек из 80 стран.

Система дзю-дзюцу была трансформирована (возрождена) под названием дзюдо, где большое значение имеет буддийская медитативная практика. Окончание «до» означает постижение пути, акцент – достижение внутреннего совершенства и этического идеала. Основатель дзюдо – выдающийся общественный деятель и педагог, профессор Дзигаро Кано. Обобщив опыт различных стран, систематизировав лучшие и исключив опасные для жизни приемы, он создал дзюдо. Название «дзюдо» – «Путь податливости», или «Путь гибкости», – сам Кано стал употреблять лишь спустя десятилетие после создания своей системы. Он никогда не изобретал слова «дзюдо» и даже не был первым, кто начал применять к своим дисциплинам понятие «До». Свою школу он создал в возрасте 21 года. Получив самостоятельность, Кано в духе старых школ дзю-дзюцу составляет клятву Кодокана, которую должен принимать каждый ученик, получающий первую мастерскую степень в дзюдо [Ю. А. Шулика]. Клятву писали собственной кровью, в которую обмакивали кисть, что очень напоминало древний ритуал клятвы ниндзя своему господину. Несложно понять, как это влияло на психику молодых адептов дзюдо, проходивших тайное посвящение. Кано считал, что в Кодокане делается упор именно на нравственное воспитание учеников, а техника является как бы вспомогательным, подчиненным фактором в формировании бойца.

Дзюдо – боевое искусство, философия и спортивное единоборство без оружия, это система воспитания. Кано писал: «Дзюдо – это путь к наиболее эффективному способу использования духа и тела. Сущность дзюдо заключается в постижении искусства нападать и обороняться через упорные тренировки, закаляя тело и воспитывая волю». Кано готов был часами рассказывать о «Пути» – До, о поэтапном восхождении к истине через единство духовного и физического в человеке, через занятия боевыми искусствами.

Кано завершает формирование системы тренировки в дзюдо, ставшей канонем Кодокана. «В ее основе два типа отработки приемов – свободные схватки (рандори) и формальные комплексы (ката). Одно без другого не может существовать: в ката вырабатывается особое состояние духа, «чистого, как поверхность озера в безветренный день», а в рандори проверяется, насколько способен боец сохранять такое состояние духа перед лицом противника» [Ю. А. Шулика].

Отцом российского дзюдо является В. С. Ощепков (1892-1937). В 1914 г. В. С. Ощепков организовал во Владивостоке кружок дзюдо, охвативший около 50 человек. Благодаря ему в 1911 году состоялась самая первая в мире международная встреча по дзюдо. В конце 30-х годов в СССР дзюдо запретили как «чуждое советскому народу занятие». В. С. Ощепков в 1937 году был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии и умер в

тюрьме через десять дней после ареста от сердечного приступа – так было написано в официальных бумагах.

Вместо «запрещенного» дзюдо в Советском Союзе ученики В. С. Ощепкова стали развивать «самбо», систему, в основу которой легла колоссальная работа В. С. Ощепкова. Со временем этот новый вид борьбы развивался, приобретая характерные самобытные черты, завоевывая огромную популярность в Советском Союзе. Возрождение дзюдо в СССР произошло в начале 60-х годов двадцатого века. В 1964 году дзюдо вошло в программу Олимпийских игр. В связи с получением дзюдо статуса олимпийского вида спорта на высшем государственном уровне было принято решение восстановить дзюдо на основе борьбы самбо.

Японские боевые искусства тесно связаны с ушу, особенно с его армейским вариантом, хотя сегодня они превратились в абсолютно самостоятельные направления. Если китайское ушу формировалось тысячелетиями, то основателем любого стиля или школы в Японии был реально существовавший человек. Как отмечает А. А. Маслов «В Японии же не было ни одной школы боевых искусств вне политического течения – это можно наблюдать на примере таких знаменитых направлений, как карате, айкидо, дзюдо. Если история китайского ушу – это история духовных и мистических школ, то история японских боевых искусств, в особенности карате, – история личностей... Именно здесь, в самурайской культуре, в особой системе воспитания человека-воина – берут начало все виды японских боевых искусств, будь то *дзю-дзюцу*, *дзюдо*, *карате* или *айкидо*».

На стыке духовного влияния и прикладного применения японской и китайской традиций, на острове Окинава, возникло карате-до [Биджиев, 1994]. Все современные стили карате генеалогической основой имеют школу сёриндзи-рю гококу-ан (карате стиля шаолинь для защиты отечества). Современное карате различается своеобразием стилей. В 1936 году древняя традиция получила новую трактовку: «искусство китайской руки» превратилось в «путь пустой руки», где приоритет отдается духовному началу [Гагонин, 1997, с. 35]. Популярность карате на Западе связана с тем, что оно формировалось в значительном отрыве от религиозной и философской базы, что непривычно для западного менталитета. Но, «как только боевые искусства, будь то дзюдо или карате, становятся видом спорта, к тому же спорта больших достижений, они уходят от традиционной духовной культуры и начинают жить по спортивным законам», – отмечает А. А. Маслов.

В японском карате выполнение ката предполагает психический самоконтроль над триединством тело-разум-дух. Ката несут и другую функциональную нагрузку – помогают отрабатывать те приемы, которые в реальном бою могли бы оказаться смертельными для противника. Ката тренирует быстроту, реакцию, силу удара, способность концентрироваться, умение сохранять эмоциональное равновесие, сводит лишние движения к минимуму.

Таким образом, мы видим, что восточные виды единоборств несут в себе огромный потенциал природной, психологической, культурной и духовной силы, способной объединить в человеке материальное и духовное бытие, развить интегральную личность и трансформировать природное эго. Но, переложённые на современную парадигму спорта, они постепенно утрачивают свое духовное начало и способствуют развитию и укреплению природных, социально-психологических сил эго-личности.

Библиографический список

1. Абаев Н. В. Даосские истоки китайских ушу / В сб.: Дао и даосизм в Китае. – М.: 1982.
2. Биджиев С. В. Каратэ-до. Сётокан. – СПб.: Алмаз, 1994. – 560 с.
3. Гагонин С. Г. Спортивно-боевые единоборства: от древних ушу и буюцу до профессионального кикбоксинга / Монография. – СПб.: СПбГАФК им. П.Ф. Лесгафта, 1997. – 352 с.
4. Долин А. А., Попов Г.В. Кэмпо – традиции воинских искусств. – М.: Наука, 1990. – 427 с.
5. Козлов В. В. Духовное измерение самореализации в психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 28. С. 43–50.
6. Козлов В. В. Интегративная парадигма психологии: десять лет спустя // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 57–65.
7. Корнеенков С. С. Парадигмы академической и практической психологии: интегральная парадигма / Современный гуманитарный университет (Москва). 2018. № 9. – С. 107-117.
8. Маслов А. А. Небесный путь боевых искусств. Духовное искусство Китайского ушу. – СПб.: ТЕКС, 1995. – 490 с.
9. Маслов А. А. Танцующий феникс. Тайны внутренних школ ушу. litmir.me/br/?b=134501&p=1 (Обращение 15.03. 2022).
10. Тарас А.Е. Боевые искусства. 200 школ боевых искусств Востока и Запада. – Минск, Харвест, 1996. – 640 с.
11. Шадриков В. Д. Духовные способности. – М.: Магистр, 1996. – 104 с.
12. Шулика Ю. А., Я. К. Коблев, А. А. Маслов. Борьба дзюдо: первые уроки. mnogobook.ru/domovodstvo_main/sport/164820. (Обращение 15.03. 2022).

Коровина В.В.

**СОЦИАЛЬНАЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИНЫ-
МАТЕРИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Аннотация:

В данной статье автор обращается к понятию самоактуализации личности в целом и личности женщины-матери в частности, рассматривая основные положения отечественных и зарубежных школ гуманистической психологии. Автор уделяет внимание вопросу самоактуализации работающих и неработающих женщин и считает, что в актуальное время женщины стремятся к самоактуализации в социуме в той же степени, что и мужчины, при этом сферы самоактуализации женщин-матерей выходят за рамки традиционной дихотомии “работа-семья”. В связи с этим в статье предлагается авторский термин “социальная самоактуализация” для обозначения процесса самоактуализации в социальной сфере, который включает в себя, но не ограничивается профессиональной самореализацией.

Ключевые слова:

женщина-мать, самоактуализация, самореализация, работающие женщины, неработающие женщины, социальная самоактуализация, эпоха метамодерна, профессиональная сфера, семья, самоактуализация женщины-матери

Annotation:

This article addresses the phenomenon of a personal self-actualization as well as the phenomenon of self-actualization of a mother. It gives an analysis of previous research on the topic done by the representatives of domestic and foreign scientific schools of humanistic psychology. The author, looking at recent research on the phenomenon of self-actualization of working and non-working women, stresses that women seek to find the self-actualization in society to the same extent as men and that self-actualization of women is not confined only to the traditional dichotomy “work-family”. The author suggests the term “social self-actualization” to describe the process of self-actualization in society which includes but is not limited to the professional self-fulfilment.

Keywords:

mother, self-actualization, self-fulfilment, working women, non-working women, social self-actualization, metamodern, professional field, family, self-actualization of a mother

В настоящее время вопросы самоактуализации и самореализации личности привлекают все больший интерес как ученых (социологов, психологов, педагогов) так и профессионалов, работающих с клиентами в так называемых “помогающих практиках” (“практиках заботы”). При этом такая сфера внимания, как самоактуализация женщины-матери обретает особое значение, поскольку речь идет не только о благополучии и ощущении полноты жизни самой женщины-матери как личности. Самоактуализация женщины-матери важна в контексте ее отношений с собственным ребенком/детьми, поскольку женщина-мать воспитывает ребенка не только словом, но и делом, и самоактуализирующаяся женщина-мать может стать для ребенка большей опорой, чем женщина-мать, которая не осознает собственных потребностей и ценностей, и связанных с ними целей, и, соответственно, имеет трудности с реализацией собственного потенциала.

Термин “самоактуализация” рассматривали такие представители зарубежной психологии, как К.Гольдштейн, А.Маслоу, К.Роджерс и другие.

К.Гольдштейн определял самоактуализацию как основной мотив организма, направленный на актуализацию способностей человека, причем направленность этих способностей роли не играет, человек самоактуализирующийся, по К.Гольдштейну, может получить как позитивные, так и негативные последствия [Цит. по: Холл, 1997].

А.Маслоу рассматривал самоактуализацию как высшую потребность в иерархии потребностей личности [Маслоу, 1997]. При этом самоактуализирующаяся личность, по А.Маслоу, обладает следующими характеристиками: 1) принятие себя и других; 2) естественность и простота, отсутствие необходимости притворяться не таким, какой человек на самом деле; 3) адекватное восприятие реальности, умение видеть мир беспристрастно; 4) потребность в уединении и неприкосновенность внутреннего мира; 5) автономность и независимость от мнения окружающих и от культуры в целом. Такая автономность позволяет опираться на собственные внутренние ресурсы и действовать самостоятельно, не подпадая под воздействие различных социальных мифов; 6) свежесть восприятия и готовность сталкиваться с новым опытом и присваивать его; 7) нацеленность на задачу, наличие цели в жизни; 8) глубокие межличностные отношения; 9) креативность, творческий подход к любой задаче; и др. [Маслоу, 1997].

К.Роджерс считал, что человек по природе своей склонен к активности и к движению вперед, к отдаленным целям. Поведение человека, по К.Роджерсу, зависит от некоего объединяющего мотива, и этим мотивом является стремление к самоактуализации, то есть - к проявлению в реальности внутреннего потенциала человека [Цит. по: Холл, 1997].

Тема самоактуализации поднимается и в трудах отечественных психологов. При этом следует отметить, что такие термины, как “самоактуализация”, “самореализация” и “зрелость личности” часто используются как синонимы.

Так, Б.Г.Ананьев рассматривает самореализацию не только как результат деятельности человека, но и как процесс, длящийся всю его жизнь. При этом важно отметить, что самореализующийся (самоактуализирующийся) человек - это зрелая личность, индивид, который стал субъектом собственной жизни, то есть принял на себя ответственность за выстраивание и проживание своей жизни, а также за свои решения и те эффекты, которые эти решения возымеют как на его собственную жизнь, так и на жизнь окружающих. Наивысшей интеграцией свойств субъекта, по Б.Г.Ананьеву, является творчество [Ананьев, 1977].

К.А.Альбуханова-Славская считает, что самореализация возможна лишь тогда, когда человек уже сполна познал свои возможности и принял их. Самореализация индивида во внешнем мире, при которой взаимодействие с внешним миром становится уже не просто желанным, но необходимым, рассматривается К.А. Альбухановой-Славской как второй шаг после познания себя, своих возможностей и способностей. При этом, при

несоблюдении этих условий, имеет место не самореализация, а самовыражение индивида во внешнем мире, при котором индивид показывает в социуме некий образ “себя несуществующего” (этот образ можно сравнить с “симулякром” Ж.Бодрийяра [Бодрийяр, 2013]). К.А. Альбуханова-Славская считает самореализацию высшей стадией развития зрелой личности, результатом личностного роста [Альбуханова-Славская, 1991].

Вопросы самоактуализации и самореализации вызывают интерес и у современных отечественных ученых.

Так, С.И.Кудинов предлагает полисистемный подход к изучению процесса самореализации личности. Рассматривая одновременно как условия, которые влияют на самореализацию личности, так и формы и виды самореализации, С.И.Кудинов подчеркивает, что такой подход позволяет преодолеть разрыв между различными характеристиками процесса самореализации, имеющими значение при ее изучении, и таким образом обеспечивает, например, возможность одновременно учитывать когнитивные, эмоциональные, деятельностные, регуляторные и другие характеристики процесса самореализации. Данный подход также позволяет исследовать психофизиологические особенности самореализации личности с учетом таких параметров, как пол, возраст, индивидуально-типологические и национально-этнические особенности. С.И.Кудинов (в рамках полисистемного подхода исследования самореализации) считает, что “...самореализация - это совокупность инструментально-стилевых и мотивационно - смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза [Кудинов, 2007, с. 342].

В.В.Козлов рассматривает самоактуализацию как стремление к самоосуществлению, которое “... включает в себя ... развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности“ [Козлов, 1998, с. 38].

В некоторых работах современных отечественных психологов поднимается вопрос разграничения таких терминов, как “самореализация” и “самоактуализация”. Так, Н.В.Овчаренко, исследуя различные подходы к определениям терминов “самореализация” и “самоактуализация”, отмечает что эти два термина “...отличает в первую очередь наличие и качество духовной составляющей саморазвития личности” [Овчаренко, 2015, с.143]. Н.В.Овчаренко приходит к выводу, что самоактуализация связана с развертыванием личностного потенциала и что “...этот процесс своими истоками имеет внутренний мир человека, его сущность, основывается на духовных ценностях, связанных с приоритетностью для личности блага другого в широчайшем контексте, и может рассматриваться как базисный процесс саморазвития личности”, в то время как самореализация связана с воплощением личностью всех имеющихся у нее способностей с целью

самоутверждения и носит практически-утилитарный характер [Овчаренко, 2015, с.143].

В свою очередь, П.М.Пискарев подчеркивает, что термин “самореализация” не привязан ни к какой теоретической парадигме и используется часто для обозначения процессов личностного развития, в то время как термин “самоактуализация” используется в рамках личностно-ориентированного направления гуманистической психологии, представители которого утверждают, что у человека имеется врожденный потенциал человеческих качеств и характеристик, которые в благоприятных условиях развития переходят из потенциальной в актуальную форму и проявляются в реальности [Пискарев, 2019]. По П.М.Пискареву, актуальное время - это эпоха метамодерна, одной из характеристик которой является стремление человека к самоактуализации: “На смену адаптации к окружающему миру (важный процесс прошлых эпох) приходит самоактуализация, важный этап которой – создание собственного мира, «своего космоса»: действие, максимально эффективное в условиях стремительно меняющегося, развивающегося мира. Человек метамодерна – «человек космический»: он живет в созданном им самим космосе [Пискарев, 2019, с. 61].

Отличие терминов “самоактуализация” и “самореализация” подчеркивает и Е.Н.Сорокина: “...мы понимаем самоактуализацию не только как самореализацию (реализацию своих потенциалов), а как длительный процесс выстраивания собственного ценностно-смыслового универсума, сопряженный с поиском себя, своего места в мире, а также с непрерывным процессом выбора.” [Сорокина, 2021, с.334]. Е.Н.Сорокина также рассматривает процесс самоактуализации не просто как процесс, длящийся всю жизнь, но и идущий по расширяющейся спирали. Так, ученый полагает, что каждый “виток” самоактуализации наступает после определенного пикового переживания, “критической точки”, в которой человек переживает некоторую неудовлетворенность, и с которой может начаться “...новый уровень расширения своей самоактуализации, новый уровень целостности своего «Я» [Сорокина, 2021, с.343].

Мы, вслед за Е.Н.Сорокиной, предлагаем рассматривать самоактуализацию как процесс, длящийся всю жизнь, развитие которого идет не линейно, а по расширяющейся спирали; с каждым новым “витком” человек самоактуализирующийся раскрывает все новые грани своего потенциала, приходя ко все большему пониманию себя и своих целей и ценностей. Мы предполагаем, что самореализация является частью процесса самоактуализации, при которой человек проявляет “во внешнем мире” найденные и принятые (“присвоенные”) на более раннем этапе различные аспекты собственного ценностно-смыслового универсума (понимание, кто он такой, что он может и желает дать миру, какие ценности для него важны и как он желает их проявлять и др.).

Самоактуализация женщин в целом и женщин-матерей в частности также вызывает интерес у исследователей, при этом при рассмотрении

гендерных аспектов самоактуализации (самореализации) ученые прибегают к сравнению мужской и женской особенностей прохождения этих процессов.

Ю.В. Колос в своем исследовании взаимосвязи между самоактуализацией и эмоционально-личностными характеристиками у студентов пришла к выводу, что у женщин самоактуализация в большей степени зависит от эмоционально-личностных характеристик, чем у мужчин. У мужчин самоактуализация больше связана с такими параметрами, как способность жить настоящим и видеть свою жизнь целостной [Колос, 2013]. У женщин такие параметры, как экстраверсия, высокий уровень самоконтроля и смелость способствуют высокому уровню самоактуализации, в то время как такие показатели, как тревожность, неуверенность в себе и замкнутость негативно влияют на уровень самоактуализации. Последние могут привести к нежеланию идти на контакт и даже к потере взаимосвязей с социумом, что, несомненно, повлияет на уровень самоактуализации в худшую сторону. Как показывает практический опыт работы с клиентами в коучинговом сопровождении, именно это часто и происходит с женщинами-матерями: необходимость круглосуточно находиться рядом с маленьким ребенком/детьми приводит к тому, что круг общения сужается до нескольких знакомых, с которыми удается встретиться далеко не каждый день, а иногда и не каждую неделю; женщина постепенно теряет навыки коммуникации в обществе. Вследствие этого даже при возникновении желания «выйти в социум» (как в профессиональном смысле, так и для развлечения), неуверенность и потеря привычки общаться могут приводить к тому, что женщина-мать начинает испытывать страх по отношению к новому для себя или просто к уже забытому опыту. Женщины-матери часто отмечают, что безотлучное пребывание рядом с маленькими детьми на протяжении нескольких лет (нахождение в отпуске по уходу за ребенком) влияет не только на их чувство уверенности в себе, но и на способы выражения себя: меняются внешность и привычка подавать себя, а словарный запас имеет тенденцию к обеднению. Кроме того, исследование Ю.В.Колос показало, что повышенная ситуативная тревожность, характерная в большей степени для женщин, чем для мужчин, снижает самопринятие, влияя, таким образом, на уровень самоактуализации, а в отношениях с детьми женщина-мать часто сталкивается с ситуациями тревожности и неуверенности в правильности своих поступков.

Про такой параметр самоактуализации, как контактность, говорит и Е.Б.Мамонова, которая рассматривает возможности самоактуализации молодых матерей с одним ребенком и матерей с большим количеством детей. В процессе исследования Е.Б.Мамонова пришла к выводу, что матери с большим опытом родительства (имеющие более одного ребенка) проявляют больше самоуважения, но при этом менее склонны идти на контакт с другими и имеют более низкий уровень креативности, чем матери с одним ребенком [Мамонова, 2019]. Мы, вслед за Е.Б. Мамоновой, предполагаем, что причиной более низкого уровня креативности и общительности может быть более ограниченный временной ресурс и накопившаяся усталость. Вероятно,

отсутствие постоянного общения вне малого социума семьи также играет роль в снижении контактности женщин-матерей. Интересно, что у молодых матерей с одним ребенком (то есть у женщин-матерей с меньшим опытом родительства) уровень принятия своей агрессивности меньше, чем у матерей с большим опытом родительства [Мамонова, 2019]. Данный показатель коррелирует с более низким уровнем самоуважения у матерей с одним ребенком. Вероятно, уровень самопринятия у таких матерей тоже более низкий.

Интересные результаты показало и исследование И.А.Курочкиной, в центре внимания которого также были гендерные аспекты самоактуализации. Эмпирическое исследование выявило, что в мужской группе такие показатели шкалы «смыслжизненная ориентация», как «цели в жизни» и «локус-контроль жизни» выше, чем в женской группе, в то же время показатель «процесс», описывающий эмоциональную составляющую жизни, у мужчин выражен меньше, чем у женщин [Курочкина, 2015]. Данный результат подтверждает выводы Ю.В.Колос о том, что эмоциональная составляющая в большей степени влияет на самоактуализацию женщин, чем на самоактуализацию мужчин [Колос, 2013].

Таким образом, в то время как мужчины (для которых, согласно исследованию И.А.Курочкиной, характерны более высокие уровни автономности и независимости в суждениях [Курочкина, 2015]) направлены на достижение результата, женщины больше направлены на процесс, им важнее не «что», а «как». Примечательно, что респонденты как мужской, так и женской группы принадлежали к группе «непрерывно обучающихся» и проходили обучение на курсах повышения квалификации, однако в данном исследовании, вероятно, не учитывалась мотивация респондентов. Нам представляется вероятным, что и мужчины, и женщины стремились стать более конкурентоспособными в своей профессиональной деятельности, однако мотивы могли быть разными - если мужчины могли прийти на обучение с целью достичь новых «вершин» в профессии и продвинуться по карьерной лестнице, о чем свидетельствуют высокие показатели параметров «автономность» и «цели в жизни»), то для женщин более важным мог оказаться познавательный мотив, поскольку в женской группе показатели «Потребность в познании» и «Стремление к творчеству или креативность» оказались выше, чем в мужской группе [Курочкина, 2015].

Внимание исследователей привлекает не только то, какие именно параметры самоактуализации выражены больше у женщин, а какие - у мужчин, ученые также задаются вопросом более общего характера: какой путь самоактуализации (самореализации) выбирают мужчины, а какой женщины?

Так, И.С. Рыжкова при исследовании гендерных аспектов самоактуализации личности эмпирическими методами пришла к выводу, что стремление к самоактуализации в равной степени характерно как для женщин, так и для мужчин [Рыжкова, 2020].

Е.А. Сорокоумова подчеркивает, что многие женщины выбирают семью и семейную жизнь в качестве пути самореализации: «Успех супруга и счастье детей это главное, к чему стремятся такие женщины» [Сорокоумова, 204, с.233]. Исследовательница также указывает на тот факт, что многие психологи считают материнство главной сферой самореализации женщины. Однако, как показывает практика работы с клиентами в сфере практик заботы, многие женщины-матери приходят с запросом на самоактуализацию (самореализацию) вне малого социума семьи, что может свидетельствовать об определенных изменениях в аксиосфере женщин-матерей. Возможно, супружество и материнство, хоть и являются важными сферами самореализации (самоактуализации) женщины-матери, в актуальное время все же перестают быть единственными или, как минимум, доминирующими. Возможно, это связано еще и с тем, что женщины-матери сейчас в целом “старше” и приходят в материнство позже, чем это было еще 20-30 лет назад.

В пользу этого предположения говорят и результаты, полученные Е.В.Лодкиной. Е.В.Лодкина провела эмпирическое исследование, в центре внимания которого стояли особенности самореализации современной женщины. Все женщины-респондентки были замужними и имели детей, то есть, в данном случае, речь шла исключительно о женщинах-матерях. Половину исследовательской группы составляли работающие женщины, вторую половину - домохозяйки. Результаты исследования показали, что в целом у работающих женщин (в дальнейшем: женщин-матерей) были выше следующие показатели стремления к самореализации: автономность, самопонимание, самоуважение (аутосимпатия), контактность и гибкость в общении, а также ориентация во времени. Работающие женщины-матери имели более высокий показатель осмысленности жизни, ставили перед собой больше целей в жизни и склонны были считать себя творцом своей жизни. Е.В.Лодкина предполагает, что неработающие женщины-матери в целом меньше удовлетворены жизнью, чем работающие, и больше, чем работающие, склонны полагаться на других людей и высказываемое ими мнение, в то время как работающие женщины имеют тенденцию к большей самостоятельности и автономности в суждениях и решениях [Лодкина, 2012]. Это подтверждают наши наблюдения, полученные в процессе практического коучингового сопровождения женщин-матерей: женщины-матери, уделяющие все свое время детям и семье и не имеющие возможности проявить себя и самоактуализироваться (выстроить собственный ценностно-смысловой универсум и реализовать значимые для себя ценности) вне малого социума семьи, часто жалуются на апатию, ощущение потерянности и пребывания в “ловушке” материнства, склонны мало ценить себя и свой труд на благо семьи и предъявляют повышенные требования как к себе, так и к окружающим (в том числе к мужу и детям). Е.А.Сорокоумова предполагает, что женщина-мать может самореализоваться и в малом социуме семьи, посвящая время своему саморазвитию и обучаясь, к примеру, рисованию или музыке вместе с детьми [Сорокоумова, 2014]. Мы не отрицаем, что такой путь самореализации возможен и даже может быть желанен для некоторого

процента женщин-матерей, однако мы рискнем предположить, что все больше женщин предпочитают самоактуализироваться не только в малом социуме семьи, но и за его пределами. Возможно, это связано с историческими изменениями, затрагивающими как политическую и социальную сторону жизни, так и сам институт семьи со всеми его внутренними процессами. Если во времена Советского Союза женщины вынуждены были работать и у них просто не было возможности посвятить себя семье, то в начале 21 века у женщин такая возможность появилась и многие выбрали именно ее. Однако сейчас, по нашим наблюдениям, женщинам-матерям часто становится “тесно” в рамках семьи. В то же время, выход на работу и самоактуализация в профессиональной сфере оказывается сопряжена с определенными трудностями: среди прочих стоит отметить такие вызовы, как ролевой конфликт и неумение “совмещать несовместимое”, и, как следствие, - чувство вины перед детьми и мужем, склонность к перфекционизму, который может привести к напряжению как в профессиональной сфере, так и в семье и др.. Вероятно, это может быть связано в том числе с тем, что женщина-мать не всегда выбирает профессиональную сферу из стремления к самоактуализации.

Так, Л.Б.Козьмина указывает, что большая часть россиянок зрелого возраста работает ради денег, у чуть меньшей части женщин главной мотивацией для выхода на работу является желание быть в коллективе, а мотив интереса к профессиональной деятельности расположен лишь на третьем месте [Козьмина, 2016]. При этом нам представляется интересным тот факт, что работающие женщины удовлетворены браком в большей степени, чем неработающие [Лодкина, 2012]. Вероятно, это связано с возможностью выйти за пределы малого социума семьи и самоактуализироваться в сфере, где меньше рутины и повторяемости, часто характерной для каждодневного труда на благо семьи. Также в ходе проведенного эмпирического исследования Е.В.Лодкина выявила, что работающие женщины-матери отличаются более высокой эмоциональной устойчивостью и смелостью [Лодкина, 2012]. Можно предположить, что возможность постановки целей и их достижения приносят работающим женщинам-матерям определенное удовлетворение, которое, в свою очередь, позволяет спокойнее относиться к “мелким неурядицам”, неизбежным в любой семье.

В этом контексте интересно исследование Е.А.Кедровой, которая рассматривает самореализацию замужних женщин в связи с различным социально-психологическим климатом в семье и приходит к выводу, что женщины, замужнюю жизнь которых можно охарактеризовать как благополучную, а социально-психологический климат в семье как благоприятный, имеют более высокий уровень принятия себя и склонны больше принимать на себя ответственность за свою жизнь. В то же время замужние женщины, находящиеся в неблагоприятном социально-психологическом климате, склонны меньше доверять себе и своей способности контролировать свою жизнь. В целом замужние женщины,

живущие в благоприятном социально-психологическом климате, не только характеризуются более высоким уровнем самоактуализации (самореализации), но имеют тенденцию к тому, чтобы воспринимать самореализацию как высший смысл своей жизни [Кедрярова, 2018]. Очевидно, что у таких женщин, в отличие от женщин, живущих в «неблагоприятном» семейном климате, удовлетворены базовые потребности (по А.Маслоу), такие как потребность в безопасности, в любви, в принадлежности и другие [Кедрярова, 2018]. Однако нам также представляется вероятным, что возможность самоактуализироваться в социуме (в данном случае в профессиональной деятельности) благоприятно влияет на самопринятие и автономность женщин-матерей, дает им возможность “переключиться” и “отдохнуть” от рутинных действий, связанных с бытом и уходом за детьми, что, в свою очередь, влияет позитивно на социально-психологический климат в семье. В то же время, женщина-мать, не имеющая возможности реализовать свой потенциал в полной мере, может быть склонна к эмоциональной неуравновешенности и неуверенности в себе и своих силах, что может повлиять негативно на социально-психологический климат в семье.

Мы предполагаем, что самоактуализация женщины-матери возможна не только в профессиональной сфере или в сфере семьи, как принято было считать раньше. Для женщины-матери актуального времени открыто больше дорог, чем было у предыдущего поколения. Дихотомия “работа - дом/семья” устаревает. Если во времена Советского Союза женщина должна была работать, а в начале 21-го века могла либо работать, либо быть домохозяйкой, то сейчас женщина-мать может проявить себя и раскрыть свой потенциал в том числе через участие в различных волонтерских проектах, работая неполный рабочий день или выбирая самозанятость, которая позволяет ей не “разрываться” между семьей и работой. Следует отметить, что мы не считаем, что женщина-мать должна всю жизнь самоактуализироваться именно таким образом. Мы допускаем, что неполная рабочая занятость или участие в различных волонтерских проектах могут оказаться проблематичными в связи с возможностью возникновения социальной незащищенности женщины-матери. Однако рассматривая самоактуализацию как процесс, длящийся всю жизнь и развивающийся по расширяющейся спирали (вслед за Е.Н.Сорокиной [Сорокина, 2021]), мы предполагаем, что на определенном этапе жизни подобная занятость может оказаться для женщины-матери предпочтительнее самоактуализации исключительно в малом социуме семьи.

С одной стороны, женщина-мать получила сейчас возможность выбора, с другой стороны - подобный выбор может быть сопряжен с определенными трудностями, однако в данном случае мы предполагаем, что сосредоточенность на решении задачи, в противовес восприятию данного выбора как проблемы, может сама по себе уже способствовать самоактуализации женщины-матери, поскольку умение ставить себе цели и

решать задачи являются характеристиками самоактуализирующейся личности.

В связи со всем вышеперечисленным мы предлагаем ввести термин “социальная самоактуализация” для обозначения процесса выстраивания собственного ценностно-смыслового универсума и полного раскрытия своего потенциала в социальной сфере, которое включает в себя, но не ограничивается профессиональной самореализацией.

Выводы:

1. Мы, вслед за Е.Н.Сорокиной, предлагаем рассматривать самоактуализацию как процесс, длящийся всю жизнь, развитие которого идет не линейно, а по расширяющейся спирали; с каждым новым “витком” человек самоактуализирующийся раскрывает все новые грани своего потенциала, приходя ко все большему пониманию себя и своих целей и ценностей. Мы предполагаем, что самореализация является частью процесса самоактуализации, при которой человек проявляет “во внешнем мире” найденные и принятые (“присвоенные”) на более раннем этапе жизни (и, соответственно, процесса самоактуализации) различные аспекты собственного ценностно-смыслового универсума (понимание, кто он такой, что он может и желает дать миру, какие ценности для него важны и как он желает их проявлять и др.)
2. Стремление к самоактуализации присуще в равной степени как мужчинам, так и женщинам.
3. Традиционные ценности, такие, как забота о благополучии мужа и детей, могут по-прежнему быть частью аксиосферы современной женщины-матери, однако опыт практической работы по коучинговому сопровождению клиентов (женщин-матерей) показывает, что все чаще женщины-матери приходят с запросом на поиск себя и своего места в жизни, то есть на самоактуализацию.
4. Работающие женщины в общем и работающие женщины-матери в частности могут прийти к большей степени самоактуализации. Однако дихотомия “работа -семья” в актуальное время все больше устаревает, и в настоящий момент для женщины-матери на определенном этапе жизни открываются другие возможные сферы самоактуализации, помимо профессиональной сферы и сферы семьи: к примеру, участие в работе волонтерских проектах, частичная занятость и самозанятость. Мы признаем недостаточную степень социальной защищенности самозанятых, а также наличие финансовых трудностей, сопряженных с неоплачиваемой волонтерской деятельностью. Тем не менее, принимая во внимание важность выстраивания ценностно-смыслового универсума как элемента процесса самоактуализации, мы полагаем, что на определенном этапе материнства такая деятельность может способствовать психологическому благополучию и социальной самоактуализации женщины-матери.
5. Мы предлагаем ввести термин “социальная самоактуализация” для обозначения процесса выстраивания собственного ценностно-

смыслового универсума и полного раскрытия своего потенциала в социальной сфере, которое включает в себя, но не ограничивается профессиональной самореализацией.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни - М.: Мысль, 1991, - 299 с.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1977, - 380 с.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Пер. О. А. Печенкина. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 209 с
4. Зинченко, Е. В. Особенности самоактуализации одиноких и неодиноких матерей / Е. В. Зинченко, И. А. Рудя // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – № 4. – С. 190-194.
5. Кедярова, Е. А. Самореализация замужних женщин с различным социально-психологическим климатом в семье / Е. А. Кедярова, Д. С. Савенко // Проблемы теории и практики современной психологии : Материалы XVII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Иркутск, 26–27 апреля 2018 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 283-285.
6. Козлов, В.В. Интенсивные интегративные психотехнологии. Теория. Практика. Эксперимент. – М.: МАПН, 1998. - 427 с.
7. Козьмина, Л. Б. Психологическое благополучие работающих женщин разных возрастных групп / Л. Б. Козьмина // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 12. – С. 249-253.
8. Колос, Ю. В. Взаимосвязь самоактуализации и эмоционально-личностных характеристик у студентов / Ю. В. Колос, М. В. Данилова // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 115-122.
9. Кудинов, С. И. Полисистемный подход исследования самореализации личности // Сибирский педагогический журнал. 2007. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polisistemnyu-podhod-issledovaniya-samorealizatsii-lichnosti> (дата обращения: 04.02.2022).
10. Курочкина, И. А. Особенности проявления самоактуализации личности: гендерный аспект / И. А. Курочкина // Горизонты зрелости : Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития, Москва, 16–18 ноября 2015 года / Редакторы: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. – С. 73-77.
11. Лодкина, Е. В. Особенности самореализации современной женщины / Е. В. Лодкина, Л. А. Шевченко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2012. – № 3(9). – С. 88-100.

12. Мамонова, Е. Б. Возможности самоактуализации молодых матерей с разным опытом родительства / Е. Б. Мамонова, Е. В. Сидорина, М. Б. Батюта // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-4. – С. 304-307.
13. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики: пер. с англ. – СПб.:Изд.гр. «Евразия», 1997.
14. Овчаренко, Н. В. Сравнительный анализ понятий "самореализация" и "самоактуализация" как составляющих категориального аппарата философии образования / Н. В. Овчаренко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3-3(53). – С. 141-144.
15. Пискарев, П. М. Человек метамодерна / П. М. Пискарев // Актуальные проблемы психологического знания. – 2019. – № 3-4(52). – С. 48-63.
16. Рыжкова, И. С. Гендерные аспекты самоактуализации личности / И. С. Рыжкова, И. В. Власюк // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 5-5(61). – С. 104-108.
17. Сорокина, Е. Н. Коучинг материнской сферы женщины-матери актуального времени. - Дисс... докт. психол. наук: 19.00.01. - Ярославль, 2021. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://intumama.ru/wp-content/uploads/2021/08/Tekst-Dissertatsii-Sorokina-E.N..docx>
18. Сорокоумова, Е. А. Мотивация самореализации женщин в семье / Е. А. Сорокоумова, М. О. Вахрушина // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 231-237.
19. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 390 с.
20. Холл, С.К., Линдсей, Г. Теории личности / пер. И.Б.Гриншпун. М.: «КСП+». 1997. 720 с.

Мазилов В.А.

СУДЬБА НАУЧНОЙ ПСИХОЛОГИИ В XXI СТОЛЕТИИ: ВРЕМЯ И БРЕМЯ ВЫБОРА

Аннотация. Сегодня можно смело констатировать, что для психологии как науки в новом столетии наступили далеко не лучшие времена. Психология, как хорошо известно, декларативно заявила во второй половине XIX столетия устами Вильгельма Вундта о независимости от философии и начала свое существование как самостоятельная наука. Декларация была в значительной степени преждевременной, не вполне подготовленной, но была принята научным сообществом. Понять мотивы легко – душевные явления оставались

до тех пор вне научного исследования, декларация означала кардинальное изменение положения, что полностью соответствовало «веку науки». Однако поспешное выделение психологии в самостоятельную научную дисциплину, заявленное В.Вундтом, имело и немалые издержки. Главный недостаток состоял в том, что предмет физиологической психологии (которая и была объявлена наукой) был определен узко-аналитически как непосредственный опыт. У Вундта были многочисленные сторонники, но было и много оппонентов. Можно смело утверждать, что возникновение различных направлений в психологии, включая «основные школы» в психологии, произошло под влиянием идей Вундта. Как правило, новые направления полемизируют с Вундтом, указывая на его упущения, и заявляют свой, новый предмет исследования. Полемизируя с Вундтом относительно содержания предмета, они сохраняют узко-аналитический принцип его выделения. История научной психологии таким образом становится множеством новых подходов, фактически не соотнесенных между собой. Иными словами, множится число конкурирующих подходов, но не решается задача накопления психологического знания. Причина понятна – проводя исследования на узко-предметном материале, результаты распространяются исследователями на декларативный предмет. Более того, такая стратегия исследования была канонизирована как анализ «по единицам». Утверждается, что современной психологии необходим переход к другому способу задания предмета. Констатируется, что узко-аналитический подход к конструированию предмета, доминировавший в психологии на протяжении последних полутора веков, себя не оправдал. Предпринята попытка сформулировать альтернативный подход к решению проблемы предмета, когда предлагается исходить из понимания предмета психологии как совокупного. Прогресс любой науки – психология не исключение – состоит в кумулировании, накоплении, обобщении, интеграции добытого знания. Именно этого не происходит в необходимой степени в современной психологии, которая продолжает множить альтернативные подходы к исследованию, что не позволяет реально перейти в сколь-нибудь существенных масштабах к накоплению и интеграции научных знаний. Природа психологического знания такова, что в настоящее время научная психология продуцирует лишь частные теории, которые принимаются за общие. Поэтому – на пути к потенциальной общей теории какого-то психического явления – необходим скрупулезный анализ и выстраивание теорий для группы, класса явлений и т.д. Сегодня в психологии фактически нет общих теорий (концепций), поскольку все они созданы на ограниченном эмпирическом материале на основе *неявных допущений*, определивших по сути характер концепции. Поэтому требуется специальная и достаточно кропотливая работа по постепенному расширению концепции явления путем соотнесения с другими концепциями того же явления, имеющими в основе другие допущения.

Ключевые слова: психология, научная психология, предмет науки, объяснение, анализ по единицам, внутренний мир человека, интеграция знания

Annotation. Today we can safely state that for psychology as a science in the new century, far from the best times have come. Psychology, as is well known, declared declaratively in the second half of the 19th century, through the mouth of Wilhelm Wundt, its independence from philosophy and began its existence as an independent science. The declaration was largely premature, not fully prepared, but was accepted by the scientific community. It is easy to understand the motives - mental phenomena remained until then outside of scientific research, the declaration meant a radical change in the situation, which fully corresponded to the "age of science." However, the hasty separation of psychology into an independent scientific discipline, declared by W. Wundt, also had considerable costs. The main drawback was that the subject of physiological psychology (which was declared a science) was defined narrowly analytically as direct experience. Wundt had numerous supporters, but also many opponents. We can safely say that the emergence of various trends in psychology, including the "main schools" in psychology, occurred under the influence of Wundt's ideas. As a rule, new directions argue with Wundt, pointing out his omissions, and declare their own, new subject of research. Arguing with Wundt regarding the content of the subject, they retain the narrowly analytical principle of its selection. The history of psychology thus becomes a multitude of new approaches, not actually correlated with each other. In other words, the number of competing approaches is multiplying, but the problem of accumulating psychological knowledge is not being solved. The reason is clear - when conducting research on a narrow subject material, the results are extended to a declarative subject. Moreover, such a research strategy has been canonized as analysis "by units". It is argued that modern psychology needs a transition to a different way of specifying the subject. It is stated that the narrowly analytical approach to the design of the subject, which has dominated psychology over the past century and a half, has not justified itself. The article undertakes a brief historical digression, convincing of the unproductiveness of the analytical approach in solving the problem of the subject. An attempt is made to formulate an alternative approach to solving the problem of the subject, when it is proposed to proceed from the understanding of the subject of psychology as a cumulative one. The progress of any science - psychology is no exception - consists in cumulating, accumulating, generalizing, integrating the acquired knowledge. This is exactly what is not happening in modern psychology, which continues to multiply alternative approaches to research, which does not allow a real transition on any significant scale to the accumulation and integration of scientific knowledge. The nature of psychological knowledge is such that at present scientific psychology produces only particular theories that are taken as general. Therefore, on the way to a potential general theory of some mental phenomenon, a rigorous analysis and building theories for a group, class of phenomena, etc. is necessary. Today, in psychology, there are actually no general theories (concepts), since all of them are created on the basis of limited empirical

material based on implicit assumptions that essentially determined the nature of the concept. Therefore, special and rather painstaking work is required to gradually expand the concept of the phenomenon by correlating it with other concepts of the same phenomenon based on other assumptions.

Keywords: psychology, scientific psychology, subject of science, explanation, analysis by units, human inner world, knowledge integration

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 19-29-07156.

Введение

Начну с комментария к названию статьи. Конечно, говорить о *судьбе* всей психологической науки в формате статьи нескромно и не вполне прилично, так что возможные обвинения в легковесности имеют право на существование. Однако нельзя не признать того, что современная психология вплотную подошла к той черте, за которой вполне вероятно ее исчезновение как *фундаментальной науки*. Если это к несчастью произойдет, то пресечется традиция, заложенная Гераклитом, Платоном и Аристотелем, исчезнет наука о наиболее «возвышенном», «совершенном» и «удивительном», как писал в трактате «О душе» Великий Стагирит [2]. Будет чрезвычайно обидно, если это произойдет при попустительстве и безразличии психологов, психологического сообщества. Особый трагизм ситуации видится в том, что что-либо изменить в данном направлении можно только *коллективными, совместными* усилиями всего психологического сообщества. Активность самих психологов – необходимое условие изменения сложившейся ситуации.

Понятно, что проблематика исследований психических явлений вряд ли исчезнет совсем – хотя бы потому, что в современной *научной картине мира и человека* без знания о психике обойтись невозможно. Тем не менее стоит заметить, что знание о психике, полученное в рамках, скажем, нейронаук или когнитивной науки – *другое знание* – и фундаментальные *психологические* вопросы при этом принципиально остаются без ответов.

Упоминание в названии «времени» и «бремени» подчеркивает, что промедление в принятии решения, как говорили древние, «смерти подобно», более отступать нельзя и некуда. Автору настоящих строк совершенно ясно – никаких простых и оригинальных решений, скоро и гарантированно приводящих к осязаемому результату, нет и пока не предвидится. «Бремя» напоминает о том, что решение это не простое, оно не указывает на панацею, напротив – ориентирует психологическое сообщество на длительную кропотливую работу, ориентированную на общее благо, возможно, в ущерб личным амбициям и устремлениям отдельных исследователей.

И – возможно наиболее важное. Вопреки революционным моделям развития науки все-же прогресс *любой науки* состоит в кумулировании, накоплении, обобщении, интеграции добытого знания. Именно этого *не происходит* в современной психологии, которая продолжает множить альтернативные подходы к исследованию психических явлений, что не

позволяет реально перейти в сколь-нибудь существенных масштабах к накоплению и интеграции научных знаний [4-6]. Как хорошо件нятно, нерешенность этого важного вопроса делает практически невозможным проведение полноценного научного объяснения [11,12].

Как будет件 показано ниже, природа психологического знания такова, что в настоящее время научная психология может продуцировать лишь частные теории, которые привычно принимаются за *общие*. Поэтому – на пути к потенциальной *общей теории* какого-то психического явления – необходимы скрупулезный анализ и выстраивание частных теорий для группы, класса явлений и попытки их соотнесения, в процессе этого анализа и сопоставления должно определиться совпадающее и различное, что поможет понять, чем именно обусловлены различия. В современной методологии психологии существует соответствующий научный аппарат [8, 12, 13]. Иными словами, требуется: 1) Площадка («матрица»), охватывающая все пространство психической реальности, на основе которой возможна какая-либо интегративная работа. Все пространство психической реальности должно быть件 представлено потому, что только выполнение этого условия позволяет охватить взаимные влияния составляющих этого целого. Специально подчеркну, что поскольку подлинной природы психики мы пока не постигли, это условие принципиально件 важно: так как должна быть представлена как целое. 2) Архитектоника психического, как свидетельствует развитие психологической мысли [16], в обязательном порядке должна иметь уровневое измерение, поскольку каждое психическое явление существует в разных уровнях. 3) Уже было件 сказано (подробнее на этом остановимся ниже, в заключительной части статьи), в психологии фактически нет общих теорий (концепций), поскольку все они созданы на ограниченном эмпирическом материале на основе *неявных допущений*, определивших по сути характер концепции. Поэтому требуется специальная и достаточно кропотливая работа по постепенному расширению концепции явления путем соотнесения с другими концепциями того же явления, имеющими в основе *другие допущения*. Подчеркну, работа трудоемкая, рассчитанная на долгий срок и не сулящая участникам личной славы, поскольку очевидно, что это *общее дело психологического сообщества*.

И, наконец, самое последнее. В ряде публикаций было件 показано, что в качестве объединяющего начала *может выступить* конструкт внутренний мир человека [18-20]. В данном направлении была проведена значительная работа, которая дала неплохие результаты, что позволило заключить, что проект жизнеспособен и прошел предварительную проверку. Так или иначе, но интеграция психологического знания необходима – без этого психология не сможет стать полноценной фундаментальной научной дисциплиной [8-10].

Ниже – с учетом оговорок сделанных в первых строках введения к настоящей статье – будут приведены некоторые соображения, выступающие в качестве комментариев к заявленному выше.

Вот уже полтора столетия психологи пишут о том, что в психологической науке имеет место методологический кризис. В какие-то моменты таких публикаций больше, в какие-то меньше. В самое последнее время количество публикаций про общий кризис заметно уменьшилось, однако это не означает исчезновения проблемы или снижения ее остроты. Как следует из публикаций, кризис в психологии так и не был преодолен. Подчеркнем: кризис имеет методологический характер. По-видимому, психологам надоело обсуждать проблему кризиса в целом – все-таки полтора столетия весьма приличный срок, поэтому изменился только лик кризиса. В настоящее время речь идет о *кризисе доверия к результатам исследований* в области психологии. Кризис заключается в том, что в современной психологии отсутствует необходимая репликация: повторные исследования, повторяющие проведенные ранее, не дают того же результата (см. [23]). Исследования, посвященные «кризису репликации» имели достаточно большой резонанс. Понятно, что такие публикации не способствуют повышению интереса к психологии и проведению психологических исследований, в частности.

Более того, в настоящее время происходит неуклонное снижение интереса к теоретическим вопросам психологии. Действительно, если в 1960-1970-е гг. в психологии наблюдался очевидный подъем, психологию именовали наукой будущего, предрекали наступление психозойской эры и т.п., то в сейчас можно скорее говорить о падении интереса к научной психологии в целом. Более того, на изучение традиционных для психологии проблемных полей активно претендуют когнитивные науки и нейронауки, которые имеют более позитивный имидж. Падение престижа научной психологии естественно сказывается на интересе к психологии в целом.

Пользуясь этим обстоятельством, психологами именуется себя разного рода «практики», причем очень часто к психологии отношения не имеющие. Научная психология к этому относится вполне безучастно.

Впрочем, престиж и авторитет психологии снижаются, это очевидно. Однако, дело обстоит еще хуже.

Уже идут разговоры о том, что, возможно, психология и не представляет собой единой науки, а скорее конгломерат различных наук о человеке. Многие так и пишут об этом, честно и открыто. Прочитав работу В.Ф.Петренко: «Поиск и обоснование релевантной для психологической науки методологической парадигмы (или парадигм) связаны еще и с тем, что расширение проблематики психологической науки, выход ее в практику и освоение новых областей приложения привели к тому, что под именем «психология» скрывается целый букет различных по объектам и методам изучения, а также по формам (для практической психологии) воздействия областей знания о человеке. Отдельные области психологии по системе понятий и методическому инструментарию ближе к родственным областям другой науки (например, социальная психология — к социологии, психофизиология — к физиологии высшей нервной деятельности), чем к ряду областей одноименной науки. Действительно, что общего — в системе

понятий и методов — между исследователем, изучающим глаз и зрение лимулиса на кафедре психофизиологии, и психотерапевтом семейной консультации, между социальным психологом, изучающим лидерство в малой группе, и нейропсихологом, разрабатывающим проблему доминантности полушарий головного мозга, или, скажем, психологом, анализирующим художественные конструкты произведения искусства, и детским психологом, изучающим младенчество? На мой взгляд, мало чего общего, кроме гордого имени — психолог. При этом отметим, что эвристичные области исследования могут возникать на стыке наук и существуют, успешно развиваясь, например, психофизика или психофармакология, однако история психологии показывает контрпродуктивность переноса методологии физики или химии в психологическую науку. Каждая область знания строит свой предмет науки, определяемый в первую очередь спецификой языка и метода этой науки. Возможно, что психология как единая наука со временем распадется на целый конгломерат наук о человеке, как в свое время из философии выделились естественные и гуманитарные науки и в их числе сама психология. Но пока процесс раздела «совместно нажитого имущества» в психологии еще не начался, на мой взгляд, правомочно обсуждать методологическую специфику ее различных областей и выделять философские основы и мировоззрение, присущие ее различным теоретическим школам и подходам» [15, с. 134-135].

Так что же — только гордое имя психолог? «Нам остается только имя: чудесный звук на долгий срок»? Однако, дело обстоит еще хуже. Уже и имя звучит не так гордо, как в былое время. Если раньше психология высоко котировалась как чрезвычайно перспективная наука, наука будущего, то сейчас заметна отчетливая тенденция к понижению ее статуса. Ныне психология сместилась в самый «низ» научной иерархии: «Как у всякого другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии — в самом низу» [17, с.17]. Не случайно, что многие психологи поспешили «перекреститься» в представителей более уважаемых ныне «когнитивной науки» или «нейронауки»...

Эту тенденцию хорошо ощущают и студенты-психологи — будущее нашей науки: если полвека назад изучающие психологию активно интересовались теоретическими проблемами, вопросами и подходами, то в последующие годы интерес к теории неуклонно падал. Вместе с тем стремительно росло желание заниматься практическими вопросами, локализующимися главным образом в области психотерапии, другими «человеко-ориентированными» практиками и иными способами личностной коррекции. Конечно, в этом можно видеть и острое желание начинающих психологов приносить практическую пользу людям, что можно только приветствовать, однако, трудно не заметить: за этим устремлением стоит желание дистанцироваться от общей теории психологии и ее «труднорешаемых» проблем. Тогда становится неизбежным вывод о больших проблемах с *идентичностью* психологии как науки, ибо де-факто

отмеченные тенденции свидетельствуют о постепенной утрате психологией статуса фундаментальной науки (во всяком случае, в восприятии существенной части ее представителей).

Констатируем: положение научной психологии и ее статус далеки от желаемого.

Немного из биографии научной психологии

Не имея возможности в рамках настоящей статьи предпринять сколь-нибудь развернутый исторический экскурс, ограничимся лишь краткими соображениями. Становление научной психологии (в данном случае мы не касаемся важной предыстории) связано, как хорошо известно, с декларацией В.Вундта, согласно которой физиологическая психология была объявлена новой областью в науке, не зависимой от философии, определены ее формальные характеристики, соответствующие кантовскому пониманию эмпирической науки. Вундт сконструировал предмет психологии, определил методы новой дисциплины и основные категории психологии как эмпирической науки, экспериментально исследующей психические явления. Декларация была в некоторой степени преждевременной, что признавал и сам Вундт. Это привело к целому ряду существенных ограничений. Не станем на них останавливаться, отметим лишь, что среди издержек было узко-аналитическое определение предмета как непосредственного опыта. Понятно, что проблемное поле научной психологии оказалось до чрезвычайности зауженным. Тем не менее декларация была принята, поскольку появление научной психологии соответствовало ожиданиям и триумфу науки, а очевидные проблемы были сочтены болезнями роста. У Вундта – создателя крупнейшей научной школы – были многочисленные сторонники, но было и много оппонентов. Можно смело утверждать, что возникновение различных направлений в психологии, включая «основные школы» в психологии, произошло под влиянием идей Вундта. Как правило, новые направления полемизируют с Вундтом, указывая на его упущения, и заявляют свой, новый предмет исследования. Полемизируя с Вундтом относительно содержания предмета, они сохраняют узко-аналитический принцип его выделения. История психологии таким образом становится множеством новых подходов, фактически не соотносенным между собой. Иными словами, множится число конкурирующих подходов, но не решается задача накопления психологического знания.

Не имея возможности останавливаться на проблеме сколь-нибудь подробно, необходимо акцентировать важнейший для темы нашей статьи момент, поскольку именно он определил традицию, характеризующую отношение к прошлому в психологической науке. Для того, чтобы обозначить, как новые теории относились к предшествующим и альтернативным, рожденным в других подходах, воспользуемся описанием А.В.Юревича. А.В.Юревич пишет: прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное

накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отменяет все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» [21, с. 5].

Можно смело констатировать, что в психологии XX столетия сформировалась устойчивая традиция исследовать конкретное и частное, а затем придавать ему статус общего. Как известно, методологическую чеканность эта традиция получила у Л.С.Выготского в формуле *анализа по единицам*. Л.С.Выготский, как известно, в рамках своего варианта научной психологии обосновал перспективность анализа по единицам, он писал в «Мышлении и речи» (1934): «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ним вопросы» [3, с.9].

Дополнительным и достаточно важным моментом, объясняющим множественность теорий и концепций одного и того же психического явления, выступает природа психологического знания. На этом вопросе необходимо остановиться специально.

Природа научного психологического знания

Понятно, что важнейшую и сложнейшую для методологии психологической науки проблему обсудить в рамках статьи просто невозможно, но упомянуть о ее значимости просто необходимо. Ясно, что познание психического отличается от познания предметов физического мира, хотя в любом процессе научного познания, конечно, имеет место некоторое моделирование. Представляется, что в сфере изучения психики есть своя явная специфика, пусть она на первый взгляд и не всегда заметна. В процессе понимания психологических явлений происходит следующее. Обратим внимание, что первоначально этот феномен был обнаружен при изучении процессов, происходящих у исследователя-психолога в процессе планирования научного исследования и представляющих собой формирование «предтеории» [7]. Позднее выяснилось, что эти феномены универсальны и возникают всегда, когда происходит понимание сложных психических явлений. Речь идет о трансформации первоначальной абстракции практически одновременно по трем направлениям: выбор

основной *идеи метода*, выбор *базовой категории*, конструирование *моделирующих представлений*.

Поясним это, тем более, что эти направления выступают (при всей симультанности этого процесса) еще и условными этапами процесса, поскольку в сконструированных моделирующих представлениях презентированы также и результаты двух предыдущих выборов – идеи и базовой категории.

Принципиально важно отметить, что отмеченные выше характеристики понимания психических явлений имеют место и в тех случаях, когда исследователь руководствуется какой-либо существующей психологической теорией или концепцией. В этом случае эти характеристики уже встроены в концепцию или теорию (на этапе ее формирования) и действуют имплицитно. Универсальность происходящего важна не только сама по себе, но и имеет значительные и далеко идущие перспективы [10, 9, 11].

Кратко опишем происходящее при понимании психического в целом и его отдельных явлений:

1. Известно, что психическое явление может проявлять себя либо в самосознании, либо в поведении. В процессе понимания выбирается один из трех возможных вариантов, определяющих «идею» предмета и метода: либо *субъективный* вариант, «от самосознания», предполагающий ориентацию на субъективный метод, либо *объективный* – «от поведения», предполагающий объективный метод, либо *комплексный* — представления таковы, что предполагают использование сочетания этих возможностей. Как представляется, уже в этом пункте заметны существенные отличия психологического познания от познания физического мира.
2. Выбирается базовая категория, задающая общую стратегию понимания рассматриваемого явления. Основные базовые категории: структура, функция, процесс, уровень, генезис (или их сочетание).
3. Конструируются (используются) собственно «моделирующие представления». Моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для понимания и объяснения. Согласно Н.Г. Алексею, моделирующие представления «обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования» [1, с. 324]. Здесь лишь хочется обратить внимание на то, что роль моделирующих представлений в понимании теории чрезвычайно велика. Если сильно упростить, можно сказать, что моделирующие представления – это та модель изучаемого явления, которую принимает исследователь и на которой верифицируются (получают подтверждения) сведения об изучаемом объекте.

Сделаем важное заключение. В свое время [7] было введено понятие декларативного, рационализованного и реального предметов

психологической науки. Не будем сейчас на этом останавливаться, но отметим, что такое разделение справедливо не только для предмета психологии, но и для предмета психологического исследования. Отмечалось, что многие авторы и исследователи ограничиваются декларативным определением предмета психологии [10-13]. Действительно, в настоящее время в отечественной психологии широко распространена точка зрения, что предметом психологии считается «психика». Поскольку это трудноопределимое понятие, в основном про предмет ритуально «приговаривают». Это представляется существенной ошибкой, как мы уже пытались показать в предыдущем разделе статьи, так как психология утрачивает свое единство, что необходимо для того, чтобы быть полноценной фундаментальной наукой.

В данной статье для нас важна констатация, согласно которой в современной психологии неразличение декларативного, рационализованного и реального предметов распространено и на собственно предмет исследования.

Постараемся показать это на примере. Предположим, что рассматривается *мышление*. Многие исследователи изучают это важнейшее психическое явление, при этом они искренне убеждены, что изучают мышление как таковое, мышление в целом. Неявно предполагается, что при этом раскрываются сущностные свойства мышления, поэтому предмет исследования во всех случаях определяется как мышление. Отметим, что используется один общий термин мышление.

Поскольку мышление как психическое явление представляет собой абстракцию, то прежде чем мышление станет предметом исследования происходит следующее.

Выбирается *идея метода*. Или предполагается использовать феноменологический метод, мышление вслух, словесные отчеты испытуемых и т.д., или же фиксировать движения взора, миограммы речевых мышц, особенности поведения, физиологические корреляты эмоций и т.д. Как уже упоминалось выше, возможно комплексное использование методов обеих (субъективной и объективной) групп.

Выбирается *базовая категория*. Предмет исследования может рассматриваться как со стороны структуры, функции, процесса, а также с позиции его генезиса и уровня организации. Как выше упоминалось, могут использоваться сочетания базовых категорий.

Наконец, *моделирующие представления*. Как отмечалось, требуется, выражаясь языком Н.Г.Алексеева, «замыкание» на некоторый образ материальных предметов, то есть «неуловимое» мышление должно предстать в каком-то более осязаемом обличье. История психологии свидетельствует, что вариантов было очень много. В XIX столетии это "полипняк образов", то есть соединение представлений (по И.Тэну); направленное течение представлений; рассуждение, ориентированное на достижение цели и т.д. [7]. В Вюрцбургской школе впервые появляется такое моделирующее

представление как решение задачи, которое в дальнейшем заняло доминирующие позиции в научных исследованиях мышления.

Однако изобретение задачи не способствовало унификации, так как задач оказалось великое множество: это и механические головоломки, и прохождение лабиринта, и задачи стандартные, и задачи, требующие догадки... Задачи, требующие специальных знаний (математические, физические, химические и т.д.) и задачи, таковых не требующие.

Понятно, различные задачи связаны с различными базовыми категориями, различными методами. Специальные исследования такую связь подтверждают [7]. Выбор всегда осуществляется так, чтобы подтвердилось исходное предположение, заложенное в предтеории.

Как представляется, из сказанного выше ясно, что сочетания *моделирующих представлений, базовых категорий и идей метода* приводят в результате проведенного исследования к формулированию *множества различных теорий или концепций* (в зависимости от степени категоричности автора). Самое печальное в этой ситуации, на наш взгляд, то, что авторы, не уделяя традиционно должного внимания методологическому анализу, позиционируют свои научные результаты как *теории мышления вообще*, тогда как они таковыми не являются, ибо получены на конкретном специфическом материале и с различными допущениями. То есть в самом лучшем случае это лишь *парциальная* теория мышления, но никак не общая. Если к сказанному добавить распространенное заблуждение, согласно которому теории *несоизмеримы*, то мы получаем набор психологических теорий мышления, не соотнесенных между собой и претендующих на статус теорий мышления в целом. Отметим только, что нам представляется, что теории все же соизмеримы (см. об этом [12]).

Как можно полагать, из этой ситуации, выглядящей полноценно тупиковой, все же есть выход. Если продолжать говорить о *мышлении*, которое мы взяли в качестве примера, то необходимо в первую очередь разработать полную классификацию мыслительных задач, которые используются в качестве моделирующей представлений. Созданные теории необходимо рассматривать именно как *парциальные*. Соотносить их возможно, используя процедуры, предусмотренные коммуникативной методологией [12]. Однако, стоит предупредить, что это отдельная и весьма кропотливая работа.

Психология: стратегия выживания

Природа психологического знания, как мы пытались выше показать, такова, что в настоящее время научная психология может продуцировать лишь частные теории, которые привычно принимаются за *общие*. Поэтому – на пути к потенциальной более *общей теории* какого-то психического явления – необходимы скрупулезный анализ и выстраивание частных теорий для группы, класса явлений и попытки их соотнесения, в процессе этого анализа и сопоставления должно определиться совпадающее и различное, что поможет понять, чем именно обусловлены различия. В современной

методологии психологии существует соответствующий научный аппарат [12-14].

Отметим, что соотнесение, о котором было упомянуто выше, предполагает выполнение некоторых основных условий.

Остановимся на этом более подробно.

Необходимо обратиться к категории предмет психологии, при этом нужно проследить, чтобы предмет как центральная категория методологии психологии выполнял свои функции и имел соответствующие характеристики.

Предмет психологии должен быть сконструирован не узко-аналитическим способом, а синтетическим.

До тех пор, пока психология не будет готова приступить к объяснению *природы психического*, надо исходить из предмета в целом, то есть охватывающего *всю психику человека в совокупности*. Это означает, что предметом должен быть именно *совокупный предмет*. Все пространство психической реальности должно быть представлено потому, что только выполнение этого условия позволяет охватить взаимные влияния составляющих этого целого. В рамках совокупного предмета как целого должна быть переосмыслена роль основных составляющих предмета. Это требуется для того, чтобы уточнить роль каждого входящего в структуру предмета явления и уточнить его роль с точки зрения целого.

Уточнение роли каждого компонента, входящего в структуру предмета, позволит и поможет создать архитектуру психического, которая необходимо должна иметь уровневое измерение, поскольку каждый компонент структуры психического существует и может функционировать в разных уровнях.

В психологии фактически нет общих теорий (концепций), поскольку все они созданы на ограниченном эмпирическом материале на основе *неявных допущений*, определивших по сути характер концепции. Поэтому требуется специальная и достаточно кропотливая работа по постепенному расширению концепции явления путем соотнесения с другими концепциями того же явления, имеющими в основе *другие допущения*. Подчеркну, работа трудоемкая, рассчитанная на долгий срок и не сулящая участникам личной славы, поскольку очевидно, что это *общее дело психологического сообщества*.

Заключение

Итак, повторим, что для выживания психологической науки в современных непростых условиях, требуется, согласно вышепредставленному эскизу, выполнение некоторых условий. Для достижения поставленных целей и создания необходимых условий требуется направленная работа научного психологического сообщества. Как уже было сказано, работа трудоемкая, рассчитанная на долгий срок и не сулящая участникам личной славы, поскольку очевидно, что это *общее дело психологического сообщества*.

И, наконец, самое последнее. В ряде публикаций было показано, что в качестве объединяющего начала *может выступить* конструкт внутренний мир человека [10-14, 18-20]. Использование авторами конструкта внутренний мир человека никоим образом не означает попытки подчинить психологию *новому авторскому подходу*. Этот конструкт был выбран исключительно потому, что, по свидетельству У.Джемса, в наличии внутреннего мира человека никто серьезно *не сомневался*. В основу работы психологического сообщества по сохранению психологией статуса фундаментальной научной дисциплины должно быть положено то, что *не вызывает больших разногласий*. Если на эту роль будет предложен другой, более подходящий конструкт, он будет незамедлительно принят и поддержан. Могу сказать только одно: другого пути для разрешения беспрецедентно сложной ситуации, связанной с угрозой утраты психологией статуса фундаментальной науки, в настоящее время не просматривается.

Литература

1. Алексеев Н.Г. О психологических методах изучения творчества / Н.Г.Алексеев, Э.Г.Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М.Г.Ярошевского. Москва : Наука, 1971. С. 151-203
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. – 550 с
3. Выготский, Л.С. Мышление и речь. М., 1934. 344 с.
4. Козлов В.В. Актуальные вопросы интеграции психологии // ЧФ. Социальный психолог. - 2019. - № 1 (37). С.58-68.
5. Козлов В.В. Интеграция психологии: мифы и реальность // Методология современной психологии. 2018. № 8. С. 143-154.
6. Козлов В.В. Интегративная парадигма психологии: десять лет спустя// Человеческий фактор: Социальный психолог. 2017. № 2 (34). С. 57-65.
7. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
8. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
9. Мазиллов В.А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал Том 41. № 3, 2020а. С.122-130
10. Мазиллов В.А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии, №1, 2020б, С.71-83
11. Мазиллов В.А. Психология в борьбе за существование // Методология современной психологии. Вып. 13 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2021, с. 259-287
12. Мазиллов В.А. Предмет психологии. Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020е. 186 с.
13. Мазиллов В.А. Психологическая наука в «строительных лесах» // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 23–43.
14. Мазиллов В.А. Психологи и время // Человеческий фактор:

- Социальный психолог. 2021. № 1 (41). С. 258-279
15. Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / Петренко В.Ф. — М.: Новый хронограф, 2009. — 440 с.
 16. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ. — 1977. 80 с
 17. Фрит, К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 335 с.
 18. Шадриков В.Д. Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006. 386 с.;
 19. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019. 274 с.;
 20. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 411 с.
 21. Юревич А.В. Психология в современном обществе // Психологический журнал, № 6, т.29, 2008, с. 5-14
 22. Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie// Ges. Werke. Bd.8, 1967, S.418-423.
 23. Schmidt F.L. , Oh I.-S. The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? //Archives of Scientific Psychology 2016, 4, 32–37

Нагдян Р.М.

**ПОРОЖДЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО -
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ**

В статье показывается ограниченность гносеологического и онтологического подходов в изучении принципов порождения психического отражения. Указывается на то, что поиск этих принципов проводится, согласно трансцендентальной парадигме, за пределами реальности психических феноменов. В статье подчеркивается также, что как трансцендентальная психология восприятия, так и проблема порождения психического остались вне поля внимания методологов психологическо(го сообщества.

Ключевые слова: порождающий процесс, гносеологическая парадигма, онтологическая парадигма, трансцендентальная психология, метафизика.

The paper shows the limitations of the epistemological and ontological approaches to the study of the principles of mental reflection generation. It is pointed out that the search for these principles is conducted, according to transcendental paradigm, outside the reality of psycho/mental phenomena. The article also emphasizes that the transcendental psychology of perception and

problem of the generation of mentality stayed out of attention the psychological community.

Keywords: parent process, epistemological paradigm, the ontological paradigm, transcendental psychology, metaphysics.

В современной психологии есть ряд не решенных фундаментальных проблем. Среди них можно выделить наиболее важные: 1) как происходит отражение или восприятие окружающего мира; 2) насколько их результат совпадает с действительностью; 3) как нужно исследовать психику человека или можно ли исследовать психическое психическим; 4) как возникает психика; 5) каков способ её онтологического существования [Нагдян, 2022, с. 7]. В своей совокупности решение этих вопросов приближает нас к раскрытию содержания понятия «психика», то есть к определению предмета науки психологии. Более подробно остановимся на вопросе о возникновении психики или психического.

Как известно, систематическое экспериментальное изучение психических явлений началось с известных исследований Г. Фехнера [Fechner, 1860], в которых выявлялись закономерности отношений между интенсивностью воздействующих на органы восприятия человека стимулов и вызванных ими ощущениями. Структура подобных исследовательских задач приводит к выявлению объектно-субъектных соотношений (что послужило примером для организации последующих исследований в развивающейся психологии) и характеризует, так называемую, гносеологическую (классическую) парадигму исследования процесса восприятия, как следствие реализации классического идеала рациональности [Нагдян, 2018; Нагдян, 2020]. С осознанием многомерности как объекта, так и субъекта, а также взаимовлияния субъекта на объект и обратно, начинается формирование нового подхода в исследовании восприятия, названного онтологическим [Барабанщиков, 2009].

Однако, как в гносеологическом, так и в онтологическом подходах исследования процесса восприятия строились на основе субъектно-объектных отношений и в соответствующих им понятиях. В этих подходах вопрос о порождении психического образа не ставился и был заменен исследованием системно-генетических закономерностей формирования перцептивного образа (В.А. Барабанщиков). Причины такого положения дел понятны. Они обусловлены в основном двумя факторами: во-первых, тем, что процесс порождения не наблюдаем и не осознаваем, во-вторых, при попытке исследовать порождающий процесс восприятия он начинает выступать в ролях одновременно объекта и средства познания, что приводит к парадоксу, потому что наблюдаемое не может наблюдать самого себя. И действительно, объект предстает перед исследователем в совокупности своих, уже отраженных, свойств и качеств, поэтому, используя обозначающие их понятия, невозможно «проникнуть» в процесс, приводящий к порождению

этих же свойств и качеств. Возникает необходимость в поиске нового исследовательского проекта, новой парадигмы, позволяющей преодолеть ограничения продуктного (феноменологического) подхода.

Такой исследовательский проект в 1987 г. был предложен А.И. Миракяном в его докторской диссертации [Миракян, 1987], защищенной в Психологическом институте РАО, где он руководил лабораторией моделирования психических процессов. В своем подходе А.И. Миракян при поиске принципов порождения психического отражения отказывается от применения понятий, описывающих феноменологию психических явлений, и сосредотачивает свое внимание на изучении природных принципов порождения, существующих в развивающейся материи. Предположение о существовании системы таких принципов позволило А.И. Миракяну создать концепцию трансцендентальной психологии восприятия, в русле которой его последователями были проведены многочисленные теоретические и экспериментальные исследования [Артеменков, 2010; Козлов, 2010; Морина, 2010; Панов, 2014; Погосян, 2010; Шукова, 2013 и др.], диссертационные в том числе. Нами было показано, что способ мышления и метод теоретического анализа основателя трансцендентального подхода соответствует философским метафизическим рассуждениям, имея в виду метафизику в аристотелевском смысле [Нагдян, 2017; Нагдян, 2018].

Необходимость в применении метафизических рассуждений возникает при разрешении парадокса, с которым сталкивается психолог, выбирая в качестве предмета познания или исследования процесс порождения психического феномена. Парадокс состоит в том, что для исследования порождающего процесса исследователь должен «иметь», как эксплицитно данное, перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за пределами процесса порождения, взаимодействующего с ним. «запускающего» соответствующий процесс порождения. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя и, следовательно, воспроизвести, выявить и познать самого себя, он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о возможности его существования. Поэтому полиредукционистский подход к изучению процесса порождения психического, так же основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход (редукционистский) выявляет и учитывает многообразие всевозможных *причин и условий существования* того, что обозначено в форме результата, продукта психического, но не в состоянии определить концепт и исследовать сам процесс порождения, как

нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом, перцептивный образ, как объект эмпирического исследования, – это не явление (репрезентация) порождающего процесса, а это явление (следы) того трансцендентального и имплицитного нечего, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – это лишь свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, - пишет С.Л. Рубинштейн, - заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ...скрываться» [Рубинштейн, 1976, с. 305].

Исследование процесса порождения через психические феномены, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить, как о явлении, что «процесс порождения психического» или в частном случае «процесс порождения перцептивного образа» это – *априорное понятие*, стереотип нашего мышления, претендующее на аподиктическую достоверность. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано – рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?), Поэтому понятие «психический процесс», понятое не как последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а как непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование которого требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентальность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной психологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу, как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, которая содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, в том числе.

Трансцендентальный (метафизический) подход радикально отличается от всех ныне существующих подходов к изучению психики человека и поэтому вписывается в рамки методологического плюрализма, имеющего своих сторонников среди методологов психологической науки. Однако до сих пор концепция трансцендентальной психологии восприятия остается вне поля внимания методологов.

В.А. Мазиллов, анализируя состояние методологии в современной психологии, выделяет четыре класса психологических проблем: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-

психологические [Мазиллов, 2007, с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, отметим, однако, что упущен из виду еще один, важный для психологии, класс проблем. Это проблемы, связанные с вопросом о порождении психического. А.В. Карпов также указывает на важность этой проблемы: «Естественно, - пишет он, - что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, *как* именно это происходит, как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть *основной вопрос* психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако *сам факт* порождения и, соответственно, — существования субъективной реальности именно как своего рода «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений» [Карпов, 2007, с. 19]. Оценивая явление порождения как фундаментальный факт, А.В. Карпов отмечает, что он (этот факт) тем не менее часто принимается просто как данность и «не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач» [там же]. Естественно, о порождении (процессе порождения, порождающем процессе) говорили многие психологи – это тема отдельного исследования. Однако в научной литературе можно встретить лишь указания на существование этого процесса. Причем, следует обратить внимание на то, что никто из исследователей не указывает на то, что «процесс порождения», как психическое явление, это всего лишь гипотетическое (метафизическое) предположение, не поддающееся непосредственной экспериментальной проверке.

В.А. Мазиллов справедливо замечает в цитируемой работе: «Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями» [Мазиллов, 2007, с. 6], но в таком случае получается, что изучение процесса порождения выходит за пределы научного исследования.

Однако существует и другое понимание естественной науки, позволяющее подойти к решению проблемы исследования принципов процесса порождения. Еще И. Кант указывал на то, что «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» [Кант, 1966, с. 56]. Следовательно, наука состоит не только из эмпирической, но и из метафизической части, которая относится, скорее всего, к мировоззренческому аспекту науки. В качестве примера можно привести физику И. Ньютона, которая основана на метафизических предпосылках – абсолютном пространстве, абсолютном времени, инерции,

силе, причинности и т.д. Необходимо отметить, что выбор И. Ньютоном этих предпосылок не был осознанным. Эти предпосылки соответствовали особенностям мировосприятия его времени и составляли основу (классической) ньютоново-картезианской парадигмы. В то же время, выбор метафизических предпосылок науки может быть и вполне осознанным. В качестве примера можно привести работу современного физика, профессора МГУ, Ю.С. Владимирова, который здание всей теоретической физики построил на специально выбранных метафизических предпосылках [Владимиров, 2009]. А чтобы подчеркнуть особую значимость этих предпосылок для физики, свой капитальный труд он назвал не курсом теоретической физики, а – «Метафизика».

По тому же принципу была создана трансцендентальная психология порождающего процесса восприятия: интуитивно выбранные гипотетические метафизические постулаты служили платформой для создания теории, которая давала возможность экспериментальной проверки ее положений и, следовательно, исходных постулатов [Миракян, 1987].

Таким образом, из вышесказанного следует, что исследование процесса порождения психического не только возможно, но и имеет свою специфическую методологию. Однако в современной психологической науке отсутствуют систематические теоретические исследования, посвященные этой проблеме (за исключением работ А.И. Миракяна и его последователей), что приводит к появлению вопросов: почему психологи-методологи не обсуждают эту проблему? Почему проблему порождения психического методологи не ставят в виде исследовательского проекта или программы? В трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна сделана первая попытка глубокого анализа проблемы порождения и предложен один из возможных вариантов ее решения. Но до сих пор она не получила соответствующей оценки психологического сообщества – ни положительной, ни отрицательной. Даже в последнем издании учебника «Методологические основы психологии» [Корнилова, Смирнов, 2011], к сожалению, не упоминается о концепции трансцендентальной психологии, в которой предлагается новый методологический подход к изучению проблемы порождения психического. И это несмотря на то, что со времени защиты первой докторской диссертации по трансцендентальной психологии прошло 35 лет, а теоретические и экспериментальные исследования в этом направлении продолжают продолжаться, защищаются диссертации, публикуются монографии, а в 2010 и 2019 г.г. в Психологическом институте РАО состоялись международные конференции, посвященные современной и трансцендентальной психологии восприятия [А.И.Миракян..., 2010; Психология восприятия..., 2019].

Сложность или необычность сложившейся методологической ситуации, кроме того, состоит в том, что, как было показано нами [Нагдян, 2022], начальные этапы исследования принципов порождения психического связаны с необходимостью перехода из области психологии в область философии, а именно - в области (философской) метафизики и философии физики. А это

вызывает справедливое возражение у многих психологов: это не наше дело, пусть думают философы. Однако совершенно ясно, что лучше самих психологов никто не решит проблем трансцендентальной психологии.

Хочется надеяться, что последовательные попытки решения этого вопроса приведут к открытию новой главы в такой области теоретической психологии, какой является философия психологии. А в классификации семи базовых парадигм в понимании предмета психологии, предложенной В.В. Козловым [Козлов, 2007], появится еще одна – «трансцендентальная», то есть парадигма новой области знания, выходящая за пределы известных волн психологии, в которой описывается такая реальность, где существуют возможности порождения не только психического, но, может быть, и всего сущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ - СОЦИАН, 2010. – 580 с.
2. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. - М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 324-358.
3. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – Т. 2. – С. 81–101.
4. Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. - 568 с.
5. Кант И. Сочинения в шести томах, т. 6. М.: «Мысль», 1966. - 743 с.
6. Карпов А.В. Метасистемный подход к исследованию системогенетических закономерностей. Материалы III Всероссийской научно- практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности», Ярославль, изд. «Канцлер», 2007. – 312 с.
7. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007. - 528 с.
8. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции. (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «психологический институт»; Обнинск СГ - СОЦИАН, 2010. С. 90-150.
9. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: изд. Юрайт, 2011. – 450 с.

10. Мазилев В.А. Методология психологии. Ярославль, изд. МАПН, 2007. – 344 с.
11. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. док. психол. наук. М., 1987.
12. Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. - М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 150-217.
13. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ереван Лусабац, 2017. - 424 с.
14. Нагдян Р.М. Методология трансцендентальной психологии. Ереван, Лусабац, 2018. - 416 с.
15. Нагдян Р.М. Психология восприятия в контексте типов научной рациональности // Психология восприятия: трансцендентальный вектор развития: коллективная монография / под ред. Г.В. Шуковой. – М.; СПб: Нестор-История, 2020. – С. 67-112.
16. Нагдян Р.М. В поисках онтологии психического. Трансцендентальная психология. Метафизика. Физика.- Ереван, Авторское издание, 2022. - 296 с.
17. Панов В.И. Экопсихология (парадигмальный поиск). М.; СПб.: Психологический институт РАО, НЕСТОР-История, 2014. – 304 с.
18. Погосян А. К проблеме изучения реальности мышления от общего к частному // «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции. - М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ - СОЦИАН, 2010. С. 368-383.
19. Психология восприятия сегодня: парадигмы, теории, эмпирика: сб. науч. ст. / под ред. Г.В. Шуковой и В.И. Панова. М.: Акрополь, 2019. – 333 с.
20. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., «Педагогика», 1976. - 416 с.
21. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. - 127 с.
22. Fechner G. Elemente der Psychophysik, 1860.

Рожкин А.В.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ В
ПРЕДПЕНСИОННОМ ВОЗРАСТЕ. МЕСТО
ИНТЕГРАТИВНОЙ АРТТЕРАПИИ**

Аннотация

В данной статье раскрываются психологические трудности и препятствия трудоустройства специалистов предпенсионного возраста. Рассматриваются психологические ресурсы, необходимые для трудоустройства. Говорится о дискриминации по возрасту и умению её преодолевать. О проблеме занятости глазами работодателей, о необходимости показывать им свои преимущества. О формировании психологии победителя в конкурентной борьбе за рабочее место. Даются рекомендации для раскрытия трудового потенциала предпенсионеров и успешной конкуренции на рынке труда, которые помогут при трудоустройстве. Рассмотрены способы психологического сопровождения трудоустройства, в том числе методами арттерапии, методические приемы, способы применения проективного рисунка, психорисунка, спонтанного рисунка. Предпочтение рисуночных методов вызвано простотой и доступностью; возможностью расширения возрастного диапазона для оказания психологической помощи за счет работы с невербальным материалом.

Annotation

This article reveals the psychological difficulties and obstacles to the employment of specialists of pre-retirement age. Psychological resources necessary for employment are considered. It talks about age discrimination and the ability to overcome it. About the problem of employment through the eyes of employers, about the need to show them their advantages. About the formation of the psychology of the winner in the competition for the workplace. Recommendations are given for the disclosure of the labor potential of pre-retirees and successful competition in the labor market, which will help with employment. The methods of psychological support of employment, including methods of art therapy, methodological techniques, methods of using projective drawing, psychorisk, spontaneous drawing are considered. The preference for drawing methods is caused by simplicity and accessibility; the possibility of expanding the age range to provide psychological assistance by working with non-verbal material.

Ключевые слова: рынок труда квалифицированных специалистов, трудоустройство, карьера, предпенсионный возраст, психологические особенности трудоустройства, формирование психологии победителя в конкурентной борьбе за рабочее место, интегративная арттерапия.

Keywords: labor market of qualified specialists, employment, career, pre-retirement age, psychological features of employment, formation of the psychology of the winner in the competition for a workplace, integrative art therapy.

Введение

В условиях всемирного кризиса, вызванного эпидемией пандемии, продолжается сокращение рабочих мест в развитых странах, в том числе и в России. По некоторым оценкам порядка 60% предпенсионеров вынужденно не работают. Свертывание сферы производства и услуг в связи с пандемией привело к резкому сокращению рабочих мест и обострению конкуренции на рынке труда. Высокие адаптивные способности, жизненная мудрость сотрудников предпенсионного возраста становятся важным критерием их

трудоустройства и эффективной производственной деятельности. Им приходится не только осваивать новые информационные технологии, но и активизировать свои психофизиологические ресурсы для успешного решения этих задач. Целью статьи является анализ проблем трудоустройства лиц предпенсионного возраста в России и определение направлений психологической работы по решению данных проблем.

По мнению исследователей, «с дискриминацией по возрасту некоторые сотрудники сталкиваются, начиная с 45 лет. Порядка 20–25 процентов предпенсионеров могут находиться в «серой зоне», то есть, трудоустроены неофициально» [Никоненко, 2020, С. 35-42]. Возрастные ограничения при приеме на работу появляются задолго до предпенсионного возраста. Многие работодатели указывают одним из необходимых условий при приеме на работу возраст до 45 лет в рекламе вакантных мест. Это возрастное ограничение является первым фактором отказа при приеме на работу. Следует отметить, что на некоторые вакансии в рекламе прямо указано – принимаем старше 45 лет, как правило, это вакансии с низкой оплатой труда, что является особой формой дискриминации.

Как показали результаты корреляционного анализа Чистовой Е.В., на текущий момент российский рынок труда не испытывает серьезной потребности в увеличении занятости населения за счет предпенсионеров и пенсионеров. Спрос на труд пенсионеров является минимальным, что отражается в уровне их оплаты труда и отраслевой структуре занятости [Чистова, 2019, С. 155-162].

Как отмечает Козлов В.В. в своей монографии, «Мировой пандемический кризис стал крупнейшим событием человеческой цивилизации и его психологическое воздействие многократно превосходит опасность коронавируса для людей. В условиях эпидемии эмоциональные реакции и переживания людей могут включать страхи потери средств к существованию, отсутствие возможности работать в условиях изоляции, отсутствие возможности трудоустроиться, увольнение с работы» [Козлов, 2021, С. 114].

Возраст работника как фактор уязвимости в трудовом плане исследовали Васильева Ю. В., Шуралева С. В.. Они выяснили, что согласно данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ среди россиян, 79% работников продолжили бы трудиться, даже имея достаточно денег для безбедной жизни [Васильева, Шуралева, 2020, С. 550-575]. Исследование, проведенное в 2019 году вопросу о найме пожилых работников, показало, что более двух третей из 10 000 опрошенных считают пожилой возраст конкурентным недостатком. Это согласуется с данными Ассоциации американских пенсионеров (AARP), согласно которым две трети лиц в возрасте от 45 до 74 лет сталкивались с дискриминацией по возрасту. Негативные последствия дискриминации в сфере занятости для лиц предпенсионного возраста проявляются в том, что при потере работы они имеют мало шансов на последующее трудоустройство [Васильева, Шуралева, 2020, С. 550-575].

Анализ показывает, что более половины работающих пенсионеров заняты квалифицированным трудом лишь потому, что продолжают работать на прежнем рабочем месте. Оставшаяся часть после выхода на пенсию, а также оказавшись на свободном рынке труда, занимается неквалифицированным трудом. Весомым доказательством существующей в России возрастной дискриминации среди соискателей является тот факт, что заработная плата работников, достигших 45–55 лет, начинает сокращаться именно по этой причине – примерно на 15–20% в сравнении с их более молодыми коллегами [Забелина, 2018, С. 165-176.].

Сложности с поиском работы начинаются с 40-45 лет, отмечают Откидач Г.В., Ларин В.Р. Чем больше возраст, тем больше срок поиска работы. Количество приглашений на одно резюме в возрасте 45+ равно 1,8, в возрасте 18-24 года 5,5 приглашений [Откидач, Ларин, 2021, С. 190-194].

Сопоставление уровней занятости населения в возрасте 55–64 лет в России и других странах в 2017г., говорит о том, что в России самый низкий уровень занятости этой возрастной группы в сравнении со странами Большой семерки (G7). Уровень занятости лиц в возрасте 55–64 лет в России – 47,7%, во Франции – 51,4%, в Италии – 52,2%, в США – 62,5%, в Великобритании – 64% %, в Германии – 70,1%, в Японии – 73,3%. Исследования выявили негативную связь возраста и возвращения к занятости после безработицы: трудоустройство после периода безработицы особенно проблематично после 50 лет [Петровская, 2018, С. 1445–1456]. Следует иметь в виду, что спрос на работников пенсионного возраста практически отсутствует. Это либо низкие зарплаты, либо эксклюзивные профессиональные качества [Рожкин, 2021, С. 587-590], что обостряет конкуренцию за рабочее место. В середине 2019 года лишь 40% предпенсионеров были официально трудоустроены. Также за июль 2019 года большее шести миллионов предпенсионеров оказались безработными [Савченко, 2020, С. 74-76; Скрипак, Николаева, 2020, С. 81-86]. При этом наукой и научными исследованиями в нашей стране занимаются в основном люди, средний возраст которых составляет 60 лет, а значит, данная ниша занята именно возрастными работниками. Опыт работы и квалификация будут оценены работодателем только если работник постоянно поддерживал свой профессиональный уровень. Зачастую признается только актуальный опыт работы, как правило, последние десять лет [Колосницына, Клепикова, 2017. с. 69–88]. Следует учитывать, что повышение пенсионного возраста вызывает дискриминацию пожилых работников на рынке труда, и правительства ряда стран для борьбы с этим явлением разрабатывают целый комплекс мероприятий, у нас законодательно запрещено увольнять предпенсионеров. Вступивший в силу с 1 января 2021 года Федеральный закон № 407 внес изменения в трудовое законодательство, предусмотрев сохранение трудовых доходов при переходе на дистанционную работу, что очень важно в условиях пандемии. [Лобова, Маликова, 2021. С. 157-169].

Пандемия коронавируса и последовавший за ней карантин спровоцировали сначала массовый переход на удаленный формат работы, а

потом резкую смену политики в отношении кадрового вопроса для многих компаний. В текущих условиях многие работодатели приняли решение заморозить свои проекты, выжидая стабилизации ситуации [Гавришев, 2020. С. 97-100]. После нескольких месяцев стабилизации рынка труда, появлением нового штамма омикрон снова вызвало переход на удаленный формат работы и затишье на рынке труда.

Коронавирус повлиял не только на экономику и работу компаний, но и уровень безработицы, и структуру рынка труда. В мае 2020 года 45% российских работодателей заявили, что вынуждены были сокращать персонал. Увольнения весной затронули в основном сферы туризма, услуг, транспорта, торговли, финансового сектора, бухгалтеров, экономистов и юристов, а также менеджеров низшего и среднего звена. При закрытых границах ни о каком туризме не могло быть и речи, а значит, как утверждали весной в Ростуризме, на улице уже к маю оказались 1,3 млн. человек, занятых в отрасли. При сравнении первых полугодий 2018 и 2019 гг. можно отметить резкий рост численности предпенсионеров, состоящих на учете в службе занятости, к середине 2019 года [Омельченко, Антонова, Данилина, 2020. С. 89-96. 2].

Исследования, проведенные Амбаровою П.А., Зборовским Г.Е. в 2019-2020гг. в Свердловской области показали, что население «третьего возраста» в условиях глубокого экономического кризиса, усиленного влиянием коронавирусной пандемии, может стать либо активным трудовым и социальным ресурсом, либо превратиться в тяжелое обременение для общества. По оценкам экспертов, треть работающих пенсионеров в связи с невыгодными условиями индексации пенсий перешла в режим теневой занятости. Для бюджета это дало эффект, обратный ожидаемому: только в 2020 г. Пенсионный фонд России сэкономит около 400 млрд. руб. на индексации пенсий, но при этом из-за сокращения официальной занятости не получит страховых взносов на сумму не менее полутриллиона рублей. По расчетам экспертов, еще по 200 млрд. руб. из-за перехода в теневую занятость не получают другие внебюджетные фонды и бюджеты регионов и муниципалитетов. Среднее время поиска работы занимает сейчас не менее полугодя. При этом, чем выше уровень образования, тем больше возможностей найти работу. Занятые уральские пенсионеры, продолжающие трудиться на прежнем рабочем месте, работают преимущественно в государственных организациях сферы здравоохранения, образования, в учреждениях, оказывающих муниципальные и государственные услуги, в крупных производственных корпорациях, придерживающихся принципов социальной ответственности и испытывающие дефицит инженерно-технических кадров. При этом в 2017 г. потребность в специалистах высшей квалификации в общем объеме заявленных вакансий составила всего 14,5 %, в то время как доля безработных, относящихся к этой группе специалистов, достигла 25,9 %. При такой ситуации на рынке труда службы занятости и работодатели предлагают старшему поколению вакансии из вторичного сегмента рынка труда – уборщиков, охранников, операторов call-центров,

водителей, комплектовщиков на складе, курьеров, разнорабочих, сторожей, продавцов, контролеров, дворников, консьержа. Отчетливо проявляется тенденция движения трудовых ресурсов, образованных людьми пенсионного возраста, в непривлекательные сегменты регионального рынка труда, с невыгодными условиями труда, низким уровнем заработной платы, нестабильной занятостью [Амбарова, Зборовский, 2020. С. 116-128]. Возникает парадоксальная ситуация: нехватка инженерно технических кадров и, переизбыток инженерно технических кадров предпенсионного возраста на рынке труда.

Анализ трудовой мобильности работников на локальном рынке труда в постковидный период провели Бавыкина Е. Н., Фомина С. А., Корецкая Т. В.. Выявлены институциональные (форма собственности предприятия) и личностные факторы (пол, возраст, уровень образования), оказывающие влияние на трудовую мобильность работников. За последний год, когда вся страна находилась в периоде пандемии, ситуация на рынке труда значительно ухудшилась. Увеличился уровень регистрируемой безработицы, снизилась потребность работодателей в работниках, существенно увеличился коэффициент напряженности на рынке труда. Число граждан рабочих профессий, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы, с каждым годом сильно уменьшается, это связано с тем, что рынок нуждается в рабочих специальностях, и рабочие фактически не нуждаются в посредниках для поиска работы. Следует отметить, что уже сейчас предприятия испытывают серьезный дефицит кадров с техническим образованием: мастеров, технологов. Стабильно большим остается процент обратившихся в Центры занятости граждан предпенсионного возраста. Уровень безработицы за год вырос на 6%. Трудовая мобильность респондентов в период пандемии не высока, работники предпочитают «держаться» за свое рабочее место и начинают искать работу только после ее потери [Бавыкина, Фомина, Корецкая, 2021.С. 24-27; Ефанова, 2020. С. 51-56].

Авторы исследования не учитывают, что в период пандемии центры занятости населения не всегда работали, доступ в них был ограничен, зачастую люди не выходили из дома кроме магазинов и аптек, ожидания поиска работы неработающих граждан были весьма скромными, были закрыты многие предприятия кроме самых необходимых, было понятно, что новых вакансий просто нет.

Как отмечает Козлов В.В., в условиях пандемии принцип добросовестного труда: «кто не работает, тот не ест», когда безработных 6,3% трудоспособного населения, звучит весьма абсурдно. За последний год 35 млн. человек (из 70 млн. трудоспособного населения) подвержены рискам увольнения, сокращения, задержки зарплаты и вынужденного отпуска без содержания. В этих условиях сам принцип добросовестного труда вызывает скептическую реакцию. На людей предпенсионного возраста особенно повлиял произошедший за 30 лет небывалый размах социальных изменений в стране, стремительная экономическая, политическая, социальная и идеологическая переориентация России, привела к социальному и

психологическому кризису в обществе. Девальвация высших ценностей, утрата смысла жизни, расширяет группу риска, обуславливая развитие психических расстройств, нарушение адаптации и распространение различных форм отклоняющего поведения. Последний год жизни при пандемии усугубили эти кризисные феномены [Козлов, 2021, - 180с.].

Как уже отмечалось, при дефиците специалистов инженерно – технического профиля в государственных и производственных предприятиях, одновременно существуют трудности трудоустройства специалистов предпенсионного возраста с инженерно техническим образованием. Автор протестировал возможные вакансии инженерно технических специалистов в Москве. На сайте hh.ru была задана вакансия «инженер, механик по эксплуатации зданий», поиск выдал 225 вакансий, от ученика инженера до начальников производственно технических отделов, от 40000р/м до 150000р/м с различными требованиями по квалификации и без требований. Можно сделать вывод – работа для инженерно технических специалистов в Москве есть. Возникает вопрос, почему так много специалистов предпенсионного возраста не могут трудоустроиться, что им мешает найти работу?

Обоюдные экономические санкции уже приводят к закрытию предприятий и увольнению работников, размах предстоящих увольнений трудно спрогнозировать, уже понятно, что конкуренция в трудоустройстве увеличиться.

Рассмотрим основные психологические препятствия для трудоустройства людей предпенсионного возраста.

К основным психологическим проблемам, затрудняющим трудоустройство людей предпенсионного возраста, респонденты отнесли: негативное эмоциональное состояние, слабую социально-психологическую поддержку со стороны ближайшего окружения и возрастную дискриминацию. Исследования эмоционального состояния респондентов и их познавательных процессов показали, что у 78% респондентов предпенсионного возраста, стоящих на учете в Центре занятости, были обнаружены явные признаки депрессии, и только 22% респондентов находится на границе нормы. По результатам исследования когнитивных нарушений выявление признаков раннего проявления заболевания Альцгеймера показало, что 56% не имеют нарушений когнитивных функций; 33% имеют предметные нарушения, 11% – деменцию легкой степени выраженности. Сравнительное исследование межпоколенческой конкурентоспособности на современном рынке труда показало, что только 30% пожилых респондентов не боятся конкуренции с молодыми, 70% боятся возрастной дискриминации [Сидорчук, Сидорчук, 2019. С. 149-159].

По мнению Гнездилова Г.В., в условиях рыночных отношений каждый человек должен быть психологически готов к потере прежней работы или к поиску новой, более интересной работы. Хорошей работой можно считать такую, которая посильна, интересна, дает необходимый доход, обеспечивает общественное признание (престижность) и чувство безопасности (стабильность). Ответить на вопрос: «Какая работа нужна именно вам»?

лучше всего может сам безработный. Главным мотивом и одновременно целью поиска работы, должен быть выбор такого дела, заниматься которым будет для человека счастьем. На это должна быть нацелена программа психологического сопровождения безработных при поиске работы. Психологическое обеспечение представляет собой совокупность специфических мероприятий по формированию, укреплению и развитию тех качеств специалиста, которые обеспечивают психологическую устойчивость и готовность выполнять стоящие перед ним задачи на основе оптимального соответствия личностных мотивосмыслов целям этой профессиональной деятельности. В условиях рыночных отношений, безработный специалист, как ранимый и незащищенный человек, нуждается во всесторонней психологической поддержке и помощи [Гнездилов, 2002. — С.10].

С ростом образования не просто повышается уровень общих умственных способностей, но и повышается вариативность распределения по уровням общих умственных способностей, т.е. фактор образования оказывает большее влияние на когнитивную сферу личности, нежели возраст сам по себе. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что люди с высшим образованием имеют всё необходимое на рынке труда [Гибова, 2017. С. 282-286].

Психологические ресурсы, способствующие смене профессии: осмысленность жизни; готовность к изменениям; психологическая устойчивость к воздействиям психогенных факторов ситуаций деятельности; самоэффективность, личная готовность к переменам и копинг-стратегии. У сменивших профессии число взаимосвязей по шкалам методик «Осмысленность жизни», «Жизнестойкость», «Личностная готовность к переменам» - больше. Чем выше «жизнестойкость», тем больше вероятность смены профессии [Батурина, Батурин, Плакида. 2018. С. 96-102].

Проведенный авторами опрос с использованием ГуглФорм на выборке их 67 человек различного возраста, работающих и безработных, показал следующие результаты. «Хочу работать» - отметили 50% опрошенных, «хочу работать при наличии достойной работы» - отметили 37% опрошенных, и только 12% не хотят работать по разным причинам. Основным мотивом работы: «деньги» и «интересная работа» указали 55%, «полезность людям» указали 52% опрошенных. Готовность к смене профессии высказали 67,2%. Готовность снизить ожидания по оплате и статусу высказали 53,7%. Достойной работой для себя 68,7% назвали высокую зарплату, 67,2% - пользу для людей, 25,4% - высокий статус работы. Оценили себя как очень хороший работник 82,1%. Из разнообразных ответов на вопрос – что мешает трудоустроиться, можно сделать вывод, что при наличии готовности к конкуренции на рынке труда и активного поиска работы – ничего не мешает [Гнездилов, Рожкин, 2021, С. 163-170].

Чтобы избежать проблем отказа в трудоустройстве, необходимо приложить максимум усилий и постараться доказать работодателю, что он может приобрести действительно ценного сотрудника. Для этого необходимо

сформировать у соискателей вакантных мест в предпенсионном возрасте установку на победу в конкурентной борьбе за необходимое вакантное место.

Психологическое сопровождение в острый период выхода из организации наиболее актуально, а стратегии помощи будут связаны с формированием нового круга интересов. Задача психолога и членов семьи помочь в актуализации интересов, поддержать активность в выбранной деятельности [Никифоров, Водопьянова, Гофман, 2018, с. 86-103]. Среди известных методик психической саморегуляции, хорошо зарекомендовали себя на практике аутогенная тренировка, медитация. Проведённый обзор исследований качества жизни людей предпенсионного и пенсионного периода (50 – 65 лет) свидетельствует о неоднозначной и крайне неустойчивой позиции граждан этого возраста. Система психологического обеспечения в предпенсионном возрасте должна включать комплекс психологических интервенций, направленный на активизацию ресурсов «успешного старения» и продолжительности жизни. Данная система должна быть ориентирована не только на адаптацию субъектов труда к новым реалиям жизни, развитие их личностных ресурсов в виде системы отношений к себе, ценностей, установок, стратегий совладания, но также и на осознанный выбор жизненных сценариев на завершающем этапе профессиональной деятельности и выхода на пенсию. Концепция психологического обеспечения на завершающем этапе профессиональной деятельности и подготовки к выходу на пенсию должна помочь прожить кризис предпенсионного периода, оценить преобладающую модель поведения и попробовать «собрать» многогранную картину жизни и продолжить саморазвитие [Никифоров, Водопьянова, Гофман, 2018, с. 86-103].

Арттерапия сегодня все более сближается с психологическими науками и медициной, интегрирует в себя достижения разных психотерапевтических школ. «Продукция творческой деятельности – рисунок, скульптура, поделки, танец, поэтическое творчество, инсталляции – отражает личностные особенности и поведенческие модели человека, структуру и характер его межличностных коммуникаций, то есть отношения к себе, другим и своему месту в мире; а также структуру и особенности взаимоотношений в группе, коллективе, обществе» [цит. по Козлов, Пермина, 2019, с. 31].

В.В. Козлов, С.В. Пермина предлагают следующие методологические принципы интегративного подхода в арттерапии [Козлов, Пермина, 2019, с. 340]:

1) Принцип целостности. Интегративная парадигма арттерапии кризисных состояний – намерение построить новую целостность, которая повысит ее ценностное и смысловое измерение.

2) Генетический принцип, или принцип развития в интегративной арттерапии кризисных состояний, выражается в том, что человеческая психика, личность или группа любого уровня структурной и функциональной сложности имеют множество потенциальных направлений своего развития.

3) Принцип обусловленности, подразумевает существование не только линейных причинно-следственных отношений «здорового смысла», но и акаузальных взаимосвязей как внутри психики, так и между событиями внутреннего и внешнего мира.

4) Принцип позитивности. Высока вероятность «застревания» в ситуации без внешней энергетической поддержки и внешней рефлексивной позиции; – как правило, кризис сопровождается потерей жизненных сил (витальности), когда конфликтное напряжение лишает группу и личность внутренней энергии, понижает социальную эффективность; – кризисные ситуации имеют энергетический потенциал, фиксирующий личность и группу на негативном аспекте опыта [Козлов, 2014, с. 528].

5) Принцип соотнесенности в интегративной арттерапии кризисных состояний – это необходимость учета интенсивности действия психотехнологии и личности психолога с уровнем психологических возможностей клиента на структуру, содержание и форму воздействия.

6) Принцип потенциальности в арттерапии, опираясь на целостное видение личности и группы в перспективе их материального, социального, духовного роста, предполагает при психологической работе с клиентом раскрытие его потенциальности, развитие интуиции, творчества, высших состояний сознания, личностных ресурсов.

7) Принцип многомерности истины гласит следующее: любое объяснение и понимание индивидуальной психической реальности, а также социально-психологических закономерностей групп и сообществ, всегда будет неполным, а значит и неистинным. Истина многомерна и многолика [Козлов, Пермина, 2019, с. 340].

В монографии В.В. Козлов, С.В. Пермина [Козлов, Пермина, 2019, с. 340] подробно описывают тесты, методики, упражнения. Тесты: «Несуществующее животное»; «Дом. Дерево. Человек»; «Автопортрет»; «Образ мира»; «На берегу Океана»; «Конструктивный рисунок человечков из геометрических фигур»; проективный рисунок «Образ себя»; упражнение «Социальные маски. Разотождествление с субличностями»; упражнение - диалог «Каракули». Подробно описана методика рисуночных метафор «Дорога жизни». Методика была предложена в 1995-ом году Козловым В.В. как метод самоисследования личности [Козлов, Донченко, 2015, с. 253].

Тесты, упражнения и методики арттерапии включают в себя творчество. «Творчество обладает качеством эзотерического знания, то есть знания тайного, внутреннего, личностного, непонятного для других, скрытого, не имеющего вербальных форм выражения на уровне его процессуального исполнения» [цит. по Козлов, 2017, с. 32].

Даже каракули обладают высоким диагностическим и терапевтическим потенциалом. По сути, каракули — это кинестетический рисунок, графический «отпечаток» движения руки, вид экспрессивного двигательного поведения. Каракули логично рассматривать в группе спонтанных рисунков, если они выполнены машинально, и в группе рисунков-экспромтов, если человека побуждают к такому способу рисования. К каракулям и другим

видам продуктов изобразительной деятельности может применяться термин «терапевтический рисунок». Спонтанный, произвольный, кинестетический рисунок (почеркушки, каракули) несет не только диагностическую информацию, но, что более ценно, обладает терапевтическим эффектом [Лебедева, 2007, с. 132-136].

Из рассмотренных коррекционных терапевтических способов внимание автора привлекли упомянутые выше «почеркушки» и «каракули», относящиеся к спонтанным рисункам. Л. Лебедева пишет, что «каракули» и «почеркушки» обладают не только высоким диагностическим потенциалом, но и терапевтическим эффектом. Автор подобный вид экспрессивного рисунка успешно применяет в своей практике, как в виде спонтанных «почеркушек» во время работы, так и добавляя спонтанные вопросы о значимых проблемах клиента и записывая эти вопросы на листке бумаги, означивая и обозначая эти вопросы в виде спонтанных «каракуль», а потом, зачеркивая или стирая эти каракули. Перефразируя Г. Ферса, если «внешний мир влияет на рисунки-экспромты», то и рисунки – экспромты, каракули, влияют на внешний мир и нашу связь с внешним миром [Ферс, 2000. – 168 с]. Такие рисунки – каракули, используемые в процессе консультаций, опираясь на идеи трансперсональной психологии, автор назвал «трансперсональными рисунками».

Автором в многолетней практике опробован способ использования проективного рисунка для устранения телесных симптомов, например – боли. Консультант и клиент на листках бумаги рисуют пятно боли, таким образом, перенося проекцию боли на лист бумаги. Эту зрительную проекцию боли можно зачеркивать карандашом или ручкой, произвольными линиями. Можно этот нарисованный образ боли стирать ластиком, если так более комфортно. Обычно такое рисование или стирание занимает 5 – 10 минут. Было замечено, что боль утихает. Обычно требуется несколько таких упражнений (от трех до пяти), чтобы подобные симптомы больше не тревожили.

Также было опробовано упражнение «Осанка», с целью исправления начальной стадии сколиоза. Консультант и клиент рисуют на бумаге фигурку человека, рядом с фигуркой пишут «расслабляем мышцы тела», и горизонтальными линиями водят по нарисованной фигурке, перенося намерение на нарисованный образ, минут пять. Затем, вертикальными линиями по центру нарисованной фигурки, передаем намерение на выправление осанки, минут пять. Поочередно, рисуя «расслабление» и «выравнивание» в течение часа, получаем ощущение в теле – желание выпрямиться, держать спину прямее. Выполнение такого упражнения в течение месяца, двух, позволяет выровнять осанку [Странник, 2020, с. 346].

О преимуществе карандашей как изобразительных материалов в арт-терапии, пишет А. Копытин: «...карандаши хорошо известны большинству людей, и они наверняка имеют опыт рисования в дошкольном и школьном возрасте. Кроме того, рисование карандашами допускает возможность коррекции изображения за счет использования стирательной резинки,

позволяя снизить тревогу у неуверенных в себе клиентов» [цит. по Копытин, 2015, с. 116]. Карандаши наиболее подходят для почеркушек – каракуль, они просты, доступны, знакомы с детства. Цветные карандаши хорошо иметь под рукой для спонтанного использования цвета в почеркушках. Цвет включается интуитивно и дополняет терапевтический эффект почеркушек.

Автором в многолетней практике опробован способ использования проективного рисунка для устранения психологического напряжения, что позволяет людям более активно и результативно действовать в социуме.

Так, при решении задачи трудоустройства мы рисуем на бумаге препятствие в трудоустройстве в виде каракуль – почеркушек, переносим своё напряжение в виде проекции на бумагу. С этой проекцией начинаем работать техниками интуитивного рисования. По величине пятен, как показала практика, можно косвенно судить о степени психического напряжения и тревоги. Можно стирать эти пятна проекции психического напряжения, тревожности по поводу трудоустройства. Можно раскрашивать это пятно, интуитивно добавляя цвет. Основная цель такого интуитивного рисования, выйти из состояния неуверенности, обрести состояние уверенности в своих силах, в своих важных профессиональных качествах для решения задачи нового трудоустройства. С такой уверенностью легче пройти собеседование с работодателями. Практика стирания препятствий, напряжений, хорошо себя зарекомендовала во время консультаций в период угрозы увольнения и при трудоустройстве. Как правило, увольнения удавалось избежать, наладить нормальные отношения с руководителем и коллегами. При снятии психического напряжения процесс поиска работы занимает меньшее время, так и процесс адаптации на новой работе проходит успешнее и быстрее.

Заключение

Что делать для успешной конкуренции на рынке труда специалистам предпенсионного возраста? Государство, предприятия, бизнес, службы занятости, не будут проявлять особой заинтересованности в подготовке человека предпенсионного возраста, в его трудоустройстве. Он не является кадровым ресурсом развития экономики. Главной целью психологического сопровождения безработных в этом возрасте является целенаправленные усилия на формирование у них профессиональной и психологической готовности к выполнению новых профессиональных функций в условиях новой трудовой деятельности. Для ищущего работу важно постоянное измерение уровня своего успеха в сравнении с другими. Поиск новой работы идет в условиях жесткого конкурентного состязания, безработные ревниво относятся к достижениям друг друга, так как часто победа одного это исчезновение возможности для другого. Они должны пристально изучать особенности конкурентов, методы их деятельности по поиску вакантных мест, сильные и слабые стороны, намерения и решения.

Основные психологические препятствия в трудоустройстве: плохое эмоциональное состояние, 78% респондентов предпенсионного возраста, стоящих на учете в центре занятости, имеют явные признаки депрессии;

слабые стрессоустойчивость, самооценка, уверенность, гибкость, слабая мотивация на дальнейшую активную деятельность.

Решающее значение в трудоустройстве принадлежит самому человеку, который должен стать практическим психологом самому себе, чтобы преодолеть конфликтующие реальности. Необходимо поднимать психологические компетенции, развитие рефлексии жизнедеятельности, формирование ауто-компетентности, умение саморегуляции психических состояний. В этом может помочь общее понимание состояние рынка труда, положение предпенсионеров на современном рынке труда, адекватная оценка себя, своих способностей и возможностей. Для саморегуляции полезно использовать хорошо зарекомендовавшие себя на практике аутогенную тренировку, медитацию, арттерапию рисунком. Приведенный обзор методов арттерапии и примеров, позволяет сделать вывод о полезности арттерапии в деятельности практического психолога, в частности, для помощи в трудоустройстве. Также результаты исследования позволяют сделать вывод, что специалисты с высшим образованием имеют всё необходимое на рынке труда.

Источники

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Рынок труда и развитие «серебряного» образования в регионе: позиции органов власти и работодателей // Вопросы управления. 2020. № 4 (65). С. 116-128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-i-razvitie-serebryanogo-obrazovaniya-v-regione-pozitsii-organov-vlasti-i-rabotodateley>
2. Бавыкина Е. Н., Фомина С. А., Корецкая Т. В. Трудовая мобильность на рынке труда в период пандемии COVID-19 // Экономика устойчивого развития. 2021. № 3. С. 24-27. URL: http://www2.bigpi.biysk.ru/nir2016/file/kmit_01_12_2021_10_30_41.pdf#page=24
3. Батурина Н.В., Батурина Н.А., Плакида Е.И. Психологические ресурсы лиц, сменивших профессию // Психология. Психофизиология. 2018. № 3. С. 96-102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-resursy-lits-smenivshih-professiyu>
4. Васильева Ю. В., Шуралева С. В. Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 550-575. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voznrast-kak-faktor-uyazvimosti-rabotnika-v-trudovom-prave>
5. Гавришев М. В. Кадровая политика организаций в условиях пандемии коронавируса // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления : сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 12 мая 2020 года. Курск, 2020. С. 97-100
6. Гибова И.М. Особенности общих умственных способностей лиц предпенсионного и пенсионного возрастов с различным уровнем образования // Ученые записки университета Лесгафта. 2017. № 4 (146). С. 282-286. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obshih-umstvennykh-sposobnostey-lits-predpensii-i-pensii>

- umstvennyh-sposobnostey-lits-predpensionnogo-i-pensionnogo-vozzrastov-s-razlichnym-urovнем-obrazovaniya
7. Гнездилов Г.В. Психологическое обеспечение поиска работы. — М.: СГА, 2002. — С.10
 8. Гнездилов Г.В., Рожкин А.В. //Человеческий капитал, 2021, № 12(156), том 2, С. 162-170.
 9. Ефанова О. А. Влияние пандемии COVID-19 на положение предпенсионеров // Социальные последствия пандемии: мифы и реальность. Аитовские чтения : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 28–29 декабря 2020 года. Уфа, 2020. С. 51-56.
 10. Забелина О. В. Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 165-176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zanyatosti-i-problemy-trudoustroystva-lits-starshih-vozzrastnyh-grupp-na-rossiyskom-rynke-truda>
 11. Козлов В.В. Психология кризиса. М.: Институт консультирования и системных решений, 2014 - 528 с.
 12. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности – М.: Психотерапия, 2007 – 528 с.
 13. Козлов В.В. Методология интегративной психологии // Ярославль, МАПН, РПТ «Титул», 2021, - 180с.
 14. Козлов В.В. Психология буддизма. Четвертое колесо дхармы. - Вологда: Древности Севера, 2016 - 296 с.
 15. Козлов В.В. Психология творчества: свет, сумерки и темная ночь души. М. Институт консультирования и системных решений, 2017, - 184 с.
 16. Козлов В.В., Донченко И.А. Направленные визуализации: теория и метод. Запорожье: Кругозор, 2015. – 253 с.
 17. Козлов В.В., Пермина С.В. Основа интегральной арт-терапии: теория и практика// Челябинск, 2019, 340 с.
 18. Козлов В.В., Психология пандемии. Монография.// Ярославль, МАПН, РПФ «Титул», 2021, - 114с.
 19. Козлов, В. В. Психология успеха: жизнь с вершины / В. В. Козлов, И. Донченко. – Запорожье : Статус, 2019. – 144 с. – (Психология для жизни). – ISBN 9786177759170.
 20. Колосницына М.Г., Клепикова Е.А. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента, 2017. – № 1. – с. 69–88. – doi: 10.21638/11701/spbu18.2017.104.
 21. Копытин А.И. Современная клиническая арт-терапия: Учебное пособие // М.: Когито-Центр, 2015. – 526 с. (университетское психологическое образование)
 22. Лебедева Л.Д. Рисунок в психологической диагностике и арт-терапии // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 132-136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risunok-v-psiologicheskoy-diagnostike-i-art-terapii>

23. Лобова С. В., Маликова В. В. Человеческий капитал предпенсионеров: подходы к решению проблем пенсионной реформы // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 3 (46). С. 157-169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-predpensionerov-podhody-k-resheniyu-problem-pensionnoy-reformy>
24. Никифоров Г. С., Водопьянова Н. Е., Гофман О. О. Постановка проблемы психологического обеспечения завершения профессионального пути: теоретический обзор // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 3. С. 86-103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postanovka-problemy-psihologicheskogo-obespecheniya-zaversheniya-professionalnogo-puti-teoreticheskiy-obzor>
25. Николенко Н.А. Самозанятость граждан предпенсионного возраста в условиях формирования цифрового общества // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. № 1. С. 35-42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-grazhdan-predpensionnogo-vozrasta-v-usloviyah-formirovaniya-tsifrovogo-obshchestva>
26. Омельченко И. Б., Антонова Г. В., Данилина М. В. Анализ основных тенденций рынка труда в России в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 89-96. URL: https://web.archive.org/web/20210117231807id_/http://xn--80aimg.xn--80ae9b7b.xn--plai/Files/ArticleFiles/08a93832-1677-4dad-8e29-2b168a6b8994.pdf
27. Откидач Г. В., Ларин В. Р. Вопросы трудоустройства лиц старшего возраста // Закон и право. 2021. № 3. С. 190-194. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-trudoustroystva-lits-starshego-vozrasta>
28. Петровская Н. Е. Возрастная структура занятости населения в России в условиях повышения пенсионного возраста // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 1 (484). С. 54-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voznrastnaya-struktura-zanyatosti-naseleniya-v-rossii-v-usloviyah-povysheniya-pensionnogo-vozrasta>
29. Петровская Н.Е. Тенденции и структурные особенности безработицы (опыт США) // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. Вып. 8. С. 1445–1456. URL: <https://doi.org/10.24891/re.16.8.1445>
30. Рожкин А. В. Психологические особенности трудоустройства специалистов пред-пенсионного возраста // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире : материалы XI международной научно-практической конференции, 21–22 апреля 2021 г. Москва, 2021. Т. 1. С. 587-590. URL: http://imc-i.ru/userfiles/ufiles/Russia_and_the_world_2021-04-1.pdf#page=587
31. Савченко И. А. Уровень удовлетворенности населения предпенсионного возраста текущей ситуацией в сфере их трудоустройства // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 2020. С. 74-76. URL: <https://>

- conf.mephi.ru/file/event/6340/eid6340_attach_a3409745d790f138f328e3f11405c0fb2076c750.pdf#page=75
32. Сидорчук Т.А., Сидорчук М.А. Психолого-педагогические аспекты переобучения людей предпенсионного возраста // Педагогика и психология образования. 2019. № 4. С. 149-159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-aspekty-pereobucheniya-lyudey-predpensionnogo-vozrasta>
 33. Скрипак Д.М., Николаева А.А. Многообразие форм социального неравенства в условиях современной экономической среды // Экономика и менеджмент систем управления. 2020. № 2 (36). С. 81-86.
 34. Странник А. Трансперсональный рисунок. Часть 1., Издательские решения, 2020, 346 с.
 35. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 390 с.
 36. Ферс Г.М. Тайный мир рисунка: Исцеление через искусство. — СПб.: Европейский дом, 2000. – 168 с.
 37. Чистова Е.В. Занятость лиц пенсионного возраста: спрос и предложение на рынке труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 10-2. С. 155-162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zanyatost-lits-pensionnogo-vozrasta-spros-i-predlozhenie-na-rynke-truda-rossii>

Санина М.В.

ВЛИЯНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА СКЛОННОСТЬ К ИНВОЛЮЦИИ МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ, СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ СТРУКТУР ЛИЧНОСТИ И СКЛОННОСТИ К БРОДЯЖНИЧЕСТВУ

Аннотация: в статье определены основные знания о психологических механизмах, закономерностях и особенностях адаптации индивида, уточнены понятия адаптация и дезадаптация личности, даны операционализированные определения адаптивной и дезадаптивной личности, проанализированы различные модели адаптации, определены психологические характеристики личности, определяющие адаптацию личности. Определены психосоциальные особенности адаптации индивидумов без определенного места жительства и зависимость бродяжничества от примитивизации форм деятельности, которые мешают им вернуться к нормальному образу жизни.

Ключевые слова: психосоциальная адаптация, адаптация и дезадаптация личности, адаптивная и дезадаптивная личность, лицо без определенного места жительства, бродяжничество, примитивизация, инволюция.

Abstract: the article defines the basic knowledge about the psychological mechanisms, patterns and features of the individual's adaptation, clarifies the

concept of adaptation and maladaptation of personality, gives the operationalized definition of adaptive and maladaptive personality, analyzes various models of adaptation, defines the psychological characteristics of personality that determine the adaptation of personality. Psychosocial features of adaptation of individuals without a certain place of residence and dependence of vagrancy on primitivization of forms of activity which prevent them to return to a normal way of life are defined.

Keywords: psychosocial adaptation, adaptation and maladaptation of personality, adaptive and maladaptive personality, a person without a certain place of residence, vagrancy, primitivization, involution.

Согласно непсихологической энциклопедической литературе, «адаптация» (от лат. *adaptatio*, *adapto* – приспособлять, прилаживать, устраивать) – процесс приспособления строения и функций организмов и их органов к условиям среды, приспособление к новым или изменившимся условиям, результат или процесс адаптирования. Причем в последнем случае адаптирование понимается, с одной стороны, как изменение поведения вследствие изменения ситуации, а с другой – изменение чего или кого–либо таким образом, чтобы результаты этой трансформациигодились в другой ситуации [12].

Немалый вклад в изучение явления адаптации внесли и другие российские физиологи. В частности, И.М.Сеченов [8] считал, что единство и взаимодействие организма и среды является необходимым условием возникновения и развития адаптаций. А.А.Ухтомский [9] обосновал необходимость восприятия и понимания организма как некой целостности, проявляющейся в его избирательной активности во взаимоотношениях со средой в процессе адаптации.

Механизм возникновения общего адаптационного синдрома как своеобразного способа реагирования на любые позитивные и негативные факторы, предъявляемые средой к организму имеет важнейшее значение для дальнейшей разработки физиологических проблем адаптации. Воздействие факторов на организм, испытывающий на себе воздействия вредных агентов и попадающий в результате их действия в состояние стресса, включается в процесс адаптации, отвечая на действия агентов адекватными либо неадекватными защитными реакциями. Таким образом, общий адаптационный синдром есть не что иное как «генерализованное усилие организма приспособиться к новым условиям».

В психологии существует множество определений адаптации, большинство психологов понимают под адаптацией – постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям среды и как результат этого процесса.

А.Ф.Лазурский считал, что принцип активного приспособления человека к окружающей среде зависит от от благоприятных или неблагоприятных внешних условий [3]. Под адаптацией понимается системная реакция организма, обеспечивающая возможность всех видов

социальной деятельности и жизнедеятельности, совокупность реакций живой системы, поддерживающих ее функциональную устойчивость при изменении условий окружающей среды.

А.А. Налчаджян [4] определяет адаптацию как процесс, «который при благоприятном течении приводит личность к состоянию адаптированности». Когда адаптивный процесс завершается первоначальное психическое состояние вместе с породившей его проблемной ситуацией исчезает или сильно меняется.

Детальный анализ понятия адаптации проведен Т.В. Середой, которая рассматривала адаптацию как «диалектический системный процесс активного приспособления биосистемы к неадекватным условиям среды ценой дополнительных энергетических затрат, результатом которых является возможность биосистемы оптимально функционировать» [7, с.30].

Психоаналитики, опираясь на работы З.Фрейда и Х.Хартманна, выделяют следующие способы адаптации [11]:

преобразование социальной среды с целью приведения ее в соответствие со своими потребностями;

поиск человеком такой социальной среды, которая благоприятна для его функционирования;

внутренние изменения человека, с помощью которых он приспосабливается к окружающей среде.

Схожей точки зрения придерживается И.А.Фурманов [10], рассматривая три стратегии приспособления:

пассивное приспособление означает, что человек полностью смиряется и подчиняется давлению среды;

адаптивное самоограничение – когда человек старается органичиться минимальными изменениями и выполнять только те действия, которые насуточно необходимы;

активное приспособление – когда человек способен изменить не только свое отношение к ситуации, но и предпринимать действия к ее реконструкции.

Опираясь на вышеизложенное, можно выделить следующие общие стратегии психической адаптации: 1) стремление изменить внешние обстоятельства; 2) уход от решения проблемы и поиск среды, более соответствующей адаптивности индивида; 3) изменение своей внутренней структуры.

Разнообразие поведенческих стратегий адаптации, подразумевает разнообразие организмических реакций.

Г.Селье [5; 6] выделил 3 фазы реагирования:

1. Реакция тревоги. Возрастание общей тревоги в ситуации внезапной встречи с опасностью мобилизует все ресурсы организма.
2. Стадия резистентности. Организм успешно справляется со стрессорами без видимого ущерба для соматического и психического здоровья, в результате чего наблюдается некоторая

стрессоустойчивость к неблагоприятным ситуациям, порог чувствительности на воздействие данных стрессоров повышается.

3. Стадия истощения. Возникает при длительной и интенсивной борьбе за выживание организма и приводит к снижению адаптивных возможностей, что способствует развитию различных заболеваний.

Учитывая многообразие форм взаимодействия человека со средой, типы адаптации можно классифицировать по характеру взаимодействия в системе «индивид–среда»; по степени функциональной мобилизации организма; по энергозатратности процесса; по скорости реагирования, а также по критериям направленности; устойчивости; «врожденности–приобретенности», «нормы–патологии» и по временному критерию.

В обобщенном виде можно выделить три стратегии психологической адаптации личности: 1) стремление преобразовать или коренным образом изменить внешние обстоятельства, включая смену ситуации на более благоприятную для функционирования и в большей мере соответствующую адаптивным возможностям индивида; 2) изменение отношения к ситуации, использованием психологических защит; в) изменение своей внутренней структуры за счет динамики отношения к себе и окружающим.

Таким образом, адаптацию личности можно определить как процесс и результат взаимодействия человека со средой на основе механизмов гомеостатического уравнивания, обеспечивающих личностную целостность и устойчивость (сохранение идентичности, тождественности индивида самому себе) и одновременно изменчивость (развитие, приобретение новых и совершенствование психологических характеристик, качеств и свойств личности), которые касаются как самого индивида, так и способов взаимодействия со средой, т.е. собственно адаптивных механизмов.

Ряд ученых придерживается того мнения, что эмоции играют важную роль в организации, мотивации и подкреплении поведения. По убеждению К. Изарда [1] – эмоция является способом адаптации в жизни высокоорганизованного социального организма. К.Изард понимал под эмоцией переживательно–мотивационный процесс, возникающий на основе индивидуальных процессов и взаимоотношений субъекта с окружающей средой.

Сильные эмоциональные переживания вынуждают индивида предпринимать усилия для восстановления равновесия путем непосредственного воздействия на ситуацию либо путем переоценки ситуации и снижения эмоционального напряжения с использованием механизмов психологических защит.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что психологическая защита – это последовательное искажение когнитивной и аффективной составляющих образа реальной ситуации с целью ослабления эмоционального напряжения, угрожающего индивиду в случае, если бы ситуация была отражена в предельно возможном для него соответствии с реальностью.

Проблема успешности адаптации занимает важное место в ряде исследований, но до сих пор остается открытым вопрос определения критериев оценки эффективности адаптации. Это обосновывается тем, что, по мнению многих исследователей, такие объективные показатели как эффективность деятельности и включенность индивида в процесс общественных отношений не является надёжным критерием при определении эффективности и устойчивости адаптации.

Состояние удовлетворенности результатом процесса адаптации можно назвать адаптивностью. Хорошо адаптированным считается продуктивный, отличающийся психическим равновесием, психоэмоциональной стабильностью, личностной комфортностью, отсутствием дистресса и ощущения угрозы человек, способный использовать свои личные свойства для эффективной деятельности в новых условиях и наслаждаться жизнью.

Стрессогенные факторы современной социальной ситуации актуализируют психические и психосоциальные факторы в этиологии и генезе психопатологических расстройств. Адаптация личности индивида в ситуациях взаимодействия его с деструктивными факторами социальной среды является укреплением и сохранением психического здоровья человека. В современной нестабильном в психологическом плане мире назрела необходимость совершенствования и оптимизации адаптационных процессов в неблагоприятных условиях со стороны социума, являющихся причиной повышенного психического напряжения.

Девальвация высших ценностей, утрата смысла жизни, системный кризис в стране расширяет группу риска, обуславливая развитие психических расстройств, нарушение адаптации и распространение различных форм отклоняющегося поведения. Неизбежность переживания подобных кризисов любым человеком является необходимостью процесса индивидуализации, социально-психологического становления личности и группы. Увеличение числа патологически переживаемых кризисов на уровне социума приводит к росту маргинальности, деструктивности.

Козлов В.В. считает, что любой личностный кризис (в том числе и кризис, возникший вследствие травмы) является поворотным пунктом в развитии личности. В зависимости от того, по какому пути (конструктивному или деструктивному) станет дальше развиваться индивид, сложится и вся его дальнейшая жизнь [2, с.8].

Личность, находящаяся в кризисном состоянии становится носителем девиантного или деликвентного поведения как способа адаптации к социальной среде. К ситуациям, которые приводят к кризисному состоянию, относят стрессовые события, возрастные кризисы и экзистенциальные кризисы.

Основные современные теории кризиса базируются на исследованиях различных реакций на жизненные кризисы в малой психиатрии Л. Линдемана (1944), психологических и психофизиологических исследованиях стресса, стадий развития дистресса Г. Селье (1956), концепции восьми жизненных циклов и соответствующих им

психосоциальных кризисов Э. Эриксона (1959), концепциях помощи в кризисных ситуациях Д. Каплана (1962), П. Левина (1972), концепциях трех видов кризисов В.В. Козлова (1997).

Кризис является одним из неизбежных и необходимых моментов жизни, одной из движущих сил развития, в том числе и развития личности, группы, общества в целом. Стресс и кризис затрагивает все аспекты жизни человека: личностные, поведенческие, влияет на здоровье, на когнитивные и физиологические аспекты.

Кризисное состояние всегда сопряжено с лишением, фрустрацией. Определенная структура жизни личности, связанная с идентификацией в социуме: условия существования, социальный статус, в кризисном состоянии лишает некоторые элементы внешней опоры, внешней поддержки. Кризис является испытанием на укорененность, интроецированность важных установок.

В процессе нарушения процессов взаимодействия человека с окружающей средой происходит его дезадаптация с отвыканием от одних привычных условий жизни и привыкание к другим. Дезадаптация личности приводит к нарушению гомеостатического равновесия личности и среды, нарушению личностной целостности и устойчивости и отличающийся стереотипизацией и ригидностью как в динамике личностных характеристик, так и способов взаимодействия со средой.

А.А. Налчаджян [4] считает, что дезадаптивным можно назвать такой ход внутриспсихических процессов и поведения, который приводит не к разрешению проблемной ситуации, а к усилению трудностей и тех неприятных переживаний, которые она вызывает.

Основными качествами личности в процессе социального взаимодействия является внутренняя позиция по отношению к внешнему миру и себе, способность принимать решения и делать выбор, нести ответственность за собственное поведение.

Поведение личности, не соответствующее установленным требованиям социума, будет считаться отклоняющимся (девиантным). Данный термин используется в двух основных значениях. Девиантное поведение предполагает нарушение на любых, а наиболее важных для социального общества в данное время социальных норм. Данное поведение личности вызывает негативную оценку со стороны социума ввиду общественного осуждения или социальных санкций.

Социальные санкции предотвращают нежелательное поведение, но с другой стороны, они могут приводить и к негативному явлению в виде стигматизации личности. Ярлык девианта препятствует личности для адаптации в социуме и формирует девиантную идентичность, что усиливает социальную изоляцию и вызывает рецидивы девиантного поведения.

Отклоняющееся поведение является разрушительным в зависимости от формы — деструктивным или аутодеструктивным. К аутодеструктивным формам девиантного поведения относятся социальный паразитизм, маргинальность. Такое поведение личность вызывает раздражение

консервативно настроенной части населения. Маргиналы противопоставляют себя большинству социальной позицией девиантного стиля и образа жизни.

Социальный паразитизм подразумевает под собой факт проживания личности в асоциальных условиях, путем извлечения нетрудовых доходов, уклонения от общественно полезного труда, тунеядства, бродяжничества, попрошайничества и т.д. Социальное явление как паразитизм в основном является следствием низкой духовной культуры социума и отдельных его групп.

Личности, ведущий асоциальный образ жизни, присущ примитивизм интересов, низкий уровень духовности, аморальное поведение, низкий культурный уровень, склонность к совершению правонарушений и преступлений. Это образ жизни личности за счет общества.

Ситуация бездомности служит естественной моделью инволюции важнейших структур личности, и в частности, мотивационно-смысловой и социально-ролевой. Инволюция личностных качеств людей, находящихся в ситуации бездомности, зависит от процесса примитивизации форм деятельности: следствием пребывания на улице становится примитивизация ведущих форм деятельности и общения, изменение ценностей и смыслов социальной группы, в которую включен человек, что приводит к изменению и инволюции двух основополагающих сфер внутренней жизни, мотивационно–смысловой и социально–ролевой.

Таким образом, установлена взаимосвязь влияния окружающей среды на склонность к инволюции мотивационно-смысловой, социально-ролевой структур личности и склонности к бродяжничеству. В свою очередь, уровень развития социального интеллекта и социальной компетентности личности влияет на процесс социальной адаптации личности или дезадаптации в современной стрессогенной экономической и социальной ситуации. Неспособность индивида адаптироваться с учетом своих ценностных ориентаций требованиям социальной среды, приводит ее к дезадаптации.

Не способность личности принимать и выполнять требования социальной среды и реализовывать свою индивидуальность в конкретных социальных условиях ведет личность к маргинализации под влиянием неблагоприятных социальных условий.

Библиографический список

1. Изард К. Эмоции человека.– Изд–во Моск. ун–та, 1980.– 440 с.
2. Козлов В. В. Работа с кризисной личностью. (Методическое пособие). – Москва: Изд-во Института Психотерапии, 2007 - 336 с.
3. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. – Л.: Госиздат, 1925. – 290с.
4. Налчаджян А.А. Социально–психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) – Ереван: Изд–во АН Арм. ССР, 1988. –263 с.
5. Селье Г. Стресс без дистресса. – Мозырь: Белый ветер, 1998. – 92 с.
6. Середа Т.В. Особенности характеристик общения в процессе адаптации к стресс–факторам учебного процесса: Дис...канд.

- психол.наук. – Л.: ЛГУ, 1987. – 280 с.
7. Ухтомский А.А. Доминанта и интегральный образ: Собрание сочинений, т.1. – М. 1950.
 8. Фурманов И. А. Аффективно–динамическая теория адаптации// Вестник БДУ. – 2001. – Серия 3. – № 3. – С. 42–47.
 9. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 390 с.
 10. Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation. – New York: Int. Univ. Press, 1958,–pp. 117–123.
 11. Oxford Wordpower Dictionary/ Ed. S. Wehmeier.– Oxford University Press, 1999.–pp. 7–8.

Силанов О.А.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ
ОНТОПСИХОЛОГИИ**

Аннотация

Онтопсихология Антонио Менегетти относится к экзистенциально-гуманистическому направлению в современной психологии, но в целом не отрицает результатов глубинных исследований, которые велись классическим психоанализом и всеми другими направлениями психологии, а также опирается на открытия ядерной физики (в частности, комплементарных модулей субатомных векторностей). Понятием «векторность» обозначен тот детерминант, который уточняет само допущение и процесс образования любого следствия.

Ключевые слова: психология, онтопсихология, психика, психическая деятельность.

Abstract

Ontopsychology of Antonio Meneghetti refers to the existential-humanistic direction in modern psychology, but in general does not deny the results of in-depth research conducted by classical psychoanalysis and other directions of psychology, and also relies on the discoveries of nuclear physics (in particular, complementary modules of subatomic vectors). The concept of "vector" denotes the determinant that clarifies the assumption itself and the process of formation of any consequence.

Key words: psychology, ontopsychology, psyche, mental activity

ВВЕДЕНИЕ

Рассмотрим общую перспективу развития человеческой мысли, выделяя на ее фоне значение онтопсихологии с точки зрения метода, прикладных

инструментов и критерия, единственно придающего авторитет научному исследованию.

Онтопсихология возникла не для решения какой-либо частной проблемы, например из области медицины, экономики или искусства. Онтопсихология родилась из осознания ситуации неразрешимости, которой заканчивались все исследования на протяжении тысячелетий человеческой истории.

Какое предложение, какую альтернативу выдвигает онтопсихология?

Стоит напомнить, что у человечества всегда были достойные мыслители и исследователи, искавшие свои решения в философии и морали, педагогике и религии, экономике и юриспруденции, физике и математике. Потребность в решении рождается из поисков одной точки, от которой все бы согласились начать измерение всех вещей. Например, Пифагор утверждал: «Нам открылась простота мира. Но как мы можем перевести ее в измерительную норму, в общее для всех правило?». Эйнштейн до конца своих дней пребывал в состоянии разочарования: он всю жизнь работал над поисками элементарной, базовой формулы универсума, но так и не обнаружил ее, потому что, на мой взгляд, изначально опирался на следствия психической деятельности. Феномен несет в себе причину, но не ее очевидность. Аналогичным образом, рассматривая архитектуру дома, памятника, здания, мы видим результат, но не мыслителя, задумавшего данный проект.

Итак, какое место занимает онтопсихология среди других наук? Какое положение занимает онтопсихология в исследовании научных, мирских, гуманистических аспектов общества и физической реальности? К сожалению, сегодня мы живем в мире масс-медийной коммуникации, где уже давно нет места проводившимся некогда интеллектуальным тонким и редким исследованиям. Любая аргументация ныне опутана точками зрения, журналистикой, удобными обобщениями и позициями, сведенными вместе на основании некоего набора мнений, но исследование – само по себе – отсутствует, потому что не хватает подготовленных умов [3, с. 14].

Наблюдая за человеком, каждый из нас может констатировать один и тот же результат: проблема человека не решена, он не понят, движем сомнениями и является наглядной демонстрацией конфликтов. Существует множество религий, традиций, убеждений, абсолютов, из-за которых по сей день развязываются войны, бушует расизм, а вина перекладывается на тех, кто рядом. Человек не находит согласия в своем внутреннем мире. Более того, он живет своими страхами, фрустрациями и невежеством, он не понимает ни себя, ни окружающих его вещей: он бредет, не ведая ни дороги, ни направления.

Если проанализировать человека в его всеобъемлющей целостности, то станет ясно, что ему требуется лечение. И не важно, произойдет ли оно через политику, медицину или юриспруденцию. Если предоставить человека самому себе, то подтвердятся слова Гоббса: «Каждый человек – зверь для другого. Человек человеку волк».

Таким образом, можно констатировать болезнь бытия под именем человек. Так или иначе, все говорят о человеке нерешенном, несбывшемся, непознанном и виноватом. Все религии, например, утверждают, что человек грешен и потому нуждается в милосердии, спасении и искуплении.

1 КРИЗИС НАУК И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОНТОПСИХОЛОГИИ. АНАЛИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ, ИСТОРИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ, АФФЕКТИВНОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ.

При наблюдении за человеческим индивидом как таковым видно, что он не предстает единством действия со стабильным проектом, не демонстрирует соответствия самому себе. Растения и животные, напротив, постоянно придерживаются своего стиля, собственного проекта. Как бы ни менялось их поведение, они в конечном счете воспроизводят идентичность своей природы. Они последовательны и хорошо проходят свой жизненный путь.

С момента своего рождения и до самой смерти животное умиротворенно живет своей жизнью: как только ему предоставляются внешние возможности, оно ищет среди них свое и никогда свое не предает. При приближении смерти животное отдаляется от других, будто желая навсегда заснуть в уединении, без каких-либо помех. Согласно порядку природы, даже этот момент животное встречает в умиротворении.

Совсем иное дело – человек. Он постоянно разбрасывается, противоречит себе, запутывается в своих поисках. Что делать? Чего не делать? С кем? Как? Не знаю... Все в его жизни имеет неустойчивое равновесие и ведет к риску погружения в темноту. Трудно найти человека, который бы знал, кто он и куда ему следует идти. Когда человек по своей воле решает двигаться в определенном направлении, анализ конечных результатов выявляет нефункциональность принятого решения: он оказывается больным, невротичным, озлобленным против тех, кто мыслит иначе. В основании всех религий, особенно монотеистических, все еще лежит представление о том, что тот, кто не придерживается данной веры, – преступник, человек с дурной репутацией, животное, противник бога, дьявол. В сущности, такому человеку выносится жестокий приговор. По сей день всякая идеология одного против другого указывает на скрытую злость человека по отношению ко всем остальным людям. Эта злость – не что иное, как проявление и проекция того беспорядка, который субъект несет в себе, проекция его нетождественности собственной внутренней ценности [5, с. 231]. По сути, обнаруживается, что никто не обладает субъективностью, которая соответствовала бы идентичности и была бы центрирована на ней с вытекающим отсюда единством действия. Две эти проблемы – нерешенная проблема человека и раздвоенность, или экзистенциальная шизофрения, испытываемая индивидом, – решались и анализировались на протяжении веков. В рамках религиозного анализа каждая религия неизменно представляла собственную точку зрения и никогда не находила согласия с другими.

Исторический анализ утверждает, что человек произошел от обезьяны в процессе эволюции, а значит, является еще незаконченным видом в рамках космического процесса. Вследствие этого в человеке прослеживается некая

двойственность: красавица и чудовище, ангел и дьявол, инстинкт и разум, которые борются и противоречат друг другу.

Согласно анализу с социальной точки зрения, облик народа определяется пережитой им войной, его особой культурой, отношениями с другими народами (с индийцами, римлянами и т. д.), местом жизненного обитания и т. п. Выдвигались различные гипотезы о происхождении человеческой расы, в том числе и внеземном. Отсюда следует, что мы имеем дело с человечеством, которое находится на пути становления и еще не обрело точный облик, но происходит от абсолютной, достоверной и завершенной ДНК. В общем, считается, что различия исторического происхождения, места, поколения, расы и определяют ту разницу, которая не позволяет найти единую точку соприкосновения.

Социальный анализ выявляет, что все люди не похожи друг на друга и потому им не удается обрести покой. Деление на богатых и бедных порождает классовую борьбу. Изливая гнев на богатых, бедные тем самым компенсируют собственное нищенское существование и свои неудовлетворенные нужды и потребности. Из анализа данного типа следует, что сильные люди дестабилизируются в пользу слабых, и происходит это веками [3, с. 62]. Таким образом, история находится в руках тех, кто побеждает, но сами победители постоянно меняются. Революция продолжается, и дисбаланс создает точки притяжения, которые затем должны уравновеситься через состязание, борьбу и т. д. Отсюда возникает множество социальных и экономических теорий.

Согласно анализу аффективных и межличностных отношений, который ведется, прежде всего, в рамках психологии и педагогики, становление человека определяется той группой, которая служит для него значимым ориентиром. В сущности, каждый человек подобен тому, что он любит, что выбирает: партнеру, семье, группе, идее, партии. Каждый человек обусловлен стилем аффективных предпочтений, определенных пристрастий, которые и придают ему отличие. Точно так же каждый человек меняется в зависимости от того, что было им выбрано в детстве, в рамках данного общества и культуры. И тот факт, что все люди разные, а порой и противоположны друг другу, зависит от различий характеров. Характер же человека формируется в отношениях с любимыми людьми, вещами, группами предпочтения. Несмотря на многосторонний анализ, фактически проблема остается нерешенной. Кажется, что ей дали объяснение, но, по сути, всеми единогласно утверждается: у человечества нет единства, нет собственной идентичности, а вытекающие отсюда переменные его идентичности приводят к нарушению равновесия.

2 АНАЛИЗ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Более века назад был открыт еще один путь анализа – анализ бессознательного. Фрейд дал характеристику и имя исследуемому явлению, но на самом деле упоминания о его существовании были и прежде. Фрейд собрал и систематически представил информацию о бессознательном, но как реальность оно было обнаружено за 50–60 лет до него. Более полутора веков

назад начался научный анализ сверхрационального. Его изучение выявило в человеке иной мир, который предвосхищает мир сознательный и рациональный, и потому обуславливает и изменяет поведение человека. Кроме того, выяснилось, что подсознательный мир является действующим хранилищем индивидуальных и семейных воспоминаний, возрождающихся на основе начал, именуемых архетипами, что приводит к существованию индивидуального, семейного и коллективного бессознательного. Каждый человек приобщен не только к собственному, но и к коллективному невежеству. «Невежество» в том смысле, что существуют динамики, инстинкты, направления, о которых человек не ведает ни на индивидуальном, ни на социальном уровне. Все люди направляемы этим спрятанным мрачным миром, который остается закрытым для любой возможности сознательного и рационального исследования. Итак, человеком играет сила, его превосходящая, – бессознательное. Мощный фрейдовский анализ старается на практике присоединиться к другим исследованиям, которые не достигли своей цели. Он не выступает ни против религии, ни против идеологии. Он объясняет, что существует еще одна реальность, которая предвосхищает всякую возможную логику согласования и поведения, существующую между индивидами и обществом.

Этот анализ стал возможен после открытия великой силы – бессознательного, происхождение которого, однако, осталось невыясненным. Было открыто, что бессознательное – это мир, где жизнь противопоставляется смерти, а значит, креативная сила – деструктивной. Так мы возвращаемся к простым тезисам восточной философии о «белом – черном» или о двух образующих круг и перетекающих одна в другую каплях. Ничто не является совершенно белым или абсолютно черным. В какой-то части черного уже дано белое, а где-то в белом уже есть черное, они всегда совместны. Проблема данного дуализма состоит в том, что он не дает решения с точки зрения высшего интеллективного анализа, потому что двойственность противоположностей равна нулю. Математически $+1$ и -1 дают в сумме 0 .

Математический смысл этой теории подтверждается аналитическими философскими рассуждениями. Если одно аннулирует другое или если одно причастно другому, то в результате не существует ничего. Возможность существования чего бы то ни было, например, моря, будет обоснована, только если вначале существует нечто реальное – создатель, творец, тотальный, заверченный, простой, самодвижущийся, у которого в дальнейшем могут появиться собственные переменные, собственные видимые противоречия. Итак, конечная дуальность начал не допускает ясной рациональности ни в сфере математики, ни в области пронизательной философии: противоречие продолжает оставаться [8, с. 128].

Естественно, в данном направлении исследователи не могут продвинуться дальше. Философской простоте недостает экспериментальных данных, а вместе с тем науке не хватает данности рационального единства, которое придавало бы авторитет научному дискурсу в целом. Следовательно,

науке не хватает критерия соответствия, который обосновывал бы научный дискурс. А тем немногим, кто нашел философское единство, недостает единства экспериментального, научного, не хватает процесса, который придавал бы авторитетность способу, посредством которого идеально-идеологическое начало получает воплощение, обретает реальность в «здесь и сейчас» существования человека.

3 ОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА МЫШЛЕНИЯ

Заниматься наукой – значит выбрать некое поле деятельности и понять действующие в нем причины с целью изменить их по усмотрению, требуемому функциональностью. Предметом онтопсихологии является анализ психологического опыта, выявление образующих его причин и элементов, которые ведут к поиску решений.

Для этого необходимо:

- 1) обнаружить оригинал;
- 2) отделить его от всевозможных связей, а значит, определить также и элементы этих связей;
- 3) уточнить своеобразие границ как оригинала, так и связей;
- 4) на основе проведенных сопоставлений установить, в чем состоит эволюция оригинала, и активизировать исключительно те метаболические процессы, которые подкрепляют самосозидание оригинала в открытом росте.

Идентифицировать, выделить, реализовать принцип, который мотивирует человека к историческому и метафизическому самоутверждению. «Формализовать» означает придать форму некоему контексту. Следовательно, формализовать синтез науки онтопсихологии – значит познать ее предмет, модус и цель.

Прежде всего, онтопсихология обладает собственным мировоззрением, которое составляет ее несущую структуру: каково ее видение мира, отношение к реальности и способ познания всего реального (мира, вещей, бытия, рождения, смерти, жизни в целом). Свое видение мира онтопсихология доказывает и удостоверяет, используя собственные инструменты (применяемый ею метод анализа).

Мировоззрение и инструменты – силовые точки онтопсихологии. За мировоззрением и инструментами, в качестве основных отношений в осуществлении познания и лечения человека, следуют прикладные области: психопатология и психосоматика, педагогика, психология лидера, философия, искусство, психология благодати и т. д. Психотерапия возвращает человеку здоровье. Но как следует воспитывать здорового индивида? Встает вопрос педагогики, и тут же неизбежно мы оказываемся в области онтопсихологической философии: «кто я?», «зачем я живу?», «к чему я стремлюсь?». Философия – это порядок знания, логика существования. Познав реальность, я формализую логику жизни.

Формализация логики существования – это и есть философия, знание логики власти, знание того, где и как действовать. В рамках философии возникает размышление об искусстве [3, с.49]. После того как реальность увидена и доказана, логика власти постигнута, необходимо понять, какой

способ действия будет наилучшим для меня. Если я выбираю экономику, то я должен изучить искусство экономики; если меня интересует высокая мода, то мне следует проникнуть в искусство стиля, хорошего вкуса и т. д. Искусство – это момент практического превосходства в философской логике, это потребность, присущая человеческой природе. Если логик может только размышлять, то служитель искусства творит прекрасное. Искусство многогранно: живопись, скульптура, политика, экономика, мода, психотерапия и т. д. Присутствие прекрасного – это не дополнительная «опция», а потребность природной интенциональности. С искусством связана тема креативности, прогресса, роста; именно искусство побуждает человека никогда не довольствоваться достигнутым, а постоянно пребывать в динамическом действии.

После всего вышеназванного онтопсихологическая мысль находит свое завершение в телеологии: это внутренняя цель (“telos” – от гр. τέλος), любовь и пленительность универсальной цели бытия. Говорить о благодати означает определять оптимальное поведение в опыте существующего.

В рамках анализа человеческого существа таким, каким он создан, мировоззрение, инструменты и области применения онтопсихологии внутренне близки интенциональности, создающей природу человека.

Как научно-теоретическая концепция, онтопсихология обладает одним «мозговым центром», из которого разворачиваются все возможные приложения. Поэтому стоит только понять базовый принцип (мировоззрение) онтопсихологии, как ее кажущаяся противоречивость исчезает и остается очевидность. Следовательно, необходимо усвоить онтопсихологический образ мысли (*forma mentis*) – ядро, или основание, для осуществления всех дальнейших применений.

4 РЕШЕНИЕ ЕДИНСТВА ЛИЧНОСТИ

В основе существования человека лежит структурированная целостность, то есть упорядоченная совокупность, обладающая собственным равновесием и пропорциями. Каждый из нас обнаруживает себя сотворенным и пребывающим внутри некоего факта жизни: человек причастен тому природному контексту, в котором он существует.

Этот контекст создает, питает и поддерживает человека. Связующей точкой, или пуповиной, соединяющей индивида и среду, является онто Ин-се – «разумная» форма жизненного мира, образующая индивида [1, с. 224]. За пределами ядра онто Ин-се нет ничего от индивидуации; лишь с онто Ин-се начинается измерение «человек». Ядро – это центральная часть, вне которой ничего нет. Это ядро является проектом, то есть тем, что определяет типологию существования единства действия, именуемого «человеком». Биологический модуль ДНК также представляет собой феноменологию онто Ин-се. Анализируя человека, Менегетти обнаруживаю, что его поведение и мышление обусловлены набором стереотипов: культурой, религией, традицией, внешним воспитанием, законами, менталитетом, перенятым от общества. Таким образом, человек существует в природе, располагает посредничеством онто Ин-се, но тем не менее организует себя с помощью

социальных стереотипов. Когда человек совершает выбор, выражает свою волю, он опирается на общественные законы.

Онтопсихология считает закон позитивным, если он функционален для его исполнителей; в противном случае он негативен. Философско-исторический вопрос о фундаменте этики, а именно, о *lex aeterna, ius naturae* (вечный закон, естественное право) и позитивном праве, как бы он ни был интересен, выходит за рамки данного видения, даже если онто Ин-се понимает суть трех данных аспектов и соизмеряет их друг с другом.

Стереотип – это приобретенный модуль конструирования, формализованный группой критериев, которые большей частью основаны на исторических убеждениях. Анализ и верификация этих стереотипов свидетельствуют о том, что они не являются естественными производными природы, семьи или общества, а имеют другой источник. Они детерминированы универсальной базовой матрицей, служащей точкой опоры для стереотипов, а также для сознательных и волевых поступков индивидов. Эту матрицу Менегетти назвал монитором отклонения. Монитор отклонения – это своего рода компьютер. Данная ситуация приводит к нарушению функциональности субъекта – к тоске, кризису, болезни, недовольству, экзистенциальному краху, неспособности достичь своих целей и враждебности по отношению к другим («человек человеку волк»). Установленные и поддерживаемые природой, мы организуем себя по схемам, матрицей которых является монитор отклонения. Результатом становится экзистенциальная шизофрения, поскольку монитор отклонения представляет собой логический процессор, организующий жизнь индивида способом, чуждым идентичности последнего.

Обнаружение онто Ин-се – универсального динамического критерия общего и целостного развития человека – позволяет идентифицировать, отличить и отделить все патологическое или отклоняющее. Динамический критерий одновременно становится семантическим критерием. «Динамический» – свидетельствует о смещении (формализации) энергии, а значит, служит отправной точкой и задает способ ее ведения. «Сема» представляет собой точную определенность. Следовательно, «семантический» означает, что у энергии есть собственный проект. Поскольку по результатам наблюдений лишь онто Ин-се является для субъекта посредником жизни и аутентичной реальности, любое поведение, противоречащее онто Ин-се, неэффективно, стереотипно, патологично. Великим достижением онтопсихологии является не открытие семантического поля, а идентификация онто Ин-се. Открытие семантического поля позволило объективировать онто Ин-се, этот универсальный критерий: все равное этому критерию есть жизнь, все отличное от него – патология. Онто Ин-се определяет и конкретизирует природное «изо», которое, в свою очередь, удостоверяет онто Ин-се, то есть они – тождественны. Под природным «изо» подразумевается, что человек в данной совокупности обладает возможностью опосредовать флору, фауну и все, что составляет часть огромного целого под названием мир жизни.

5 ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ОРГАНИЗМИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ

Чтобы доказательно говорить об онтопсихологии, мы должны сначала погрузиться внутрь эпистемического опыта.

«Эпистемический опыт» означает «пребывание в корне, в животворном истоке, во “в-себе” эксперимента»; только так на опыте можно уловить очевидность. Онтопсихология открыла формальный критерий для использования в науке – Ин-се.

Первым открытием было семантическое поле (базовое биологическое восприятие). От людей постоянно исходят послания с точно заданным адресатом. Эта совокупность импульсов, или интенциональностей (чувство голода, жажда, безопасности, ригидности, симпатии, антипатии, агрессивность, любовь, секс, желания, чаяния, психические конstellляции, целеустремленность и т. д.), образует собственную сеть и имеет свою стратегию действия. Открыть семантическое поле оказалось несложно: субъекту достаточно полностью и внимательно вслушаться в себя, отогнав любые мысли, чтобы ощутить многогранность импульсов и разнообразие ситуаций.

Проблема состоит лишь в том, какому из этих импульсов необходимо следовать. Рядом с одной личностью возникает одна реакция, с другой – иная; каждому человеку соответствует особый тип переменных реакций. Восприятие семантического поля – это повседневный и естественный опыт, свойственный каждому живому существу и меняющийся от одного человека к другому. Оттачивание способности к познанию этих телесных взаимодействий (базовой приемопередачи) позволяет переживать интерактивность семантического поля в каждодневном опыте [3, с. 52].

Многогранность импульсов – это всегда феноменология, а не сущность семантического поля. Улавливая импульсы и испытывая ощущения, мы постоянно имеем дело с феноменом, природа которого может быть как здоровой, так и комплексуальной. Первым моментом всегда является психическая деятельность. Семантическое поле – это переменная психической деятельности, проект данного мгновения психического самодвижения. Любое направление движения есть семантическое поле: это мгновенный проект энергии как таковой.

Психическая деятельность всегда невидима. Даже мышление и сознание являются феноменологией, а причину в-себе увидеть нельзя. Когда мы мыслим, то уже отражаем: наше сознание прочитывает то, что уже проявлено феноменологически. Одним из примеров феноменологии является сновидение. В процессе исследований Менегетти отследил все импульсы, которые улавливал с помощью семантического поля. Многократно выдвигая гипотезы и получая один и тот же результат, он пришел к формальному открытию онто Ин-се. Исследование проводилось по каждому направлению в отдельности. Выяснилось, что субъект обусловлен в первую очередь половыми, дружескими, то есть в целом аффективными отношениями.

Исследуя результаты, к которым приводили такие отношения, связанные с точной динамикой переменных семантического поля, Менегетти определял связь или ситуацию как негативную, непродуктивную всякий раз, когда обнаруживал, что субъект несет потери в экзистенциальном и биологическом плане, даже если сам субъект считал такую ситуацию желанной и жертвовал собой ради нее.

Экспериментально исследуя различные векторные направленности, Менегетти смог выделить и идентифицировать один импульс. Всякий раз, когда субъект следовал указаниям, а значит, интенциональности этого импульса, динамика завершалась позитивным для него результатом: он обретал внутреннюю уравновешенность, здоровье, развитие, функциональность, то есть приходил к самореализации. В противном случае субъект терпел поражение, происходило нарушение его экзистенциального и биологически-функционального равновесия. Этот импульс существует наряду со всеми другими, действуя иногда вместе с ними, а иногда – нет, но присутствует он всегда. Неизменным доказательством вышесказанного было объективное, экзистенциальное, психическое или психосоматическое лечение, приводившее к выздоровлению и устранению симптомов.

Открытие онто Ин-се стало возможным благодаря многочисленным научным экспериментам. На основании клинических случаев индуктивным путем Менегетти вывел ряд гипотез. Анализ был завершен после многолетнего изучения и сравнительных исследований сотен пациентов, социальных групп с различной идеологией и психологической формацией, но всегда принадлежащих тому виду, который определяется как человеческая раса [4].

Когда возникает невроз, болезнь, уменьшаются или увеличиваются жизнеспособность, радость, удовлетворенность? Что вызывает болезнь или, напротив, рост? Если субъект заболевает, как восстановить его целостное здоровье? Как устраняется аномалия, в появлении которой субъект винит внешнее влияние? Для ученого важно, чтобы индивид был функциональным для себя и реализовался в собственной экосистеме (экосистемная функциональность).

Для обоснования эпистемического критерия недостаточно очевидности, поскольку очевидность – это одна из конечных целей. Чтобы понять, как устроен человек, в исследовании были выбраны и применены два методологических критерия: идентичность и утилитарную функциональность.

Идентичность означает: чем бытие является в данном месте, способ, каким бытие пребывает здесь. Это способ, посредством которого индивидуализируется сущность, за пределами своей феноменологии. Путем анализа идентичности обнаруживается вид, типичный для данного модуса существования и отличающий его от других.

Утилитарная функциональность – это определение и выбор всего, что усиливает эту идентичность, и отказ от всего, что ее умаляет. Чем более

развивается способность разума (территориальное расширение природной идентичности), тем специфичнее становится его функциональность.

На основании двух вышеуказанных критериев, все из обширной феноменологии человека (еда, питье, секс, борьба, рост и т. д.), что соответствует идентичности, является феноменологией, синкретичной реальностью динамики Ин-се субъекта. Истинно и неоспоримо все то, что ведет к конкретной утилитаристской и биологической функциональности. На основе идентификации онто Ин-се здоровым и истинным будет все то, что соответствует его динамике и коррелирует с ним, все ему подобное. То же, что отличается от его проекта, является болезнью, направлено против человека.

Постоянное применение двух указанных критериев позволяет верифицировать весь ход существования человека – от заживления раны до обретения им высшего знания.

Экстраполировав этот импульс, который является несущей структурой эффективности для всех остальных, Менегетти назвал его онто Ин-се. С онто Ин-се связаны определенные эффекты, следующие друг за другом. Речь идет о семи результатах, описанных выше. Наличие всех семи результатов составляет решение единства личности. Лишь наличие импульса Ин-се дает критерий жизни. В обширной сети, где пересекаются многочисленные импульсы и взаимодействия (социальные, биологические, природные, импульсы монитора отклонения) всегда можно реализовать базовый критерий.

Эта упорядоченная сила присутствует в каждом человеке с первого момента жизни. Только благодаря этому импульсу все становится возможным, без него единство действия субъекта регрессирует. Наблюдая семантические поля изнутри, Менегетти не искал онто Ин-се, но видел, что каждое появление этого импульса вело к улучшению.

Оно благотворно сказывалось на жизни (в плане секса, удовлетворенности, уверенности, интеллектуального развития и т. д.), но при этом считалось грехом, чем-то нелогичным, аморальным, шло вразрез с правилами, противоречило главенствующим в обществе узаконенным и идеологическим нормам.

Этот импульс противостоял представлениям о муже, жене, отце, он противоречил набору стереотипов. Его проявления были сравнимы с гордыней и семью смертными грехами, но вместе с тем он питал элементы, необходимые инстинкту жизни. Сложность заключалась в том, что он противоречил системной морали, но при этом удостоверял жизнь.

6. ОНТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ЛОГИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ «Я»

В повседневной норме человеческой жизни присутствуют экзистенциальная шизофрения и отклонения. Поэтому, нужно преодолеть стереотипы, болезни, комплексы, прежде чем говорить о динамике онто Ин-се.

Онто Ин-се – это то начало, что лежит в основе форм, в которых в дальнейшем проявляется благополучие. Для того, чтобы постичь и стать онто

Ин-се, нужно избавиться от соматических заболеваний, комплексов, стереотипов, рефлексивной матрицы и монитора отклонения. Лишь после этого открывается доступ к изначальному Бытию.

Какова взаимосвязь между вышеназванными факторами?

Болезнь – это яркое, развернутое проявление искажения или угасания природного проекта; это надлом, нарушение равновесия, регресс. Болезнь – это первое, с чем мы сталкиваемся в клинической практике. Даже если явной болезни нет, то присутствуют комплексы. Комплекс – это совокупность в психической деятельности человека силовых точек, действующих независимо от власти «Я».

Комплексы представляют собой автономные силы, не подчиняющиеся сознательно-логическому «Я», или волеизъявлению субъекта. Это активные динамические зоны, которые составляют часть бессознательного и зависят от онто Ин-се.

Онто Ин-се является неизменной точкой опоры, допускающей бытие или небытие и все, что бы ни случилось в человеке. Комплекс – это любая типология психической деятельности, не связанная с волей логического «Я». Комплекс – это не обязательно болезнь. В большинстве случаев комплексы проявляются как нечто отклоняющее, но иногда один комплекс может быть лучше, чем массивный пласт сознания логического «Я».

Зачастую человек сознательно проживает лишь посредственную часть себя, тогда как лучшая его часть пребывает в латентном состоянии. Во время проведения психотерапии можно обнаружить, что лучшая деятельность онто Ин-се заключена в рамки автономии комплекса. Следовательно, необходимо провести его дорогой здравого смысла, то есть расширить «Я». В результате мы получим не только согласование с онто Ин-се, но и выражение выгоды для субъекта, а именно, усиление его целостности.

Довольно часто происходит подмена личности (раздвоение личности): субъект был одним, но вдруг его словно подменили. Из-за чего это происходит? В зоне управления логико-исторического «Я» внезапно происходит переворот, полярность комплекса одерживает превосходство над привычным для субъекта «Я» и навязывает новый стиль личности, разума, реакций. Бессмысленно объяснять этот феномен реинкарнацией или переселением душ. Подобные подмены личности возникают вследствие того, что управление захватывается автономной силой комплекса, присваивающей себе всю сферу логико-сознательного «Я».

Иногда, когда разум субъекта захвачен извне негативным семантическим полем, невозможно обнаружить факт подмены его личности. Внешнее семантическое поле другой личности может воздействовать на субъекта только лишь при его собственном сведущем соучастии, при латентном действии его «Я» или же при попустительстве со стороны одного из его комплексов, достаточно близко расположенного к порогу сознания логического «Я». Плагиат в силу внутренней логики составной части единства действия невозможен. Для того чтобы плагиат стал возможен, сначала должна наступить смерть, потому что индивид – с момента своего

появления – существует по-своему, с определенной матрицей и типологией, со своими комплексами. Если бы другая структурная схема полностью овладела субъектом, то он прежний бы просто умер. Жизнеспособность любого иного образования определяется лишь привязанностью, решением о сосуществовании, выбором внешне обусловленного субъекта. Невозможно, чтобы две личности, два Ин-се, две матрицы пребывали в одном теле. В нем непременно существует главенствующее динамическое образование, которое пресекает жизнь чужака на своей территории. Подмена личности может произойти также под воздействием семантического поля или вследствие смещения вытесненного в виде «Сверх-Я». Тогда комплекс обретает полномочия из-за энергетической потребности.

Любое противоречие жизненному проектированию, осуществляемому онто Ин-се, мгновенно стабилизирует квант комплекса. Если динамика онто Ин-се не является господствующей, то возобновляется действие программы самого организованного комплекса и он обуславливает существование. Если субъект не руководствуется собственным природным проектом, то его обуславливает программа доминирующего комплексного импульса.

В основании доминантного комплекса находится рефлексивная матрица (которая восходит к монитору отклонения), определяющая стиль диады. Зная рефлексивную матрицу субъекта, мы можем составить карту его возможных болезней. Существующий предохранительный, стабилизирующий узкосекторный уклад обеспечивает исключительно однонаправленное движение и пресекает любое взаимодействие, не предусмотренное главным проектом рефлексивной матрицы.

Если мы хотим вылечить человека, то должны восстановить (отвоевать) виртуальное проектирование, осуществляемое онто Ин-се. С помощью этого виртуального проектирования можно вмешаться в программирование комплекса, порождающего болезнь. Никакая болезнь не может возникнуть без программирования на уровне психики. Человеческая раса так устроена, что внешняя ситуация может повлиять на человеческое тело, только если это предусмотрено тематическим отбором, уже существующим в субъекте. Возможность влияния зависит не от внешних факторов (вирусов, инфекции и т. д.), а от структурированной в психике программы, которая встраивается в субъекта с детских лет, тематически определяя его в рамках диады. Нельзя подхватить болезнь, отличающуюся от предусмотренной комплексом структурной схемы.

Комплекс не может возникнуть без сопровождения стереотипов. Он всегда является результатом развития их логики. Набор стереотипов – это проявление технико-кибернетической сущности монитора отклонения. Стереотипы – это структурные схемы общества, семьи, исторической, социально-экономической, политической и религиозной эволюции [1, с. 258]. Это те самые лестницы, рельсы, виадуки, которые так часто появляются в сновидениях. Это сами по себе нейтральные механизмы, чье качество определяется по результатам их применения; это профили, то есть модули конструкции, или готовые к конкретному использованию структуры.

Следовательно, необходимо проверить, насколько подходящие стереотипы субъект привел в рабочую готовность.

Логическое «Я» формируется из предпосылок структурной логики общества, задающей непреложные программы поведения. Ребенок либо к ним адаптируется, либо будет уничтожен. Много из того, смысл чего ему не удастся ухватить, переходит в латентное состояние и трансформируется в автономные комплексы. Необходимость метаболизировать стереотипы в результате приводит к появлению комплексов.

Матрица – это историко-техническая модальность, фиксирующая субъекта в заданных ею же рамках. Субъект становится обладателем матрицы не в силу наследственности, а на основании двух условий: типологии семейной культуры; стереотипа, преобладающего в семейной культуре.

Матрица вводится на основе выбора в пользу внешнего авторитета и не зависит от института семьи или от элементов спонтанности ее темперамента. Не мать и не семья решают, какой быть этой матрице. Первичная сцена, на основе которой задается код матрицы, разворачивается по исторической случайности, а не по исторической причинности. Речь идет о любом событии, которое кодируется под безапелляционным давлением извне. Монитор отклонения дает свое разрешение на выход в свет, ставит свою печать.

Однако при правильно найденной соразмерности рефлексивная матрица могла бы способствовать развитию цивилизации, общественной морали, коллективности, помочь многим недостаточно ответственным индивидам найти себе место в рамках процесса людской агрегации нашей планеты.

Сама по себе матрица определяет внешний характер. Темперамент, в его природном исполнении, основан на совокупности инстинктов. Их определенная пропорция выделяет конкретного человека, будь то художник, садовник, физик и т. д. Из различных модусов синтезируется единство эволюции всего вида. Точно так же, как все наши клетки различаются между собой (у каждой – своя определенная функция), типы темпераментов практически неисчислимы. К сожалению, все люди заведомо обусловлены характером рефлексивной матрицы, которая монополизирует многообразие темпераментов, дарованных человеку природой, и сводит их к нескольким типологиям.

Мать сама является одной из многочисленных жертв. Не она закрепляет матрицу, поскольку анализ сновидений показывает, что импринтинг в индивиде происходит на основе первичной сцены, выбранной и охарактеризованной по случаю. Матрица вводит, специфицирует и стабилизирует стержневой стереотип. Матрица представляет собой стержневой стереотип, который затем допускает существование всех остальных стереотипов и навязывает свой тематический отбор. С этого момента и впредь бытие субъекта помечено знаком одинаковости, если только в один прекрасный день он не сумеет добиться полной автономии, восстановив в себе совпадение между логико-историческим «Я» и онто Инсе. Как правило, люди так и живут всю жизнь с этим штампом, который

предвосхищает любой контакт с реальностью и отклик на него. Попробуйте проанализировать себя и увидите отсутствие какой-либо новизны в ваших ошибках (то, как вы говорите, забываете, демонстрируете себя другим и т. д.). Существует потребность в ошибках, и каждый ставит печать своей рефлексивной матрицы, которая определяет специфику судьбы. Монитор отклонения унифицировал всех нас, доведя до состояния роботов и лишив возможности служить своему естественному хозяину.

Монитор отклонения – это компьютер, который вводит информацию, не имеющую отношения к нашему организму. Его нельзя отнести к живым существам; это электронный механизм спекулярного свойства, симбиотизированный с синапсами нейронов в точно определенной точке головного мозга. Всякий раз, когда мозг активизируется в целях познания, монитор отклонения отправляет информацию, подобно световой вспышке. Ему достаточно присовокупить к образу, порожденному реальным опытом, два-три фотона, чтобы произошло искажение информации.

Как соотносятся между собой логико-историческое «Я» и онто Ин-се? Онто Ин-се вечно, но во времени и пространстве на этой планете бразды правления держит логико-историческое «Я». Квант зависит от бытия, но его применение зависит от логико-исторического «Я». Онто Ин-се владеет даром, но именно логико-историческое «Я» прокладывает дорогу. Во всем, что создано с величием, отражены время, отбор, многолетний труд и каждодневное оттачивание мастерства.

Логико-историческое «Я» – это власть истории, позволяющая родиться онто Ин-се. Школа, общество, онтопсихология, онтоарт воспитывают в логико-историческом «Я» способности и стиль поведения, ведущие к победе. Однако это вопрос выбора, а не необходимость.

Через реализацию собственных амбиций раскрывается способность логико-исторического «Я» определять историческое рождение метафизики онто Ин-се. Логико-историческое «Я» является проекцией, создаваемой онто Ин-се для того, чтобы применить себя в пространственно-временных координатах планеты Земля. Без него онто Ин-се не могло бы существовать в данной феноменологии. Измерительный критерий логико-исторического «Я» состоит в том способе, каким оно определяет наилучшую пропорцию феноменологии для интенциональной потребности онто Ин-се. Следовательно, логико-историческое «Я» – это критерий проекции онто Ин-се. Логико-историческое «Я» должно соблюдать два правила:

1) самореализоваться вовне, не вступая в противоречие со стереотипами социума и исторической феноменологией; приспособиться, чтобы избежать столкновений, иначе оно будет разрушено;

2) выстроить свой путь постепенно, следуя вариативности разных дорог. Логико-историческое «Я» всегда находится в состоянии компромисса: оно должно спасти общество и свою метафизическую сущность, не разрушив ни общество, ни онто Ин-се. В этом состоит равновесие двойной морали («Богу богово, Кесарю кесарево»). «Я» должно быть строителем посредничества между бытием и существованием, личностью и обществом.

7 ОНТО ИН-СЕ И КОНСТАНТА «Н»

Мы живем в огромном универсуме. В качестве человеческих существ, мы составляем некоторую константу. Константа *humanitas* (константа человечества) – это прикладная форма разума. Человеческое существо отличают не глаза, волосы, нос или число конечностей, а специфика его разума и способ осуществления исторического аутоктиза. Как ученые, оперирующие причинами с целью достижения заявленных специфических следствий, мы не можем идентифицировать и выделить истину как таковую. Мы можем выделить только ту истину, которая будет таковой для нас, индивидов человеческой расы. Когда задана цель, мы можем определить соответствующие средства ее достижения. Простые обстоятельства обретают свою ценность в соотношении их с целью субъекта. Мы не можем определить энергию саму по себе: мы можем идентифицировать энергию, нацеленную на что-либо. Динамика и ее относительная сообразность или полная противоположность идентифицируются по следствиям, которые реализуют или отрицают цель.

Гуманистическая психология призвана найти закон в ориентации на конкретного субъекта, вместо того, чтобы исходить из универсальных начал природы. Специфику природе придает индивид, а не наоборот. Специфика этики ситуации определяется относительностью сотворенных индивидуаций, а не ситуацией самой по себе. Выполняя этот порядок, в конечном счете, мы сами должны уточнить специфику своей экзистенциальной морали [5, с. 167]. Специфическую определенность этике придают субъекты, находящиеся внутри ситуации. Ситуация не определяет специфику субъектов. Сам субъект должен определить то, что подходит ему в данной ситуации, и выполнить это. Здесь в игру вступает двойная мораль.

7.1 КОНТСТАНТА «Н» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ

Под константой «Н» Менегетти подразумевает константу человека. Таким образом, данная тема касается формальной составляющей всей человеческой феноменологии, представляющей собой деятельность с упорядоченным развитием, которая уточняет специфику человека как такового в системе космоса. *Costans Hominis* – константа человека – определяет специфику человека и придает ему отличия.

В бессознательном человека Менегетти обнаружил единообразные структуры, которые стоят по ту сторону различных форм языка, религии, культуры. Наша психическая деятельность предельно проста, компактна и потому способна на лучшее, на бесконечное число относительных взаимодействий. Они кажутся новыми при сравнении друг с другом, но в реальности представляют собой самодвижение вечно простого, самоуправление в психоделической бесконечности, которая всегда остается нетронутой, идентичной исключительно себе самой.

Человеческая природа обладает своим порядком, своей существенной позицией, структурой, которая несмотря на свое отсутствие в феноменологии, вызывает присутствие и реальность всех рассматриваемых

проявлений человеческого. Здоровый человек есть интенциональная пропорция. Константа «Н» есть интенциональная пропорция. Мы же составляем лишь часть необъятного дискурса, смысл которого нам неведом. Видение потенциала действия жизни позволяет незамедлительно обнаружить, что, как форма ума, я мог бы существовать в виде бутылки, дерева, птицы, глаза, то есть мой пытливый исследовательский ум мог бы существовать и другим способом. Однако во мне действует функция, порядок которой определен для реализации именно этого предложения жизни, и я обнаруживаю себя почти что формулой, конденсатом, тем, что формализовано жизнью для существования в непрерывности. Индивид может существовать более ста лет, а в рамках коллектива – миллионы. Константа «Н» являет себя бесконечными способами, точно так же, как все воспоминания соотносятся одно с другим. Например, когда я говорю «Я», ему соответствуют определенные связи, некоторая идентичность и непрерывность воспоминаний. Если произносится «Я», то это призванное «Я» отвечает всей своей исторической реальностью, созданной по ее собственным пропорциям. Вместе с тем это «Я» составляет часть все той же великой единой силы, коей является психическая деятельность, но там, в этом «Я», она обладает еще одной локализацией.

Везде, где существует человеческая оформленность, категорически и абсолютно призывается «Я», которое не находит пределов в себе самом. Пределы являются внешними, феноменологическими: если я здесь, то не могу быть там, если у меня две руки, я не могу иметь четыре и т. д. Константа «Н» – это формула модусов проявления жизни [1, с. 96].

Константа «Н» – это модуль построения и синтеза жизненного потенциала. В атмосфере присутствует множество химических компонентов – от кислорода до углерода. Но я синтезирую кислород по установленным категориям, соответствующим программе этого синтеза. Цветы синтезируют кислород из того же пространства, но делают это по категориям, отличающимся от моих. Во мне задана константа одного типа, в цветах – другого.

Константа «Н» – это базовая формула, через которую определяется специфичность человека в универсуме. Это тот способ существования, свойства которого, независимо от особенностей личного опыта исторически существующего составного целого, отличают его (целое) от всех прочих. Уточняя человека в нем самом, константа «Н» отличает его от всех других возможных способов существования в универсуме. Человеческое – оно такое: такова его мера, пропорция, единство действия, отличное от всех других [6].

Константа «Н» – это постоянная формальная пропорция. Мы являемся результатом данной формулы жизни. Поэтому константа «Н» представляет собой критерий отличия бытия или небытия в качестве человека. Посредством константы «Н» я могу отличить себя и взаимодействовать на этой планете на основе этой специфичности, позволяющей мое особенное, своеобразное присутствие рядом с другими способами существования жизни.

Основная цель константы «Н» – отличать, конфигурировать активную, автономную в самой себе идентичность в окружающем универсуме, на нее не похожем. Константа «Н» – модуль, по которому происходит синтез, самосозидание, программирование в единой фразе жизни. Это категория, которая определяет специфику и отличия жизни. Константа «Н» – это способ синтеза жизни, и потому я постигаю универсум согласно виртуальности своей константы. Все, выходящее за рамки виртуальности моей базовой формулы, для меня не существует, для меня есть ничто. Это означает, что я, человек, не могу ухватить точность реальности самой по себе. Мне доступна только та реальность универсума, которая соотнесена со мной и мне созвучна. Я могу измерять только то, что признает моя мера, что идентифицирует моя константа «Н». Там, где моя константа «Н» ничего не распознает, я не способен что-либо идентифицировать. Поэтому высказывание Протагора «человек есть мера всех вещей» означает: из своей меры я познаю то, что эта мера постигает.

Какова логика универсума с точки зрения цветка? Какова реальность универсума с точки зрения насекомого? Какова реальность универсума в рамках шифра понимания, присущего человеческому существу? Мы отбираем сведения о мире и любой реальности исключительно на основе темы идентичности нашей константы «Н». И реализовать себя в универсуме мы должны в соответствии с тематическим отбором нашей индивидуализированной константы «Н».

Константа «Н» важна как интенциональный критерий, незаменимый для прозорливой психологической науки. Желая быть логичным, я должен в любом исследовании встать в позицию определенности по отношению к одной точке и от ее реальности измерять все остальное.

Метаболизируя ситуации, инородные моей психобиологической идентичности, моей психической деятельности, я становлюсь чуждым для себя, то есть больным. Болезнь, или ошибка, означает «существовать вне себя, существовать другим». Следовательно, это попытка формализовать реальность противоположную, не свойственную мне по своей сути. Константа «Н» обладает некоторым порогом терпимости. Мне плохо, когда я по свободному волеизъявлению что есть сил впускаю в себя то, что не предусмотрено моим функциональным порядком, или константой «Н». В константе «Н» заключен принцип «быть или не быть»: или я есть такой, какой я есть, или меня нет. Таков принцип всего существующего, объективированного как тот или иной постоянный вид индивидуаций в существовании.

Чем больше типология константы «Н» индивидуализирована и утверждена типологией инвестиций в действие, тем крепче сила действующего субъекта. Феноменологическим подтверждением этому служит расширение территории креативности субъекта. Больной располагает ограниченным пространством и самостоятельно ни на что не способен. Тот, чье поведение полностью синхронно с интенциональностью константы «Н», расширяет собственное пространство, причем не захватывая его, а оживляя.

Субъект, точно соответствующий константе «Н», активизирует человеческое пространство.

Проведенный с помощью онтопсихологической методологии глубинный анализ определенных символов, появляющихся в сновидениях и имагогике, приводит к рациональному видению внутриспсихического мира. Уменьшение присутствия константы «Н» сопровождается увеличением количества символов: объяснение одного символа опирается на другой, призывающий, в свою очередь, третий и т. д. Наш разум блуждает в ночи символов, живет символом ради символа, образом ради образа, логосом ради логоса. Но когда мы приходим к такому завершению, живого человека уже давно нет. Присутствие константы «Н» влечет уменьшение символов и представляет идентичность принципа жизни [3, с.65]. Этот принцип полагает человеческое «здесь и сейчас» как константу «Н» в открытом творении.

Константа «Н» предстает как формула, синтезирующая развитие креативности и определяющая здоровье или его отсутствие в человеке. Это критерий, позволяющий определить, функциональна ли для человека его психология, обладают ли все обнаруживаемые нами корреляции, наши усилия научностью в самой жизни и служат ли они жизни (в ее человеческом проявлении). Целостное осознание константы «Н» позволяет ясное, или осознанное, взаимодействие со всей реальностью, имеющей к нам отношение. Поэтому константа «Н» является определяющей не только для постижения сути человеческой ситуации в становлении, но и для соизмерения виртуального для нас универсума.

Константа «Н» – это качественная определенность единицы действия, которая затем становится единицей измерения всех параметров любой науки. Специфичность, обособленность этого априорного объекта затем служит критерием, синергичным всем последующим взаимодействиям.

Константа «Н» способна развиваться и обладать высоким уровнем автономии. Существовая в связях с окружающей средой, константа «Н» умеет метаболизировать, различать и отбирать из нее свойства, подходящие для собственной индивидуации, и происходит это на уровне тысяч процессов – от химических до психологических.

Волевое логическое «Я» читает и понимает кодировку организмической проекции так, будто она присуща организму. Поэтому впоследствии «Я» интенционирует, дает старт индуцированной динамике, не соответствующей экзистенциальной ситуации. Достаточно проинформировать «Я» о неточности проекций, которые оно считает организмическими, чтобы произошла их критическая проверка. В этом случае логический интеллект оставляет свою пассивную леность и начинает действовать критически, проверяя все отношения, все соответствия между знаком и модусом кванта с самого начала. При этом он постоянно использует исходную меру, то есть внутренний порядок константы «Н», и тщательно следит за тем, чтобы вся совокупность ее существенных свойств присутствовала в любом процессе.

Практически, без объективного параметра константы «Н» интроспективная способность интеллекта не могла бы критически проверять

наше существование, наше пребывание в мире. Но при внутриспсихическом обследовании на основе константы «Н» тотчас же распознается и идентифицируется чужеродность несоответствующего спекулярного элемента. После чего остается только одна проблема, подобная внешнему затруднению, когда мы уводим собеседника от наших личных убеждений. Константа «Н» внедряется как срединная ценность, как предложение средней посылки. Это универсальная средняя посылка всех пропорций человеческого начала в его биологическом, психологическом, физиологическом, моральном и интеллективном модусах. Константа «Н» – это внутренний предмет научного дискурса, гарантирующий научность и придающий науке авторитет.

8 ОБРАЗЫ КАК ФОРМУЛЫ ЭНЕРГИИ

Энергетическое однообразие обретает специфические свойства благодаря векторной направленности, которая моделируется в виде геометрической проекции энергетического самополагания. Образ – это геометрическая проекция действующей векторной направленности. Векторности семантического поля присущи свои образы. Образ – это формальный кванта. При интерпретации сновидений, психосоматики, ошибок, всего, что входит в феноменологию субъекта, мы постигаем формулы, определяющие специфику действующих квантов. След формальных квантов составляет образ.

Чтобы различить эти формальные кванты, достаточно следовать критериям образов, уже опознанных и подтвержденных очевидностью результатов. До тех пор, пока даны проекции импульса онто Ин-се, субъект совершает позитивное историческое становление (аутоктиз). В этом случае образ содержит и формализует прибыль и рост для субъекта.

Постоянство приспособления и эволюции онто Ин-се в исторической ситуации учредило особый язык. Буквы алфавита представляют собой формулы, суть которых выведена из наших знаний и практической деятельности. Игрой нескольких букв мы создаем архитектуру почти бесконечного числа конструкторов, мы способны закодировать фантастический, необыкновенный универсум, позволяющий творить бесконечно. Бессознательное формирует образы, режиссирует смысл с помощью собственного алфавита в зависимости от того, как им пользуются.

Онтопсихологическая культура установила ключевые позитивные и негативные образы. В книге «Мир образов» А. Менегетти объяснены базовые элементы, позволяющие без каких-либо исключений идентифицировать знаки на предмет присутствия или отсутствия жизни. В этой книге приведена смысловая система, усвоенная онто Ин-се в процессе приспособления к исторической ситуации монитора отклонения, данной экосистемы и человеческого вида. Когда бессознательное иллюстрирует собственное онто Ин-се в рамках заданных координат, оно вербализует свои сообщения с помощью специальной системы символов [2, с. 86].

Открытие онто Ин-се позволило описать некоторые постоянные переходы. Выделяя геометрический осадок какого-либо действующего образа, Менегетти определял его позитивность или негативность с позиции

конкретного субъекта и посредством идентификации в определенных геометрических параметрах – знаках. Наиболее легкие для понимания переходы имеют место, когда субъект болен и нуждается в лечении. Вылечить его легко, поскольку сигналы совершенно отчетливы. Труднее, когда субъект придерживается своих стереотипов, но живет неплохо, хотя в этом случае все еще можно отличить онто Ин-се от стереотипов. Ситуация еще более усложняется, когда мы сталкиваемся с чистым творчеством, поскольку человек в этот момент становится творцом, в его ментальной деятельности нет более застылых точек и заранее проштампованных шагов. Трудно проследить интенциональность онто Ин-се на стадии чистого творчества, поскольку здесь логико-историческое «Я» идет наравне с онто Ин-се, которое является открытой виртуальностью, поэтому оно может утвердить как закон то, что сформировано онто Ин-се.

Образы в вышеописанной книге совпадают с природной динамикой. Интерпретируя знаки бессознательного, субъект определяет свое состояние. Но для понимания знаков субъект должен быть человеком с нормальным умом и хорошим здоровьем. В данной книге, конечно, представлена не вся органиграмма выявленной символики деятельности бессознательного. Это довольно сжатый, но вполне достаточный справочник, позволяющий квалифицированно определить индивидуальное здоровье с перспективой роста.

Для физика-экспериментатора формула представляет собой не знак, а действие энергии. Формула – это способ самоформализации энергии, следовательно, это вид действующей энергии. Бесполезно опровергать формулы: если даны определенные конденсаты, динамика математически ведет к полагаемому ими следствию. Образы – это ключ к смыслу. Появляющиеся в сновидении образы – не символы, а смещения реальности. Однако имеет смысл давать формулу лишь тому химику, который ее понимает. Все выделенные мною знаки представляют собой не что иное, как естественную феноменологию живого действия онто Инсе, модули энергии. Образы являются квантовыми проектами в действии. «Проект» означает «бросок для...», «динамику для...», неумолимо ведущую к специфическому следствию.

Онтопсихология установила то, как причина пишет собственные проекты, и научилась прочитывать их в качестве энергетических событий. Следовательно, онтопсихология выделила рациональные процессы, позволяющие определить аутентичность того или иного индивида. Знание этих процессов позволяет решить проблему собственного существования, но для этого необходимо пройти через онтотерапевтическое консультирование, то есть нужно быть здоровым. Когда бессознательное описывает ситуацию (органическую, семейную, общественную, политическую, экономическую и т. п.), оно показывает карту, построенную на двух началах: бытие и субъект. Онейрическая постановка проводит панорамный обзор с экономических позиций: чего стоит то, что ты сделал по отношению к бытию и к себе самому? Великое приключение человеческого существования состоит в

диадическом отношении между бытием и субъектом. Онто Ин-се черпает критерии идентичности и функциональности из метафизической диады. По беспощадному закону жизни сначала существует эта точка отсчета и только потом все остальное. Понятия семьи, дружбы, работы относительны: они пригодны лишь в том случае, если функциональны для связи бытия и субъекта [3, с. 73].

Из динамики многочисленных патологий Менегетти выявил одну, казавшуюся корнем всех других. Выяснилось, что она не похожа на импульс онто Ин-се, хотя сосуществует с ним и не противостоит ему полностью. Эта генеральная динамика была названа монитором отклонения, поскольку он дает искаженную, а не точную проекцию. Человеческое сознание воспринимает определенную информацию как точную, при этом, она таковой не является, поскольку не приводит к положительным результатам. Ошибочен не сам по себе монитор отклонения, ошибочна вера в него субъекта.

Чтобы доказать несостоятельность онтопсихологии, сначала нужно продемонстрировать ошибочность выделенных ею символов. Следовательно, чтобы опровергнуть онтопсихологию, нужно прежде согласиться на ее проверку научно-экспериментальным путем. Онтопсихология – это экспериментальная наука, которая удостоверяет себя умением точно и без исключений определять принадлежность знака монитору отклонения или онто Ин-се. Это означает, что онтопсихологией была прослежена эпистема ключевой информации, которую жизнь неразрывно связала с процессом развития цивилизации.

Анализ образов идентифицирует энергию и ее особую производную. По образу мы можем узнать, что производит определенная энергия еще до того, как познаем ее последствия. Онтопсихология анализирует данные о движении глобальной энергии на уровне предпосылок, поскольку, когда причина начинает действовать, она уже обладает своей векторной направленностью (образами). В природе ничего не происходит бесцельно. Не существует энергии без образов. Образ анализируется с помощью всех инструментов, разработанных онтопсихологией: имагогики, синемалогии, психотерапии и т. д. Интерпретация образов сновидений, фантазий и имагогики есть не что иное, как техническое прочтение динамических векторов. Появление определенного знака свидетельствует об однозначно активизирующейся специфической энергии. Если субъект воспринимает проект, отраженный на мониторе сознания, как растение, верблюда, солнце, ботинок или шкаф, то это происходит вследствие незнания. На самом деле за всеми этими образами стоят динамические формулы.

9 МЕМЕТИКА И ВЗГЛЯД НА НЕЕ С ПОЗИЦИИ ОНТОПСИХОЛОГИИ

Интерес к меметике расширяет горизонты рациональности и позволяет с большей конкретностью понять онтопсихологию.

Слово «мем» можно возвести к французскому “*moi meme*” («я сам», «равное для равного») или же к греческому “*μιμῆσις*” [*mimēsimai*] («имитировать», «подражать»).

Мем – это элементарная единица информации, способная повторять себя, множиться в параллельных или подобных друг другу системах; единица, предназначенная устанавливать бесконечные соединения.

Мем – это единица культуры, нечто вроде энграммы, составляющей память по такому же принципу, по которому одно слово вызывает другие, влечет за собой комплексы воспоминаний и информации.

По сути, это логико-теоретическое образование, противоположное гену как элементарной биологической единице.

Ген обладает собственной жизнью и автономной эволюцией. Мем же всегда надстраивается на генетическую органику. Следовательно, это информация, опирающаяся на другую генную информацию.

Меметика – это наука, предметом изучения которой являются феномены живущих идей, или мемов, а также политических идей, моды, легенд империй и многого другого с привлечением знаний из биологии, психологии, когнитивизма [1, с. 116]. В настоящее время возникла новая форма когнитивизма, не известная самим когнитивистам.

Строго говоря, что же такое мем? Поскольку мем исследуется междисциплинарной наукой, существует множество его определений, но, пожалуй, наиболее исчерпывающим определением будет следующее. Мем – это «некая идея, которая попадает в приютивший ее головной мозг и влияет на последующие события с целью воссоздания собственных копий, подключающихся к другим умам». Сходство мема и гена вовсе неслучайно. Ген – это уже более низкий уровень; ДНК – устаревшая реальность. Сегодня по всему миру действует другая «копия», которая никогда не видела прототипа, т. е. не была сличена с оригиналом. Оригинала просто не существует. Он – всего лишь логическая выдумка, нацеленная на установление и сохранение некоей оперативной системы.

Ген – это форма, или структура, единства действия, обеспечивающая передачу биологической памяти [1, с. 26]. Однако для данной передачи требуется много времени: человек должен вырасти, совокупиться с другим человеческим существом, и еще неизвестно, произойдет ли зачатие. При передаче памяти с помощью гена проходит слишком много времени, тогда как мем позволяет распространить определенную форму действия за один миг.

Действительно, если ген является базовой единицей передачи биологической копии, то мем выполняет ту же функцию в распространении культуры и отвечает законам сходным с генетическими, в частности закону эволюции и выживания наиболее приспособленных существ: побеждает носитель лучших мемов, а не обладатель лучших гениталий.

Только самые сильные, быстро размножающиеся живые существа могут надеяться на выживание. Аналогично наибольшее распространение получают легко запоминающиеся идеи, тогда как идеи менее запоминающиеся должны еще отстоять свое право на существование. Библия строится на литаническом повествовании, на молитвенных распевах, на устном пересказе, по сей день задающем ритм занятий в еврейских школах.

Никуда не исчезают колыбельные песни. В культуре всего человечества присутствует элементарная меметическая культура, основывающаяся на нескольких пословицах и поговорках, с помощью которых очень просто передать знания от одного народа к другому.

Таким образом, ум большинства человеческих существ можно сравнить с пристанищем мемов, поэтому нам приходится говорить не о креативности и онто Ин-се, а о вынужденном повторении мемов.

Рефлективная матрица задает предрасположенность к созданию структуры стереотипов. Она внедряет определенный код, и на его основе складывается стереотип. Как только рефлективная матрица человека приводится в действие, он вынужден действовать сообразно логике, соответствующей установленным в нем мемам. Стереотип – это поглощение мемов. Стереотип идентифицирует ситуации. Вслед за этим субъект выбирает, подходя к ситуации в соответствии с тем, как она отображена, избирательно представлена стереотипом, а не какова она на самом деле: происходит комплексный тематический отбор (или отбор, производимый доминирующим мемом).

С момента, когда матричный образ метаболизируется на уровне головного мозга, организм начинает вкладывать этот образ эмоционально. Для его активизации недостаточно проникновения вируса в центральный орган – головной мозг: необходимо также его полное усвоение поведенческой структурой субъекта. Комплекс – механизм, придающий направление набору, или соединению, мемов, – это осадок монитора отклонения.

Онтопсихология открыла существование базового индуктора мемов и назвала его монитором отклонения. Тому, кто понимает логику мемов, полностью открыт доступ к нормальному, логическому пониманию основ онтопсихологии. Монитор отклонения является общей, базовой системой меметической логики, тогда как онто Ин-се – это исходный подлинник, источник идей, отражающих функциональную реальность.

Как считают основоположники меметики – Ричард Броди и Ричард Докинз, – все побеждающие мемы в конечном счете неизменно можно свести к четырем главным биологическим «кнопкам» в нашем головном мозге: сражение, бегство, питание, спаривание. В реальности же деятельность мема основывается на захвате энергии для обеспечения собственной идентичности, а значит, определяется исключительно принципом экономии: я есть и живу таким, какой я есть; я существую и беру то, что нужно моему существованию. Ничего кроме идентичности и метаболизма. Каждый берет то, что считает или видит себе подобным. Такой принцип выработан природой в отношении всех индивидуаций, и именно им пользуется машина для поддержания своей специфической деятельности.

Но в этом нет действия онто Ин-се, представляющего великую и элементарную причинную позицию человеческой жизни на этой планете. Если репродукция гена предполагает половое различие индивидов, то для мема оно равным счетом ничего не значит: для своего размножения мему необходимо пристанище – человеческий мозг. Здесь параллели между мемом

и геном заканчиваются, и мем начинает походить скорее на вирус, на паразита, для выживания нуждающегося в гостеприимстве некоего организма.

По мнению Броди, хорошим мемом можно считать тот, что внедряется в как можно большее количество умов (или, другими словами, синаптически соединяется с большим количеством умов). Мы смеемся в цирке над репризами ловкого клоуна, потому что, несмотря на свое невежество, он знает мемы, стандарты стереотипов. Его простые, незатейливые колкости могут снискать больше успеха, чем размеренные творения признанных академиков, известных поэтов и деятелей искусств.

Мем – это паразит, нуждающийся в организме, в котором можно дислоцироваться и оттуда начать действовать и распространяться.

С 1976 г. и по настоящее время развитие меметики определялось постановкой все более специфических вопросов. В наши дни люди пользуются интернетом, и если мы продолжим цепляться за классическую цивилизацию, ориентируясь на Аристотеля, Платона и так далее, то нам не удастся понять сложившуюся ситуацию. Мои собственные познания свидетельствуют о том, что мем – это активная отраженная форма, которая размещается в организме, способном зеркально отразить ее. Мем укореняет программу в организме, который без конца отражает ее.

В какой степени индивид решает, какие мемы ему принять? Индивид ничего не решает, потому что мемы уже выбрали его, а присвоение хотя бы одного мема может привести к полной перестройке поведения субъекта.

Согласно теории меметики способность человека контролировать приобретение мемов сведена к минимуму, но можно заявить, что она равна нулю, ибо тот же Броди не подозревает о том, что служит носителем мемов и что эти информационные вирусы паразитируют в его организме. Ученые, в том числе и логики-аристотелисты, не могут дать точный ответ, поскольку сами заполнены мемами.

Особенно сильные идеи в состоянии программировать действия отдельного человека. Авторы, подобные Броди, стараются держаться подальше от религиозных, политических, экономических идей, от идеалов, потому что те представляют собой мемы ужасной силы, способные полностью подчинить себе автономность индивида и управлять ею.

Если интерес Броди обращен более к психологическим матрицам, то Докинз исследует биологические основания мемов. Он считает успешным тот мем, который способен посылать точные сигналы прямо в мозг, одновременно активизируя (т. е. действуя по принципу «более организованный организует менее организованного») максимальное количество групп нейронов, и, таким образом, объединять их в союзы. Мем манипулирует индивидом и включает его в общество, где индивид будет меметически воздействовать на всех других себе подобных. Общество предстает как совокупность индивидов, запрограммированных одним набором сверхточных и сверхмощных мемов или же вирусов, обосновавшихся в органике головного мозга.

Индивиды объединяются в сообщество и подстрекают друг друга с большей скоростью, чем это было до контакта их головного мозга с мемами. Мемы побуждают своих носителей к диалектике и конкурентной борьбе. Человеческие существа, состоящие в обществе, торопливо состязаются во взаимном разрушении, к чему их влечет непреложный ход бегущей ленты или зубчатого колеса мемов. При этом каждый индивид гордится точностью своего совпадения с меметической культурой, с меметическим образом.

Онтопсихология обладает ключом прочтения, понимания и контроля нового универсума; без этого ключа мир мемов ускользает из-под контроля.

Охватив своим вниманием такие непохожие друг на друга области, как маркетинг и исследования фольклора, наука о живущих идеях (то есть об идеях-стартерах, которые активизируют большое количество людей, особенно молодежные массы) обратилась к сфере коммуникации. В сущности, мем управляет своим носителем (головным мозгом) и превращает его в живое сырье для размещения и последующей передачи мемов. Тем самым решаются исходные трудности мема, связанные с местом его обитания. Поселившись в головном мозге, мем строит собственную базу-общину, или социальную общность, сплачивая множество индивидов в общество. Сегодня мы говорим о коммуникации, поскольку мы сами полностью обслуживаем коммуникацию мемов: чем больше мы общаемся, тем больше приноравливаемся к их специфическим потребностям.

Последние научные тенденции склонны видеть в распространении средств массовой коммуникации новый рубеж эволюции. Для современной культуры теория Дарвина не имеет смысла, поскольку перед нами раскрылась новая грань универсума. Какой будет эволюция коммуникации, таким и будет человек. Так в каком же направлении будет двигаться коммуникация? Какая история ждет мем? Интернет – лишь одно из последствий данности мемов. Мемы могут окончательно заменить гены. Ген перестанет существовать, и только мем продолжит свое шествие.

В этой связи мы можем вернуться к онтопсихологической теории психосоматики: на основании вышесказанного легко понять утверждение о том, что идеи способны трансформировать клеточные структуры. Ясно, что каждая из подобных идей – это мем или, лучше сказать, информационное образование, добавленное с целью программирования. Логико-историческое «Я» перерабатывает полученную идею, вытесняя ген. Мем налагается на ген и по своему образу и подобию создает новый универсум, устанавливая любой тип ДНК: новость производит реальность. Реальность не создает новость, но новость образует общество; мем определяет человека, что весьма экономно. Каждый из нас ежедневно получает миллионы мемов, просто разговаривая по телефону, листая газету или подключаясь к интернету. Каждый день каждый человек пополняет и обновляет свой меметический ряд. Мы понимаем друг друга, поскольку создали определенный язык или потому что погружены в информацию, предустановленную спиралевидными кодами псевдо-ДНК, которая, в конечном счете, может оказаться лишь базовой химико-органической структурой, служащей мему? Важно не забывать о

существовании между двумя и более субъектами семантической соинтуиции в отношении предметной данности и онтической функциональности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весь дискурс онтопсихологии направлен на обучение тому, как восстановить сознание единства действия человеческого существа, отказаться от стереотипов и вернуться к прямому и непосредственному отражению онто Ин-се в сообразности с природным «изо». Необходимо вернуться к потребностям, заложенным в биологических основах поведения.

Онтопсихология эпистемична, так как заново открывает фундамент бытия, позволяющий продвигаться в бытии. Этот фундамент находится там и так, где и насколько мы существуем. Осознавая то, насколько мы существуем, и организуя свое существование с возрастающей функциональностью, мы с полным основанием вступаем в сокровенность бытия. Говоря «бытие», я подразумеваю все: от денег до созерцания. Поэтому для достижения бытия необходимо пройти аутентифицирующее консультирование.

«Быть» – самое простое слово по универсуму своего смысла. Как только дано присутствие любой реальности, дано по любой причине и в любых обстоятельствах, его невозможно даже помыслить, не используя глагол «быть» [3, с. 71]. «Быть» – слово настолько элементарное, что, даже если оно ставится после присутствующей идентичности, именно оно существенно подтверждает реальность или нереальность вещи. «Быть» – вездесущее и простое слово, которое относится как к богу, так и к листочку на дереве. Это круговорот бесконечно возможного.

Мы существуем внутри бытия; мы не можем его избежать. Как бы мы ни мыслили и ни двигались, мы созданы и ограничены бытием, мы содержимся внутри него и им аннулируемся. Нашему рассудку не удастся ухватить интуицию о бытии, поскольку она выходит за рамки наших вычислений. Мы существуем внутри проекции бытия, но мы не в состоянии предвосхитить его или ограничить.

Онтопсихология – это наука, актуализировавшая гуманистическую феноменологию в онтологической радикальности. Феноменология человека совпадает с множеством интенциональностей феноменологии природы, поскольку все они однонаправлены вездесущим, имманентным и вместе с тем трансцендентным фундаментом – бытием.

Бытие – это перводвигатель, чье самодвижение не имеет направления. У него нет направления, потому что в своем самодвижении бытие вездесуще и необычайно просто. Когда мы определяем бытие как «перводвигатель», «перворазум» и «первопричину», в действительности своим скудным пониманием мы стараемся постичь начало, априорное по отношению к любому возможному существованию.

Онтопсихология относится к экзистенциально-гуманистическому направлению психологии. «Гуманистическому» – поскольку она антропоцентрична: любая экзистенциальная истина имеет ценность, только если равняется на человека. Человек возлюблен и желанен по образу и подобию Бытия. «Экзистенциальному» – потому что любая феноменология

становления будет понятной, только если она укоренена в бытии, если им мотивирована, побуждена и ожидаема, если она есть причина и цель бытия. Все реальное в человеке (профессия, креативность, движение вперед) имеет значение только вместе с бытием. Само по себе оно не имеет смысла. Существование удивительно, только если сила его «Я» ведет диалектику с необъятным, значимым, абсолютным, тотальным, трансцендентным и бесконечно эстетичным «Ты». Тогда появляется мотивация: существовать, чтобы быть.

Человеку необходимо учиться, отталкиваясь от своего естества, смиренно возвращаться к себе. *Redi in te ipsum et magistrum agnosce*: вернись к себе и повстречаешь учителя, более великого, чем мудрецы. Что бы мы ни хотели познать, нам следует исходить из точности своего существования. Не от того, «как» мы существуем, потому что человек живет с ошибкой, но от того, «насколько» мы точны в своем существовании. В той мере, в какой мы точны и соответствуем природе, мы владем внутренней пропорцией любой другой вещи. В той мере, в какой нам известно собственное существование, нам подвластно знание. Как следствие, фундаментальная задача всей психологии состоит в восстановлении целостного осознания организмической информации. В противном случае наука невозможна.

Литература

1. Менегетти, А. Тезаурус: словарь онтопсихологических терминов / А. Менегетти, М: БФ «Онтопсихология», 2007. 300 с.
2. Менегетти, А. Мир образов – 3-е изд., доп. / А. Менегетти, - М: БФ «Онтопсихология», 2005. – 100 с.
3. Менегетти, А. Учебник по онтопсихологии. – 3-е изд., доп. / А. Менегетти, – М: БФ «Отнопсихология», 2010. 640 с.
4. Менегетти, А. Психосоматика / А. Менегетти, – М: БФ «Онтопсихология», 2004. – 360 с.
5. Козлов, В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности / В.В. Козлов. – М: Психотерапия, 2007. – 528 с.
6. Козлов, В.В., Интегративный подход в психологической практике / В.В. Козлов, В.В. Новиков. Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. 226 231 с.
7. Токарев, Я.В. Интегративный взгляд на семантику в онтопсихологии / Я.В. Токарев // Интеграция в психологии: теория, методология, практика. Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2021. С. 76-81.
8. Токарев, Я.В. Психосемантическое представление в онтопсихологии / Я.В. Токарев // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2021. – №1 (41). – С. 124-140.
9. Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М: Изд-во Моск. Ун-та, 1988. – 208 с.

10. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. / В.Ф. Петренко, – СПб: Питер, 2005 – 480 с.
11. Кутырев, М.А.. Применение психосемантического подхода в изучении личности/ М.А. Кутырев // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов исследований. – 2015. – №18. – С. 66-69.
12. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 390 с.

Симонов П.А.

ОТ ПОСТМОДЕРНА К МЕТАМОДЕРНУ: КРИЗИС КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ПОИСКА НОВЫХ СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация: В настоящей статье рассмотрен вопрос поиска системных решений по преодолению кризисных ситуаций на стыке эпох постмодерна и метамодерна. Современная действительность как нельзя более нацелена на зарождение новых интегративных, объединяющих различные виды знаний, методов. В этом смысле нами указывается на появление и развитие нового коучингового подхода, который, в отличие от классической терапевтической модели, где основной упор сделан на стабилизацию и преодоление негативных аспектов кризиса, направлен на поиск позитивных аспектов ситуаций и пространства для роста.

Ключевые слова: кризис, постмодерн, метамодерн, новые вызовы, коучинг, психология, помогающие практики

Abstract: This article discusses the issue of finding systemic solutions to overcome crisis situations at the junction of the postmodern and metamodern era. Modern reality could not be more aimed at the emergence of new integrative methods that unite different types of knowledge. In this sense, we point to the emergence and development of a new coaching approach, which, unlike the classical therapeutic model, where the main emphasis is on stabilizing and overcoming the negative aspects of the crisis, is aimed at finding positive aspects of situations and space for growth.

Keywords: crisis, postmodern, metamodern, new challenges, coaching, psychology, helping practices.

На протяжении всего периода существования психологии, поиск системного подхода в преодолении кризисных состояний был одной из центральных тем, позволявших психологии динамично развиваться как науке. Существует много различных видов кризисов, определение которым давали такие известные ученые как Л.С. Выготский, Э. Эриксон, А.Н. Леонтьев, Т. Кун и многие другие. По мнению профессора В.В. Козлова, «В последнее время понятие кризиса стало центральным во многих психологических исследованиях и социальной работе. Причины, как всегда, имеют вполне

объективное происхождение: кризис в глобальных общественных системах: политическом, идеологическом, морально-этическом, национальном; кризис научный; кризисные явления в малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.); кризис личностный» [Козлов, 1999, с.6].

Мы попытаемся показать многогранность и динамичность проблемы кризиса, а также актуальность поиска новых решений, взглянув на проблему укрупненно, через призму кризисов личности, духовности и цивилизационного подхода в целом.

«Вопрос о природе кризисных состояний и пути их разрешения был предметом рассмотрения многих психологических и философских учений разных эпох. Этот вопрос соотносился и с проблематикой понимания смены эпох и сопутствующих этим переменам вызовов к поиску новых смыслов и инструментов познания, в том числе и для преодоления кризисных явлений», - утверждает О.И. Жукова в своей статье «Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна». Рассуждая о кризисах настоящего, она указывает, что «на данный момент нет однозначного подхода в вопросе, является ли настоящее время постмодерном или мы вступили в новую, требующую принципиально новых подходов и решений эру метамодерна» [Жукова, 2008, с.177]. Далее автор подчеркивает, что популярный сегодня термин «постмодерн» не имеет однозначного понимания, толкования, как нет и проверенных данных о том, кто был его автором: «В работе Р. Панвица «Кризис европейской культуры», написанной в 1917 г., речь шла о «постмодернистском человеке» как своеобразном гибриде декаданса и варварства, вышедшем на арену истории в результате появления европейского нигилизма и культурной деструктивности. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. британский историк, философ, социолог А. Тойнби называет этим термином эпоху, которая приходит на смену эпохи модерна. Так, по его мнению, на стыке XIX и XX вв. наступает кризис «современной эпохи» (modern age) и появляется новая «постсовременная эпоха» (post-modern age). К середине XX в. понятие постмодерна уже включает и ментальное состояние западной социокультурной реальности» [Жукова, 2008, с.177]. В процессе размышлений о таких ключевых вопросах эпохи постмодерна как вопрос взаимодействия личности и общества, а также вопрос о том, в какой мере общество позволяет человеку раскрыть свою самость, автор выдвигает свою оценку наиболее приемлемого выхода из ситуации в виде возвращения к концепции сущностной рациональности М. Вебера, которая обнаруживается в типологии четырех видов социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, формальное и сущностное.

В дальнейшем, на протяжении периода постмодерна неоднократно ставились вопросы о кризисах различных областей познания. Прямым продолжением размышлений на данную тему можно считать посылку Ю.В.Лыхиной [Лыхина, 2016, с.22], которая в своей статье «Преодоление кризиса духовности в эпоху постмодерна» отмечает наличие кризиса

духовности, характеризующегося приходом потребительских ценностей и «новых западных ценностей», активно проникающих в общественное сознание. Автор, исследуя природу данного кризиса и находясь в поиске путей его разрешения, выдвигает предположение, что «одной из первоочередных задач в эпоху постмодерна, является сохранение национальных культурных особенностей, защита национальной самобытности через преемственность поколений и живое общение в рамках культурной социализации личности посредством образования» [Лыхина, 2016, с.22].

Поднимая проблему кризиса на уровень выше, Лесевицкий А.В. утверждает, что: «человечество экзистует в эпоху глобального кризиса, который имеет многоаспектные проявления». В своей статье автор указывает на то, что «философия постмодерна является ярчайшим проявлением данного кризиса, его зеркальным отражением, с другой стороны, активно индуцирует распад божественной триады: истины, добра, красоты. Постмодерн, по мнению автора, «не есть случайное явление – это антиидеологическая идеология, оружие всемирного господства и элемент бесструктурного управления человечеством» [Лесевицкий, 2015]. В этой связи, по мнению автора, крайне важным аспектом, глубинно связанным с вышеуказанной проблемой, является тема глобального кризиса гуманитарного сознания, а также соотношение данного кризиса «с всемирной эманацией постмодернизма» [Лесевицкий, 2015]. В поиске путей разрешения данного кризиса автор приходит к выводу о необходимости «прежде всего, в возврате к метафизике эпохи Просвещения, строго научному или логическому мышлению, возврате к системному анализу и понимающим и рефлектирующим технологиям в системе образования, где герменевтика смыслов экзистенции займет свое центральное место» [Лесевицкий, 2015]. Иными словами, решение проблем, связанных с текущими кризисами, поиск новых решений и путей преодоления кризисных ситуаций автор ищет в поле устоявшихся научных традиций, в частности - научной традиции эпохи Просвещения.

Как мы можем заметить, давая различную оценку кризисным явлениям, в своих размышлениях авторы, придерживающиеся подхода к преодолению кризисных ситуаций, который условно можно назвать «подходом эпохи постмодерна», все чаще обращают свое внимание на уже ранее известный инструментарий. Звучат призывы к возврату ранее успешно зарекомендовавших себя методик. Проводя системный анализ кризисных явлений современности, они обращаются к этим знаниям, не только находя в них опору, но и указывая на них, как на единственно возможный вариант преодоления кризисов, связанных с новыми вызовами этой самой современности. И здесь, как нам представляется, не столько будет важен смысловой контекст кризиса, рассматриваемого тем или иным автором, сколько будет интересен анализ концептуального подхода и общей тенденции эпохи постмодерна в поиске выхода из ситуаций, вызванных принципиально новыми вызовами и связанными с ними кризисами, в хорошо знакомом,

отработанным веками знания, а также в имеющемся под рукой инструментарии.

Весьма интересными, в продолжение темы, нам представляются мысли, высказанные В.М. Найдыш и Н.П. Комаровой [Найдыш В.М., Комарова Н.П., 2014, с.6-17], которые, говоря о кризисе цивилизации постмодерна, указывают на то, что «серьезные деформационные процессы происходили на макросоциальном уровне. Все чаще звучат голоса о «несостоятельности современной науки», ее «кризисе», вреде научно-технического прогресса, о том, что науке пора возвращать долги обыденному, массовому сознанию, о том, что обществу следует отказаться от идеалов рационализма, установки на познание объективных законов мира, от стремления к объективной истине и др.». В понимании и оценках будущего они выделяют две основные парадигмы: «В первой современная социальная динамика интерпретируется как закономерное и неизбежное проявление исторического прогресса, а кризисные явления рассматривают как отражение перехода к новому технологическому укладу». Во второй представлена модель деградации социума, особенно на контрастном фоне эпохи Модерна. Такая модель базируется на убеждении, что восходящий тренд гуманизации общественной жизни в том его смысле, в каком он сформировался в новоевропейской философско-гуманитарной традиции, себя исчерпал. С этой точки зрения «в эпоху постмодерна формируется новый тип культуры, для которого свойственно пренебрежение логикой, рационализмом, плюрализм и мозаичность моделей мира, цинизм и ироничность по отношению ко всему, что происходит в мире, неопределенность, неуверенность и двусмысленность во всем, что касается абсолютов культуры. А все вместе — это возврат в прошлое» [Найдыш В.М., Комарова Н.П., 2014, с.6-17]. Авторами ставится вопрос о том, что «может быть, ситуация выглядит еще более критически — не исчерпал ли себя сам способ бытия человека в мире и не находимся ли мы на краю человеческой истории, у той пропасти, за которой она завершается?» [Найдыш В.М., Комарова Н.П., 2014, с.6-17]. Подчеркнем, что подобный «мировоззренческий пессимизм» и отказ человеку и человеческой истории в будущем - выраженный тренд философской, культурологической, исторической мысли эпохи постмодерна, нашедший свое отражение в таких известных произведениях, как «Закат Европы» О. Шпенглера, «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы и многих других.

Возврат в прошлое, поиск решений и ответов на новые вызовы в старых парадигмах, при формировании нового типа социокультурных тенденций видится авторам как проявление глобального кризиса самой цивилизации. Нам бы не хотелось в данном случае быть столь пессимистичными в прогнозе; нам представляется более близкой следующая мысль, высказанная в статье «Конец постмодерна или его кризис» Г.Э Ирицян: «Все чаще научный мир говорит о том, что время постмодерна уже уходит, якобы возникает ситуация очередной смены культурных и научных парадигм и начинается эпоха после постмодерна. Очевидно, что мы действительно живем на пороге каких-то значительных событий, фундаментальных сдвигов

в культурной и других сферах жизни мирового сообщества. Так же ясно, что Западный либерально-демократический проект, частью которого является постмодерн, находится в системном кризисе» [Ирицяи, 2016, с.63]. Автор, подводя итог своим размышлениям, делает вывод о том, что «импульс постмодерна еще далеко не исчерпан. Речь может идти только о кризисе постмодернистского проекта, а не о его преодолении. Культурные феномены, заявленные как преодолевающие постмодерн, такие как технообразы, глокализация, транссентиментализм и другие, в самом деле, находятся в поле и в духе постмодернистского дискурса» [Ирицяи, 2016, с.63].

Мы же полагаем, что отсутствие новых подходов в ответах на вызовы современности, знаменовало окончание эпохи постмодерна и начало новой эпохи - метамодерна, где главенствующей идеей становится поиск новых решений, основанных на видении потенциала для дальнейшего роста, заключенного в любой кризисной ситуации. Переход к эпохе постмодерна был, безусловно, характерен своими вызовами и требовал новых способов ответа на них. Тем интереснее будет нам взглянуть на то, что начинает происходить в эту эпоху «особого состояния социально-культурного пространства, не «колеблющуюся», а целостную эпоху, где греческое «мета» понимается не как «колебание», а как обобщенность, помещенность над (в значении, родственном метанарративам Лиотара) [Пискарев, 2019, с.14].

«В связи с изменениями, произошедшими в культуре, политике и экономике в начале XXI в., потребовали своего уточнения многие процессы, которые затрагивают представления о возникновении и понимании новаторства в различных сферах культурной практики», утверждает Н.Н. Суворовым. Он указывает, что изменения в экономике и политике отразились не только в глобальных процессах развития, но и в мироощущении и миропонимании, в сфере повседневности и движении культуры. В теоретической литературе был предложен новый термин – «метамодерн», отражающий некоторые изменения в постмодерне или характеристику типа культуры, пришедшего на его смену. Некоторые теоретики предложили найти «средние» определения для формулирования новых проблем, которые следует трактовать соединением, как с модерном, так и с постмодерном и выявлением некоторого среднего, но имеющего новую качественность. Очевидно, что теоретическая задача оказалась достаточно трудной, поскольку высокая степень неопределенности постмодерна еще более усиливалась за счет прибавления новой неопределенности метамодерна и тем самым свидетельствовала об увеличении общей культурной энтропии. Новая эпистема соединяет качества модерна и постмодерна, находится между «модернистским энтузиазмом» и «постмодернистской насмешкой» (Т.Вермюлен, Р. Ван ден Аккер), представляет собой двойное послание, развернутое к двум предшествующим парадигмам. Его содержание имеет интенции: от модерна – к смыслу и от постмодерна – к сомнению в смысле. Обе интенции не становятся взаимным исключением, но взаимным дополнением, парадоксально преобразуя смысловую состоятельность. Содержательность метамодерна многозначна и не предполагает прямого

следования означенным периодам, но скорее превращается в новое противостояние присутствия бытию [Суворов, 2020, с.82-89].

В самой постановке вопроса о наступлении новой эпохи, как кризисном переломном моменте, мы уже можем наблюдать как многогранность оценок грядущего смыслового содержания нового периода, так и наметившуюся тенденцию к совершенно новому подходу в осмыслении сути эпохи. Новое здесь звучит ни в коем случае не как отрицающее старое, но как интегрирующее имеющееся знание, взяв за основу его ключевые, положительно зарекомендовавшие себя идеи, движение к поиску сущностно-отличного подхода к ответу на новые вызовы. «Речь идет об особом, синтетическом типе человеческого бытия, при котором различные парадигмы представлены в обществе одновременно. Метафорой современного общества может быть многоквартирный дом, где одновременно сосуществуют «люди разных эпох». Мы согласны с идеей «будущего без горизонтов» как альтернативы идее «конца истории», но предлагаем свое видение метамодерна: не «колебание», а «сосуществование»; «бесконечные горизонты» как движение от консерватизма и ограниченности премодерна — к безграничности и интеграции метамодерна, гармоничному соединению частей — консерватизма (премодерн), экспансивности (модерн), трансформации (постмодерн) — в единую многомерную ткань современности» [Пискарев, 2019, с.14].

Говоря о завершении эпохи постмодерна и о том, что «слухи о Конце истории оказались явно преувеличенными», Н.М. Мухамеджанова [Мухамеджанова, 2021, с.77-83], в частности, высказывает мнение, что «предпосылками появления концепции метамодернизма, как и многих других, стали те кризисные процессы, с которыми столкнулось человечество в новом тысячелетии и которые доказывали, что история не закончилась — она совершает новый поворот. В 1990-е гг. многие западные интеллектуалы писали о конце постмодернизма и возвращении культуры (и особенно искусства) к историчности, трансцендентности, духовности, искренности и т. д. В западной гуманитаристике возникают многочисленные концепции остпостмодернизма, ультрамодернизма, гипермодернизма, трансмодернизма, неомодернизма, сверхмодернизма и других «-измов», описывающих состояние актуальной культуры в XXI в. Одной из таких концепций становится и концепция метамодернизма. Метамодернизм обращается к этическим, социальным, политическим и пр. вопросам, которые в современном глобализированном мире носят насущный и безотлагательный характер» [Мухамеджанова, 2021, с.77-83]. Здесь очень важно обратить внимание на следующее утверждение автора: «Современная эпоха характеризуется крайней нестабильностью и неопределённостью, а также небывалым ускорением всех социокультурных процессов в мировом масштабе. И здесь метамодернизм выступает не как отрицающая постмодерн альтернативная культурная логика, он «смещает акценты» и постоянно «мерцает», «пульсирует» — то есть колеблется между двумя полюсами - постмодернистским и домодернистским (часто и модернистским), колеблется

между энтузиазмом и иронией, сарказмом и искренностью, эклектикой и чистотой, между созиданием и разрушением, ответственностью и отстраненностью, наивностью и осознанием себя... Он использует приёмы, формы и представления, характерные для реализма, модернизма и постмодернизма, но использует их в своих целях; использует, чтобы иначе понять настоящее и увидеть будущее. Таким образом, «поворот Истории» оказывается также и антропологическим поворотом, обусловленным кризисными процессами в современном мире. А в ситуации кризиса человек заново обращается к самому себе, критически анализирует способы своего бытия и самореализации, стремится заново осмыслить свою сущность и место в этом мире. Это означает, что поворот к чувственности, духовности, субъективности и трансцендентности, отмечаемый в метамодернизме, может стать и «аксиологическим поворотом», то есть привести к возрождению ценностей, подвергшихся тотальной деконструкции в культуре постмодернизма [Мухамеджанова, 2021, с.77-83].

Полагаем важным отметить, что кризисные явления, на стыке эпох постмодерна и метамодерна, затрагивая различные области знания, все громче заявляли о том, что ранее существовавшие подходы следует коренным образом пересмотреть. Это отчетливо можно увидеть на примере экономики, как области очень ярко и быстро реагирующей на любые, даже не связанные напрямую явления в жизни общества. Так, к примеру, рассуждая о взаимосвязи философских парадигм и парадигм экономической теории в XVIII – нач. XXI вв., С.Л. Сазанова задается вопросом о том, «может ли философия метамодернизма породить новое направление в экономической теории?». Анализируя вызовы современного мира, оказывающие влияние на состояние и развитие экономической науки, такие как экономические, технологические, мировоззренческие, геополитические, автор утверждает, что «одновременно мы наблюдаем кризис современного гуманитарного знания, что выражается в конфликте ценностных «миров», агрессивных идеологиях стран, разделяющих ценности самовыражения, в отношении стран, разделяющих традиционные ценности; кризисе современной экономической и управленческой науки (отсутствие эффективно работающих стратегий устойчивого развития). Наибольшим потенциалом для того, чтобы стать основой новой экономической теории, обладает, на наш взгляд, системная экономическая теория, обогащенная ценностным подходом, которая обладает развитым методологическим основанием, методологическим и теоретическим инструментарием для построения экономической теории, обладающей высокой эвристической значимостью и прогнозным и практическим потенциалом» [Сазанова, 2020, с.82-89].

Как видим, ответ на вызовы современного мира, лежащие в совершенно разных плоскостях - от индивидуально-психологической до экономической - авторы ищут в его связанности с ценностно-мировоззренческими основаниями бытия, с философией и этикой (что органично, если речь идет об индивидуально-психологических аспектах современного бытия, но неожиданно, если речь идет об аспектах экономических). Итак, поиск ответов

на вызовы современной экономики (экономики эпохи метамодерна), как видим, связан с ценностным подходом, что по-новому актуализирует место психологии в поле актуальных наук современности.

Становление эпохи метамодерна характерно развитием «в современных научной и промышленной сферах новых направлений, таких как эргономика («наука об удобстве», в первую очередь, телесном), происходит популяризация помогающих практик (психотерапия, коучинг, тьюторинг и т.д.), в том числе - способствующие гармонизации эмоциональной сферы человека; в сфере интеллекта также происходит своеобразный «поворот» - переход от образования «раз и на всю жизнь» к непрерывному образованию в течение всей жизни; духовная сфера также меняется: трансформируется сфера ценностей, меняются морально-этические нормы, все большую популярность приобретают духовные практики» [Полуэктов, 2021, с.24-30]. Эти изменения также демонстрируют нам понимание растущего запроса на гармонизацию различных сфер жизни общества. Особое место в решении данной задачи, как уже отмечалось выше, отводится образованию, как категории, «обладающей ценностью как для отдельной личности и социальных групп, так и для общества в целом. Эпоха метамодерна в целом предполагает активное участие субъекта в конструировании индивидуальной и социальной реальностей, которые, в свою очередь, пребывают в постоянном движении и трансформации» [Абу-Талеб Д.В., 2021, с.145-162]. Новые подходы в образовательном процессе также продиктованы возрастающей ролью психологии как науки и помогающих практик, как действенных инструментов выхода из различных кризисных ситуаций, которые сопровождают личность и общество на стадии становления новой эпохи, где мы можем наблюдать активное расширение понимания кризисного явления. Наиболее емко, в данном случае, отражает нашу позицию мнение В.В.Козлова, указавшего, что «кризисные и трансформационные состояния личности, групп, нам представляются как чрезвычайно сложные многоуровневые системы, включающие все аспекты человеческого существования в социуме. В современной психологической работе чрезвычайно важно, чтобы клиенты приобрели осознание ответственности за целостность своего сознания и приобретение интегративных навыков. Эти качества свидетельствуют о переходе человека в новый этап - этап зрелости, когда он может самостоятельно и с большой эффективностью для себя и окружающих пережить кризисную ситуацию. Кризис это не просто способ переведения личности в новое качество и более полноценного социального индивида, но и нечто большее. Кризисное состояние является посвящением в ядерную смысловую структуру, приводящее к интроспекции в сознание личности новых жизненных ценностей и таким образом становится действительным преобразованием индивида. Кризисное состояние является испытанием на соответствие новой ситуации в материальном, социальном, духовном Я, новым социальным требованиям. Психологически кризисное состояние требует концентрации воедино всех сил для решения задач, которые ставятся перед личностью» [Козлов, 1999, с.30]. Таким образом,

само понятие кризиса в современную эпоху становится шире, получая осмысление не только в качестве проблемы, требующей разрешения, но и в качестве обладающей большим потенциалом отправной точки для дальнейшего роста, развития и трансформации - как отдельной личности, так и сообществ, а также более крупных феноменов. Отсюда же рождается и вызов нового времени, выраженный в поиске нового инструментария для преодоления кризиса, коим, на наш взгляд, может являться коучинговый подход (как в собственно помогающих практиках, так и в более широких сферах - педагогике и образовании, управлении и бизнесе, экономике и т.д.). Мы основываем наше утверждение на том, что данный подход как нельзя лучше способствует переходу личности к значимому состоянию в эпоху метамодерна - состоянию осознанности, особому состоянию личности, позволяющему успешно вычлнять из огромного динамично и объемно разрастающегося потока информации, то самое необходимое, что способствует самоактуализации и обретению самооценности, позволяет находить и ставить перед собой актуальные цели на основе своих интересов и осуществлять грамотное планирование, намечая конкретные шаги по их достижению. Достигать осознанности в качестве цели коучинговому подходу помогают следующие, лежащие в его философии, тезисы: «1. Все люди обладают гораздо большими внутренними способностями, чем те, что они проявляют в своей повседневной жизни; 2. Каждый человек обладает мощным потенциалом; 3. В человеке уже есть все необходимые ресурсы для достижения успеха; 4. Фокус на сильные стороны; 5. Обучение на успехе, а не на ошибках; 6. Ориентир не на проблему, а на решение; 7. Принятие, открытость и доверие – ключ к взаимодействию; 8. Направленность: из настоящего в будущее; 9. Нет [внешним] оценкам и советам; 10. Легкость, позитив» [Абу-Талеб Д.В., 2021, с.145-162].

Активное применение коучингового подхода в образовательном процессе служит оптимизации взаимоотношений между учеником и учителем, позволяющим ученикам осуществлять поиск наилучших решений и воплощать их в жизнь. Применение коучингового подхода в помогающих практиках, стимулируя мышление и творческий подход, побуждает к повышению уровня осознанности личности, вдохновляя на максимальное раскрытие своего внутреннего потенциала в том числе и в преодолении кризисных ситуаций.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что ключевым моментом всего изложенного нам видится тот факт, что находясь на заре эпохи метамодерна и анализируя структурный подход к преодолению кризисных явлений разных эпох, мы можем наблюдать стремление к появлению совершенно новых смыслов, как в понимании сути кризиса, так и в нахождении инструментария по его преодолению. Суть нового подхода - не в отрицании старой методологии и не в поиске ответов в ранее действенных решениях, суть нового подхода - в комплексной осознанной интеграции накопленного опыта с совершенно новым взглядом на проблематику, которая являет собой точку сосредоточения потенциала для роста. И если

классический «терапевтический» подход в психологии и помогающей практике, характерный для эпохи модерна и постмодерна, целью своей видел преодоление негативных аспектов кризиса и стабилизацию, то новый «коучинговый» подход метамодерна – это поиск позитивных аспектов кризиса, способных придать импульс для дальнейшего роста и скоординировать направление этого роста.

Литература

1. Абу-Талеб Д.В. Трансформация подходов к образованию и образовательный процесс в актуальную эпоху // Человеческий фактор: Социальный психолог. - 2021. - № 1 (41). - С. 145-162
2. Жукова О.И. Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна // Философия образования. - 2008. - № 1 (22). - С. 177
3. Ирицян Г.Э. Конец постмодерна или его кризис // Интеллект. Инновации. Инвестиции. - 2016. - № 4. - С. 63-66
4. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью Методическое пособие / - Ярославль, - 1999. - 238 с.
5. Лесевицкий А.В. Постмодерн и кризис гуманитарного сознания // Политика, государство и право. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.snauka.ru/2015/04/2357> (дата обращения: 24.01.2022).
6. Лыхина Ю.В. Преодоление кризиса духовности в эпоху постмодерна // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. - 2016. - Т. 2 (68). - № 2. - С. 22-29
7. Мухамеджанова Н.М. Метамодернизм как культурная логика эпохи кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. - 2021. - № 5 (451). - С. 77-83
8. Найдыш В.М., Комарова Н.П. Постмодерн и кризис цивилизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. - 2014. - № 4. - С. 6-17
9. Пискарёв П.М. Метамодерн: к постановке проблемы // Актуальные проблемы психологического знания. - 2019. - № 1 (50). - С. 12-14
10. Полуэктов Д.А. Счастье как интегрирующий фактор человеческого бытия (в контексте коучинговой практики) // Universum: психология и образование. - 2021. - № 11 (89). - С. 24-30
11. Сазанова С.Л. Вызовы метамодерна и их влияние на современную экономическую науку // Путеводитель предпринимателя. - 2019. - № 44. - С. 172-179
12. Суворов Н.Н. Новизна в спектре культурных изменений XX-XXI веков: модерн, постмодерн, метамодерн // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. - 2020. - № 1 (42). - С. 82-89

Слепко Ю.Н.

**УРОВНЕВЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №
22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>*

Аннотация. В статье обсуждается проблема объяснения в современной психологической науке. Показано, что условием успешного решения проблемы объяснения является использование совокупности современных методологических подходов: разработки в области проблемы предмета психологии, реализованные в исследованиях В.А. Мазилова и В.Д. Шадрикова; разработки в области коммуникативной методологии и объяснения в психологии, выполненные В.А. Мазиловым. Важнейшим условием продуктивного решения проблемы объяснения в психологии являются методологические исследования структурно-уровневых теорий в психологии М.С. Роговина.

Ключевые слова: объяснение, уровневое объяснение, предмет, внутренний мир человека.

Abstract. The article discusses the problem of explanation in modern psychological science. It is shown that the condition for a successful solution of the problem of explanation is the use of a combination of modern methodological approaches: developments in the field of the problem of the subject of psychology, implemented in the studies of V.A. Mazilov and V.D. Shadrikov; developments in the field of communicative methodology and explanations in psychology, carried out by V.A. Mazilov. The most important condition for a productive solution to the problem of explanation in psychology is the methodological research of structural-level theories in psychology by M.S. Rogovin.

Key words: explanation, level explanation, subject, inner world of a person.

Вряд ли необходимо специально актуализировать значимость проблемы объяснения для развития психологии как самостоятельной и фундаментальной научной дисциплины. Между тем, несмотря на важность ее решения для развития психологической науки, сегодня отсутствует теория психологического объяснения, удовлетворяющая сложности предмета психологической науки.

Говоря о значимости решения проблемы объяснения в психологии, мы имеем ввиду тот факт, что первостепенной задачей для современной психологии является разработка специальной методологии и технологии объяснения в психологии, которая, как нам представляется, должна опираться на ряд современных подходов, отражающих результаты методологических, теоретических и эмпирических исследований проблемы предмета и объяснения в психологии. Наиболее значимыми среди них являются теоретические и методологические исследования В.А. Мазиловым проблемы

предмета психологии [Мазилов, 2017; Мазилов, 2018; Мазилов, 2020а; Мазилов, 2020б; Мазилов, 2020в]; разработка проблемы предмета психологии как внутреннего мира человека в работах В.Д. Шадрикова [Шадриков, 2010; Шадриков, 2015; Шадриков, 2019а; Шадриков, 2019б]; разработанная В.А. Мазиловым коммуникативная методология психологической науки [Мазилов, 2017]; основные положения концепции объяснения в психологии, разработанные В.А. Мазиловым [Мазилов, 2020б; Мазилов, 2020в]; методологические исследования структурно-уровневых теорий в психологии М.С. Роговина [Роговин, 1977]. Остановимся на их характеристике более подробно.

Ввиду того, что ключевой идеей для решения проблемы объяснения в психологии является встраивание объяснения как функции научного познания в предмет психологической науки, основой для методологического анализа данной процедуры являются исследования проблемы предмета В.А. Мазилова. Проведя теоретический анализ предмета психологии, В.А. Мазиловым были охарактеризованы его функции и требования к разработке предмета на современном этапе развития психологического знания.

Результатом многолетних исследований проблемы предмета психологии стала формулировка идеи о наибольшей адекватности методологическим и теоретическим требованиям к разработке предмета психологии конструкта внутренний мир человека (В.Д. Шадриков, В.А. Мазилов). Было показано, что понятие «внутренний мир человека» отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой - независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный, идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет психе как целое, который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера объяснять психическое через психическое становится реальным.

Использование в качестве предмета психологии внутреннего мира человека удовлетворяет наиболее значимым теоретическим и методологическим требованиям к предмету. Во-первых, предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), то есть он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус). Во-вторых, предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее

выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического. В-третьих, понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания. В-четвертых, понимание предмета должно быть таким, чтобы обеспечить возможность психологического объяснения (нередуктивного). В-пятых, понимание предмета должно быть целостным и не допускать замены целостного предмета на его «замену»: в качестве «подмены» обычно используют единицу, замещающую реальный предмет. В-шестых, понимание предмета должно быть экологичным, он должен органично вписываться в окружающий мир, гармонизировать с биосферой и ноосферой. Таким образом использование в качестве предмета психологии внутреннего мира человека позволяет комплексно реализовать теоретические и методологические требования к предмету психологической науки. И что наиболее важно уровневое строение внутреннего мира человека позволяет реализовать по отношению к нему уровневое объяснение. То есть собственно встроить объяснение в уровневую структуру предмета психологии. В таком случае объяснение будет психологическим и независимым от естественнонаучных построений процедуры объяснения (по Е.П. Никитину [Никитин, 1970; Слепко, 2021]).

Результатом реализации идеи встраивания объяснения в уровневую структуру внутреннего мира человека будет разработка методологии и технологии уровневых объяснений в процессе психологического исследования. Одним из важнейших средств реализации данной идеи будет использование разработанной В.А. Мазиловым коммуникативной методологии психологической науки, в которой было показано, что теория психологии носит уровневый характер. Кратко охарактеризуем основные положения коммуникативной методологии. Во-первых, современная психология характеризуется многообразием подходов, научных направлений, теорий и концепций разного уровня. В психологии накоплено множество идей, обобщений, гипотез, фактов, доктрин и т. п. Они обыкновенно остаются не соотнесенными, не упорядоченными, не организованными. Во-вторых, разумеется, в разное время многими учеными предпринимались попытки соотнести взгляды и положения различных теорий, представить обобщения, делались попытки интеграции подходов. Естественно, что в науке существуют формы естественной интеграции знания. В-третьих, существуют формы направленной, «искусственной» интеграции. К их числу относятся обобщения, метатеории, комплексный, системный подход и т.д. В-четвертых, интегративные тенденции имеют позитивную оценку в научном сообществе, но реально поддерживаются немногими. Существуют объективные и субъективные препятствия, мешающие реализации интегративных подходов. В-пятых, на место кумулятивной модели развития науки в XX столетии пришла другая, которая акцентирует революционный,

скачкообразный характер развития науки (К. Поппер, Т. Кун). Согласно этой модели, в развитии науки нет преемственности, развитие происходит путем научных революций. В-шестых, Томас Кун стал «злым гением» интеграционных моделей в науке, объявившим, что теории до научной революции и после нее несоизмеримы. По Куну теория, существовавшая до революции, и теория, сменившая ее в результате научной революции, несоизмеримы. Несοизмеримы и факты, на которые эти теории опираются. В-седьмых, как показали специальные исследования [Мазилов, 2017; Мазилов, 2018], не доказана ни несоизмеримость теорий в области психологии, ни несоизмеримость фактов. Впечатление о несоизмеримости теорий возникает в том случае, когда пытаются соотнести готовые теории как результат научного исследования. В исследованиях В.А. Мазилова было показано, что допускают соотнесение не теории как результат исследования, а предтеории - исходные представления исследователя. Предтеория чаще всего не осознается исследователем, но она легко может быть реконструирована историком психологии или независимым исследователем. Преимуществом соотнесения именно предтеорий является то, что предтеория представляет собой структурный инвариант, что делает соотнесение не только принципиально возможным, но и реальным. Факты, вопреки мнению Т. Куна, также соотносимы. Впечатление о несоотносимости фактов создается в том случае, если мы рассматриваем их, как Т. Кун, нерасчлененно в качестве простых явлений. Специальный анализ показывает, что факт в психологии имеет свою уровневую структуру, причем оказывается, что структурные компоненты факта соотносимы, то есть можно говорить об изменяющихся и константных компонентах структуры [Мазилов, 2018]. В-восьмых, принципиальная новизна подхода, реализуемого в коммуникативной методологии состоит в том, что сопоставляются не завершенные оформленные психологические концепции одного уровня, а предтеории, которые, как оказалось, являются структурными инвариантами, поэтому их компоненты соотносимы. В случае использования для соотнесения готовых теорий мы сравниваем две теории мышления (эмоций, личности, деятельности и т. д.), в результате чего складывается стойкое впечатление, что не совпадают значения терминов, поэтому проще сказать, что теории несоизмеримы. Предлагается сопоставлять компоненты предтеории, которые автором не формулируются и очень часто вообще не осознаются, но зато оказываются подлежащими реконструкции и соотносимыми.

Смысл коммуникативной методологии состоит, таким образом, в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно в первую очередь по компонентам предтеории, которая представляет собой структурный инвариант. Инвариантность, как можно полагать, обусловлена общими закономерностями познания психического, на чем мы останавливались выше.

Помимо сказанного выше, в основе разработки методологии объяснения в психологии лежат основные положения разработанной В.А. Мазиловым концепции объяснения в психологии. Основные ее положения сводятся в ряду следующих позиций. Во-первых, необходимо осуществление

включения объяснения в более широкий контекст, где представлены другие методологические концепты. Желательно это должна быть схема структуры психологического исследования. Во-вторых, необходимо признание множественности видов объяснения, отказ от монополии причинного объяснения. В-третьих, в основе разработки уровневого объяснения должен лежать отказ от психофизического параллелизма. В-четвертых, методология уровневого объяснения может быть успешно реализована, если будет дана новая трактовка предмета психологии. В-пятых, объяснение должно рассматриваться не независимо от предмета психологии, а должно быть перенесено в структуру предмета. Не будем более подробно останавливаться на обозначенных позициях, так как основные из них были раскрыты выше.

Условием успешной разработки методологии объяснения в психологии так же будет использование опыта методологической, теоретической и эмпирической реализации структурно-уровневого подхода в исследованиях М.С. Роговина [Роговин, 1977]. Обратим внимание на ряд важных моментов. Во-первых, уровневое представление о структуре предмета психологической науки позволяет представить психику как целостное образование, в котором компоненты взаимодействуют друг с другом и с целым. Во-вторых, понятия структуры и уровней задают имплицитную «сетку координат», присутствующую при объяснении того или иного конкретного психологического факта. В-третьих, уровни не аналогичны геометрически отмеряемым пространственным величинам, они есть некоторые вариативные диапазоны, не только меняющие свою «протяженность», но и характеризующиеся подвижными границами. В-четвертых, большое значение для психологии имеют конкретные формы проявления иерархических взаимоотношений между низшим и высшим уровнем. Взаимоотношения между уровнями в большой мере определяются тем, что высшие уровни служат в качестве направляющих и регулирующих, низшие - как ограничивающие или разрешающие по отношению к высшим. Включенные в общую структуру психического, иерархически соподчиненные уровни функционируют внутри ее в трансформированном виде. В-пятом, понятийный аппарат структурно-уровневой теории психики должен строиться на основе изучения деятельности человека в конкретных и многообразных формах ее реального проявления.

Обобщая, еще раз отметим, что важнейшим условием разработки и решения проблемы объяснения в психологии является опора на современные методологические исследования проблемы предмета психологии, объяснения, а так же структурно-уровневых концепций в психологии.

Библиографический список

1. Мазилев В.А. Методология психологической науки. История и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. - 419 с.
2. Мазилев В.А. Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. - 2018. № 1(90). - С. 133-142.

3. Мазиллов В.А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020а. - 175 с.
4. Мазиллов В.А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая: трудности объяснения // Высшее образование сегодня. - 2020б. - № 6. - С. 69-76.
5. Мазиллов В.А. Объяснение в психологии. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая. На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. - 2020в. - № 7. - С. 59-65.
6. Никитин Е.П. Объяснение - функция науки. - М.: Наука, 1970. - 280 с.
7. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). - Ярославль: ЯрГУ, 1977. - 80 с.
8. Слепко Ю.Н. Незаметный юбилей (к 50-летию выхода в свет книги Е.П. Никитина «Объяснение - функция науки») // Педагогика и психология современного образования: теория и практика: материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» / под науч. ред. И.Ю. Тархановой. Часть 2. - Ярославль: РИО ЯГПУ, 2021. - 314 с. - С. 87-93.
9. Шадриков В.Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. - 2019а. - Т. 40. - № 2. - С. 15-26.
10. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. - М.: Логос, 2010. - 392 с.
11. Шадриков В.Д., Мазиллов В.А. Общая психология. - М.: Юрайт, 2015. - 411 с.
12. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. - М.: ИП РАН, 2019б. - 274 с.

**Степанов О.Г., Куличков В.И., Панова Н.В.
IX КРУГ ЖИЗНИ. АБЬЮЗ. «ТРУДНО ОСТАВАТЬСЯ
ХОРОШИМ». РОЛЬ ПРОЦЕССОВ КАСНИЯ И
ПРИСОЕДИНЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ТРАВМАТИЧЕСКИХ И ПАТОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ
В ЛИЧНОСТНОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ**

Аннотация:

В статье делается попытка осмысления процессов абьюза. В результате соединения положений философии Л. Витгенштейна, интегративной перинатологии, педиатрии и экзистенциальных базовых представлений проводится попытка анализа формирования травматических и патологических реакций ребенка. Придается особое значение патологическим процессам касания и присоединения, как пусковым механизмам развития абьюза и формирования защитных реакций. Подчеркивается важность их минимизации, как необходимого условия построения гармоничного личностного конструкта ребенка.

Ключевые слова: процессы касания, присоединение, эмоциональные реакции, защитные механизмы, процессы адаптации.

Summary:

The article attempts to comprehend the processes of abuse. As a result of combining the provisions of the philosophy of L. Wittgenstein, integrative perinatology, pediatrics and existential basic ideas, an attempt is made to analyze the formation of traumatic and pathological reactions of the child. Particular importance is attached to the pathological processes of touch and attachment, as triggers for the development of abuse and the formation of protective reactions. The importance of their minimization is emphasized as a necessary condition for building a harmonious personal construct of the child.

Keywords:

touch processes, attachment, emotional reactions, defense mechanisms, adaptation processes.

Очень непросто подойти к теме IX круга, обозначенного нами как «Абьюз». Ведь, казалось бы, так просто писать об абьюзе. Он напрямую ассоциируется с насилием, подавлением, агрессией, злом... Но потому и не хотелось писать о так называемом «явном» абьюзе – когда он не вызывает сомнений. Допустим, физический. Фактическое насилие над детьми. И что? Осуждаемо. Дальше вроде и говорить-то нечего. Всё же хочется уделить большее внимание так называемому «неявному» скрытому абьюзу, который ещё более постоянно присутствует в нашей повседневной жизни в отношениях взрослых людей, а по отношению к детям – и подавно!

И поэтому вновь приводим формулу, которая очерчивает каждый круг жизни, чтобы потом от ступени к ступени этого круга более подробно разобрать все проявления этого многоформного процесса.

БОЛЬ → ОДИНОЧЕСТВО → КАСАНИЕ → ПРИСОЕДИНЕНИЕ → ЛЮБОВЬ → РАЗРЫВ → БОЛЬ → ОДИНОЧЕСТВО → КАСАНИЕ → ПРИСОЕДИНЕНИЕ → ЛЮБОВЬ → РАЗРЫВ → БОЛЬ → ОДИНОЧЕСТВО → КАСАНИЕ....

Только, наверное, в этой статье надо к каждой ступени этого круга добавить слово «боль», потому что это как-то соотносится с абюзом. И теперь формула будет выглядеть так:

БОЛЬ-БОЛЬ → ОДИНОЧЕСТВО-БОЛЬ → КАСАНИЕ-БОЛЬ → ПРИСОЕДИНЕНИЕ-БОЛЬ → ЛЮБОВЬ-БОЛЬ → РАЗРЫВ-БОЛЬ → БОЛЬ-БОЛЬ → ОДИНОЧЕСТВО-БОЛЬ...

Самое интересное, что такой вид этой известной уже последовательности не вызывает у меня в душе и сердце никакого несоответствия! Можно даже больше сказать: почему-то она выглядит достаточно логичной и оправданной. Ну правда, любовь и боль – совместимые ли понятия? А почему нет? Даже великий Фридрих Ницше говорил, что любви без боли не бывает... В этой статье Ницше будет

упомянут не раз и, по-видимому, потому, что жизнь его была полна страданий и лишений. Можно сказать, что он много претерпел. Но оставил бы он после себя такое гениальное наследие, если бы не испытал такого множества лишений? И был бы по достоинству оценен людьми? Если бы так яростно не сопротивлялся устоям и порядкам, границам общества того времени? Ведь он отмечал в своей прекрасной работе «К генеалогии морали» и, наверное, имел в виду в первую очередь как раз себя:

«Задача выдрессировать животное, смеющееся обещать, заключает в себе, как мы уже поняли, в качестве условия и подготовки ближайшую задачу сделать человека до известной степени необходимым, однообразным, равным среди равных, регулярным и, следовательно, исчислимым. Чудовищная работа над тем, что было названо мною «нравственностью нравов» (ср. «Утренняя заря» I 1019 сл.), действительная работа человека над самим собою в течение длительного отрезка существования рода человеческого, вся его доисторическая работа обретают здесь свой смысл, своё великое оправдание, какой бы избыток чёрствости, тирании, тупости и идиотизма ни заключался в ней: с помощью нравственности нравов и социальной смирительной рубашки человек был действительно сделан исчислимым».

Но нельзя в одной статье осветить все аспекты абьюза, связанные с детьми, – надо посвятить этому отдельное исследование и отдельную книгу. Мы рассматриваем с вами лишь некоторые важные моменты этого явления. И даже конкретно – процессы «абьюзного» касания и присоединения. И поэтому мы делаем упор, смещаем акцент нашего внимания на «неявный» абьюз – заурядные случаи физического и душевного насилия, наказания, мучения и страдания детей от «ненамеренных» действий «злых» взрослых. Это более интересно и в то же время очень реально и жизненно. Всё дело в том, что взрослые часто не замечают подавления детей со своей стороны, часто бессознательно, выполняя при этом множество подавляющих действий! Иногда просто нависая над детьми, смотря на них сверху вниз, разговаривая, общаясь на разных уровнях. А ребёнок сразу (тоже бессознательно) чувствует «дыхание подавления». Это можно даже назвать касанием, допустим, вашего внимания к нему, но касанием «сверху», а значит, дискомфортным для ребёнка. И получается, что «больно»...

Это как бы минимальное *«касание-боль»*, но мы исходим из самого большого родительского заблуждения, что они думают о детях, как о своей собственности. Ведь родители – большие и сильные, а дети – маленькие и слабые и полностью зависят от них. Вспомните основной урок, который остаётся у всех в крови ещё в детстве: «Ты – маленький и слабый, а окружающий тебя мир – большой и сильный (и мама с папой тоже). Хочешь ты или нет, тебе с ним придётся взаимодействовать всю оставшуюся жизнь». Это общая экзистенциальная истина, а в нашем случае или разделе – такая узаконенная аксиоматичная экзистенциальная боль. Даже вроде ничего и не поделаться с этим – все же так с «этим» и живут. Чего уж тут виниться и просить прощения!

Есть ещё много примеров, когда касание становится «касанием-болью», когда даже минимальное касание «обжигает» ребёнка – его душу и тело. Ведь речь здесь идёт скорее о травме душевной, а не физической – физическое воздействие минимально, а вот действие на душу ребёнка от минимального «прикосновения» может быть очень чувствительным и болезненным. Всё дело в том (и здесь нужно вспомнить положение Л. Витгенштейна), что касание → присоединение → одновременно является и точкой разрыва, а скорее отвержения. Корень травмы и боли от касания лежит именно в этом. В отвержении. *Ведь когда касаются чуть-чуть, то тут же как бы и разрывается... Чуть-чуть – и оторвалось...* Это напоминает прикосновение воздушного шарика, принесённого ветерком, – он соприкоснулся с вашей рукой (телом) и тут же отскочил от касания и своей упругости, уносимый дальше тем же порывом. А ведь ребёнок – существо очень тонкой организации души, у каждого малыша в душе есть хрупкий нежный цветочек, который очень легко повредить даже порывом ветерка. А если это суховей? И холод, и мороз ледяной пустыни? Достаточно совсем немного, и вот уже цветочек поник. Так вот, то же самое отвержение почему-то очень хорошо замечается детьми; дети это сильно переживают и часто стараются получить настоящее тёплое эмпатическое касание любым способом. Живут надеждой на это. А потому они, бывает, «подставляются» сами, «касаюсь» вновь и вновь, сами «прут на рожон» – получают отвержение и, как следствие, боль и фрустрацию от этого.

Допустим, маленький двухлетний малыш бегает по детской площадке, очень активный и весёлый. Периодически он подбегает к матери, чтобы получить свое «минимальное касание» – как подтверждение связи с матерью. Но мать, может быть, занята своими мыслями, касания ребёнка мешают ей, и она его в касании как бы «отвергает» – не отвечает адекватно его запросу, не особо осознавая это. Не получив своей доли её внимания (даже чувствуя, что мать «не здесь»), ребёнок всё же более требовательно «касается» её, вплоть до того, что поворачивает рукой её лицо к себе или даже кусает её. Он провоцирует её, а она более раздражённо и жёстко определённо отвергает его, одёргивает... Пожалуй, ничего особенного, но почему-то ребёнок может бурно среагировать на это, потому что на самом деле переживает некую фрустрацию от отвержения матери. И это запоминается потом в виде каких-то обрывков: «Мама была вечно усталая... не обращала на меня внимания... обычно уделяла мне совсем немного времени» и т.д.

О том, что такого рода эмоции сильно запоминаются, становится понятно, когда проводишь простые упражнения по коннектингу в модуле по программе интегративной перинатологии. Приведем одно из таких упражнений. Участники работают в парах и делятся на «матерей» и «детей». До этого проводится хорошая настройка и дыхательные упражнения, поэтому участникам относительно легко быть «в образе». И вот пары под музыку начинают постепенное движение друг к другу: «ребёнок» закрывает глаза, а «мать» как бы ждёт его, улыбается; они едва прикасаются друг к другу

пальцами рук, а затем мать мягко и тепло приобнимает «ребёнка». Здесь главное – эмпатический и очень тёплый настрой «матери». Музыка меняется, меняется настроение у «матери». Вновь «ребёнок» с закрытыми глазами едва касается пальцев «матери», но она в этот момент собрала весь свой негативный потенциал и «думает о «ребёнке» плохо» (как только может). И даже чуть-чуть (очень чуть-чуть) отталкивает своими пальцами пальцы «ребёнка». И не обнимает его. Это можно повторить для ясности ощущений. После этого происходит смена ролей «матери» и «ребёнка», и всё повторяется вновь. При всей простоте такого упражнения участники чувствуют разницу в касаниях в первой и второй его частях так ясно и остро! Иногда прямо возникают многочисленные «картинки» из детства, когда эти участники, будучи детьми, испытывали досаду и боль из-за отвержения. Поэтому такие упражнения вызывают целый всплеск эмоций и даже слёз! Участники прозвали такие острые эмоции из детства «психологическим жжением».

Как вы думаете, насколько приведённые примеры по «касанию – боли» (с детской площадкой или вниманием «сверху», упражнение по «принятию-отвержению») соответствуют реальности? Они часты в нашей обыденной жизни? Да в том-то и дело, что практически каждый из нас проживал не десятки, а даже тысячи таких маленьких моментов «касания – отвержения – боли» с матерью, отцом, близкими людьми, любимыми... Да и сейчас часто в нашей жизни бывают такие моменты. Многие из этих моментов запоминаются нами очень надолго, даже на всю жизнь. Почему же большинство из нас, несмотря на эти «касания», несмотря на периодически возникающее «психологическое жжение», которое жжёт ещё очень долго, всё-таки вспоминают из детства только «хорошее» и считают своё детство самым лучшим временем своей жизни?

Потому что мы всё это прожили и живём дальше. У нас есть опыт проживания этих моментов и опыт трансформации печали от прожитого в радость жизни и происходящего. Они в какой-то степени закалили нас и повысили наш жизненный потенциал. И всё же те люди, которые не смогли полностью «это» прожить и интерпретировать это «жжение» и ощущают его и теперь, регрессируют каждый раз до того возраста, в котором они проживали подобное «касание», выдавая порой в ответ совершенно инфантильные эмоциональные реакции – гнев, обиды, даже ярость, страх... Вот недаром есть утверждение, что все обиды у нас из детства. Только в случаях «касаний – отвержения – боли» мы можем не видеть причинной связи с ними, как в случаях сильной физической и душевной травмы (насилия, абьюза и т.д.). Просто из-за «неявности» и множественности этих «касаний» сильная связь может быть утеряна, и мы будем иметь просто избыточный фон общей тревожности, раздражительности, неясных страхов, опасений, пугливости... Но смеем вас заверить, что это имеет большое значение в формировании личностного конструкта ребёнка. И чем больше он будет осознавать и «видеть» это, тем более гармоничным будет его развитие. *Давайте касаться с любовью и не касаться с отвержением.* Как тут не

вспомнить великого К.С. Станиславского, который как-то на вопрос о том, какими глаголами можно отразить любовь к человеку, ответил: «Хотеть касаться». Да, *именно хотеть* и *именно касаться*!

«Присоединение – боль»

Слияние двух близких существ – это ли не цель, которой мы хотим достигнуть в наших отношениях, в любви? Ребёнок хочет слиться с матерью для того, чтобы опять испытать первичные чувства слияния. Как в утробе. Они раскладываются потом на ощущения безвременности, безграничности, ощущение полёта – космического, океанического сознания, как называл его известный американский психолог Станислав Гроф. Но ведь это означает и полную потерю своей собственной идентичности! Вспомните ступени символического превращения в «Rosarium phylosophorum» – алхимического документа средних веков, описывающего процессы трансформации в ходе взаимодействия – иерогамии – союза между двумя божествами, либо между человеком (ребёнком) и богом, либо двумя человеческими существами. В своей работе «Психология переноса» К.Г. Юнг подробно исследовал символическую сущность серии этих рисунков. Так вот. Всё в этих картинках посвящено иерогамии – священному (божественному) союзу тел и душ, в результате чего рождается что-то новое. И вот когда в 4–5 картинках люди (боги) сближаются и затем сливаются, они образуют единое астральное тело, у существ вырастают крылья; происходит божественный полёт и оргазм слияния. Но хочется обратить внимание на VI картинку, о которой говорится, в частности, следующее: «Земные личности, второстепенные **Я** начинают растворять себя по иерогамии, и тела их появляются в тёмной могиле, полной воды, с одним телом... они уже остались одни, все покинули их. Это Nigredo – «тёмная ночь души». Затем далее астральное тело формируется в зародыш и т.д. Но сейчас очень важна для понимания именно эта VI картинка с тёмной ночью души, когда первоначальные тела «растворились» или потеряли свою идентичность и визуальность. Это и есть тёмная сторона слияния душ, тел, матери с ребёнком или близких с ребёнком. Разницы нет. Вот почему в этом разделе мы напоминаем эту алхимическую историю. Этот раздел назван «присоединение – боль». Здесь можно говорить не в прямом смысле о боли, но как раз в прямом смысле об абьюзе. То есть когда абьюз не просто боль, а подавление, смещение, нависание и т.д.

Ещё одна метафора в этом разделе очень подходит к описанию отношения матери, отца, родственников, взрослых с ребёнком. «Вести себя, как слон в посудной лавке», я бы сказал даже – в сувенирной. Смысл, наверное, заключается в том, что слон, представьте себе, находясь в лавке с великим множеством мелких хрупких сувениров (окружающих его со всех сторон) любым своим движением (*любым*, понимаете) задевает и разбивает какие-то из этих сувениров, что бы он ни делал и как бы ни осторожничал! Продолжая эту метафору, можно сказать, что сувенирчики – это «мелкие робкие ростки» идентичности у детей, которые они только-только начинают нарабатывать. А мы все: матери, отцы, бабушки, дедушки, взрослые – намеренно или ненамеренно по ним топчемся! И в этом вся болезненность

нашего к ним присоединения. То есть правильнее сказать, что наряду с очень нужной для ребёнка «бочкой мёда» от нашего присоединения к нему почти (??) всегда есть «большая ложка дёгтя» от нашего подавления и неосознаваемой неловкости.

Хотите пример? Да пожалуйста, их сколько угодно. Любой пример воспитательного выработки границ, запретов или нужных навыков, практически любой подойдёт! Ну, допустим, мама (бабушка) приучает ребёнка садиться на горшок (приучает к горшку). Вы не представляете себе, сколько раз мы встречались с психологической травмой детей, полученной во время выработки этого нужного навыка за свою многолетнюю практику.

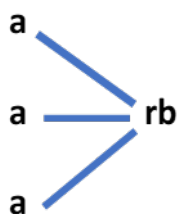
Вот, например, совсем свежий случай. Обратились родители одной девочки С. трёх лет, которая, по словам родителей, страдала запорами. Причём так страдала, что сама практически не могла сходить в туалет по большому. Горшок вызывал у неё негативную реакцию; она отказывалась садиться на горшок хоть в сопровождении взрослых, хоть в одиночестве. После осмотра и обследования девочки мы не нашли каких-либо серьёзных нарушений со стороны пищеварительного тракта, аппетит был умеренно снижен, но не более того. В то же время было выяснено, что у ребёнка всё же был «свой способ» освободить кишечник. Ей надо было дождаться ситуации, когда никто не наблюдает за ней. Затем она шла в рабочий кабинет отца с массивными столом и креслом. И вот, встав за папино кресло, вне видимости для других людей, она совершала этот акт (какала) стоя, не снимая колготок. И в таком случае всё получалось очень хорошо и мягко. Родители диву давались, они не могли ничего понять, потому что были очень чуткими и мягкими людьми. Никто из них насильно на горшок ребёнка не присаживал, да и вообще, девочка была поздним ребёнком, на которого они не могли «надышаться», баловали её. В общем, она была «хозяйкой медной горы» и строила родителей, но с ней всегда можно было договориться – разумная такая девочка. Всё стало понятно, когда мы увидели няню этого ребёнка. У родителей к ней претензий не было; она была вроде очень мягкая, аккуратная, ответственная. Но дело в том, что уж слишком «мягкая», слишком «ласковая» она была – до «певучей» приторности. Фальшивая в эмоциях. Сразу закралось сомнение. Мы почувствовали непомерные задавленные амбиции этой няни – бывшего заслуженного педагога с большим стажем. Она ещё всё время говорила о смирении, что «надо смириться с положением вещей, принимать всё со смирением и скромностью». Почему-то от этого было ощущение такой непримиримой ярости, как будто запакованной в тугой-тугой мешочек!

Надо сказать, что родители тогда не послушали нас и оставили эту няню присматривать за ребёнком. Но через полгода они пришли и рассказали, что стали случайными (а потом и не случайными – видеозапись) свидетелями общения няни с ребёнком и были поражены жёсткостью, и категоричной требовательностью, и манипуляциями, которые допускала няня практически постоянно, но без свидетелей. Косвенно девочка бессознательно указывала на это, когда уходила в кабинет отца, которого няня побаивалась, ей не

разрешалось без нужды заходить туда. В данном случае мы имеем пример скрытого абьюза, который заключался в подавлении, нависании над ним, диктата в поведении – ведь няня насильно присаживала на горшок девочку, не разрешала ей вставать, физически не воздействуя на неё, но применяя жёсткий моральный абьюз. Это насильное присоединение-слияние без согласия и диктат воспитания «нужных» поведенческих навыков. Выход ребёнка – «пусть я случайно покакаю, у папы в кабинете, без всех». Случайно ведь, поэтому и не наказуемо. Осознавала ли это своё подавление няня? Вне сомнения! Потому что по её канонам – это «нормальное» подавление, «так правильно, так надо».

Другой пример внедрения в мир ребёнка – насильственный, но неосознаваемый, причём когда абьюзер сам даже не догадывается об этом, да никогда и не догадается! Некоторые дети страдают энурезом – недержанием мочи. Наряду с тем, что причинами этого могут быть органические поражения нервной или мочевой системы, достаточно часто мы видим, что энурез носит преходящий, непостоянный характер (а значит, уже не органика!) и на его появление влияют различные стрессовые и другие психологические факторы. И вот случай с ребёнком К. (4 года), у которого не было энуреза и он развивался до четырёх лет хорошо. Но когда у них в семье родился младший ребёнок, то через некоторое время родители обратили внимание на ночное недержание мочи у мальчика К. Он стал страдать от недостатка внимания родителей. Ведь раньше он был королём в их королевстве! И вдруг появился этот маленький, пищащий, беспомощный комочек, который вторгся в его мир, нагло поправ его королевскую сущность, и забрал всё внимание родителей, которые словно забыли о мальчике К. И что же К.? Он начал регрессировать, инфантилизироваться, бессознательно стараясь привлечь к себе внимание родителей, как бы говоря: «Я тоже маленький! Я тоже беспомощный! Обратите на меня такое же внимание!» Он испытывал фрустрацию от того, что то, «что раньше было только его – забота, ласка и внимание», – у него было отнято этим маленьким беспомощным агрессором (абьюзером) против его (К.) воли. «Нам в семье раньше было так хорошо. А теперь приходится терпеть эти лишения». Вот уж воистину присоединение – слияние – беспомощность – неосознанность, а в общем, реальный пример абьюза «слияние-боль»!

Как же можно минимизировать такое воздействие, как «слияние-боль», тем более что в силу объективных обстоятельств принципиально ситуацию изменить нельзя? Ведь страдания, душевный дискомфорт, стрессовые реакции и даже психологическую травму испытывают очень многие старшие братья и сёстры при рождении младших детей. И наоборот! В дальнейшем это окажет своё влияние на формирование отношений между братьями и сёстрами, особенно в многодетных семьях. Ох уж сколько исследований совершено психологами совершенно разных школ, сколько фильмов и книг посвящено этим отношениям! Начиная с древних сказаний, сказок, допустим братьев Гримм, заканчивая совершенно свежими фильмами в стиле

фэнтези, к примеру отношения Тора и Локи («Тор», 2011). И везде отражается борьба детей за внимание родителей и взрослых. Но сейчас не об этом. Напоминаем, что наши рассуждения касаются ребёнка (*a*) и родителя (матери) и близких (*b*), которые образуют уже известную нам систему *aRb*, если возвращаться к положениям Л. Витгенштейна, и в этой системе слияния *aRb* → *R* – это боль – боль от этого слияния. И если слияние невозможно без *R*, то как из *R* сделать *r*, то есть *arb*? В нашем случае правильнее нарисовать следующее: где *b* – мать (близкие), а *a* – дети разных возрастов. Они, собственно, должны иметь одинаковую *r* – то есть все *a*. Поэтому глобально всё зависит от осознанности родителей; насколько они «видят» и распределяют внимание между детьми. И стоило только обратить внимание родителей и расшифровать им эту ситуацию, сразу появилась положительная динамика – случаи энуреза стали всё реже, а потом прекратились.

А в первом приведённом мною примере подобную витгенштейновскую формулу можно отобразить следующим образом: желательно, чтобы она была вот такая – *aRb*. Здесь как раз видна самая большая *R*, которая здесь играет не роль боли, а подчёркивает глубокую желаемую связь между родителями (*b*) и ребёнком (*a*). Формула не должна быть такой: *a – r – r – r – b*, где *r – r – r* – это какие-то передаточные звенья этой связи в виде няни, бабушек, воспитателей, учителей, которые «всегда знают, как и когда надо хорошо воспитывать ребёнка». Короче говоря, между матерью и малышом не должна стоять скрытая (или явная) Иоганна Хаарер с её ужасными методами воспитания. Конечно, всё это очень условно и схематично и в принципе, надеюсь, понятно. Но хотелось бы донести до вас базовое ощущение, формирующее сами принципы взаимоотношений с ребёнком, которые не позволяют переходить в запредельные области воспитания навыков, запретов и границ. Хочется закончить статью строчками Р.М. Рильке, а в данном случае они очень подходят:

О как держать мне надо душу, чтоб
она твоей не задевала? Как
её мне вырвать из твоей орбиты?
Как повести её по той из троп,
в углах глухих петляющих, где скрыты
другие вещи, где не дрогнет мрак,
твоих глубин волною не омытый?
Но всё, что к нам притронется слегка,
нас единит, – вот так удар смычка
сплетает голоса двух струн в один.
Какому инструменту мы даны?
Какой скрипач в нас видит две струны?
О песнь глубин!
(Песнь любви, пер. К. Богатырёва)

Библиографический список

1. Wittgenstein L. *Philosophical remarks*. Oxford: Blackwell. 1998. P. 9. – 361 p.

2. Винникотт Д.В. Игра и реальность - М., Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. - 240 с. (Серия «Современный психоанализ: теория и практика»).
3. Витгенштейн Л. Логико – философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. С. 31 (1).
4. Кренц И., Кренц Х. Пренатальные отношения: размышления об этиологии расстройств личности // И.Кренц, Х. Кренц. Психиатрия. - 2003.
5. Ницше Ф. Генеалогия морали / Фридрих Ницше; пер. с нем. В.А. Вейнштока; под.ред. В.В. Битнера. - СПб.: Азбука – Аттикус, 2020. – 224 с. – (Азбука – классика, Non-Fiction).
6. Нойман Э. Ребенок. М.: Касталия. 2015. – 230 с. С. 19.
7. Степанов О. Быть с ребенком. Практикум по общению. М.: Независимая фирма «Класс», 2016. – 160 с. - (7Я. Родители / дети).
8. Степанов О. То, что дороже всего. Книга об отношениях. Москва, 2017. Сер. 7Я. Родители / дети. - 192 с.
9. Степанов О.Г. Общение с новорожденным как с миром. М.: Независимая фирма «Класс». 2015. С. 88. – 152 с.
10. Степанов О.Г., Панова Н.В. Круги жизни. V круг. Касание к груди, развитие внеутробных отношений // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. №1 (39). С. 449 - 458.
11. Сэджвик Д. Раненый целитель. / Д. Сэджвик. Пер. с англ. – М.: КДУ, Добросвет, 2007. -232 с.
12. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы/А. Фрейд. пер. с англ.- М, Педагогика, 1993. - 144 с.
13. Хардинг М.Э. Психическая энергия. – М.: Релф-бук; К.: Ваклер, 2002.
14. Эльячефф К. Затаенная боль: дневник психоаналитика / Каролин Эльячефф; [пер. с фр.: Наталья Попова, Игорь Попов]. - Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2011. - 205 с.
15. Степанов О.Г., Винокуров В.В. Перинатальная психология и наследие Людвига Витгенштейна. Мистическое: «восьмая ступень» - «рождение», «точка касания» и «трансцендентная функция»// Методология современной психологии.2019. №9. С. 281-292.
16. Степанов О.Г. Связь врожденных рефлексов, эмоций и расширения двигательных навыков в первые месяцы жизни ребенка// Методология современной психологии.2020. №12. С. 195-202.
17. Степанов О.Г. Расширение двигательной сферы на первом году жизни ребенка и роль процессов касания в развитии его личностного конструкта //Методология современной психологии.2021. №13. С. 388-399.
18. Юнг К. Г. Психология переноса. Статьи. Сборник. Пер. с англ. - М.: "Рефл-бук", К.: "Ваклер",1997 -304с. Серия "Актуальная психология".
19. Юнг К. Г. Психология и алхимия. — М.: Рефл-бук: Ваклер, 2003.

20. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Ответ Иову. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2006.
21. Хаарер Й. Мать и ее первенец. Полностью переработанное и дополненное издание, 1222. - 1231 гг. Тысячи от общего тиража. Гербер, Мюнхен, 1987, ISBN 978-3-87249-158-9 (первоначальное название: Немецкая мать и ее первый ребенок. Первое издание: Lehmanns, Мюнхен, 1934, без ссылки на первое издание) - https://deru.xcv.wiki/wiki/Die_deutsche_Mutter_und_ihr_erstes_Kind

Степанчук Н. Н.

**ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА «ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ»:
ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ В РАБОТЕ С
ПЕРСОНАЛОМ**

Аннотация. В статье освещены теоретические и практические аспекты применения проективных методов в кадровой работе. Предложено функциональное представление авторской психодиагностической методики, являющееся основой для выявления личностных особенностей индивида, значимых внешних и внутренних мотивационных стимулов, для определения сознательных и бессознательных мотивов его поведения.

Ключевые слова: проективная методика, диагностический инструмент, индивидуальные смыслы.

Abstract. The article highlights the theoretical and practical aspects of using the projective methods in personnel work. A functional representation of the author's psychodiagnostic technique is proposed as a basis for identifying the individual's personality traits, significant external and internal motivational stimuli, for determining the conscious and unconscious motives of his behavior.

Key words: projective technique, diagnostic tool, individual meanings.

Современное научно-технологическое развитие всех областей жизни общества ориентировано на стимулирование инновационной деятельности, которая, в свою очередь, требует создания эффективной системы наращивания и максимального использования интеллектуального потенциала нации. Государственная политика Донецкой Народной Республики пока не представлена законодательными документами, направленными на поступательное стратегическое развитие сферы научных технологий и инноваций. Очевидно, что необходимым условием обеспечения независимости и конкурентоспособности республики является привлечение работников, потенциально готовых к осуществлению творческих функций, обеспечивающих поиск, разработку и реализацию новых идей в любой из отраслей народного хозяйства.

По мнению Б. Твисса «любые попытки привести в соответствие творческие способности работников и характер задач, которые им надлежит решать, будут мало полезными, если нет средств для оценки отдельных специалистов. Однако, несмотря на трудности, научные исследования всё-таки могут оказать некоторую помощь в определении отдельных характеристик, которых можно ожидать у творческих людей» [Твисс, 1989, с. 32].

Цель настоящей работы заключается в выявлении потенциальных возможностей использования авторской проективной методики «Девочки и мальчики» в качестве психодиагностического «кадрового инструмента».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- провести теоретико-методологический анализ использования существующих проективных методов, применимых в широком спектре производственных ситуаций;
- обосновать перспективы и возможности использования авторской проективной методики для решения задач психологического обеспечения профессиональной деятельности.

Реалии современной профессиональной жизни предполагают реализацию поставленных задач в русле гуманистической парадигмы, ориентированной на индивидуальность человека, понимание его внутреннего состояния, предоставление возможностей саморазвития и самосовершенствования, учитывая личностные и поведенческие особенности каждого индивида.

В качестве методов исследования использованы: содержательный анализ литературы по проблеме с позиций феноменологической теории личности и концепции её профессионального становления.

Специалист отдела по работе с персоналом, в процессе структурированной беседы или при использовании других «кадровых инструментов», может получить достоверную оценку творческой активности потенциального работника, его склонности к аналитической деятельности, умение концентрироваться в определенные моменты времени на ограниченных проблемах; способен выяснить к чему проявляется наибольший интерес, в чём могут проявиться трудности; раскрыть сознательные и бессознательные мотивы.

Д. МакКлелланд предлагает следующее определение понятия «мотив» - это «повторяющееся беспокойство о состоянии цели, основанное на естественном стимуле, который заряжает энергией, ориентирует и выбирает поведение». Исследователь сосредоточился на трёх конкретных мотивах: потребность во власти, потребность в успехе и потребность в причастности (признанию и принадлежности). Эти потребности не расположены иерархически и не исключают друг друга [МакКлелланд, 1988, с. 590].

Д. МакКлелланд также исследовал культурные и общенациональные эффекты мотивов и связал их с крупномасштабными тенденциями в обществе, такими как экономическое развитие, создание рабочих мест,

провокация войн и здоровье. Концептуализацию Д. МакКлелланда можно применить и к таким явлениям, как использование новых технологий.

Д. МакКлелланд развивал свои теории на основе результатов проективных методик, которые приобрели важное значение для получения информации о сложных структурах биологических, психологических и социальных детерминант, которые определяют человека как общественное животное [Цит. по: Беллак, 2010, с. 393].

Более того, по мнению Д. Брауэра и А. Уайдера, проективные приёмы в исследовании личности позволяют избежать некоторых ошибок, свойственных таким методам, как опросники и рейтинговые шкалы, при помощи которых устанавливается внешне проявляемое поведение, сознательные желания и самооценка, что значительно затрудняет прогнозирование особенностей будущей адаптации на рабочем месте [Там же. С. 394].

Это можно легко понять если принять во внимание неоднозначность стимульного материала, бóльшую свободу для варьирования реакций и необходимость обучения для правильной интерпретации полученных сведений [Там же. С. 393].

Стимульным материалом, используемым в проективных приёмах, могут быть готовые художественные произведения (Бурно М. Е., Кац Г. Б., Копытин А. И., Осорина М. В. и др.). В таком случае эффективность работы в значительной мере определяется наличием хорошо организованных (упорядоченных в математическом, системном смысле слова) наборов готовых произведений искусства, являющихся инструментом, средством. Подобные наборы могут быть универсальными или специализированными, создаваемыми специалистами «под задачу». Такие наборы отличаются компактностью и находят применение не только в самых различных формах и задачах психологической помощи, а и в бизнесе и индустрии:

- в ситуациях кадрового отбора и должностного распределения;
- для оценки и улучшения психологического климата;
- в процессе маркетинговых и рекламных исследований и т. п.

Л. Э. Абт полагает, что стимульный материал импрессивных проективных методик «...требует от индивида стремления к новой поведенческой ориентации и использованию прежних неадекватных поведенческих паттернов либо установлению новых линий поведения» [Там же. С. 48].

Л. К. Франк в своих работах подчёркивает то, что «...индивид редко отдаёт себе отчёт или осознаёт значение своей деятельности. В методах тематической перцепции эта неосознанность даёт возможность вызвать весьма важные проекции у субъектов, которых просят написать или составить рассказ по серии картинок, демонстрирующих персонажей, с кем они могут отождествить себя, и тех, кто имеет к ним непосредственное личностное отношение. Тем же самым образом субъекты проецируют многие аспекты своей личности при завершении рассказов и предложений, при создании аналогий, сортировке и классификации предметов, к примеру,

игрушек, и в остальных методиках, где субъект раскрывает то, «что он не сможет или не станет говорить»» [Там же. С. 91].

Анализ научной литературы и исследований, имеющих отношение к нашей теме, показал, что метод сравнения, анализа и выбора объектов (рисунков, фотографий, других художественных произведений) не нов и используется в различных целях.

Дж. Каган разработал тест «Сравнение похожих рисунков» (The Matching Familiar Figures Test, MFFT), применяемый для диагностики когнитивного стиля по показателю «импульсивность – рефлексивность», характеризующий индивидуальные различия в склонности человека принимать решения быстро либо медленно [Каган, 1965].

Методика восьми влечений или метод портретных выборов (МПВ) Л. Сонди (модификация Л. Н. Собчик) используется психологами и психиатрами не только для дифференциально-диагностических целей, но и в семейном, профориентационном, суицидологическом консультировании, при кадровом и профессиональном отборе. Использование метода портретных выборов значительно помогает составить целостную картину о личности, помогая психологу увидеть сложные механизмы поведения человека, истоки которых лежат в глубинах бессознательного [Собчик, 2010]. Нами взята на вооружение теория Л. Сонди о том, что позитивные выборы свидетельствуют о том, что обследуемый удовлетворен некоторой данной тенденцией у себя, но реализации данной потребности мешают только внешние обстоятельства. Человек ждет удобного момента для удовлетворения этой потребности. Негативные выборы говорят о том, что человек не удовлетворен соответствующей тенденцией, возражает ее проявлению у себя, а реализации данной потребности мешают внутриличностные преграды.

Однако, отдавая должное выше обозначенным исследованиям, следует отметить, что в настоящее время остаётся насущной потребность в простом и компактном диагностическом инструменте, позволяющем описывать исследуемые явления на «собственном языке» индивида, в системе его собственных конструкторов.

Авторская психодиагностическая проективная методика «Девочки и мальчики» была разработана в 2019 году (пилотное название «Две девочки»). Стимульный материал предложенной методики состоит из набора рисованных портретов (в полный рост) двух девочек и двух мальчиков младшего школьного возраста. Всего – четыре цветные карточки, две из которых являются иллюстрацией к словам «Девочка» и «Ученик» в «Картинном словаре» для 1-го класса (художник - Н. Я. Гембицкая, 1904 – 1976 г. г.), ещё две – учебно-творческие работы молодого художника – выпускника Донецкого художественного колледжа Михаила Баркалова (2000 г. р). Изначально методика предназначалась для детей младшего школьного возраста в качестве аналитического упражнения «Найди 10 отличий», усложнённого необходимостью пояснить выявленные отличия. Подобное упражнение знакомо детям с самого раннего детства и, развивая поисковую

активность, вызывает положительные эмоции и усиливает когнитивную гибкость [Степанчук, 2020, с. 225; Степанчук, 2021, с. 76].

В процессе апробации выяснилось, что методика является, по сути, простым, удобным и универсальным диагностическим инструментом для индивидов любого возраста (6+). Она предоставляет возможность поговорить о чувствах и переживаниях в безопасной и непредвзятой обстановке, осознать и выразить свои потребности (мотивы), распознать и выявить как источники беспокойства, так и возможные ресурсы.

Можно использовать несколько вариантов работы со стимульным материалом методики [Степанчук, 2021, с. 76]:

- сопоставить каждый из 4 рисунков с каждым – всего 6 пар. В первую очередь – это проверка мышления, уровня когнитивных способностей. На более глубоком уровне это позволяет вскрыть целый ряд психологических особенностей личности индивида;

- сопоставить между собой два рисунка (девочек и/или мальчиков) и найти хотя бы 10 общих черт и 10 различий у картинок, обязательно расширяя каждую черту пояснениями причин схожести/отличия, отвечая на вопрос «Почему?». Предлагается описать динамику событий: «что происходит сейчас, что происходило до этого, что будет происходить после».

О произведениях, авторах, времени и ситуации создания произведений, используемых в данной методике, рекомендуется рассказывать после завершения работы. Невалидными являются результаты анализа ответов, данных в ситуации сильной усталости или сильного эмоционального возбуждения участника, негативного отношения к процедуре или психологу (некооперативность), под давлением психолога или текущей внешней ситуации, представляющих некие штампы и клише.

В результате работы, проведенной со стимульным материалом по одному из вышеописанных вариантов, мы получаем достаточно большой массив показателей, которые разделяются на:

- общие характеристики (общая продолжительность выполнения задания, общее число характеристик, общее число слов и т. п.);

- специальные характеристики, которые, в свою очередь, делятся на оценочные (эстетическая оценка, этическая оценка, уровень активности, доминантности, контактности, агрессивности/смелости и др.) и классификационные (характеризующие изображение и персонаж).

Полученные показатели, в большинстве своём, являются количественными и могут быть подвергнуты в дальнейшем дескриптивному, корреляционному и факторному анализу [Джонсон, 1981; Цвикки, 1969].

Преобладание той или иной категории ответов может говорить, в частности, о локусе контроля, об уровне развития каузального мышления и иных личностных особенностях. Личностные особенности человека, в свою очередь, во многом определяют характер его психофизиологического (функционального) состояния и являются одними из ведущих механизмов регуляции в процессе адаптации к условиям профессиональной среды.

Предложенная методика недостаточно валидизирована, отсутствуют нормативные показатели, однако использование её возможностей позволяет гармонизировать отношения в коллективе, понять индивидуальные смыслы разных поступков и переживаний, диагностировать возможное «проблемное поле», повысить познавательную активность, вызвать положительные эмоции.

Пройдя через этапы анализа и последующего синтеза полученного материала, психолог получает возможность сделать выводы относительно личности индивида в целом и его взаимодействия с окружающей средой.

В заключительном резюме можно систематизировать записи выводов в общепринятой терминологии, например, по следующему плану: наблюдение за тестовой ситуацией, аффект, вербализация, распределение энергии, психосексуальность, окружающая среда, межличностные отношения, внутриличностный баланс, базовые потребности, основные ценные качества, впечатление [Цит. по: Беллак, 2010, с. 337 - 340].

Практическая значимость проделанной работы заключается в том, что результаты, полученные в ходе апробации методики адекватны для использования в профессиональном консультировании, для прогнозирования поведения в коллективе, для выявления определённых внешних и/или внутренних стимулов, оказывающих влияние на психофизиологические и психоэмоциональные реакции индивида.

Более того, психодиагностическая проективная методика «Девочки и мальчики» отличается особенностями создания изображений, представленных в стимульном материале, и возможностью универсального её применения в работе с представителями разных поколений, одновременно контактирующих в коллективе. Поэтому, данные, полученные в результате апробации методики, могут быть основой для проведения более глубокого исследования факторов, обуславливающих процессы коммуникации и профессионального взаимодействия между индивидами, выросшими в разных социокультурных условиях.

Важно отметить, что на материале методики реализован морфологический подход, обеспечивающий методическую и программную основу для автоматизированной обработки полученных результатов. Работа с предложенной проективной методикой может быть базисной для алгоритмизации сложного взаимодействия «когнитивный агент – пользователь - произведение искусства».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российская Федерация. Указы. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 15 марта 2021 года : [утверждён Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года N 642]. – URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения 02.03.2022). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

2. Беллак, Л. Проективная психология : Пер. с англ. / Л. Беллак, Л. Эбт и др. – 2-е изд., сокр., испр. - Москва: Психотерапия, 2010. – 416 с. – (Золотой фонд психотерапии). – ISBN 978-5-903182-56-5. – Текст : непосредственный.
3. Джонсон, Н. Статистика и планирование эксперимента в технике и науке. Методы планирования эксперимента / Н. Джонсон, Ф. Лион; Пер. с англ. под ред. Э. К. Лецкого, Е. В. Марковой. - Москва : Мир, 1981. – 516 с. – ISBN: [не указан]. - Текст : непосредственный.
4. Собчик, Л. Н. Метод портретных выборов – адаптированный тест Сонди. Практическое руководство. – Санкт-Петербург : Речь, 2010. – 125 с. – (Практикум по психодиагностике). – ISBN 5-9268-0092-7. - Текст : непосредственный.
5. Степанчук, Н. Н. Использование возможностей импрессивной арт-терапии в процессе психолого- педагогического сопровождения детей и подростков / Н. Н. Степанчук // Дети. Общество. Будущее : Сборник научных статей по материалам III Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2020. – С. 220-223. – DOI 10.37752/9785406029398-69. - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43034545> (дата обращения 02.03.2022). - Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. - Текст : электронный.
6. Степанчук, Н. Н. Проективная методика «Девочки и мальчики»: обоснование создания и применения / Н. Н. Степанчук // Арт-терапия и арт-педагогика: новые возможности для развития и социализации личности : Сборник материалов пятой международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 июня 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2021. – С. 72-79. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46309393> (дата обращения 02.03.2022). - Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. - Текст : электронный.
7. Твисс, Брайан. Управление научно-техническими нововведениями : Сокр. пер. с англ. / Брайан Твисс. - М. : Экономика, 1989. - 271 с. - ISBN 5-282-00629-4. - Текст : непосредственный.
8. Kagan, J. Reflection-impulsivity and reading ability in primary grade children / J. Kagan // Child Decel. - 1965. - V. 36. - P. 609 - 628.
9. McClelland, D. C. *Human Motivation* / D. C. McClelland. - New York: Cambridge University Press, 1988. – 676 p.
10. Zwicky, F. Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach / F. Zwicky. - New York: McMillan, 1969. - 276 p.

Фаерман М.И.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА В УСЛОВИЯХ
НОВОГО ВРЕМЕНИ.
РЕФЛЕКСИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ПСИХОЛОГА**

Аннотация

В этой статье мы бы хотели отклониться от строгих канонов научного формата, и через нарратив, или рефлексия профессионального опыта, обобщить материалы психологической поддержки в условиях стресса и неопределенности, испытываемого в обществе с момента начала "специальной военной операции". В статью войдут несколько объединённых постов, опубликованных в пабликах в одноимённой рубрике "психологическая поддержка". А так же рефлексия опыта группы в русле авторского обучающего проекта "Психотехнологии нового времени", направленные так же на самоподдержку, саморазвитие и самоисследование.

Ключевые слова: психологическая поддержка, самоподдержка, VUCA – мир, психотехнологии нового времени.

Annotation

In this article, we would like to deviate from the strict canons of a scientific format, and through a narrative, or reflection of professional experience, summarize the materials of psychological support in conditions of stress and uncertainty experienced in society since the start of the "special military operation". The article will include several combined posts, published in public in the eponymous rubric "psychological support". As well as a reflection of the experience of the group in line with the author's educational project "Psychotechnologies of the New Time", aimed also at self-support, self-development and self-research

Key words: psychological support, self-support, VUCA-world, psychotechnologies of modern times.

Согласно модели дебрифинга и интегративного подхода, мы выбрали несколько направлений актуальной психологической поддержки, реализуемых через статьи и рекомендации в открытых пабликах. Это рациональное понимание происходящего с собой и другими, раскрытие и выражение чувств, практические рекомендации по самоподдержке.

Понимание.

2007 году я защитил кандидатскую диссертацию по теме "Психологическое сопровождение инновационной деятельности" в русле обобщающей темы – психология изменений [5].

И с тех пор изучаю и разрабатываю, читаю авторский курс в университете, веду семинары и тренинги на эту тему. Это дает возможность анализировать и нынешнюю ситуацию.

Удивительно, что, не смотря на непредсказуемость и экстремальность настоящей ситуации, не в конкретных деталях, но можно говорить о некоторых закономерностях, объясняющих возникновение и быструю смену

одним кризисом другого. Как это происходит сейчас с пандемией и настоящим катаклизмом.

Одной из объяснительных концепций может быть концепция "новой нормальности" или «VUCA – мира», разработанная в 80х гг. прошлого века полковником Стефаном Гарросом, PhD поведенческих наук [7]. Она четко прогнозирует и объясняет происходящее, и готовит к нему.

Мир изменчив, запутан и сложен, непредсказуем, двусмысленен... и главное, что частота критических изменений растет по экспоненте. То есть не будет паузы для устойчивости, простоты, предсказуемости, определенности. Мир убыстряется.

Почему это происходит? Причин минимум две. Одна фундаментальная, известная из курса физики средней школы - знаменитый 2ой закон термодинамики, раскрывающий феномен энтропии, и ее неизбежном увеличении, или теория хаоса. Они в свою очередь основываются на вселенской природе расширения, или распада. Да, катастрофы, бедствия, кризисы - это частный случай расширяющейся (распадающейся) Вселенной. Интеграция и дезинтеграция, целостность бытия.

Американский антрополог и футурист Джеймес Кашо развивает эту идею через предсказание VANI-мира: brittle — хрупкий; anxiety — тревожный; nonlinearity — нелинейный; incomprehensibility — непостижимый.

Ну а вторая причина, как следствие первой, это саморазрушающие тенденции цивилизации вообще и индивидуальной психики в частности. Антропогенные факторы, ведущие к постоянному усложнению бытия, запутанности, двусмысленности, переизбытку и искажению информации.

Природа и человек подгоняют друг друга в умножении хаоса, нестабильности, изменчивости.

Есть и еще несколько "спиральных" теорий (теория поколений, спиральная динамика и др.), говорящие о неизбежности ключевых поворотных событий сменяющихся эпох через глобальный и локальный кризис.

Войдут ли события 2020-2022 годов в историю, как экстраординарные? Не факт. Потому что, согласно теориям нового времени, такая неординарность становится нормой, и ее частота увеличивается с каждым годом.

Хорошая новость в том, что в условиях новой хаотичной нормальности можно и важно развиваться и быть благополучным. У психики есть для этого механизмы, есть они и у общества.

Психология изменений, или психология нового времени, направлена на понимание и формирование готовности к турбулентности в эпохи перемен конкретного человека, группы, общества. Развитию так называемой преадаптации в условиях «безумного-безумного» мира. Термин "преадаптация" предложил использовать в психологии А.Г. Асмолов [1], академик и один из высокоуважаемых мной коллег, открыто говорящих о сегодняшней трагедии, как психолог и как Человек. Преадаптация, в отличие

от адаптации, как приспособления к изменениям, это предчувствие и создание изменений, творческое взаимодействие с миром.

Рекомендации самоподдержки. Если упрощенно свести готовность к изменениям и преадаптацию в нескольких рекомендациях, то наверное звучать они будут так:

- принятие ненормальности происходящего как закономерность, как новую нормальность,

- принятие своей ненормальности (эмоции, состояния, реакции, переживания, смыслы), как нормальный - полезный способ и ресурс готовности - преадаптации к меняющейся реальности. Важно позволять проявиться всем своим состояниям,

- вместе с привычками и выработанными стратегиями важно осваивать иные стратегии жизни: другие поступки, решения, выборы, смыслы. Принцип расширения, выхода за рамки,

- чтобы быть устойчивым в эпоху изменений, нужно быть гибким, спонтанным и творческим. Гибкость, спонтанность и творчество можно формировать не только через ментальную сферу и сферу искусства, а еще и через телесность, аффективную иррациональную сферу,

- развитие осознанности - один из самых важных инструментов готовности к изменениям и преадаптации. Осознанность формируется через фокусированное направление внимание на объекты внутреннего и внешнего бытия с принятием и дружественностью.

Как можно помочь себе и близким в ситуации повышенной тревожности, растерянности, стресса, состояниях эмоциональной подавленности?

Многим сейчас очень тяжело, морально, физически. И очень важно не застрять в этом состоянии оцепенения. Предлагаю 7 пунктов актуальной самоподдержки:

А. Выражать свои эмоции скорее нужно. Пишите, говорите, и при этом, к сожалению, должен напомнить, что важно не переходить на оскорбления конкретных персон и вообще помнить о цензуре, так как это может быть чревато уголовными делами и др. Так вы не поможете ни себе, ни близким, ни миру!

Б. Не стоит идентифицировать себя с тем, что вас пугает, злит, с чем вы не согласны. Вместо: «мне стыдно», лучше: «мне очень жаль, я испытываю горечь, я испытываю сопротивление». Это принцип.

В. Вовлекайтесь в те процессы, которые важны, понятны и дают ощущение стабильности: семья, работа, друзья, хобби, готовка обеда наконец!

Г. Дозируйте новости. Меняйте информационный контекст: погоду, музыку и фильмы никто не отменял!

Д. Вообще чаще переключайтесь: на общение с ребенком, разные виды деятельности, на вид из окна, на себя....

Е. Важный момент: есть вещи, которые мы контролируем. Свое состояние, здоровье, свои отношения, свои чувства, свои поступки, свои выборы... а есть вещи, которые мы никак не можем контролировать,

например, чужие решения и поступки, погоду, обстановку в мире.... это осознание важно!

Ж. Важно повышать осознанность: что вы сейчас чувствуете? Слышите ли вы сейчас стук своего сердца? Что вы еще сейчас слышите? Что видите? Какие запахи чувствуете? О чем думаете прямо сейчас? О чем еще можете сейчас думать?... Смените позу и положение тела, прикоснитесь к кому то или чему то - почувствуйте изменения в ощущениях, чувствах.... это очень важно, оставаться в контакте с собой и окружающим, не уходить в навязчивые эмоции и мысли.

Следующие доступные приемы психотелесной самоподдержки будут полезны и для профилактики, и для переключения из негативных состояний:

- Прогулка. Пройтись пешком, лучше на природе.
- Потанцевать, побеситься, потрястись под энергичную музыку.
- Послушать музыку: под настроение, бодрящую.
- Объятия, поцелуи.
- Концентрация на дыхание.
- Переключение внимания: дыхание, мысли, внешний мир, тело, звуки, запахи, и так множество раз в любой последовательности.
- Попеть, покричать, помычать.
- Порисовать - все, что угодно. Просто так, под музыку, под песню
- Общение и общность с близкими вместо дистанцирования. Встреча с близкими и друзьями.
- Формулировки позитивных установок: *Мы вместе. Хорошее есть. Жизнестойкость. Ресурс. Поддержка. Равновесие. Действие. Ясность. Радость.*

Из опыта поддерживающей группы на базе интегративных психотехнологий [2,3,4]. Одним из важных стержневых смыслов, возникших на групповой поддерживающей практике, стал: можем ли мы позволить себе радоваться, наслаждаться, улыбаться сейчас? Это нормально?

Предположу, что для кого-то эти вопросы звучат странно: а почему нет, что не так? Для участников практик, да и многих в моем окружении - вопрос актуальный и важный.

Эти мысли, рефлексия своего состояния и реакций в контексте происходящих событий - свидетельство личностной зрелости и даже мудрости.

Что же касается ответов, родившихся и на группе, и в ходе собственного осмысления: да! Можно и важно позволить себе испытывать радость, удовлетворение, счастье, любовь и другие поддерживающие чувства - эмоции. Важно позволить себе улыбаться и замечать яркие краски жизни.

Важно помочь себе через само- и профессиональную поддержку вернуть позитивные состояния.

Смысл, по моему предположению, в том, что особенно сейчас нужно и важно переживать весь спектр эмоций: радость не в места грусти, горечи,

растерянности, тревоги, или даже подавленности и депрессии, а вместе с этими переживаниями.

Думающий, рефлексивный, осознающий, глубокий личностно и духовно человек будет переживать и сострадать трагедии, видеть ясно ситуацию, ее угрозы. Может бояться, может испытывать стыд, вину, гнев, бессилие, печаль... И при этом, находясь в ресурсном моменте, может, и это очень ценно и важно, на мой взгляд, переключаться на радость, вдохновение, наслаждение... Остаться в ней, улыбаться себе и другим, делая Мир добрее, яснее и ресурсней.

Поделюсь еще одним смыслом, к которому прикоснулись через психотехнологии в групповой практике. Любящая доброта.

В протоколе когнитивной психотерапии на базе осознанности [6] есть такая практика - визуализация / медитация: любящая доброта. Взята она из философии буддизма, и предполагает создание принятия, доброжелательности, любви к разным категориям людей: к самым близким и родным, к случайным, к (!) неприятным или даже ненавистным, и к самому себе.

В чем смысл и механизм этой, на мой взгляд, сильной и действенной интегративной практики осознанности? Транслируя добрые пожелания, принятие и добро другим, близким и даже далеким и неприятным людям, своим врагам, мы формируем принятие и дружелюбность в первую очередь к себе. Мы перестаем усиливать и можем даже прекратить внутреннюю войну, а вместе с тем энергию разрушения в первую очередь себя.

Парадоксально, но в буддийской философии можно найти мысль, что пожелание благополучия врагу может быть более полезно, чем пожелание страдания, потому что страдание лишь озлобляет и ведет к эскалации конфликта, а благополучие и мир в душе может привести к миру внешнему...

Подводя итоги, можно говорить о незаконченности и некоторой сумбурности приведенных в статье материалов. Однако, с другой стороны, есть вполне понятная общая логика и структура, продиктованная сложным кризисным процессом, проживаемого сейчас определенным слоем общества, нашими клиентами, включающий большой спектр эмоциональных реакций, потерю и поиск смыслов, смену отношения и стратегий поведения. Это хаотичный и одновременно глубинно-интегративный процесс, требующий отчасти разноплановую спонтанную и одновременно глубинно-интегративную модель поддержки. В этой статье приведен живой процесс рождения смысла, содержания и формы такой поддержки в реальном времени.

Литература.

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции [Текст]. Вопросы психологии № 4. – М., 2017 . С. 3-26.

2. Козлов В.В. Интегративная психология: пути духовного поиска, или освещение повседневности [Текст]. – Москва: Психотерапия, 2007. – 528с.
3. Козлов, В. В. Психология буддизма: четвертое колесо Дхармы / В. В. Козлов. – 2-е изд.. – Вологда : Древности Севера, 2016. – 343 с.
4. Фаерман М.И. Интегративный подход в психологическом консультировании и группах [Текст]. Вестник РАПК, Вып.1 / Сб под ред Ильиной О.Э. – Ярославль, 2018 - С 5 – 9
5. Фаерман М.И. Предупреждение сопротивлений нововведениям персонала. Комплексный социально-психологический подход к сопровождению изменений в организации [Текст]. - Германия, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010г. - 203с.
6. Jon Kabat-Zinn Wherever you go, there you are: mindfulness meditation in every day life. Copyright © 1994 Jon Kabat-Zinn. Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019
7. https://en.wikipedia.org/wiki/Volatility,_uncertainty,_complexity_and_ambiguity

Шингаев С.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРА

Аннотация. В статье описывается многофункциональность профессиональной деятельности менеджера (познание, прогноз, проектирование, коммуникативно-информационная функция, мотивация, руководство, организация, обучение, развитие, оценка, контроль, коррекция), рассматриваются ее факторы, в первую очередь те, которые оказывают влияние на профессиональное здоровье. Опираясь на авторские исследования, описывается система ценностей менеджеров российских компаний и место здоровья в этой системе.

Annotation. The article describes the multifunctionality of a manager's professional activity (cognition, forecast, design, communication and information function, motivation, management, organization, training, development, evaluation, control, correction), examines its factors, primarily those that affect professional health. Based on the author's research, the value system of managers of Russian companies and the place of health in this system is described.

Ключевые слова: менеджер, профессиональная деятельность, функции, профессиональное здоровье.

Key words: manager, professional activity, functions, professional health.

Рассмотрение современных отечественных и зарубежных научных работ по психологии менеджмента [Никифоров, 2000; Раевская, 2001; Авдулова, 2003; Карпов, 2005; Шарухин, 2005] свидетельствует, что среди наиболее часто рассматриваемых вопросов выделяется целый спектр: от

теоретических основ психологии менеджмента (определение основных понятий, таких как менеджмент, менеджер); психологическое содержание управления и управленческой деятельности (инструменты управления, процесс управления с точки зрения организации как открытой системы, функции, уровни, принципы и методы управления); психология менеджмента профессиональной деятельности (управленческие философии и стратегии, управление инновациями в организации, переговоры в управлении организацией, проблемы кризисного управления, управленческое консультирование (консалтинг), функциональные и психические состояния, организация рабочего места, качество, надежность и безопасность труда); психология менеджера (психологический отбор и психологическая подготовка менеджеров, менеджерские характеристики, психологическая роль лидера, управленческие способности и функции менеджера, компетенции менеджера, стили делового поведения, стили руководства, управления и лидерства, тренинг в менеджменте, профессиональные деформации персонала, психическое выгорание у менеджеров и его преодоление, профилактика стресса, управление конфликтами в деятельности менеджера) [Шингаев, 2013] .

Особое место в исследованиях занимает тема «Психология менеджера». Понимая под менеджером профессионала в области управления организацией, обладающего знаниями основ управления, навыками и умениями организации профессиональной деятельности группы людей, большинство исследователей сосредотачиваются на выделении профессионально важных качеств (ПВК) и управленческих компетенций менеджера, способностей к управлению людьми, описанию технологий эффективной коммуникации, разрешения конфликтных ситуаций, методов управления (умение выделять главное в проблемном поле и выстраивать приоритеты, принимать адекватные решения, управлять временем и др.) [Друкер, 1994].

Следует признать, что менеджер, руководитель, управленец – одна из самых распространенных и перспективных профессий в современном мире. По разным данным, она входит в десятку самых востребованных и популярных профессий. С одной стороны, менеджер – это профессия социомического типа, где коммуникации, межличностное взаимодействие занимают ведущее место в структуре профессиональной деятельности. С другой стороны, это профессия управленческого типа, где наличие/отсутствие/развитие управленческих, организаторских качеств определяют успешность управления трудовым коллективом.

Одна из главных задач менеджера в профессиональной деятельности связана с необходимостью достижения целей организации, в которой он работает, причем с максимальной эффективностью используя ресурсы организации путем согласования действий других людей. Для этого он выполняет ряд функций, отражающих структуру и специфику профессиональной деятельности менеджера, ключевыми из которых выступают:

познания — познание человека, группы, организации, ее внутренней и внешней среды, актуальной ситуации управления;

прогноза — определение основных направлений и динамики развития организации; проектирования — определение целей и задач организации, программирование и планирование деятельности;

коммуникативно-информационная — формирование, структурирование и сохранение коммуникативных сетей, сбор и преобразование информации, необходимой для управления;

мотивации — рациональное воздействие на совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность сотрудников организации;

руководства — принятие ответственности за принимаемые решения и их последствия на основе нормативных актов или внутриорганизационных соглашений; организации — реализация целей и задач управления;

обучения — передача необходимых знаний, умений персоналу организации; развития — целесообразное изменение психологических переменных личности и группы;

оценки — формирование и применение норм и стандартов деятельности;

контроля — отражение соответствия актуального состояния организации целям управления;

коррекции — внесение необходимых изменений в цели и программу управления [Шингаев, 2014].

Такая многофункциональность свидетельствует о сложности деятельности менеджера. Преимуществами профессии менеджера являются ее престижность, социальная значимость (личное влияние на экономические показатели организации), широкие возможности для творческого подхода и развития личности самого менеджера, уважение, статусность. Наряду с бесспорными плюсами, профессиональная деятельность менеджера обладает и определенными ограничениями. По нашим данным [Шингаев, 2004], среди главных факторов, оказывающих наибольшее воздействие на процесс выполнения менеджерами профессиональной деятельности, — это чрезмерная перегрузка, эмоциональное напряжение на работе, обусловленные неполнотой информации, повышенными требованиями к безошибочности и скорости действий, дефицитом времени при выполнении деятельности, внезапным или систематическим отвлечением внимания (воздействие помех, неожиданный раздражитель), однообразием выполняемой работы.

Для менеджеров, проводящих значительную часть своего рабочего времени в офисе, характерно состояние постоянной спешки, суеты, ощущение нехватки времени на выполнение запланированных дел. Наличие мобильных телефонов, компьютеров и другой оргтехники не облегчает деятельность современного офисного служащего, а наоборот, увеличивает рабочие нагрузки. В среднем за день офисный служащий выполняет лишь 2/3 от запланированного объема работ.

Менеджер, как правило, не концентрируется на одной-единственной задаче, выполняя параллельно несколько дел. В результате снижается концентрация внимания и ощущение завершенности отдельно взятого процесса. Исследования показали, что офисный сотрудник уделяет одному отдельно взятому проекту 11 минут. Сюда входят несколько трехминутных фрагментов (составление электронного письма, чтение нужной страницы на web-сайте, работа с таблицами в офисном приложении Excel). Установлено, что каждый раз, когда работника отвлекают от задания, у него уходит еще в среднем 25 минут на то, чтобы снова сконцентрироваться на задаче. В среднем сотрудник офиса проводит за компьютером 16 часов в неделю (для сравнения: в 1994 г. – 9,5 часов), ежедневно получает 46 электронных писем (примерно 50% – спам) [Шингаев, 2014].

Психологический анализ профессиональной деятельности менеджера был бы неполным без рассмотрения его системы ценностей и места здоровья в этой системе. Исследование Begin Group 2005 г., в котором участвовало 250 сотрудников российских и западных компаний различного размера и сфер деятельности, выявило систему ценностей современного менеджера. По мере продвижения по карьерной лестнице ценность профессиональной карьеры снижается и возрастает ценность семьи, ценности здоровья и образования практически не меняются. Эти данные согласуются с результатами наших исследований [Шингаев, 2014]. По мере прохождения профессионального пути (от выбора профессии и до «выхода» из профессии) в системе ценностей менеджера здоровье с 3-5 позиций у школьников, выбирающих профессию менеджера, студентов вузов, поднимается на однозначное первое место у менеджеров с опытом работы более 10 лет, предпенсионеров и пенсионеров. Если для последних двух категорий менеджеров это объяснимо и укладывается в возрастные рамки (с возрастом здоровье ухудшается), то для менеджеров с опытом работы – это скорее ответ на специфику профессиональной деятельности, сопряженной с многочисленными стрессами и поиском ресурсов продления профессионального долголетия. Отметим, стабильно важное место, занимаемое ценностью «Счастливая семейная жизнь» в системе ценностей менеджеров: 4-5 места у студентов вузов, обучающихся на менеджерские профессии, и 2 место у молодых менеджеров, опытных менеджеров (со стажем работы более 10 лет), предпенсионеров и пенсионеров. Это позволяет нам утверждать, что без здоровья и счастья в семье менеджер не видит себя как успешного, гармонично развитого человека.

На наш взгляд, рассмотрение здоровья в структуре профессиональной деятельности менеджера имеет веское обоснование, поскольку большую (а с переходом на дистанционный формат работы – очень большую) часть жизни человек проводит именно на работе. По данным Госкомстата России, более 30% времени своей жизни граждане нашей страны тратят на работу, а в профессии менеджера эта цифра еще выше. Именно работа выступает сквозным фактором, определяющим всю жизнь современного человека, к какой бы он профессии ни принадлежал. Работа дает возможность

самореализации, раскрытия своих потенциалов, удовлетворения имеющихся потребностей (в частности, через зарабатывание материальных ресурсов).

Обращает на себя внимание двойственность влияния работы на здоровье менеджеров. С одной стороны, профессиональная деятельность требует больших личностных ресурсов, чтобы достигать необходимых результатов на работе, успешно решать поставленные задачи, в том числе в условиях стресса и высокого эмоционального напряжения, а с другой стороны, та же работа позволяет получить доступ к тем ресурсам, которые помогают поддерживать профессиональное здоровье на приемлемом уровне. Так, по нашим данным, в ряде российских компаний проведение обучающих программ «Стресс-менеджмент» становится неизменным атрибутом корпоративного обучения и важным элементом в общей системе противостояния негативному влиянию стресса на работоспособность сотрудников.

Проводя психологический анализ профессиональной деятельности менеджера, мы отдельно обратили внимание на изучение места здоровья в системе ценностей менеджеров, структуру стресс-факторов в профессиональной деятельности.

Как показывают наши исследования на выборке менеджеров высшего и среднего звена российских компаний (N=1307 чел.), почти половина опрошенных не заботится о своем здоровье в процессе работы, но вместе с тем практически все на вопрос «Важно ли здоровье в Вашей жизни?» дают утвердительный ответ. Возникает своеобразный диссонанс: утверждают одно, но не делают это.

Анализ системы ценностей современных менеджеров показывает устойчивую картину на протяжении последних 20 лет, не взирая на серьезные изменения в экономической, политической, социальной жизни общества. Исследование 2001-2014 гг., проведенное нами в рамках диссертационного исследования, зафиксировало следующее. В «пятерку» основных ценностей входят: здоровье (физическое и психическое), счастливая семейная жизнь, любовь, интересная работа и материально обеспеченная жизнь. Заметим, что все эти пять ценностей имеют между собой плотные корреляционные связи. Особо высокие связи (на уровне достоверности $p < 0,001$) выявлены у ценности «Здоровье» и ценностях «Интересная работа» и «Любовь». Обнаружены также гендерные различия. Для женатых (замужних) менеджеров большую ценность представляет любовь как духовная и физическая близость с любимым человеком. Для женщин в отличие от мужчин большее значение имеет ценность «Свобода» (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,31$, уровень достоверности 0,001).

Сравнение ранее полученных данных с новыми (2020-2021 гг., выборка N=114 чел.) показывает, что существенных изменений в системе ценностей не произошло [Шингаев, 2022]. С одной стороны, это подтверждает устойчивость системы ценностей, формирующейся на протяжении первых 25-30 лет жизни человека и меняющейся лишь под воздействием особых

факторов (например, уход из жизни значимого другого и близкого человека, тяжелая и неизлечимая болезнь, нахождение в зоне боевых действий, техногенных и природных катастроф, где угроза жизни и здоровью многократно превышает возможности человека справиться с такими ситуациями, социальная изоляция, обструкция и др.). С другой стороны, такая стабильность системы ценностей создает надежный фундамент для построения системы профессионально-личностного роста менеджеров, их развития. Чем более трепетно, ответственно менеджер относится к своей работе, тем больше внимания он обращает на собственное здоровье и ценит семейную жизнь и любовь.

Наше исследование также показало положительную корреляционную связь состояния здоровья менеджерами с рядом факторов профессиональной деятельности. Снижение показателей здоровья у менеджеров больше всего связано с высоким эмоциональным напряжением и чрезмерными перегрузками на работе, высокими требованиями к качеству выполняемой действий, высокой ответственностью за принимаемые решения, страхом допустить ошибки в работе (зачастую связанные с существенными материальными, финансовыми потерями), осознание частью работников нехватки профессиональных компетенций, а также конфликтами во взаимоотношениях в трудовом коллективе. Нельзя сбрасывать со счетов и такие факторы внешней среды, негативно сказывающиеся на самооценку здоровья, как проблемы, возникающие в семейных отношениях (по данным наших исследований, каждый 3-й менеджер не имеет семьи), и жизненные кризисы 30-40-летних менеджеров как основной категории этой профессиональной группы.

Отношение менеджеров к здоровью неоднозначное: подавляющее большинство соглашается, что оно необходимо, его следует укреплять и одновременно не прилагает сколько-нибудь заметных усилий в этой области. Многие руководители обладают крепким здоровьем и не задумываются над тем, что будет с их здоровьем через 5–10–15 лет. Большинство не видит связи между здоровьем и эффективностью профессиональной деятельности. Потребность в сохранении и поддержании здоровья у них не актуализирована.

В рейтингах стрессовых профессий менеджеры часто занимают верхние строчки, что обусловлено большим объемом выполняемых ими работ и степенью ответственности, длительными и повышенными нагрузками, приводящими к высокой усталости, раздражительности, особым требованиям к профессионально-важным качествам.

Если посмотреть для сравнения рейтинг самых счастливых профессий (опрос, проведенный в Великобритании в 2008 г.), то обнаружим, что в Топ-20 профессии менеджера нет, как и нет профессии менеджера среди наиболее престижных и удовлетворяющих желания и потребности россиян. Таким образом, выступая одной из самых стрессовых профессий менеджерская профессия в то же время не вызывает большого удовлетворения у ее представителей.

Важно отметить, что в самом содержании профессиональной деятельности менеджеров заложены причины стресса, такие как неопределенность, многозадачность, резкая смена темпа и ритма деятельности, необходимость сохранения баланса «работа – личная жизнь», высокий уровень ответственности, коммуникативные перегрузки.

Состояние стресса сопровождается не только нарушением психического равновесия, но и целым рядом негативных изменений в функционировании физиологических механизмов. По существу, можно утверждать, что стресс в профессии менеджера выступает вполне естественным спутником на всем протяжении его профессионального пути. Стресс, проникая во все сферы деятельности, становится частью жизни профессионала. Способность справляться со стрессом можно рассматривать как характерную черту людей, отличающихся крепким здоровьем. «Такие люди: а) рассматривают негативные события скорее как вызов судьбы, чем как угрозу; б) они способны контролировать свои поступки; в) уверены в своих силах и предпочитают действовать, а не сидеть, сложа руки. Оптимистическое отношение к жизни является страховкой многих болезней» [Миллер, 1998, с. 48–49].

При анализе профессиональной деятельности менеджера закономерно поставить вопрос: какими профессионально-важными качествами он должен обладать. Профессионально важные качества (ПВК), влияющие на эффективность осуществления менеджером профессиональной деятельности, самосовершенствуются в процессе этой деятельности, изменяется их роль и значение по мере перехода от одного этапа профессиональной деятельности к другому. Попытки выделения профессионально-важных качеств менеджеров предпринимались неоднократно: с точки зрения подбора наиболее подходящих кандидатов при поступлении в учебные заведения, готовящие профессиональных менеджеров, и при поиске и отборе на замещение вакантных менеджерских должностей, и с точки зрения установления зависимости эффективности управления от выраженности личностных качеств.

На наш взгляд, здоровье является важным и более того первостепенным качеством менеджера, обеспечивающим эффективное исполнение им своих функций. Оно включает в себя физический, психический и социальный компоненты, обеспечивает нормальную физическую и умственную работоспособность, хорошее самочувствие, умение справляться с вызовами и требованиями профессиональной среды.

Список литературы

1. Авдулова Т.П. Психология менеджмента. М.: Академия, 2003. 256 с.
2. Друкер П.Ф. Эффективный управляющий. М.: Book Chamber International, 1994. 266 с.
3. Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 2005. 584 с.

4. Миллер Э. Управляем своим здоровьем: новый взгляд на старые болезни. СПб.: Питер, 1998. 256 с.
5. Психология менеджмента / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: СПбГУ, 2000. 571 с.
6. Раевская Н.Е. Психология менеджмента. СПб.: Альфа, 2001. 240 с.
7. Шарухин А.П. Психология менеджмента. СПб.: Речь, 2005. 352 с.
8. Шингаев С.М. Здоровье в структуре профессиональной деятельности менеджера // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения-2004». СПб.: СПбГУ, 2004. С. 536-537.
9. Шингаев С.М. Особенности становления психологии менеджмента в России // 2nd International Scientific Conference «European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches». Stuttgart, Germany, 2013. Volume 2. P. 210-212.
10. Шингаев С.М. Психологическое обеспечение профессионального здоровья менеджеров: дисс. ...д-ра психол.наук. СПб., СПбГУ, 2014. 556 с.
11. Шингаев С.М. Психология профессионального здоровья как новое направление психологической науки // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: ментальное здоровье и условия его сохранения. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С.53-57.

Якимчук Д. Ю.

ЭЛЕГАНТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ – MYSTERIUM TRIMENDUM

Аннотация

В статье приводится описание работы с пространством психического, ранее не учитываемым – потоками, связывающими слои реальности, которые составляют превалирующую объем реальности

Ключевые слова

Интегративная психология, трансформация, небинарные сценарии

Annotation

The article describes the study of the psychic space, which was not previously taken into account. The description of working with flows connecting the layers of reality that make up the prevailing volume of reality is given

Keywords

Integrative psychology, transformation, non-binary scenarios

...взахлеб подставляющий себя пространству

Р. М. Рильке

Распространенное ранее восприятие и понимание индивида как отдельного от ткани реальности объекта задает ограничения для

исследователей и психологов, так как упускается из виду динамика искажения слоев реальности, играющая существенную роль в жизни индивида, что было избыточно описано в материалах интегративной психологии. Базой ИП является переосмысление объектной ориентации и работы с бинарными сценариями, предполагающими центрирование фокуса внимания на событиях прошлого или сосредоточение на сложных для объекта событиях, так как отделение объекта от контекста и решение проблем вне контекста не учитывает существенный объем искажения слоев реальности, хоть и работает с ними. Объектом интегративной психологии является эволюция сознания в самом широком масштабе [2]. Локусом/основанием слоев реальности, частью которых выступает индивид, является реализация в сейчас, в происходящем моменте – соответственно для работы требуется адаптация психотехнологий к динамике локуса ткани реальности, коими выступают методы интегративной психологии. Где само «восхождение», «личностный рост», «духовное самосовершенствование», «высшие» и «низшие» уровни больше являются абсурдом дифференциации реальности, а все концепции по этому поводу (философские, психологические, духовные, религиозные, научные, метафизические и пр.) простой игрой сознания [3].

Юнг К. Г., исследуя случаи необыкновенных совпадений, синхронностей, пришел к выводу что архетипы должны влиять на ткань феноменального мира [1]. Козлов В. В. предложил избыточную матрицу слоев, выделив модальности в архетипических проявлениях [4]. Автор предлагает в синхронности миров обратиться к объединяющему принципу, не являющемуся новым для погруженных в тему, при этом обратить внимание на нюанс распределения объема проживаемого: одномоментное существование семантических слоев реальности и их взаимопроникновение обуславливается «коридорами»/потоками, соединяющими слои реальности. Ввиду многомерности проявления сознания соединяющие потоки составляют основательный объем реальности, если не превалирующий. Автор предлагает сместить точку приложения психотехнологий, чтобы «коридорный» объем реальности также стал доступным пространством для работы. Рапидно работающим будет проведение по упомянутым соединяющим коридорам положительной модальности (саттва или раджас), которую объемно описывал В.В. Козлов в девятиматричной модели [4], чтобы качество самореализуемых семантических слоев реальности заполнялось нектаром саттвы, в крайнем случае раджаса, в объеме, несопоставимом с объектно-ориентированной работой. Да, при внимательном рассмотрении мы обнаружим совершенно иную ориентацию восприятия, необходимую для работы, что существенно сузит не только круг, применяющих подход на практике, но и популярность описываемого пространства работы первое время или же стать элегантным дополнением «портфеля» профи.

Автономная работа с объектами слоев реальности, безусловно, уместна и масштабна и всегда будет иметь ценность в существующих реалиях, но без учета связующих швов/коридоров между слоями реальности не будет

полноценной, т.к. будет сохраняться критическая степень искажения слоев реальности из-за превалирующего объема соединительных потоков по сравнению с объемом, заполняемы объектами, на которые ориентирована классическая работа психолога.

Параметрами объектного восприятия являются индивид и изменение гибкости его психики, пространство жизни индивида и изменение качества поля группы (тренинговой, семейной, рабочей и т.д.) и взаимообуславливание индивида и полей групп. Параметрами интегративного подхода являются сознание и его эволюция, интенсивность эволюции, т. е. объект как часть полотна реальности и взаимопроникновение слоев и уровней реальности. ИИПТ объемно работают с обозначенными параметрами и имплицитно работа со швами/коридорами заложена в ИИПТ. Как ёмко отражалась разница объектного и интегративного подходов в статье В.В. Козлова и В.В. Новикова: Отличие процесса владения «обыденным» сознанием от владения более развитым заключается в выборе «объекта» отождествления – организующего интегративного фактора [2]. При этом в случае с задействованием в качестве объекта отождествления пространства не только между объектами, но и между слоями реальности, мы, во-первых, существенно быстрее получаем доступ к трансперсональным переживаниям, во-вторых задействуем для применения психотехнологий пространство, ранее не принимаемое во внимание, при этом принцип психотехнологий сохраняется, но изменение объекта отождествления привносит «новизну» в психологию, являясь досконально и многократно описанным в духовных традициях.

В первую очередь, при отождествлении с пространством между объектами, открывается доступ к проживанию гун как таковых, отдельных потоков реальности, профаническое представление которых кристаллизуется объектным восприятием и укрепляется взаимообуславливающим напряжением, вызываемым любыми объектными проявлениями. На втором этапе реализуется утверждение в одновременном наличии и отсутствии объектов и проживается адаптация к многомерному восприятию с разными принципами функционирования, как, например, адаптация к коммуникации с множеством объектов как с одним.

Первое время проблематично длительно удерживать обе ориентации восприятия одновременно, т. к. это противоречит законам логики, но когда и отношение к противоречивости законов логики становится объектом отождествления, и часть ресурса тратится не на преодоление противоречивости, а на утверждение в новом состоянии – сложность нивелируется.

И только следом за вторым этапом открывается простор с возможностью работы не только с пространством между объектами, но и с пространством между слоями. Объемная часть пространства потоков, связывающих слои реальности становится в такой же мере важной и охватываемой сознанием. Основным параметром качества работы со швами/коридорами, соединяющими уровни и слои реальности, является осознание факта

значимости внеличных проявлений с одновременным восприятием личностного проявления, как интегрирующего элемента. Стоит упомянуть, что сам разворот внимания к пространству между слоями реальности настолько снизит объектное взаимообуславливание, выступающее образующим фактором представления привычного мира форм за счет разной скорости движения потоков и образования причин остановок, что выравнивание скорости потоков, что и является итоговой целью работы с коридорами между слоями, предельно сократит искажение слоев реальности – *mysterium trimendum*.

Автор предлагает рассмотреть динамику работы с коридорами между слоями. Параметрами динамики работы с коридорами, соединяющими слои реальности, являются модальность заполняющего контекста и интенсивность с одной стороны и учитывание иной потоковой ориентации, с другой. Заполняющая модальность определяется качеством восприятия индивида или поля индивидов. Интенсивность зависит не только от пропускающей способности – потенциальности индивида, но и от готовности индивида отказаться от привычных способов объектной ориентации. Так как привычный объектный способ реагирования заполняет не коридоры между слоями реальности, а замкнутые контуры бинарных сценариев между объектами, что и является основным способом усиления искажения уровней и слоев реальности. При необъектной ориентации основным тормозящим фактором первое время является отсутствие способности перманентной потоковой переориентации, т.к. все еще нет достаточного объема контекста положительной (саттва/раджа) модальности коридоров, а одновременное расходование ресурса в обоих направлениях весьма затратно, что уже упоминалось выше.

Привычной или основной/обыденной/профанической считается ориентация объектная – есть индивид и его психика и интеграция опыта или любого переживаемого события рассматривается с точки зрения человек-система. Но элегантно эволюционирующее сознание реализуется отнюдь не посредством правильной работы с объектами, что не умаляет важности и ценности такой работы, а в равной мере и изысканным наполнением пространств, соединяющих слои реальности, что напрямую отразится на сокращении степени искажения одновременно всех уровней и слоев реальности.

Подтверждением более высокого уровня восприятия являются высокая динамика событийных рядов и возрастающая степень одновременного вовлечения и не-вовлечения в привычное профаническое объектное разделение. Захват внимания ловушками бинарных сценариев при этом будет также интенсивно развиваться до полной потери актуальности. Мысленное пространство делится на интенсифицирующее движение и тормозящее, второе со временем также отбрасывается. Гигиена психического действия возрастает кратно. Преломления вихрей нижней модальности уже не имеют возможности захватить фокус внимания и начинается стабилизация в положительной модальности, проникающей во все уровни и слои и коридоры

между. Искажение пространства сокращается постепенно – это и есть вхождение в поток – и невозвращение одновременно. Человек, поглощенный сомой логоса, бинарными сценариями и ловушками, удерживающими фокус в объектах, постоянно вглядывается в объекты и испытывает напряжения между ними, замкнутые взаимодействия уплотняют объекты, усиливая взаимообуславливание. Для прохождения крайних рубежей необходимо принести себя в жертву без остатка, что для личности выглядит угрожающе. С другой же стороны, которая естественно недоступна личности, это вовсе не жертва, а переживание непостижимой тайны, где становится бессмысленно формировать теорию движения т. к. сам процесс приведет к прогрессу. Но тем не менее т. к. есть множество повторов ловушек внимания и при работе с коридорами, связывающими слои реальности, то применение известных интенсивных интегративных психотехнологий на каждом уровне будет сохранять актуальность. Переориентация восприятия или вхождение в поток разрешает не только проблемы индивидуального порядка, но и создает предпосылки для скачка эволюции сознания.

Литература

1. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Ганга, 2018 – 528с.
2. Козлов В. В., Новиков В. В. Интегративный подход в психологической практике, Ярославский педагогический вестник – 2012 - №1
3. Козлов В. В. Методология интегративной психологии. Ярославль, МАПН, РПФ «Титул», 2021 – 180 с.
4. Козлов В. В., Майков В. В. Трансперсональная психология. М.: АСТ, 2004 – 608с.
5. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 390 с.

Янсон Д.В.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КОХУТА И КЕРНБЕРГА: ФЕНОМЕН НАРЦИССИЗМА

Аннотация: в статье рассматривается понимание феномена нарциссизма двух известнейших психоаналитиков Хайнца Кохута и Отто Кернберга. Изложены противоположные концепции взглядов авторов на лечение нарциссических расстройств. Приведены особенности работы с нарциссическим переносом в парадигме психологии самости Кохута и в экспрессивной терапии Кернберга.

Ключевые слова: нарциссизм, психология самости, экспрессивная терапия.

Abstract: the article discusses the understanding of the phenomenon of

narcissism by two famous psychoanalysts Heinz Kohut and Otto Kernberg. Opposite concepts of the authors' views on the treatment of narcissistic disorders are presented. The features of work with narcissistic transference in the paradigm of Kohut's psychology of the self and in Kernberg's expressive therapy are given.

Key words: narcissism, self psychology, expressive therapy.

Феномен нарциссизма интересовал людей еще со времен создания мифа о «Нарциссе», а в нынешнее время актуальность данного явления становится все более очевидной, так как уровень нарциссизма в современном обществе возрос.

В парадигме психоанализа нарциссизм трактуется в зависимости от школы и «ассоциируется со множеством значений, таких как: фаза в развитии психики, определенная психопатология или проблемы идентичности» [Немировский К., 2010, с. 210].

Разное понимание феномена нарциссизма вызывает среди представителей школ психоанализа широкое поле для дискуссий. Самое значительное противостояние двух взглядов, зарожденное в 1970-80 х годах и существующее по сегодняшний день это антагонизм психологии Самости Хайнца Кохута и Отто Фон Кернберга и его взгляда на происхождение и лечение нарциссического расстройства.

Взгляды Хайнца Кохута имеют как последователей, так и несогласных с разработанной им теорией психологии Самости. Тем не менее, тот вклад, который Кохут внес в теорию психоанализа нельзя переоценить. Кохут показал, что существуют нарциссические виды переноса и открыл дорогу к работе с нарциссическими личностями, которые до этого считались неанализабельными в виду отсутствия у них невроза переноса. Разработав технику работы с нарциссическими видами переноса, Кохут положил начало новой эпохи психоанализа. Это открытие послужило началом того, что вид патологии перестал влиять на показание психоаналитической психотерапии [Кохут Х., 2003, с. 308].

Х. Кохут изложил принципиально иной подход к пониманию феномена нарциссизма. В отличие от теории конфликтов З.Фрейда, Кохут говорит о причине нарциссизма вследствие дефицита в развитии личности. По мнению Кохута нарциссизм - это часть развития Я субъекта, которая представляет собой отдельную линию развития внутри личности [Кохут Х., 2003, с. 308].

«Следуя Гартманну, Кохут впервые рассматривал нарциссизм как катектическое инвестирование либидо в Самость. Раскрыв основные проявления объектного нарциссизма архаической Самости, он тем самым избавил само понятие нарциссизм от его уничижительного значения. Теория Кохута постулирует специфичность развития нарциссизма, иного, чем при объектной любви. Кохут отвергает предложенную Фрейдом линию развития от архаического нарциссизма к зрелой любви к объекту. Концепция Кохута позволяет выделить зрелые формы или так называемые трансформации нарциссизма — мудрость, юмор и творческие способности» [Барнесс М., Бернард Ф., 2000, с. 304].

Кохут описывал в своей теории, что у каждого индивида есть потребность в организации психики в связную конфигурацию – Самость и потребность в формировании укрепляющих Самость взаимосвязей Я с внешним окружением, пробуждающих и повышающих энергетику и сохраняющих структурную связность и сбалансированность ее элементов. В нарциссизме Кохут видел ту самую связывающую Самость составляющую и в нем же основу патологии [Кохут Х., 2003, с. 308].

Особенность теории Кохута включает в себя постулат, что в развитии психики участвуют как оптимальный, так и заниженный уровень фрустрации. Самость становится фрагментированной при преобладании заниженного уровня. *«Прототипом таких состояний является нарциссическая ярость – реакция индивида на захлестывающие его чувства ненависти, обиды, «нарциссической травмы» или же на потребность причинить боль»* [Барнесс М., Бернард Ф., 2000, с. 304].

Кохут описывал феномен нарциссизма как явление, которое направлено на поддержание самооценки, самоуважения, чувства значимости и считал, что в определенной степени явление нарциссизма является нормальным, здоровым, но выраженное его проявление Кохут считал патологическим [Кохут Х., 2003, с. 308].

Хайнцу Кохуту также принадлежит понятие «нарциссического расширения», которое описывает восприятие ребенка родителем как продолжение его Эго [Дорожкин В.Р., 2017, с. 72-71]. При этом отвергается истинная Самость ребенка и поддерживается ложная, которая соответствует желаниям родителей. Маленький человек при этом вынужден прятать свои настоящие чувства, что также приводит к излишней интеллектуализации и рационализации, расщеплению между телом и психикой, отношением к телу как к машине по обслуживанию нужд, а не как к живому организму, что часто можно наблюдать в терапии нарциссических личностей.

К здоровому нарциссизму Кохут относил способность личности адекватно оценивать свои возможности, реализовывать потенциал, умение прощать ошибки и использовать во благо предыдущий жизненный опыт. Все это является основой для положительного представления о себе, своей ценности и самоактуализации личности. При преобладании же патологического нарциссизма индивид испытывает сложности в саморегуляции напряжения, настроения, не имеет стабильной самооценки и устойчивой идентичности, формируется грандиозное Я [Городецкая Л.Н., 2015].

Патологический нарциссизм по Кохуту включает в себя первичные патологии, такие как психозы, пограничные состояния, зависимости и вторичные расстройства Самости, включающие в себя невроты и нарциссические расстройства личности [Немировский К., 2010, с. 210].

Личности с нарциссическим расстройством, по мнению Кохута, обладают хрупкостью и ощущением неизбежного краха в будущем. Такие пациенты весьма чувствительны, имеют повышенное чувство стыда и очень уязвимы. Их действия направлены на то, чтобы избежать неудачи и не привлекать к

себе внимания. Девизом их жизни как будто является «Если ни за что не браться, то и не проиграешь».

По мнению Нэнси Мак-Вильямс, важным вкладом Кохута была его позиция относительно признания терапевтом своих ошибок. Признание терапевтом промаха в терапии, его сожаление дает понять человеку, что его чувства правильны относительно его лечения и не способствует неискренней комплаентности, к которой нарциссичные пациенты так привыкли [Мак – Вильямс Н., 2015, с. 592].

Голдсмит Г.Н. считает, что главный вклад Кохута состоит в выявлении особых типов переноса в работе с нарциссическими пациентами. В первых своих работах Кохут называл эти переносы нарциссическими, но позже определил их как «самостно-объектные переносы». Такую замену Кохут произвел, обнаружив в процессе работы с нарциссическими пациентами, что они видят в других людях продолжение самих себя и используют других для удовлетворения собственных потребностей [Голдсмит Г.Н., 2015], то есть другой для них не отдельная личность, а лишь функция.

К самостно-объектным переносам Кохут относил:

- отзеркаливающий перенос, когда человек желает получить одобрение своих амбиций от объекта самости («блеск в глазах матери» в ответ на усилия ребенка продвинуться в развитии);

- идеализирующий перенос, когда человек в поисках такого объекта самости, который примет его идеалы и идеализированные ценности (эти два вида переноса отражают два полюса «биполярной самости»);

- близнецовый перенос, поиск человека направлен на объект самости, который обеспечит возможность утешительного переживания существенного сходства с другими [Голдсмит Г.Н., 2015].

Для формирования рабочего альянса с нарциссическим пациентом необходимо, чтобы была удовлетворена хотя бы одна нарциссическая потребность из трех: отзеркаливание Самости, потребность в идеальном объекте, потребность быть как все [Тарасова А.Ю., 2017, с. 237-240].

По Кохуту зеркальный и идеализирующий переносы являются здоровыми и необходимыми в развитии человека, поэтому фиксации или регрессии на них во время терапии не должны восприниматься как неблагоприятное явление. После того как пациент принял эти формы нарциссизма как здоровые и необходимые, он постепенно может приступать к их изменению в более высокую организацию взрослой личности для достижения взрослых целей и намерений.

С точки зрения техники, Кохут считал важным, чтобы психоаналитик не вмешивался в процесс установления нарциссического переноса и не предпринимал активных шагов, которые способствуют развитию реалистической терапевтической связи, иногда это может быть решающим фактором на пути к терапевтическому успеху [Кохут Х., 2003, с. 308].

Идеализация психоаналитика во время лечения для Кохута является важной составляющей, она принимается и поддерживается, так как считается «необходимым условием для воссоздания недостающей фазы в развитии».

Однако О. Кернберг считает, что идеализация должна быть проинтерпретирована, так как является защитой от злобы, зависти и обесценивания [Немировский К., 2010, с. 210].

Кохут считал, что идеализация в психоаналитическом лечении необходима, так как именно неоптимальная фрустрация, связанная с невозможностью слияния с Я – Объектами «приводит к формированию грандиозного Я, архаизирует Эго, идеализирует Я-Объекты до сверхценного состояния» [Дорожкин В.Р., 2017, с. 72-71].

В процессе терапии нарциссической личности, психоаналитики могут допускать две противоположные ошибки, особенно в интерпретации зеркального переноса. Первая ошибка может заключаться в готовности психоаналитика «занять этическую или этически окрашенную реалистическую позицию по отношению к нарциссизму пациента; другая связана с его тенденцией давать абстрактные интерпретации» [Кохут Х., 2003, с. 308].

Нарциссические пациенты склонны реагировать на воспоминания чрезмерным чувством стыда и самобичеванием, прокручивая снова и снова болезненные воспоминания, чтобы магическим образом исправить сделанное. В ярости такой пациент может желать покончить с собой, чтобы не переживать вновь и вновь эти мучительные воспоминания. Эти моменты важны и требуют большого терпения от психоаналитика, когда пациент будет снова и снова возвращаться к болезненным для него ситуациям. В таких ситуациях аналитик должен проявлять эмпатию и понимание к раздражению пациента, что случившееся нельзя отменить. Только после этого можно продвигаться к динамическим интерпретациям [Кохут Х., 2003, с. 308].

Кохут описывал, что так как у большинства нарциссических пациентов базисная нейтрализующая структура психики является недостаточно развитой, они подвержены психическим травмам, особенно в ранних этапах психоаналитического лечения [Кохут Х., 2003, с. 308].

Существуют некоторые другие травматические состояния, обычно возникающие в середине и даже на поздних стадиях анализа нарциссических личностей, причем, очень часто в ответ на корректные, основанные на эмпатии интерпретации, которые содействуют терапевтическому прогрессу. И в таких случаях аналитик должен распознавать эти травматические состояния и передавать свое понимание пациенту в надлежащем образом сформулированных интерпретациях, тогда возбуждение пациента обычно стихает [Кохут Х., 2003, с. 308].

Кохут предлагает давать эмоционально-корректирующие отклики, например, следующим образом: «Например, аналитик должен сказать пациенту, что понимание и инсайт, полученные им на предыдущем сеансе, вызвали у него сильнейшее потрясение и что ему было трудно восстановить свое душевное равновесие» [Кохут Х., 2003, с. 308].

В классическом психоанализе инсайт играет важную роль, но в психологии самости Кохута инсайт менее важен, на первый план выходит эмпатический контакт, с помощью которого происходит построение

структуры, за счет устранения дефицита принимающего объекта в детстве. Аналитик становится тем самым объектом Самости, которого не достает пациенту. Более того, Кохут считает, что эмпатический контакт важен не только для людей с нарциссическим расстройством, но и в целом, для всех пациентов. Кохут говорил, что разработанная им теория психологии Самости «это психология дефицита и его возмещения, а не психология конфликта и его разрешения» [Голдсмит Г.Н., 2015].

Кохут отводит второстепенную роль эдипальному комплексу, интерпретации, защиты, сопротивления и конфликты уступают главной задаче лечения: «Исследованию ... пороков в структуре самости посредством анализа самостно-объектных переносов» [Голдсмит Г.Н., 2015].

Отто Кернберг — крупнейший представитель психоаналитического направления, разработавший психоаналитическую экспрессивную психотерапию, направленную на лечение тяжелых личностных расстройств. Кернбергом также разработана современная психоаналитическая теория личности, основывающаяся на том, что Я субъекта состоит из различных репрезентаций себя и своих объектов, которых связывают аффективные состояния [Кернберг О., 2000, с. 464].

Отто Кернберг стал одним из немногих кому удалось стать классиком при жизни, его разработанный подход к лечению нарциссических и пограничных пациентов описан во многих учебниках, разработанный им диагностический инструмент «Диагностическое интервью» позволяет клиницистам определить к какой организации (невротической, пограничной или психотической) принадлежит пациент [Кернберг О., 2000, с. 464].

На взгляды Кернберга повлияли работы Мелани Кляйн, в особенности ее интерес к врожденной агрессии, оральной жадности и зависти. Понимание Кернбергом феномена нарциссизма и модификация им классической психоаналитической техники принималась другими психоаналитиками менее остро, так как сам Кернберг считает, что в отличие от психологии самости Кохута «его теоретические разработки остаются полностью в пределах традиционного психоанализа, не являясь новой теоретической структурой, подвергающей сомнению эту теорию» [Голдсмит Г.Н., 2015].

Здоровый и патологический нарциссизм, по мнению Кернберга, детерминирован отношением я-либидо с объект-либидо и с внешними объектами, а также конфликтами инстинктов, в которых принимают участие либидо и агрессия [Егоров А.В., 2019, с. 269-276].

Классический психоанализ предполагает, что тяжелый нарциссизм - это проявление фиксации на ранней нарциссической стадии развития и неспособность любить объект, но Кернберг считает, что развитие ненормальной любви к Я развивается с ненормальной любовью к объектам, что нарциссизм и объектные отношения нельзя отделать друг от друга [Кернберг О., 2000, с. 464].

Кернберг выделяет такие формы нарциссизма как: нормальный взрослый, нормальный инфантильный и патологический нарциссизм [Кернберг О., 2000, с. 464].

Нормальный взрослый нарциссизм служит регуляцией самоуважения и говорит о нормальной структуре Я или внутренними целостными объектами.

Фиксация или регресс на нормальном инфантильном нарциссизме является важной чертой любой патологии характера, при этом для таких состояний характерна нормальная, но инфантильная структура Я субъекта и нормальная интернализация внутренних объектов [Кернберг О., 2000, с. 464].

Нарциссизм Кернберг рассматривает как нарушения в самой структуре, то есть что-то идет не так в развитии субъекта очень рано и это повлияло на то, что человек остался на уровне примитивных защит [Мак – Вильямс Н., 2015, с. 592].

О.Кернберг и Х.Кохут сходятся во мнении, что Я субъекта формируется на протяжении всей жизни, в отличие от самооценки оно имеет более устойчивую конструкцию [Немировский К., 2010, с. 210].

Описанные Кохутом нарциссические расстройства являются приемлемыми в рамках общества, то есть они социально адаптированы. И если такие индивиды проявляют агрессию, то это детерминировано болью от нарциссических ран. Личности, описанные Кернбергом больше похожи на людей, с пограничным расстройством личности, они проявляют высокомерие, завистливость, грандиозность и агрессивность [Немировский К., 2010, с. 210].

Для Кернберга также существуют люди, находящиеся между нарциссическим и антисоциальным расстройствами личности, которых, как он пишет в работе «Агрессия при расстройствах личности», характеризует наличие синдрома злокачественного нарциссизма. Этот синдром можно определить по следующим составляющим:

- нарциссическое расстройство личности
- антисоциальное поведение
- это - синтонная агрессия или проявления садизма, проявляющихся в отношении других людей, но также и в отношении себя в виде попыток суицида или «торжествующего самоповреждения» [Кернберг О., 1998, с. 364].

Кернберг в данной работе также указывает на то, что нарциссическое расстройство является первым признаком возможного антисоциального расстройства личности [Кернберг О., 1998, с. 364]., которое трудно поддается психоаналитическому лечению.

Патологический нарциссизм характеризуется ненормальной структурой Я, которая относится к одному из двух типов:

1 тип – нарциссический выбор объекта, что наблюдается при женской и мужской гомосексуальности

2 тип - выраженность паталогического Грандиозного Я [Тарасова А.Ю., 2017, с. 237-240].

Кернберг делит личность с нарциссическим расстройством, функционирующую на пограничном или непограничном уровне, то есть ближе к невротическому спектру организации личности. Для высокофункционирующей нарциссической личности (непограничной)

Кернберг рекомендует стандартный классический психоанализ. Для нарциссичного пациента пограничного уровня экспрессивную терапию или поддерживающую, в зависимости от антисоциальных тенденций, хронической реакции ярости и преходящих параноидных психотических эпизодов [Кернберг О., 2000, с. 464].

Рассмотрим экспрессивную терапию как наиболее часто применяемую для лечения нарциссических личностей, находящихся на пограничном уровне. Экспрессивная терапия отличается тем, что перенос не анализируется системно, а сосредотачивается на проявлениях отыгрывания вовне и нарушениях во внешней реальности пациента, что может спровоцировать преждевременное завершение терапии.

Факторы, определяющие интерпретацию переноса в экспрессивной терапии следующие:

- главные конфликты в непосредственной реальности пациента;
- основные конкретные цели терапии, при этом необходимо отделять жизненные цели от терапевтических,
- темы, выступающие в переносе на первое место в данный момент.

Кернберг считает, что для того, чтобы разрешить примитивные диссоциации и примитивный перенос в переносы высшего уровня (невротического) необходима интенсивная терапия не реже 2-3 раз в неделю на протяжении 5-7 лет [Кернберг О., 2000, с. 464].

Аналитик должен анализировать грандиозное Я пациента, механизм всемогущего контроля, уделять внимание тому, что происходит здесь и сейчас и лежащие глубже примитивные интернализированные объектные отношения, связывая поверхностное и глубокое в цельное эмоциональное переживание, обеспечивать контейнирующую функцию, описанную Бионом и поддерживающую (холдинг по Винникотту). Необходимо также исследовать у пациента наблюдающее Эго, поддерживать и развивать его [Кернберг О., 2000, с. 464].

По мнению Кернберга такой подход существенно отличается от подхода, когда пациент в своих требованиях желает, чтобы терапевт удовлетворял его нужды и когда терапевт становится заместителем родителя, отходя от позиции нейтральности и усиливая поддерживающую сторону терапевтических отношений. Кернберг считает, что важно анализировать предъявляемые нужды, так как Эго пациента становится сильнее не за счет удовлетворения, а за счет того, что пациент начинает понимать «прошлые фрустрации и ограничения в контексте патологических реакций, импульсов и защит, которые активизировались при травматических обстоятельствах детства и способствовали развитию и фиксации слабости Эго» [Кернберг О., 2000, с. 464].

Однако понимание и помощь вызывают в пациенте боль, что аналитик не зависит от пациента, что вызывает гнев, ярость и презрение. К таким реакциям аналитик должен относиться терпимо, так как в совокупности с интерпретациями, дающими объяснение их проявлению позволяют пациенту интегрировать положительные и негативные аспекты переноса, это

способствует интеграции идеализации и доверия с яростью, чувством презрения и параноидной недоверчивостью [Кернберг О., 2000, с. 464].

Кохут описывал человека с нарциссической личностью как «дерево, чей рост был замедлен недостатком воды и солнца в критические моменты; нарцисса по Кернбергу можно представить, как растение, мутировавшее в гибрид». Отсюда и разность в подходах к лечению пациентов с нарциссическим расстройством – Кохут предлагает «дорастивать» дерево, то есть быть очень эмпатичным и принимать идеализацию или обесценивание терапевта пациентом, тогда как позиция Кернберга – это тактичное, но все же довольно настойчивая конфронтация грандиозного Я пациента и обязательное интерпретирование защит от зависти и жадности [Мак – Вильямс Н., 2015, с. 592].

К. Немировский видит пациента с нарциссическим расстройством Кохута как уязвимо-чувствительного, нарциссического пациента Кернберга как грандиозно-эксгибиционистского и предполагает возможное разделение нарциссической личности на два подтипа [Немировский К., 2010, с. 210], что не отвергает ни одного из предложенных авторами подходов.

Голдсмит в своей статье «Подходы к лечению нарциссических расстройств: Кохут и Кернберг» [Голдсмит Г.Н., 2015], приводит краткую критику подходов (опираясь на авторов Calef V. & Weinshel, 1979 Chessick, 1985, Levine, 1979 Wallerstein, 1985, 1995). Для удобства изложим постулаты критики в таблице:

Табл. 1 Критика подходов Кернберга и Кохута:

Критика подхода Кохута	Критика подхода Кернберга
------------------------	---------------------------

1. Игнорирование восприятие конфликта, поощрение техник, поддерживающие эго. Вследствие чего психология самости ближе к поддерживающей психотерапии, чем к психоанализу.

2. Поощрение ложных подтверждений фантазий пациентов о недостатке или слабости, принимая за чистую монету (принимая как факт) их ощущения недостаточности и страхи потери контроля, вместо того, чтобы воспринимать ощущение недостатка как субъективное описание заторможенных влечений. Таким образом, она минимизирует усилия поиска скрытых смыслов явных сообщений и аффектов пациента, и, не уделяя должного внимания искажениям бессознательного материала, сосредоточивается на неисследованном принятии сознательного и предсознательного материала, на том, что пациент «чувствует».

3. Вместо того, чтобы анализировать отзеркаливающие и идеализирующие переносы, она их удовлетворяет.

4. Игнорирование значимости агрессивных импульсов, полагая, что они являются лишь реактивными продуктами распада в регрессии, а не первичными составляющими поведения, аффекта и психопатологии.

5. Психология самости полагает, что прояснение переживания самости – то же самое, что интерпретация этого переживания. Она использует понятие «самости» как неясную вышестоящую единицу, не учитывая вклад различных частей психического аппарата в понимание

1. Очень жесткая теоретическая схема, из которой вытекают четкие рекомендации для действия в затруднительных ситуациях. В некоторой степени это может быть верно, однако не стоит воспринимать это в качестве строгого диагностического правила. Ведь пациенты более сложны и непредсказуемы.

2. Хотя Кернберг говорит, что следует избегать поддерживающих техник, кажется, он сам обильно пользуется ими в своей работе. И в самом деле, его понимание того, что под давлением переноса возможны краткие регрессии в психоз, требует поддержки маневрами проверки реальности и внимания к склонности пациента к самоповреждению.

3. Кернберг предлагает слишком оптимистичную картину излечимости примитивных пограничных и нарциссических пациентов. Это противоречит его описанию пациентов с весьма устойчивыми негативными терапевтическими реакциями, проистекающими из завистливой потребности уничтожать, у тех пациентов, чьи бессознательные идентификации с примитивными садистичными объектами требуют такого деструктивного поведения в качестве расплаты за поддержание хоть какой-нибудь объектной привязанности вообще, у пациентов с глубоко антисоциальным характером и тех, для кого суицид – «образ жизни». Эти агрессивные, деструктивные и манипулирующие пациенты иллюстрируют то предупреждение Кернберга, что «нельзя недооценивать многообразные формы человеческой

Как видно, пациенты Х.Кохута и О.Кернберга отличаются, возможно это обосновано следствием влияния культурно-временного контекста [Немировский К., 2010, с. 210].

Их конкурирующие теории о феномене нарциссизма, нарциссическом расстройстве личности и терапии расходятся, что является положительным аспектом, так как дополняет и обогащает наши знания о нарциссизме и помощи людям с нарциссическим расстройством, ставит новые вопросы для дальнейшего изучения феномена нарциссизма. Противоположность их позиций внесла существенный вклад в развитие теории психоанализа, расширила и изменила психоаналитическую технику, сделав ее доступной для людей с различной патологией, в том числе, для лиц с нарциссическим расстройством.

Подходы Кернберга и Кохута отличаются клиническими, теоретическими и философскими взглядами. Кернберг в своих научных мировоззрениях «ближе к философским допущениям, что в основном направляли работу Фрейда, эмпирической научной ориентации, основанной на позитивистской философии. Человеческая психика и поведение рассматриваются, как в классической физике, в качестве результатов противонаправленных векторов, и доступны для эмпирического наблюдения аналитиком-наблюдателем, занимающим нейтральную позицию». Подход Кохута отходит от фрейдовских концепций и использует больше эмпатический метод, опираясь на «холистические концепции, более близкие к феноменологии и герменевтике» [Голдсмит Г.Н., 2015].

Библиографический список:

1. Барнесс Э. Мур, Бернард Д. Фаин Психоаналитические термины и понятия: Словарь // Перев, с англ. А.М. Боковой, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. — М., 2000. — 304 с.
2. Голдсмит Г.Н. Подходы к лечению нарциссических расстройств: Кохут и Кернберг // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2015. - №1
3. Городецкая Л.Н. Проблема нарциссизма как личностного феномена. — 2015.
4. Дорожкин В.Р. Глянцевое лицо нарциссизма: аналитический подход // Консультативная психология и психотерапия. — 2017. — Т. 25. — №. 1. — С. 72-91.
5. Егоров А.В. Взаимосвязь характерологического нарциссизма с нарушением структуры самости // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. — 2019. — №. 3. — С. 269-276.
6. Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства. Стратегии психотерапии / Пер. с англ. М.И. Завалова. — Независимая фирма «Класс», 2000. — 464 с.
7. Кернберг О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсии М.: Независимая фирма «Класс», 1998. — 364 с.

8. Кохут Х. Анализ самости: Системный подход к лечению нарциссических нарушениях личности / Пер. с англ. Л.М. Боковой. – М.: "Когито-Центр", 2003. - 308 с.

9. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе» / Пер. с англ. В. Снигура. – М.: Независимая фирма «Класс», 2015. – 592 с.

10. Немировский К. Винникотт и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства / Пер. с испанского. – М.: «Когито-Центр», 2010. – 217 с.

11. Тарасова А. Ю. Понятие "нарциссизм" в ответственной и зарубежной психологии // Современная прикладная психология: теория и практика. – 2017. – С. 237-240.

12. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : Учебное пособие / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Саратов : Вузовское образование, 2014. – 390 с.

К юбилею Анатолия Афанасьевича Калюжного

Анатолий Афанасьевич Калюжный является (глагол прошедшего времени для меня до сих пор неуместен, ибо он жив в наших сердцах!) олицетворением гармоничного проявления разнообразных качеств как Ученого-психолога, Руководителя, Преподавателя, Друга. Его чистосердечное умение дружить было настолько естественным, что создавалось ощущение, что я его давным-давно знаю. Общение с ним всегда было легким, радостным и, в определенной мере, событийным. Вспоминаются яркие вехи нашего творческого взаимодействия.

По его приглашению я проводил мастер-класс на базе Актюбинского Института повышения квалификации по формированию творческого мышления руководящих и педагогических работников высшего и среднего общего образования. Мне посчастливилось воочию убедиться в бережном, заботливом отношении к Анатолию Афанасьевичу как в родном вузе, так в органах управления образованием.

После занятий мы много общались с Анатолием Афанасьевичем. Рамочные условия наших разговоров были очень обширными: мы обсуждали не только современные психологические проблемы и достижения, но говорили и о людях, которые вносят большой вклад в их решение. Многих из них он знал лично, но никогда ни о ком не отзывался негативно. Именно его сердечность, доброжелательность делала его душевно близким многим коллегам.

Меня поражала его глубокая эрудированность, любознательность и любовь к психологии, что нашло отражение в его диссертации (Калужный А.А. Социально-психологические основы имиджа учителя. Дисс. ... докт. психол. н. Ярославль, 2007. 413 с. Специальность 19.00.05 – социальная психология).

Мне приятно было выступить оппонентом его диссертации, которая успешно была защищена в диссертационном совете Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, ведущем (по мнению профессионального сообщества) научном психологическом центре России. Это было промыслительным событием, ибо убедительно проявился его талант психолога-исследователя.

Его активная научная деятельность выражалась в постоянном участии в десятках международных научных конференциях по ключевым психолого-педагогическим проблемам. Он являлся постоянным участником Международных конгрессов (Ярославль, 2000-2007 г.г.), Международных симпозиумов (Москва, 2004-2006 г.г.), Международных конференций (Минск, 2000 г., Москва, 2001-2006 г.г., Саратов, 2004-2006 г.г., Ижевск, 2005., Алматы, 2004-2005) и мн. др.

Истоки его многогранной активности были заложены ещё в детстве, о котором он много рассказывал. Анатолий Афанасьевич родился 15 февраля 1952 года в поселке Горноводск Мартукского района Актюбинской области, в рядовой украинской семье сельских тружеников. Он искренне любил свой родной Мартукский район, считал себя патриотом Казахстана.

Трудовую деятельность он начал в 1973 году после окончания филологического факультета Актюбинского педагогического института, работая учителем русского языка и литературы сначала в Междуреченской школе Мартукского района, а затем - в Новомихайловской средней школе. За эти 6 лет он приобрел большой опыт учительской работы, усвоил многие сложные вопросы педагогической деятельности.

Работая в сельской школе, он начинает заниматься теоретическими вопросами педагогики. В тот период – 70-80-е годы - советская школа переживала непростое время, ощущалась необходимость реформ и перемен, были остро востребованы профессионалы, способные не только творчески мыслить, но и действовать, и Анатолий Афанасьевич делает главный выбор в своей жизни.

Основным стало осознание своего жизненного предназначения – быть педагогом. Анатолий Афанасьевич успешно использовал новые инновационные методы обучения и воспитания, заимствуя опыт педагогов - новаторов, и привнося свои задумки в образовательный процесс. Уже тогда он демонстрировал глубокие знания теории и методики воспитания и обучения. Анатолий Афанасьевич использовал обширный дополнительный материал, наглядность и технические средства обучения.

В сентябре 1979 года Анатолий Афанасьевич принимает решение перейти на работу в высшее учебное заведение для полноценной научной работы. Он подает документы для участия в конкурсе на должность

преподавателя кафедры методики преподавания русского языка и литературы Актюбинского педагогического института. Успешно пройдя испытание, становится преподавателем в своем родном вузе.

Вскоре он принимает решение о продолжении обучения и поступает в очную аспирантуру Научно-исследовательского института педагогических наук Казахстана. Начинается практическое осуществление его мечты – стать ученым - педагогом, заниматься развитием педагогической науки, исследуя актуальные проблемы образования и воспитания. В апреле 1983 года он успешно защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Теория и история педагогики».

С этого времени и до последних дней жизнь Анатолия Афанасьевича была связана с родным вузом. Он прошел путь - от студента до проректора вуза и принимал самое активное участие в его развитии. В первую очередь, он был исследователем, известным далеко за пределами страны. Он первый ученый в Казахстане, который защитил две докторские диссертации, став доктором педагогических и доктором психологических наук.

Исследуя актуальные проблемы психологии и педагогики, он стал понимать, что будущее педагогической науки - в синтезе с психологией. И стал первым разрабатывать новое научное направление, основателем которого он по праву считается в современной науке – социальной имиджелогии учителя.

Он считал, что главная роль в образовательном процессе принадлежит учителю. Как человек творческий, обладающий мощным интеллектом и широким научным кругозором, глубокими теоретическими и практическими знаниями, Анатолий Афанасьевич сумел успешно интегрировать две важные социальные отрасли науки – педагогику и психологию.

Он - доктор психологических и доктор педагогических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики Актюбинского государственного университета им. К. Жубанова, профессор кафедры психологии образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, академик Международной академии психологических наук, академик Международной академии имиджелогии, академик Международной академии человеческого фактора, академик Международной академии социальной работы.

В 2007-2010 годах Анатолием Афанасьевичем были подготовлены несколько учебников по психологии и педагогике, которые вышли как в Алматы, так и в Москве. Во введении своей книги «Психология формирования имиджа учителя» он писал: «Современные условия, в которых мы живем и трудимся, принципиально отличаются от тех, какие были раньше. А в новых условиях нам следует вести себя и жить по-другому, соразмерно иным моделям поведения».

Анатолий Афанасьевич внес огромный вклад в развитие педагогической и психологической науки в Казахстане, в развитие родного вуза, в становление целой плеяды молодых ученых. Он имеет более 180 научных трудов, в том числе 8 монографий и электронных учебных пособий.

Под его руководством защищен 1 доктор наук, 15 кандидатов наук, 8 магистров.

По итогам 2005 года в номинации «Лучший проект в имиджологическом образовании и просвещении» был назван победителем за учебник «Педагогическая имиджология».

К великому сожалению, после тяжелой продолжительной болезни, Анатолий Афанасьевич ушёл из жизни 15 января 2012 года.

В Актюбинском региональном университете им. К. Жубанова память о Анатолии Александровиче Калюжном бережно хранится. В знак признания его бесспорных научных и педагогических заслуг проводятся международная научно-практическая конференция и другие мероприятия в рамках Калюжных чтений; открыт учебный кабинет имени профессора Калюжного, оснащенный интерактивной доской и специализированной библиотекой; его имя носит кафедра педагогики.

Установлен бюст ученого в главном здании его родного университета.

19 февраля 2022 года

С.М. Кашипов

Список авторов

Абу-Талеп Д.В. (Москва, Россия) - кандидат психологических наук, преподаватель, Институт психологии творчества

Азизова А.Ш. (Ярославль, Россия) - студентка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Берберян А.С. (Ереван, Армения) - доктор психологических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет, действительный член МАПН

Богданова В.Л. (Новороссийск, Россия) - кандидат психологических наук, психолог-консультант

Власов Н. А. (Москва, Россия) – кандидат психологических наук, медицинский психолог психиатрической клинической больницы им. П.Б. Ганнушкина

Иванов Р.С. (Ростов-на-Дону, Россия) - старший преподаватель, Академия психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Карпов А.А. (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, действительный член МАПН.

Карпов А.В. (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии, Ярославский государственный

университет им. П.Г. Демидова, действительный член МАПН, член-корреспондент РАО

Кашапов А.С. (Ярославль, Россия) - кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии, государственный университет им. П.Г. Демидова

Кашапов М. М. (Ярославль, Россия) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, действительный член МАПН

Клейберг Ю.А. (Тверь, Россия) - академик РАЕН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Тверской государственный университет, профессор, Международная Ассоциация девиантологов, президент, действительный член МАПН

Козлов В.В. (Ярославль, Россия) – президент Международной Академии Психологических Наук, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова, действительный член МАПН.

Корнеенков С.С. (Владивосток, Россия) - кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

Коровина В.В. (Москва, Россия) - соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Институт психологии творчества

Кукушкина Т.А. (Москва, Россия) – магистрант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», преподаватель онлайн-школы "Фоксфорд"

Куличков В.И. (Челябинск, Россия) - кандидат медицинских наук, доцент кафедры факультетской педиатрии имени Н.С. Тюриной Южно-Уральского государственного медицинского университета

Мазилов В.А (Ярославль, Россия) - доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, действительный член МАПН.

Нагдян Р. М. (Ереван, Армения) - доктор психологических наук, профессор, кафедра психологии магистратуры Международного научно-образовательного центра Национальной академии наук Армении, действительный член МАПН

Панова Н. В. (Челябинск, Россия) – врач-неонатолог, педиатр, телесно-ориентированный терапевт, лаборант кафедры факультетской педиатрии им. Н.С. Тюриной.

Пенькова Г.А. (Ярославль, Россия) - магистрант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Рожкин А.В. (Москва, Россия) – аспирант кафедры психологии ИМЦ

Санина М.В. (Гомель, Белоруссия) – аспирантка факультета психологии ГГУ им. Ф. Скорины

Силанов О.А. (Москва, Россия) – онтопсихолог, консультант по психологии управления и бизнеса

Симоненко Ю. С. (Белогорск, Россия) - психолог, директор Белогорской городской спортивной общественной организации «Киокушинкай карате»

Симонов П.А. (С-Петербург, Россия) - соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Институт психологии творчества П. Пискарева.

Слепко Ю.Н. (Ярославль, Россия) – доктор психологических наук, доцент, профессор РАО, декан педагогического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, действительный член МАПН,

Степанов О.Г. (Челябинск, Россия) – действительный член МАПН, доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской педиатрии имени Н.С. Тюриной Южно-Уральского государственного медицинского университета

Степанчук Н. Н. (Донецк, Донецкая Народная Республика) - аспирант, младший научный сотрудник отдела теоретических исследований в области искусственного интеллекта, Государственное учреждение «Институт проблем искусственного интеллекта» (ГУ «ИПИИ»)

Токарев Я.В. (Магнитогорск, Россия) - кандидат психологических наук, член-корреспондент МАПН, Генеральный директор ООО «Управляющая компания «Фазтон»

Ушакова Н.Е., (Ярославль, Россия) - кандидат исторических наук, магистр психологии, преподаватель ГУОР по хоккею г. Ярославль

Фаерман М.И. (Ярославль, Россия) - кандидат психологических наук, член-корреспондент МАПН, доцент кафедры консультативной психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Шингаев С.М. – доктор психологических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, заведующий кафедрой психологии, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры психологии образования и педагогики

Якимчук Д. Ю. (Москва, Россия) -аспирантка кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова, менеджер SberTech

Янсон Д. В. (Челябинск, Россия) - магистр психологии, практикующий психоаналитик. Секретарь Регионального Отделения Челябинск Европейской Ассоциации Развития Психоанализа и Психотерапии (ЕАРПП), руководитель Региональной Группы Челябинск Международной Нейропсихоаналитической Ассоциации (NPSA).